



16+

Сергей Еримия

Отголоски тишины

Сергей Владимирович Еримия

Отголоски тишины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42123650

SelfPub; 2019

Аннотация

Роман-беседа, роман-рассказ, роман-общение. Умение говорить, а более всего умение слушать делает человека человеком. Увлекательный разговор с хорошим собеседником это лучший способ узнать что-то новое, почерпнуть для себя массу интересного и познавательного, а уж если он знает о тебе больше, помнит больше чем ты сам! Да, полезно иногда вспомнить все, оглянуться, задуматься. Выслушать, сделать правильные выводы, а может даже попытаться вернуть то, что кажется утерянным безвозвратно.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	23
Глава третья	33
Глава четвертая	47
Глава пятая	56
Глава шестая	62
Глава седьмая	73
Глава восьмая	76
Глава девятая	85
Глава десятая	94
Глава одиннадцатая	101
Глава двенадцатая	108
Глава тринадцатая	116
Глава четырнадцатая	148
Глава пятнадцатая	158
Глава шестнадцатая	170
Глава семнадцатая	178
Глава восемнадцатая	187
Глава девятнадцатая	203
Глава двадцатая	208
Глава двадцать первая	225
Глава двадцать вторая	235
Глава двадцать третья	257

Глава двадцать четвертая	268
Глава двадцать пятая	290
Глава двадцать шестая	300
Глава двадцать седьмая	307
Глава двадцать восьмая	315
Глава двадцать девятая	347
Глава тридцатая	362
Глава тридцать первая	373
Глава тридцать вторая	383
Глава тридцать третья	392
Глава тридцать четвертая	414
Глава тридцать пятая	430
Глава тридцать шестая	441
Глава тридцать седьмая	447
Глава тридцать восьмая	458

Синеглазому Вдохновению с благодарностью

Глава первая

Раскатистый с нарастающей громкостью звук медленно расползся в ограниченном каменными стенами пространстве. Усилился он, исказился, многократно преломляясь и пересекаясь со своими отражениями. Чутьочку поплутал в узком коридоре и угрожающим рокотом протиснулся в щель неплотно прикрытой двери. Просочился в тесную келью, проник в напряженное сознание...

Лишь долю секунды новый звук просуществовал. Стих он, сник, растаял. Осталось только осознание того непреложного факта, что был он, существовал, пусть лишь секунду, пусть лишь мгновение.

Скрип, разум моментально идентифицировал звук и тут-таки взялся за выявление его источника. Медленно, нехотя, через силу, зашевелились мысли, будто и сами они поскрипывали, ползая в неповоротливом сознании. Так пролетела минута, за ней еще одна. Получилось. Воображение нарисовало картину, нечеткую, неяркую, но такую понятную, такую долгожданную – этажом выше в глубине коридора отворилась дверь. Дубовая дверь кельи настоятеля. Наконец-то!

Никто не смог бы точно сказать, как долго молодой монах ждал этого часа. Сколько времени прошло, сколько секунд промелькнуло, минут, часов. Да и бессмысленно считать время. Сколько бы его ни было, ушло оно, сплыло, все

до последнего мгновения, его уже не вернуть.

Брат Иоанн плотнее прижался к холодным камням, из которых умелыми руками каменщика была сложена его келья. Он все услышал, все понял, все осознал. Теперь оставалось только ждать.

Продолжение. Вслед за скрипом, растворившимся в дремотной тиши монастыря, послышались еле различимые шаги. Медленные, размеренные. Они приближались. Они становились отчетливее. Ближе они. Шаг, мгновение, еще шаг...

Скоро через неплотно закрытую дверь в крошечное помещение проскользнет мерцающий лучик света, заглянет внутрь, пробежит по стенам. Да, так все и будет, ведь это оно, это начало! Дверь настоятеля так просто не скрипит, это верный признак того, что он вышел на ежевечерний обход. Вышел лично проверить все закутки просторных монастырских строений и не останется ни одного пусть даже самого укромного уголка, в который не проникнет его внимательный взор. Традиция это, устоявшийся ритуал, повторяется он изо дня в день, в любую пору, при любой погоде, в одно и то же время. Вчера так было, позавчера так, потому и сегодняшней вечер не станет исключением. Не бывает исключений в размеренной жизни монастыря. Все подчинено правилам, все должно идти своим чередом...

Молодой монах замер. Для него перестали существовать витающие в коридорах скрипы и шорохи. Кажется, даже ве-

тер, который уже несколько часов громко и тоскливо завывал за толстыми монастырскими стенами и тот умерил свой пыл, успокоился, приутих. Лишь два звука по-прежнему звенели в сознании юноши, один – легкие, еле различимые шаги настоятеля, который приближался к его келье, второй – пугающе громкий стук его собственного сердца. Вот и сердце замерло. Застыло. Меж редкими его ударами проносилась вечность. Звук сердцебиения уже не слышался, он ощущался, чувствовался еле различимым нитевидным пульсом. Но и это не успокаивало. Страх сковал волю. Страх не отпускал, сводил с ума, заставляя верить в то, что даже столь ничтожный отзвук сердечных сокращений сможет выдать его присутствие и что намного страшнее – его намерение.

Тем временем мерцающий огонек свечи поравнялся со щелкой меж дверью и рамой, лишь на мгновение осветил противоположную от входа стену, узкой полоской света пробежался по белому как мел лицу, вырвал из темноты маленькое зарешеченное окошко и тут же погас. Еще секунду, казалось, на толстых прутьях, отполированных руками монаха, играл неверный призрачный огонек, но вот и это видение исчезло. Келья погрузилась во мрак. В непроницаемую тьму безлунной ночи.

Средь порожденной мраком тишины родился новый звук – брат Иоанн громко выдохнул. То звук надежды, отзвук облегченья...

Минуло еще несколько бесконечно долгих секунд, пока

он наконец-то решился пройти те три шага, что отделяли его от дверей. Застыл у порога, прислушался, решился, высунул голову, выглянул в коридор. Осмотрелся. Все было так, как и должно было быть, так, как он и предполагал – в десятке метров от кельи покачивался темный силуэт настоятеля подсвечивающего себе свечой.

Иоанн еще раз выдохнул – все хорошо, его не заметили...

Стараясь двигаться бесшумно, он прикрыл дверь, вернулся к стене с зарешеченным окном, сел на пол, прикрыл глаза, глубоко вдохнул, медленно выдохнул. Самое время прийти в себя, восстановить дыхание, отдохнуть, успокоиться. Он заслужил, ведь он старался. Да и удача не подвела, улыбалась она лучезарно. Ее улыбка породила надежду, веру в успех, с нею крепла уверенность: он сможет, он справится, да иначе и быть не может! Правда, это будет несколько позже, сейчас же единственное, что ему на самом деле необходимо – короткая передышка, покой в награду за мгновения парализующего страха.

Так было всегда – после осмотра монастырских помещений настоятель уходил к себе, и до сих пор не было случая, чтобы он ночью покидал свою келью, расположенную на верхнем этаже. Всегда так было. Он поднимался по лестнице, минутой позже слышался щелчок замка (келья настоятеля это одно из немногих помещений, которые запирались) и с этим звуком смолкали все шорохи – монастырь засыпал. С того момента единственным человеком в обители божьей,

который продолжал бодрствовать, был привратник – пожилой мужчина, охраняющий вход на территорию монастыря. Но его каморка находилась далеко у самых ворот. Иоанна он точно не увидит. Но даже если и увидит, ничего страшного не случится. В его планы мог вмешаться только настоятель, только он один.

Вот и он, столь долгожданный момент! Знакомый скрип, с ним отчетливый щелчок. Громкий щелчок, звук просочился в приоткрытую дверь, такой звонкий, такой ясный, словно запираемый замок был не где-то наверху, а в двери соседней кельи, может, и того ближе.

Дрожь пошла по телу. Это все звук, такой ожидаемый, желанный и пугающий. Сердце екнуло, встрепенулось испуганной птицей и тут же затихло, замерло, успокоилось. Иоанн справился, прогнал страх, загнал его в самые глухие закутки сознания. К чему испуг, к чему волнения, ведь все идет по плану, теперь дело за малым, теперь надо просто подождать. Ждать недолго, часа два, может чуточку дольше...

Уже без малого год прошел с того дня, когда Иоанн, приняв постриг, посвятил свою жизнь служению Господу и поселился в монастыре. За это время он познал много чего. И не только того, что было связано с ежедневными обязанностями. Нехотя, он изучил характер и привычки каждого из так многочисленных своих братьев. Хорошо ориентировался в монастыре и его окрестностях. Немалое количество монотонных дней исполненных однообразных действий приучи-

ли его к распорядку. Проповеди научили видеть замысел божий во всем происходящем, любить жизнь, понимать природу. Он начал осознавать ценность каждого мига, его уникальность и неповторимость. С этим пришло чувство времени, умение ощущать неуловимое его движение. Полезный навык, особенно в обители божьей, в стенах которой имелись единственные часы, большие настольные позолоченные. Надежно спрятаны они, стояли на полочке в келье настоятеля, в помещении, вход в которое для большинства монахов был закрыт. Закрыт, да и ладно, не нужны были юноше никакие приборы отображающие бег минут, научился он ориентироваться по гулким ударам колокола, а отмерял промежутки времени, считая удары своего сердца.

Да, сердце – лучший хронометр, но не сейчас, отказывалось оно ему помогать. Собственные внутренние часы, дарованные самой природой, те, что еще совсем недавно добросовестно отсчитывали секунды, дали сбой. Сердце подводило. Не было в его работе размеренности, постоянство куда-то ушло. То бешено колотилось оно, то наоборот, замирало, останавливалось. Никакой тебе точности. Приходилось полагаться на удачу. Но почему нет! Ведь до сих пор они лишь благосклонно улыбались!

Прошло время, как решил Иоанн, те самые отведенные себе ним самим два часа. Блеснула мысль, порождая уверенность – пора! Утвердительно кивнул, полностью соглашаясь с самим собой, оттолкнулся спиной от стены, резко поднял-

ся. Ступил несколько шагов. Беззвучно прокрался к двери. Аккуратно, дабы не дать возможности скрипнуть тронутым ржавчиной петлям, толкнул тяжелую створку. Переступил порог и вздрогнул, так отчетливо ощущалось – теперь обратного пути не будет. Он ступил тот шаг, который разделил его жизнь на «до» и «после». Свершилось это, и ничего уже не изменить, ничего не исправить.

Боязливо огляделся, застыл, затаил дыхание. Никого вокруг, одна лишь тишина, а с нею мгла ночная. Ни звука не слышать, вот только ветер, но ведь он не в счет...

Иоанн снова задумался. С раздумьями вернулось и сомнение. Отвратительное чувство наполнило сознание, грозясь вытеснить уверенность, позволить страху выбраться на волю. Колебался он, медлил. Привыкшие к полной темноте глаза поглядывали то на еле различимый проем двери кельи, то в темноту длинного коридора. В келье оставалось то, к чему он так привык, но там впереди во тьме скрывалось то, к чему он так стремился! От промедленья становилось только хуже. Нарастало напряжение, крепи сомнения. Надо было решаться. Надо было идти. Сейчас или никогда. И он решился. Собрался с духом, медленно шагнул в том направлении, в котором недавно шел настоятель. Заставил себя поднять ногу, ступить шаг, еще, еще один. Туда, к лестнице, на ступени и вниз.

Отступили сомнения, уверенность праздновала победу... С особой осторожностью монах прокрался мимо соседней

кельи. Сквозь приоткрытую дверь доносился громкий храп. Юноша непроизвольно улыбнулся, то храпел брат Тимофей, именно ему приказано было стеречь Иоанна и не сводить с него глаз. Это оказалось не самым легким заданием на свете. Достаточно было двух капелек зелья, переданного Пелагеей и все, охрана мирно дремлет!

На ступеньках он замешкался. Простоял целую минуту, прислушивался, желая лишний раз убедиться в том, что все немногочисленные обитатели монастыря спят. Успокоился. Все нормально. Ни звука не нарушало сдобренную непогодой тишину. Начал спускаться. По лестнице, вниз, на первый этаж.

Пятнадцать ступеней. Ноги почувствовали ровный каменный пол. Отлично! Иоанн свернул направо и еще медленнее, нежели ранее, вытянув вперед руку, словно лишенный дара видеть, направился вперед. Дабы успокоить нервы, попытался сосчитать шаги, но скоро сбился. Ведь счет неважен, важна только цель...

Вот рука коснулась шершавого дерева. Грубые доски. Дверь. Та самая дверь! Дверь, ведущая в подвал. Да, конечно, она всегда заперта. Вот и сейчас большой, огромный замок надежно стерег монастырские тайны. Тупик? Нет, ничто уже не могло остановить решительного юношу. Еще бы, он ведь подготовился!

Секундное дело – рука нырнула в складки мешковатой рясы и извлекла из потайного кармана ключ. Ранее тот висел на

поясе настоятеля, но уже два дня как переключился к Иоанну. Нет, это никакая не кража, это исключительно для дела!

Ключ. Большой, под стать замку, блестящий полированной бронзой, странно, но он блестел даже абсолютной темноте. Что это? Волшебство? Знак свыше? Предупреждение?

Поворот, еще один. Щелкнул механизм. Дужка, высвобожденная из паза, глухо лязгнула. Еле слышимый звук разлетелся по пустому залу и отголосками вернулся обратно. Смешался он, усилился многократно. В звоне металла слышались нотки смеха. Не веселого смеха, не задорного, а страшного и пугающего. Вот только молодой монах не обратил внимания на металлический хохот. Ему было не до того. Он уже спускался по скользким ступеням вниз, в глубину подземелья.

Просторный подвал. Огромное помещение, занимающее все пространство под зданием. Большая его часть являла собой одну огромную комнату с множеством расположенных ровными рядами колонн. Наверняка ранее это пространство не пустовало. Скорее всего, было заставлено разнообразными бочками, мешками, ящиками. Всевозможными запасами, дарами природы, вином, возможно, фруктами, иным продовольствием. Теперь же не было ничего. Пустота. Лишь колонны, строй колонн, теряющийся в абсолютной темноте.

Все так же осторожно ступая, Иоанн шел к своей цели. Вытянутая вперед рука то и дело наталкивалась на каменные столбы, которые, потому как он сам того не подозревая дви-

гался зигзагом, казались расположенными в полном беспорядке. Колонны, он натыкался на колонны, каменные, шероховатые с множеством царапающихся, словно коготки ужасных тварей, острых зазубрин. Некоторые из них на ощупь казались покрытыми влагой, а может и слизью, прикосновения к липкой влаге порождало брезгливые мысли, давило на разум и будоражило воображение. Накатывала новая волна ледящегоо душу страха. Она накрывала его с головой, сковывала движения, населяла сознание мерзкими чудовищами...

Лишь почувствовав пальцами дерево, он смог справиться с собой и отогнал прочь, старающихся завладеть его разумом, монстров. Дверь, вот она его цель! Осталось только определиться, найти ту, нужную.

Двигаясь вдоль стены, он прошел в дальний угол помещения, внимательно ощупывая каждый фрагмент стены, направился в обратный путь, принялся искать нужный вход. Если считать от левого угла, тот должен быть четвертым.

Искомую дверь он узнал сразу, не помешала даже крошечная мгла, заполнившая просторное подземелье. Та дверь разительно отличалась от трех других, которые ему пришлось ощупывать. Если на тех чувствовалась шершавость дерева, ощущалась слизь неизвестного происхождения, а с ней и влага, то эта была совершенно другой. Гладкая, будто полированная поверхность. Чистая. Ни влажности, ни пыли, ни шероховатостей. Идеально ровная, оттого манящая, и одновременно отталкивающая.

Руки поднялись выше, пальцы нащупали маленькое с решеткой окошко просто посередине деревянной плиты. На мгновение задержались, коснувшись гладкого и чистого, как вся дверь металла прутьев. Если сомнения и были, то теперь они окончательно развеялись. Дверь с окошком одна, остальные глухие. Она это, конечно, она! И дело не в гладкости, не в окошке, даже не в счете, дело в ощущении. Странном, непонятном, непередаваемом. Уж очень хотелось прикоснуться к ней, хотелось трогать ее, гладить, ощущать ее идеальную, будто полированную поверхность, хотелось, невзирая на то, что, казалось, чистота запретной двери оставляет на руке след. Темный, густой, мрачный. След преступления. След непослушания. След отступничества.

Когда-то давным-давно дверь была надежно заперта. Об этом свидетельствовали массивные железные кольца. Наверняка был и замок, под стать им. Запирал он комнату, а с ней и ее секреты. Только не в этот раз. Пелагея не ошиблась. Вход был открыт, проход свободен. Вот только входить...

Входить в подвал, а в особенности в эту комнату, запрещалось под страхом отлучения. Серьезное наказание, да и последствия могли быть... Иоанн замер. В нем еще боролись суеверный страх с решительностью идти до конца. Решительность победила. С маленьким, практически невесомым перевесом. Решился. Он толкнул дверь и, дабы не дать себе шанса передумать, перескочил через низенький порожок. Дверь позади него с громким стуком захлопнулась.

О комнате этой запрещалось даже говорить. Но что поделать, если запретная тема тем и интересна, что запретна. Монахи, которые постарше, да умудренные опытом, шептались, что когда-то давно, еще в те времена, когда история обители только начиналась, это тесное помещение служило кельей отступнику Евлампии. Давным-давно он был в числе тех, кто заложил краеугольный камень в фундамент будущего монастыря. Со временем стал и его настоятелем. Потом, как говорили, он продал душу дьяволу. Разные назывались причины столь богопротивного поступка, разные выдвигались гипотезы, неважно это, в любом случае овладели ним демоны. Говорили, сам Патриарх лично приезжал, не один день читал молитвы в попытке изгнать бесов, которые вселились в некогда божьего человека, но все безрезультатно. Не отдали демоны своей добычи. Лишь глумились они над потугами экзорцистов, принуждая уста божьего человека выкрикивать богохульные слова.

Многие пытались, многие старались, но результата все не было. Единственное, что оставалось монахам, так это запретить умалишенного в темной келье глубоко в подвале, оставив ему лишь несколько свечей и молитвенник. В первую же ночь он сжег книгу, пытался даже поджечь себя, но запах гари быстро распространился в монастырских помещениях. Пожар погасили. Свечи, да и вообще что-либо кроме пищи давать ему перестали. Так он и просидел до самой смерти в сплошной темноте, лишенный света и человеческого обще-

ства.

Так говорили. Документы, которые могли бы пролить свет на столь ужасное происшествие, быстро затерялись, а тем, кто еще помнил безумца, наказано было молчать. Но все-таки попытка стереть из памяти людской имя богоотступника не увенчалась успехом. Его помнили. Еще долго монахи шептались в темных углах, пересказывая друг другу подробности сделки с дьяволом. Шептались, но старались не упоминать его имени. Ведь кто знает, что случилось со слугой Господа, который не смог устоять пред искушениями величайшего врага всего сущего! И кто знает, какая кара может постигнуть того, кто не сдержится и некстати о нем вспомнит, промолвит вслух проклятое имя. Кто знает...

Брат Иоанн оглянулся. Коснулся двери, убедился в том, что она закрыта, присел на корточки. Извлек из-под рясы огарок свечи, трут и огниво. Руки отказывались подчиняться, дрожали пальцы, но несколькими выверенными движениями удалось-таки высечь искру. Неимоверно ярко среди тьмы вспыхнул огонек свечи. Вот это да! От того, что увидели глаза, юноша вскрикнул и пошатнулся. Дрогнули руки, молодой монах чуть не выронил единственный источник слабого света.

Говорили, брат Евлампий умер спустя месяц после того, как его живьем похоронили в этом каменном мешке. Теперь монах понимал почему. Как тут не поймешь, ведь все стены кельи, все без исключения, были разрисованы! Мерзкие

картинки, страшные письма. Несколько непонятных символов просто на потолке, нависали они, будто и не нарисованы вовсе. Будто объемные они, а то и вовсе живые. Пусть сколько бы времени не прошло, сомнений не оставалось – все рисунки выполнены кровью, кровью отступника. Да, об этом Пелагея не упоминала, но, наверняка, знала. Она ведь многое знает. Скорее всего, она боялась. Боялась того, что Иоанну не хватит смелости, если он будет знать всю правду. Не хватит мужества. Возможно, она и права. Кто знает...

Время! Довольно легко удалось заставить разум выдать план монастыря: высокая ограда, основные строения, ворота. Воображение, которое сильнее всяких страхов, быстренько набросало подобие карты да еще вверху пририсовало розу ветров. Иоанн произвольно улыбнулся, что ж ему всегда нравилось фантазировать, а это, оказывается, не такое уж и бесполезное занятие!

Быстро сориентировался. Да, это вон там в дальнем углу, именно в ту сторону движется солнце. Там запад. Ему туда. Он подошел ближе. На стене виднелся большой рисунок, больше других, четче других, страшнее других, вот только паутина мешала рассмотреть его детально. Потрудились пауки, скрывая стены, пряча от редких посетителей подземной кельи и без того темный угол. Срывать руками мерзкую липкую паучью сеть не хотелось. Брезгливость взбунтовалась. Юноша поднес горящую свечу.

Паутина загорелась, вспыхнула ярким пламенем, запыла-

ла, осветив, нанесенное на стену изображение.

Там, чуть не в человеческий рост, на удивление реалистично, изображено распятие. Четко, ярко, пугающе. Настоящее распятие, вот только перевернуто оно. Крест чутьочку наклонен, тело на нем перекошено, голова неестественно вывернута в сторону, ноги грозятся свалиться, упасть, невзирая на мощные гвозди, вбитые в них...

Иоанн отошел на два шага назад и поднял руку, дабы осенить себя крестным знамением. В его душе с новой силой разрастался страх. Распустил он свои липкие щупальца, нашептывал свои липкие слова. Промелькнула мысль о том, что не все еще потеряно, что можно вернуться, позабыть обо всем, сбежать, но тут пред глазами возникло прекрасное лицо Пелагеи, ее небесно-синие очи молили о помощи, губы двигались, словно читали молитву...

Так и есть, молитва! Вот то, что ему сейчас необходимо! Вот то, что ему поможет. Молодой монах принялся декламировать «Отче наш», но слова, которые всегда успокаивали и придавали сил, сейчас звучали глухо и даже несколько угрожающе. Захотелось закрыть глаза, заткнуть пальцами уши и бежать, бежать, как можно дальше.

Испугавшись собственного голоса, он умолк. Помолчал минуту. Громко вдохнул, выдохнул, собрал в кулак последние силы, попытался придушить ростки страха. Кажется, получилось. Да, получилось, все, он готов, он решился. Как иначе, не отступить же! Особенно теперь, когда большая

часть пути пройдена, когда остался только шаг!

Иоанн подошел к нарисованному кровью распятию, стал на колени, закрыл глаза. Попытался вспомнить те слова, которые нашептывала ему прелестница с синими глазами, но не смог. Разум отказывался помогать. Тогда он пошарил под рясой, достал изрядно смятый клочок бумаги. Расправил, поднес к пламени свечи. Взглянул. Вздрогнул. Да, это именно то, что он должен произнести, заставить себя произнести...

За толстыми стенами продолжала бесчинствовать непогода. Ветер словно мифический великан вырвал с корнем огромный дуб, который разросся посреди двора, поднял его в воздух, закрутил и швырнул в стену. Стена выдержала, только цветная мозаика да разноцветное стекло, ранее составлявшее удивительной красоты витраж, обсыпались в монастырскую трапезную.

Всего этого Иоанн не слышал. Он был занят, он вслух выговаривал запретные слова. С каждым звуком его голос крепчал, заполнял тесную келью, отражался от ее стен, усиливался во стократ, казалось, еще немного и эти звуки, которые звучали то угрожающе, то наоборот, успокаивающе, вырвутся на волю, заполнят монастырь, да что там монастырь, весь мир...

С запада и с востока навстречу друг другу летели два облака, нарушая все законы природы. Оба одинаково черные и оба одинаково огромные. Внутри каждого из них полыха-

ло ярчайшее пламя молний. Просто над колокольной они сошлись. Воздух наполнился электричеством. Раздался страшный грохот. Раскат, еще раскат. Среди оглушительного шума, с каждой секундой крепчая, отчетливо звучал властный голос, запретные слова, что страшнее любого грома.

Привратник, единственный, кому судилось выжить, тут же потерял слух. Не выдержали барабанные перепонки тяжести черной речи, усиленной дыханьем грома. Оба же облака объединились, слились в одно, смешалось пламя, бушевавшее в них. Смешалось и вылилось на землю. Выплеснулось, невиданных размеров молнией, нижний конец которой влетел просто в колокольную. Камни разной формы и разных размеров, которые были сложены в высокую башню, разлетелись во все стороны. Колокола мгновенно расплавились и бронзовым дождем пролились на землю.

Разрушив колокольную, молния миновала три этажа некогда величественного сооружения, разбросала огромные каменные плиты пола и угодила просто в распластанное тело брата Иоанна, который, читая, все ниже склонялся под неподъемной тяжестью запретных слов.

Моментально все стихло. Сквозь тишину прорвался крик отчаянья, но и он также растворился в густеющей тишине...

Глава вторая

– Лет этак сто монастырь пустовал. Вернее камни, которые от него остались, лежали, никем не побеспокоенные. Говорили, там, среди руин можно было отыскать сокровища, которые якобы копили монахи на протяжении веков, но если кто и решался искать, я не слышал, чтобы что-нибудь находили. Так что местность эта долгое время оставалась пустырем, примерно до середины восемнадцатого века. Именно тогда один польский промышленник, некий граф Варшавский, не знаю что это: фамилия или указание на то, что родом он из Варшавы, не могу сказать точно, занялся обустройством этих территорий. Изначально в построенных ним зданиях располагалась мельница с приводом от паровой машины, после чуть не маленький завод. Еще позже, ближе к нашим дням, пришел год девятьсот семнадцатый, тут все понятно. Революция, «Власть советам!», и тому подобное. Большевики, зачем-то пытались снести эти строения. Может, хотели найти спрятанное монастырское золото, а может, какие другие имели на то причины, не скажу. Тем не менее, ничего у них не получилось. Как видите, стоят и поныне. Пережили революцию, две войны. Может, камень монастырский, из которого они большей частью сложены, оберегает. А может, что-то еще, не столь мистическое, не знаю...

Я умолк и поднял глаза на своих друзей. Все внимательно-

но смотрели на меня, не иначе как ожидали продолжения. Но знаешь, я из тех людей, которые мало того, что не умеют рассказывать, так еще и не привыкли к излишнему вниманию. Увы, не душа я компании! Теряюсь, волнение, краска. Вот и в тот раз стоило мне умолкнуть, как почувствовал, что начинаю краснеть. Благо поздно было, изрядно потемнело и в неверном свете костра ничего этого не заметно.

Наш старший менеджер, Игорь, демонстративно зевнул, протянул руку к ящику, извлек из него бутылку пива, откупорил, отпил и авторитетно заявил:

– Сказки все это. Откуда информация?

– Скорее всего, ты прав. Эту сказку, или легенду, мне в детстве бабушка рассказывала. Я ведь вырос неподалеку. Вон там на противоположном берегу виднеется мой дом. Виднелся бы, днем, но уже почти ночь, так что...

Большинство из компании последовали примеру Игоря и потянулись за прохладным хмельным напитком. Вот, собственно, и все. Прошел мой звездный час, промелькнул и скрылся, не воротится он уже, пусть даже мне удастся что-нибудь, сколько-нибудь интересное вспомнить, никто меня слушать не станет.

Я посмотрел прямо перед собой сквозь костер, сквозь беспокойные лепестки живого огня. Странно, но на меня по-прежнему смотрела пара глаз. Больших, прекрасных и глубоких. В их бездне чертиками поблескивали язычки пламени, взывая к первобытным инстинктам, притягивая и не да-

вая отвести взгляд. Конечно, поздним вечером, в надвигающейся темноте, цвет глаз не различить, но я прекрасно знал – эти глаза цвета вечернего неба. Такого глубокого, бездонного и безграничного. Синего, густого, завораживающего и манящего. Да что там цвет! Я знал о них все и ради них мог сделать все. Все что угодно, не мог только подойти и заговорить с очаровательной девушкой, украшением которой они являлись. С Дашей...

Новенька она у нас, всего несколько дней назад устроилась на работу, секретарем нашего Питекантропа, в смысле Александра Геннадьевича, нашего директора. Прозвище, говоришь, не директорское? Не соглашусь. Да и «Питекантроп» это не столько его прозвище или там кличка, сколько его сущность.

Правда, так и есть! Но по порядку, значит, по порядку...

Началось все с того, что наш прежний директор вышел на пенсию. Идеальный был руководитель. Мечта любого офисного работника! Он не понимал, чем занимаемся мы, а мы понимали, чем занимается он. В том смысле, что он сам ничего не делал, но и нам не мешал трудиться. И что поразительно – работа шла! Планы перевыполнялись. Фирма прибыль получала, коллектив – премии. Нам спокойно было и ему, я более чем уверен, неплохо. Кроме того, не было этой нынешней излишней инициативности. Не было добровольно-принудительных походов. Монотонно было все, стабильно, предсказуемо. А теперь, что ни выходные, так получите

– то театр, то выставка, то еще что-то подобное. Нет, мы бы наверняка и не возражали, если бы это шло от нас самих. Чтоб было все в истинно-добровольном порядке...

Я хотел сказать, что завел наш новый директор такую вот практику – в выходные, весь коллектив обязан участвовать в культурном мероприятии. В любом, на выбор, на выбор... директора.

Вот первый такой культпоход – исторический музей. Конечно шеф с нами. Куда без него! Не буду возражать, много интересного увидели, познавательного много. Кое-кто даже знаний набрался. Я, к примеру. Но дело не в знаниях. Добрались мы, значит, до центрального экспоната музея – питекантропа, не живого, бутафорского, но эффектного. Стоит, представь только, посреди зала, чуть наклонившись вперед, в правой руке топор каменный над головой занесен. Левая, за спину спрятанная, камень сжимает. Наверняка поохотиться решил, а то и вовсе на тропу войны вышел.

Полюбовались мы на него, с одной стороны посмотрели, с другой, и тут наш шеф, представляешь, становится рядом, также руку над головой заносит и зубы скалит, точно как тот, экспонат который! Как тебе картина? Точно! Стоят два доисторических человека. Просто одно лицо! Правда, нашего легко узнать. У его далекого предка живот гораздо меньше был. Что поделаться, ему ведь за обедом побегать приходилось, не то, что нашему!

С этого все и началось. Питекантроп стал «Питекантро-

пом», а мы, то в театр, то в кино, то в музей, то на выставку. Словом, хочешь, не хочешь, можешь, не можешь, а принимай участие в коллективном мероприятии. Собственно и в тот раз у костра мы выполняли распоряжение директора, но тогда очень даже приятное. Это я посодействовал! Как-то при случае намекнул, что эта мельница, руины эти, памятник архитектуры. Надо, мол, коллективом съездить. Ознакомиться. Он согласился, а остальное мы уже на месте додумали. Благо магазинов полно. Что сказать, получилось здорово. Шашлык на природе, может ли быть что-то лучше? Разве только то, что наш Питекантроп не смог присоединиться к коллективу. Это да, иначе ни отдыха, ни вот даже пива не было бы!

А все-таки Даша смотрит на меня. Именно на меня. Казалось, встань, подойди, а не могу, будто что-то мешает. Боюсь чего-то. Чего-чего, боюсь, что есть у нее кто-то, а тут такой я! Глупцом боюсь выглядеть! Всего-то. Но странная логика получается, я боюсь, другой кто-то тоже боится. Что я, что другие, думаем, мол, если девушка красивая, она не может быть одинокой. Все так думают, а в результате она одна! Далее можно вывод сделать – красота не гарантия счастья! Хотя, где я, а где счастье...

Игорек подсел ближе. Сейчас начнется. По всему видно, он уже готов доказывать, что я все выдумал. Уже пару-тройку аргументов подготовил, сейчас выдавать будет. По одному. В угол меня загонять начнет. Любимое это у него занятие

– вырвет слово из контекста и потом долго выводы делает. А цель одна, доказать что ты (я в данном случае) лжец, выдумщик и обманщик. И это притом, что я рассказал историю, которая никоим образом не претендует на достоверность!

– Серега, но ты так и не договорил, что там было дальше. Ну, с этим строением, с мельницей вашей.

Не понимаю, что-то он издалека заходит.

– Что дальше? Революция. Помещения некоторое время служили как РТП, ремонтно-транспортное предприятие. Со временем, построили новые корпуса. На противоположном конце города. Более просторные, да и просто более современные. Об этих же на десятки лет забыли. Уже в более обозримом прошлом зародилась идея превратить это место в развлекательный центр, заодно и отреставрировать. Благо территория обширная. Да и помещения для подобного использования подходящие. Видишь, одно здание высокое, в четыре этажа, а вокруг него несколько низеньких, одноэтажных. Помнится, в четырехэтажном должен был разместиться краеведческий музей, кинотеатр на несколько залов, еще развлечения разные детские. В прочих зданиях планировались помещения для кружков. Вокруг всевозможные карусели, аттракционы. Наверняка было бы здорово! Уже и план подготовили, смету утвердили, деньги на реставрацию выделили, но все что успели сделать: подлатали одну стену, да часть крыши перекрыли. Потом районное начальство сменилось и, как оказалось, деньги канули в бездну бюрократиче-

ского аппарата. Так вот и стоит до сих пор...

Я замолчал. Непроизвольно взглянул в том направлении, где еще недавно сидела Даша. Просто напротив меня за костром. Ее не было. Неожиданно позади меня послышался нежный грудной голос девушки:

– Развлекательный центр, здесь? Среди непроходимой чащи!

Я закашлялся и, стараясь говорить спокойно, ответил:

– Конечно. Только если бы проект довели до ума, все было бы по-другому. Никакой чащи, никаких зарослей. Территорию бы облагородили, клумбы, деревья, дорожки. Место здесь очень даже живописное. Просто так получилось, что мы поздно приехали, если бы чуточку раньше, можно было прогуляться, осмотреться. Вон там речушка, она буквально огибает строения, делая территорию округлым полуостровом и...

Недослушав, Даша отошла в сторону. Игнорируя меня, глаза проследили за ней. Увидели, как она удалялась, не спеша подходила к кленовым дебрям, густому строю растущего вдоль стены кустарника, как ее фигурка таяла, растворялась в надвигающихся сумерках.

Выйдя за пределы освещенного пламенем круга, она остановилась и вполоборота обернулась. Ее глаза, в которых по-прежнему блестели отсветы костра, на мгновение задержались на моем лице (а может, мне так хотелось?). Очень медленно она повернулась, склонила голову и исчезла в листве.

Сидящий рядом со мной, Игорь что-то продолжал говорить, но я его уже не слышал. Не до него было, ведь в нескольких метрах от того места, где растворилась в темноте Даша, я видел руку. Она покачивалась в воздухе, словно была не частью тела человека, а просто отдельно висящим объектом. Рука кого-то звала, манила кого-то. Я огляделся, единственным человеком кто мог ее видеть был я. Следовательно, манили именно меня.

Тяжело, словно через силу, я поднялся, пошел следом за девушкой. Вернее, в том направлении, куда она ушла, я ведь ее не видел. Да и не мог видеть, но впереди, всего в нескольких шагах, покачивались ветки и изредка, казалось, виднелась ярко-красная блузка. Казалось, виднелась?

Заросли стали реже. Передо мною из темноты выросла высокая стена центрального здания «мельничного архитектурного ансамбля». Такая высокая, что ее верхушка терялась где-то в ночной вышине, затмевая звезды.

Просто рядом со мною, на расстоянии вытянутой руки, неверным светом подсвечивался дверной проем. Я застыл, с удивлением глядя на его четкие очертания. Странное дело, все мое детство прошло у старой мельницы. Да дня не проходило, чтобы мы с друзьями, будучи детьми, не играли среди руин. Думал, знаю каждый кирпичик, каждый камешек, а тут целая дверь. Как это понять, как такое не заметить?

Мысли двигались медленно, потому очень скоро размышлять надоело. Я ступил на кирпичи, составляющие поро-

жек. Послышался звук, тихий с нарастанием – девичий смех. Смешливые колокольчики безудержного веселья витали вокруг меня. Удивительно приятный звук, но это не Дашин голос, ее несколько ниже и куда нежнее.

Детальнее проанализировать особенности женских голосов различной тональности мне так и не удалось. Вспыхнул ослепительно-яркий свет, но высветил он не развалины, как можно было того ожидать, а жилой интерьер. Не похоже на то, как строят ныне, тем не менее...

Оглушительный грохот, сильный удар, меня отбросило в заросли клена. Последнее что запечатлелось в памяти – медленно гаснущий огонек. Тающий в темноте проем двери. Яркий свет, превращающийся в серый с прожилками камень.

Когда глаза открылись, они увидели меня лежащего на одеяле. Сначала как бы со стороны, затем все ближе, ближе и вот я уже смотрел в пустое ночное небо. Рядом догорали остатки костра. Тихо шумел мотор микроавтобуса. Его подфарники висели в темноте и тусклым свечением озаряли полянку. Надо мною склонились лица. Такие знакомые, близкие, почти родные. Вот, вижу: Игорь держит меня за руку, пульс нащупывает. Ольга влажной салфеткой вытирает мое покрытое испариной лицо.

Попытался приподняться. Почти получилось. Оля испуганно вскрикнула, но сразу облегченно выдохнула:

– Ну и напугал ты нас! Что случилось?

Я огляделся:

– А где Даша?

– Так у тебя свидание было? – Игорь с насмешливой полуулыбкой посмотрел на меня. – В следующий раз предупреди!

– Какое там свидание? Я спрашиваю, где Даша, секретарша нашего... Питекантропа?

На этот раз уже все лица с выражением искреннего недоумения смотрели на меня. Ольга коснулась моего лба и серьезно заметила:

– Температуры, кажется, нет. Сережка, что случилось? Какая секретарша у Питекантропа? Откуда взялась? Да и просто, зачем она ему нужна! Не иначе как ты здорово ударился. Ничего, отдохнешь, отлежишься, пройдет. Нам пора, машина давно ждет. Едем!

Я пытался сопротивляться, но мое сопротивление выразалось больше в словах, нежели в действиях. Тело меня слушаться не желало. Так что часы еще не отмерили и пяти минут, как автобус, громко чихнув выхлопной трубой, тронулся. Силы окончательно покинули меня. Я уснул.

Глава третья

Чувство полета! Разве может быть что-нибудь лучше него?

Сам спросил, сам и отвечаю – может, безусловно, может! Чувство свободного полета, вот оно ни с чем несравнимое ощущение! Подымаешься вверх. словно крылья широко расставляешь руки. Паришь. Прносишься над бескрайними земными просторами. Там, внизу под тобой, широкие поля сменяются темными густыми лесами. Синими лентами, петляя на лоскутном одеяле лугов, блестят реки. Зеркалами сияют ровные водные глади прудов и озер. Все это твой мир, твоя земля. Все радует глаз, все поражает великолепием. Абсолютно все: буйство красок и бесконечность просторов, высота гор и пропасть ущелий. Все радует, все удивляет, но особенно – морская гладь! Более всего она. Такая разная и такая прекрасная. Иногда спокойная, прозрачная до самого дна, а большей частью бурная, мутная и неугомонная. Высокие увенчанные белыми бурунами волны рождаются из ниоткуда и несут свои воды в никуда...

Моря не видно. Жаль немного. Но ведь подо мною проплывают широкие зеленые поля, а это тоже красиво! Внизу, сколько видят глаза, простилается зеленая равнина, ее западный край упирается в густой лес, который с высоты полета кажется черным. Восточный же, просто теряется за гори-

зонтом, словно нет его, словно никогда не было, словно поле свежей зеленой травы и вправду бескрайнее.

Я спустился ниже. Так для разнообразия. Очертания стали отчетливее, увиденное понятнее, детали ярче. Во всей своей красе предстала опушка леса. Легко различить отдельные деревья.

Люблю я лес, не так как море, но все-таки. Вот почему бы не поддаться соблазну и не слетать туда?

Пейзаж стремительно меняется. То, что с высоты казалось густыми кустами, окаймляющими лес, обернулось многочисленным войском. Ровными рядами стояли всадники, держа в руках длинные копья. За ними разделенные на когорты пехотинцы. Их ровные прямоугольники покачивались, шевелились, будто огромная машина войны дышала и вздыхала в предвкушении скорой битвы.

Облетел я войско. Благо это несложно. Достаточно лишь захотеть, даже крыльями-руками взмахивать не нужно. Ведомое одним лишь желанием, тело само летит туда, куда я ему приказываю. Глаза смотрят туда, куда я хочу, чтобы они смотрели. Просто идиллия! Одно лишь любопытство упорно не желает мне починиться. Так и старается сбить меня с курса, требует притормозить, задержаться, зависнуть на месте. Подсчитать ему хочется, сколько воинов внизу, тысячи, десятки тысяч? Вот нечем ему более заняться!

Еще ниже. Спустился ниже. Так гораздо лучше видно. Четче все стало, детальнее. Казалось, самое время любопыт-

ству заняться своими подсчетами, мне не мешая, так нет же, не хочет. Другая у него блажь, свежая, в другую сторону нацелилось оно неугомонное, поманило меня от леса, туда, во фронт, поддался...

Там, перед строем, теперь уже просто подо мной виднеется маленькое темное пятнышко. Человек? Да, но это лишь сверху он кажется маленьким. Что-то мне подсказывало, что стоит немного приблизиться, спуститься ниже, и он превратится в того, кем и является на самом деле – в настоящего богатыря-исполина.

Да, так и есть! На целую голову выше любого из своего воинства. Плечи широкие особенно широкие от металлических лат, защищающих живую плоть. Руки богатырские, ноги, широко расставленные, будто выросли во влажную почву! Глыба, закованная в металл, а не человек! Изваяние! Памятник былинному богатырю. Стоит он, выпрямившись, опирается обеими руками на рукоять большущего меча, воткнутого в землю. Стоит и с выражением несокрушимого спокойствия на сосредоточенном лице смотрит вдаль на линию туманного горизонта.

Картина начала терять статичность. К исполину подошел один из солдат. В руках у того белый стяг с изображенным на нем красным замком. На фоне огромного полководца знаменосец выглядит ребенком. Щуплым, беззащитным. Великан наклонился к юноше и внимательно того выслушал. Степенно кивнул, а когда тот отошел, поднял глаза к небу. Его губы

что-то прошептали.

Тем временем линия горизонта потемнела. Казалось, туча темная подступает, вот только не по небу движется она, а по земле ползет. Мгновение и она приблизилась, остановилась, начала редеть. Пыль, а туча оказалась не чем-то воздушно-эфемерным, а облаком густой черно-серой пыли, улеглась. Напротив уже знакомого мне воинства, в сотне метров от его передовых отрядов из сплошной серости проявилось еще одно войско, не менее многочисленное. Пока строилась только конница, а одаль все прибывали и прибывали новые отряды пеших воинов.

В войсках почувствовалось напряжение. Два воинства, два строя, будто две пластины конденсатора, набравшие достаточное количество электричества, грозились выплеснуть в пространство гигантскую искру, мощный поток накопленной за долгое время ярости.

Все шло к тому, все было готово к сражению. Казалось, еще немного, еще чуть-чуть. Вот уже и рябь волнения пробежала по когортам пехотинцев, вот легкая дрожь коснулась конников, знаменосцы высоко подняли свои стяги. Вслед за этими весьма очевидными предзнаменованиями скорых перемен, слегка изменилось и поведение военачальника, одиноко стоявшего впереди своего волнующегося войска. Не беспокоился он, не тревожился, не двигался. Он по-прежнему стоял, опираясь на меч, но теперь, выдавая легкое волнение, его пальцы размеренно постукивали по полусфере эфе-

са...

Из строя прибывшего воинства вышел юноша. Высокий, худощавый. Молодой, скорее, слишком молодой паренек, закованный в тяжелые латы. Он извлек из-за пояса рог, блестящий серебряными пластинами, заиграл. Звук его инструмента возымел действие, заставил он воинов, как своих, так и противников, опустить копья и дружно поднять головы. Далее он что-то прокричал (вот жаль, что я не слышу!). Не иначе как в ответ на его зов, расталкивая передовых солдат своего войска, из толпы прибывших вышел один, под стать лидеру армии неприятеля. Он на ходу надевал сияющий островерхий шлем и энергично вертел головой, разминая шею. Паренек тут же опустил рог и почтительно поклонился. Практически одновременно трубы обоих войск ожили. Трубачи вышли на свободный участок между армиями, выстроились в шахматном порядке, подняли свои инструменты, одновременно вдохнули...

Удивительно, но я слышал музыку. Всего лишь несколько секунд потребовалось для того, чтобы понять, что это за мотив. Вспомнил! Вспомнил и удивился еще больше: как это возможно, почему трубачи древности играют всемирно известную композицию Стиви Вандера?

Вооруженные люди, что готовились к сражению, там, внизу, подо мной, замерли, трубачи опустили трубы, все как один подняли головы и дружно посмотрели на меня. Что это значит, они также удивлены, или просто ждут моего одобре-

ния?

Кажется, я все понял. Никакие это не трубачи. Это кто-то мне звонит и, судя по мелодии, это Оля, ведущий наш бухгалтер.

Стоило мне все понять, как войска внизу растаяли, исчезло бескрайнее поле, пропала опушка леса, померкла насыщенная зелень листвы, выгодно дополненная яркой краской молодой травы. Все пропало, остался только грязно-белый потолок моей съемной квартиры. Будто ничего и не было, будто был лишь только сон...

Нащупал телефон:

– Да, слушаю...

– Сережка! Остановись, имей совесть, я не могу тебя догнать!

Недоуменно смотрю на телефон, который продолжает отчитывать меня голосом Ольги. Может, сон еще продолжается? А может, войска это не сон, а телефон это сон? Кто подскажет? Кто надоумит? Есть желающие?

Нашлись. Помог будильник. Его стрелки упрямо показывали – без десяти восемь, а к восьми я должен быть в офисе! Вот и все понимание...

Нет, полезная все-таки вещь мобильный телефон. Не всегда, правда, далеко не всегда, но часто полезная. Вот, к примеру, идешь куда-либо, видишь далеко впереди знакомого человека, догнать хочешь. Раньше как было? Орешь на всю округу, людей пугаешь и не факт, что тот, кто тебе нужен

услышит. Сейчас же все предельно просто. Набираешь номер, и спокойно говоришь: «А ну стой, я тебя догонять буду!». Надежно и практично. Вот и у нас так заведено. Мне с Олей на работу одной дорогой идти. Частенько друг друга догоняем. В общем, исходя из мутного потока этой странной мысли, получаем нижеследующее – в данный момент Оля кого-то похожего на меня увидела, пытается догнать, звонит, а я...

– Алло Оль, извини, проспал. Я все еще дома. Как-то так...

Дольше размышлять было некогда. Я не столько оделся, сколько впрыгнул в одежду и, не дожидаясь лифта, бросился по ступенькам вниз. Спустившись на четвертый этаж, остановился, будто наткнулся на невидимую стену. Не иначе как окончательно проснулся! Долго же я! Неважно, проснулся это уже хорошо. Сразу же вспомнился вчерашний вечер. Частично. Обратная дорога где-то потерялась в глубинах памяти. Последнее что удалось откопать среди воспоминаний – меня чуть не насильно затолкали в автобус, а уже потом... стоп, Даша!

«Так все-таки, что это было? Или все мне просто приснилось? А если приснилось, тогда что именно? Точно помню, когда я спросил о ней, на меня посмотрели как на... нездорового. Это если мягко выразаться. Очень мягко. Но... – я бросил взгляд на часы – через три минуты мне полагается сидеть у себя в кабинете. Сидеть, работать, а уж точно не

пререкаться с самим собой, стоя на лестничной площадке. – В конце концов, там я во всем и разберусь. Вперед!».

Можно сказать, я не опоздал. Оно и понятно, если пришел на работу раньше директора, следовательно, пришел вовремя. Первым делом, пока гудел, закипая, чайник, следовало сходить и все выяснить. Разобраться, где выдумка, где истина, где Даша...

Налетев на дверь и схватившись за дверную ручку, я застыл. Задумался. А что, собственно, я собираюсь проверять? У нас в офисе и помещения такого нет, в котором могла бы расположиться секретарша. Весь офис это: техотдел, бухгалтерия, магазин, стеклянная каморка – обитель спецов по маркетингу, да мои скромные апартаменты. Ну, еще кабинет директора конечно, но никакого «предбанника» у него нет. К тому же сам кабинет довольно-таки оригинально расположен, практически под лестницей. Сколько народу, кто по ошибке, кто по незнанию, случайно к шефу попадает! А тут еще я с секретаршей! Нет, не на лестнице же ей сидеть?!

«Тогда что это получается, действительно никакой секретарши у Питекантропа нет? Более того, никогда и не было? Но я ведь точно помню – удивительные синие глаза, длинные волнистые каштанового цвета волосы, ослепительная улыбка. Помню, Даша! Верю, было...».

Пока я пытался привести во что-нибудь отдаленно напоминающее порядок свои мысли, мимо меня «просочился» Юрка, главный наш специалист в области стратегии продаж.

Не дожидаясь приглашения, он удобно устроился в моем кресле, обернулся вокруг своей со стулом оси и задумчиво спросил:

– Как ты относишься к утренней чашечке крепкого кофе? Будешь?

Что он имел в виду, понять несложно. Он намеривался угостить меня моим же и мною же приготовленным кофе. Да, изрядно я бы сказал нагловатое предложение, но вполне обыденное. Придется угощать... хотя нет, не придется.

Начать утро ароматным напитком помешал телефон. Вернее, телефонный звонок, судя по характеру звонков, наш, местный, офисный.

Так и было. Звонил шеф:

– Сергей Владимирович, зайдите, будьте так любезны, ко мне!

То, что шеф так вот с самого утра вызывает к себе, ничего хорошего не предвещает. Это истина. Так всегда было и так всегда будет. Во все времена и во всех организациях. Исходя из этого постулата, можно было бы серьезно поразмыслить над сущностью и ролью начальства в целом, но, размышляй не размышляй, деваться некуда, зовут, значит надо идти.

Минуты не прошло, как я вежливо постучал в блестящую полировкой надежную дубовую дверь...

Свою резиденцию шеф обустроил весьма оригинально. Как-то раньше мне не доводилось видеть кабинет директора, в котором был бы только один стул, именно один и к тому

же, именно стул. Почему-то наш Питекантроп не признавал кресел. Спросишь почему? Да кто их директоров поймет! Может, таким вот образом он хотел быть ближе к простому народу, своеобразно так, через пятую точку? Не знаю.

В отношении к подчиненным он также оригинальничал. То, что у него в кабинете был только один стул, вовсе не означало, что он собирался заставлять посетителя стоять, нависая над его директорской головой. Как раз наоборот. Каждый раз он вызывал сотрудников по одному. Каждый раз сам поднимался, усаживал посетителя на свое место, демонстративно вручал тому чистый лист бумаги и ручку. Сам же вышагивал по кабинету и диктовал распоряжения. При этом не забывал регулярно заходить за спину, и, заглядывая через плечо, проверял, правильно ли тот пишет и пишет ли вообще. Лично мне всегда казалось, что я не «на ковре» у шефа, а на экзамене, письменном, на знание орфографии с пунктуацией.

На этот раз директор не собирался делать исключений. Все случилось, как и в былые времена. Получил я листик, получил я ручку...

Представь только, сию я на месте директора и с показным рвением заглядываю шефу в глаза. Конечно, можешь считать меня конформистом, или там подлизой каким-нибудь, как тебе будет угодно, но у меня принцип – никогда не спорить с руководством. Сказали, мол, сделай, и сделай именно так! Надо выполнять. Не надо спорить. Мне прикажут, я и сде-

лаю, вот только сделаю не так, по-своему сделаю, так как я считаю правильным. Вот и все, а спорить зачем? Нервные клетки – вещь ценная, а в особенности свои!

Как и следовало ожидать, шеф начал издалека:

– Вот скажите, как долго вы работаете в нашей фирме?

– Три года, уже четвертый.

– Понятно. Четвертый год пошел. Хорошо. А вы вообще понимаете, чем наша фирма занимается?

К чему это он? Непонятно. Нет, я, конечно же, знаю, что наша фирма, мы в смысле, продаем запасные части ко всему, что только движется. Наверное, можно было прямо так и сказать, но я на всякий случай решил промолчать. Вот молчу себе, только еще внимательнее смотрю в глаза шефу. Я так рассчитывал, что выражение моего лица иллюстрирует большую заинтересованность и желание не пропустить ни единого слова из сказанного шефом. Кажется, я даже рот приоткрыл, не иначе как в крайней степени заинтересованности. Эх, помирает во мне актер!

Удалось. Питекантроп остался довольным. Он кивнул, поднял вверх указательный палец и сказал:

– Конечно, некоторые, так сказать, товарищи, считают, что мы торгуем запчастями, – он внимательно посмотрел на меня, видимо проверяя, не такой ли я товарищ, я еще сильнее открыл рот. – Так я им отвечу – ничего они не понимают! Не понимают они основной цели нашей организации! Мы должны продавать не товар, а что? Правильно. Цель наша –

удовлетворение желаний клиента!

Хоть во мне и шевельнулось любопытство, желание раз-
узнать, что именно имел в виду шеф, но я снова предпочел
промолчать. На всякий случай. Вообще, в разговоре с на-
шим директором, чем больше молчишь, тем оно спокойнее.
А если уж приходится говорить, то ни в коем случае нель-
зя использовать заумные слова, как-то «адекватно» или, что
еще хуже, «эквивалентно». Для него это все равно, что обу-
хом по голове. Помнится я однажды попробовал. По моло-
дости, да по глупости. Оба этих слова употребил, да еще и в
одном предложении! Он сразу как-то сжался, съежился, го-
лову в плечи втянул, даже чуточку меньшим стал. А уже по-
том, через пару дней, когда отошел, вызвал он меня к себе
в кабинет, да давай свое сочинение диктовать, на тему, как
правильно с директорами общаться. Ох, и исписался я тогда,
в хорошем смысле, с правильным ударением, на правильном
слоге...

Тем временем шеф продолжал:

– Ну, это все лирика, так сказать. Вернемся к рабочим мо-
ментам. Вы у нас работаете...

– Программистом, – я решился напомнить, мало ли что,
а вдруг шеф не вспомнит!

– Точно, программистом. Так вот по какому вопросу я вас
вызвал. Мне нужен ежедневный отчет, только не такой, как
тот, что мне бухгалтерия предоставляет, а чтобы был такой
же, только с другой стороны. В другом разрезе, словом, та-

кой, какой бы мне понравился. Думаю, вы понимаете...

Ты понимаешь? Я тоже. Смотрю на него с растерянным видом, только уже не поддельным, а самым, что ни на есть, подлинным.

– Неужели так трудно понять? Ладно, вот возьмите, я набросал на скорую руку. Именно так должно выглядеть то, что мне нужно. Все, хватит отрывать меня от работы, идите уже куда-нибудь! Работать и еще раз работать...

Ничего не оставалось кроме как забрать свой на этот раз на удивление короткий «диктант», листик с писаниной шефа и ретироваться.

Уже у себя в кабинете, распечатав вчерашний бухгалтерский отчет, я прогрузился в пучину размышлений. Долго смотрел на листик, который мгновение назад выполз из чрева принтера, на тот, который дал мне шеф. Хоть покрась меня, в какой хочешь цвет – не вижу разницы. Seriously! Я даже складывал листы и смотрел на просвет – один к одному. Уже собрался было идти в бухгалтерию, может там помогут, как внезапно меня осенило – в тринадцатом столбце в заглавии сокращение, а на листке, который дал мне шеф слово «сальдо» написано полностью! Я мысленно пожал плечами и быстро подправил макет. Распечатал – красота! Что и следовало доказать. Ну, собственно, это все. На сегодня.

Вообще, если объективно, я напрасно наговариваю на шефа. Да если бы не он, мне и вовсе делать было бы нечего. Нашей фирме программист нужен, как собаке пятая лапа, а

может и того меньше. Но заметь, это я так думаю. Вслух подобного в жизни не скажу. Мне ведь зарплата ой как нужна!

Тем временем, пока я изучал особенности бухгалтерской отчетности в отдельно взятой фирме, в кабинет снова вошел Юрка. Он несколько расстроился, заметив, что кресло занято, но быстро сориентировался и уселся просто на стол. Удобно устроился и принялся красноречиво вертеть в руках объемную чашку. Тут уж ничего не поделаешь, если Юрка решил поживиться, его не остановить. И дело не в том, что он, жадный или, к примеру, из тех, кто любит угоститься на дармовщину, нет. Скорее даже наоборот. Бывает, как начнет угощать – не остановишь. Но кофе, да еще и утренний это отдельный разговор...

Глава четвертая

А вообще-то, нет. Не правильно. Не так все было. Началось все не так. Совсем не так, не там, к тому же еще и не тогда. Попробую сначала. К примеру, вот как...

Не помню я того момента, когда все случилось впервые, но если верить родителям, мне тогда еще и года не было. Именно тогда они, даже не поинтересовавшись моим на то мнением, спеленали меня и повезли в первое мое настоящее путешествие. Далеко-далеко на самый, что называется, Крайний север. Безусловно каких-либо деталей того давнего путешествия я не вспомню, не могу вспомнить, но, похоже, они отложились где-то глубоко в памяти, а то и того глубже – в подсознании. Именно тогда, в те давно минувшие дни, возникла, а позже и окрепла пламенная моя любовь к всевозможным путешествиям. Да разве можно их не любить! Правда, неужели кому-то может не понравиться поздним вечером зайти в вагон, удобно устроиться в уютном купе (при условии, что оно действительно уютное!), уснуть под монотонный перестук колес?! Потом, проснувшись утром, увидеть совсем другой город, поселок, просто полустанок, а может старый вокзал, вокруг которого расстроилось небольшое живописное село. Пусть за окном будет бескрайнее поле или густой лес. Может, в то время поезд будет проезжать по мосту, пересекая широкую реку, а может, будет приближаться к

темному и страшному тоннелю. Неважно, абсолютно неважно, что проплывает за окном движущегося состава, гораздо важнее ощущение того, что ты сегодня уже не там, где был вчера, что вокруг другой воздух, другая местность, другие люди...

Конечно, дело не только в живописных пейзажах или успокаивающем перестуке колес. Сама атмосфера замкнутого купе, которое вместе с поездом мчит бескрайними просторами, эта атмосфера, как никакая другая вдохновляет нас временных ее пленников на ту откровенность, которая не может возникнуть ни при каких других обстоятельствах!

Путешествовать мне приходилось много и часто. Из своих многочисленных поездок, еще в годы студенческой юности, я привозил телефоны, адреса очаровательных девушек, просто интересных людей, хотя, как правило, и адреса и телефоны оставались не востребованными. Правда, не всегда. В былые годы именно в поездках я повстречал многих хороших друзей. Вот уже столько лет прошло, а мы и поныне общаемся...

Что-то я отвлекаюсь. Собственно, не об этом речь. А началось все так...

Однажды, уже и не припомню когда точно, и как давно это было, оказался я на вокзале маленького городка с аппетитным названием Баштанка. Приехал я туда вовсе не из праздного любопытства. По работе, конечно же, по делам. Была это одна из несчетного количества моих командировок. Ка-

тался я в былые времена частенько, да и сейчас бывает, но это легко объясняется. Молодой специалист, к тому же еще и не женат. В нашем коллективе я такой один, так кого же еще отправить в не совсем романтическое путешествие?

Одна из таких, моя очередная командировка, завершилась. Оставалось только, стоя у окна в поезде, который покидает эти гостеприимные земли, молча попрощаться с очередным вокзалом очередного городка, где мне довелось побывать. Прощаться и втайне понадеяться, что более судьба (скорее всего, в лице директора) меня туда не направит.

Оставалось лишь дожидаться поезда, прыгнуть в подоспевший вагон, умчаться в необозримую даль. Но прежде всего, дожидаться, ведь самая большая сложность в поездках – ждать. Вот я и ждал, бесцельно бродил по перрону, разглядывал вокзал и унылые его окрестности.

Да, вне всяких сомнений, это было давно. Я совершенно не помню город. Дома не помню, людей. Ничего. Помню только вокзал. Казалось, ничем не примечательное сооружение, а затмил он в моем сознании целый городок со всеми его достопримечательностями. Как-то очень уж ярко он запечатлелся в моей памяти, я так отчетливо вижу его перед собой! Даже сейчас, когда прошло, кто знает сколько времени.

Вокзал. Открытые двери. Левая створка каким-то чудом держится на одной уцелевшей петле. Легкий ветерок покачивает ее и она издает столь отвратительные истошные звуки,

что хочется отойти подальше и не видеть как она свалится на голову какому-нибудь «счастливчику». А вот там же перед аварийной дверью три колонны поддерживают треугольный портик. В центре него расположился стандартный барельеф – профиль Ленина. Вылеплен он мастерски, смотрится здорово, да только кто-то излишне политизированный, а скорее просто один из массы местных бездельников обрызгал его красной краской. И не лень же было!

Наверное, так и должно было быть. Перрон выглядел ничуть не презентабельнее вокзала. Похоже на то, я попал как раз под реконструкцию (ее первую фазу, разрушительную), часть асфальта была снята, а земля под ним изрядно перерыта. Мелькнула мысль: «Хорошо, если мой вагон окажется в другой, все еще нетронутой части. В противном случае, за те две минуты, что поезд стоит, можно только ноги сломать и вместо уютного купе оказаться ничуть не уютной больничной палате...».

Единственным человеком, который убивал время в ожидании поезда, был я. Вернее, единственным человеком в окрестностях вокзала был я. Никого вокруг. Вообще, куда ни глянь. Ни на перроне, ни в открытом и покинутом газетном киоске, ни в зале ожидания. Я дважды заглядывал туда, рискуя быть придавленным дверью. Там тоже никого не было. Даже в окошке кассы, в которой я еще вчера покупал билет, было пусто. Непонятно, может жители этой самой Баштанки в отличие от меня не любили путешествия, потому

сторонились вокзала, а может, всему виной то, что пришла пора собирать арбузы, вот они все и на баштане? Загадка!

Громкоговоритель, рупор, висящий над поскрипывающей дверью, громко прокашлялся. Из его недр вылетел ошале-
лый воробей и с испугу попытался чирикать. Вслед за ним
вывалился сгусток из перьев и веточек. Что тут скажешь, не
лучшее место он выбрал для гнездовья!

Не давая возможности воробью прийти в себя, из рупора
послышался удивительно печальный женский голос. Он тя-
жело вздохнул и грустно сказал:

– Пассажирский поезд, сообщением Одесса-Киев прибы-
вает на первый путь. Нумерация вагонов с хвоста... – гром-
коговоритель приглушенно покашлял и еще более грустно
добавил: – Головы поезда.

Я растерялся. Где находится загадочный «хвост головы»
я не понимал, потому вежливо спросил у печального голоса:
– Откуда?

Ответа не последовало, зато на горизонте показался локо-
мотив. Он, а вслед за ним и сам состав, быстро приближался.
Я пожалел о том, что у меня второй вагон, а не какой-нибудь
восьмой, к примеру, тот должен быть примерно посередине.
Было бы куда проще, а так... словом, хочь я того или нет, но
побегать придется.

«Хвост головы» оказался в хвосте, мой вагон там же. И,
конечно же, именно в той части перрона потрудились рабо-
чие, создавая полосу препятствий для меня, ни в чем непо-

винного пассажира.

Чуть не в последний момент я вскочил в тамбур, на лету подавая проводнику билет. Поезд тут-таки тронулся и начал набирать скорость. Краем уха я услышал, что думают работники железной дороги о пассажирах, которые не слушают объявлений дежурных по станции и вместо того, чтобы подойти к месту остановки заранее, бесцельно мечутся по перрону. Пусть я много чего мог сказать в ответ на столь нелепые обвинения, я предпочел промолчать. Покорно выслушал проводника, прекрасно понимая – мне с ним ехать, проглотил свои силящиеся выбраться наружу замечания и направился вглубь вагона.

В купе напротив моего места сидел человек, как это говорится, неопределенного возраста. Почему неопределенного? Сам не знаю. Его лицо сразу показалось немного знакомым, а вот насчет возраста, не могу сказать, ему могло быть лет тридцать, а могло и все пятьдесят. Болезненный вид. Коротко стриженные волосы, даже слишком коротко, помню, у меня такие были лишь однажды, в армии, да и то в самые первые месяцы службы. Виски густо посыпаны сединой. Кажется, были морщины, две, продолжая линию носа, они вертикально пересекали высокий лоб. К ним несколько горизонтальных, симметричных, в обе стороны, но не так ярко выраженных...

Я, даже не из вежливости, а просто повинуюсь привычке, поздоровался. Совсем не удивился, когда не услышал не

только ответа, но и вовсе хоть какой-нибудь реакции на свои слова. Все равно ответных действий я не ждал, да и к чему они? Может человеку не до моих «здравниц»! Может у него есть о чем поразмыслить, а может, есть чем заняться. А может и то и другое и к ним что-то третье! Наверняка так оно и было, задумался он о чем-то своем, серьезно задумался, поглотила его мысль, овладела ним полностью, не отпускала. В пользу этого свидетельствовал и толстый компьютерный журнал, который он держал в руках, ведь смотрел он не на его страницы, а сквозь стекло на проплывающие мимо унылые степные пейзажи.

Лично меня поля мало интересовали, потому я сел на свой диван, извлек из сумки плеер, но оградиться от всего мира наушниками не успел. В дверь купе постучали, не дожидаясь ответа, на пороге возникла полноватая женщина, одетая в форму проводника, она держала в руках стакан в блестящем подстаканнике.

– Ваш чай!

Почему-то еще с раннего детства я не любил чай, о чем не преминул поставить в известность радушную хозяйку вагона и добавил:

– Может это соседу?

Она посмотрела на человека с компьютерным журналом как на пустое место, потом на меня точно таким же невидящим взглядом, обижено пожала плечами и вышла, громко хлопнув дверью. Да, до европейского сервиса нам еще ой как

далеко!

Сосед продолжал любоваться сельскими пейзажами, я отложил наушники с плеером и вышел в коридор. Почти сразу мимо меня проследовала проводница, по-прежнему держа в руках стакан с чаем. Она что-то бормотала себе под нос, не обращая на меня ни малейшего внимания. Вот интересно у нее тот же напиток, которым пыталась угостить меня, или уже свежий? Хотя, какая мне разница!

Там, вдалеке, за грязными стеклами окна солнце уверенно катилось к горизонту. Я удобно облокотился о длинный поручень и следил за его размеренным движением. Интересно, наверное, посмотреть на нас со стороны. Два попутчика, один, сидя в купе, рассматривает вечерние поля, другой, стоя в коридоре, следит за таинством захода солнца.

Как-то быстро, даже слишком быстро, солнце скрылось за горизонтом. Исчез слепящий раскаленный диск, а скоро растаяло и яркое зарево заката. Пришла ночь, стоять в коридоре, глядя в темноту, надоело. Я вернулся в купе. Там ничего не изменилось. Попутчик смотрел в черный квадрат ночного окна, но, кажется, не видел в нем даже свое отражение. Похоже, его мысли были очень далеко, а мне меньше всего хотелось узнать, где именно они блуждают. Я вспомнил о плеере, который все так же лежал на столике, положил его в карман и принялся стелить постель. Спать, правда, совсем не хотелось, но я понимал, что утром рано вставать. Так что придется себя заставить...

Лишь только моя голова коснулась подушки, сосед заговорил. Нет, он не собирался поздороваться или представить-ся, он сразу повел рассказ. Не смотрел он на меня, напротив, как и раньше не отрывал взгляда от темного прямоугольника окна. Видел в темноте то, о существовании чего, знал только он. Просто говорил. Говорил без интонаций. Слова лились плавно, медленно и как-то безлико. Позже мне казалось, что это и не слова были вовсе, а только невнятное монотонное бормотание. Теперь я и вовсе удивляюсь, как смог хоть что-нибудь разобрать.

Кажется, так лучше. Да. Ближе к истине. Вот здесь должно быть повествование о старых мельницах, монастырях и отдыхе на природе.

Но нет, я вовсе не уверен в том, что рассказ был именно таким, каким я его пересказал. По-правде за время его монолога я раза три уснул, ненадолго, буквально на мгновение. Но, думаю, смысл от этого не пострадал. Все было именно так: легенда, монастырь, Даша, Питекантроп...

Глава пятая

«Доброе утро» в своем подлинном значении это очень большая редкость. А если это утро после бесконечной вялотекущей ночи проведенной в поезде то тем более.

Мое же утро началось с того, что какой-то здоровяк (как позже выяснилось, один из проводников) нагло стягивал меня за ногу с полки (хорошо хоть нижней!), тянул, старался и при этом что-то громко кричал. Похоже, я долгое время сопротивлялся, так как матрас большей частью уже сполз на пол, подушка лежала под столиком, одну только простыню я цепко держал, не собираясь сдаваться...

– Ну и здоров же ты храпеть! Подъем! Уже двадцать минут как Киев. Выходить пора! Вставай, кому говорю! – пробилось в сонное сознание.

Конечно, это весьма вольный пересказ, на самом деле к подбору слов здоровяк отнесся со всей ответственностью, благо развернуться есть где, язык позволяет, а словарный запас кадрового железнодорожника весьма насыщен...

Понятное дело для меня, как для пассажира, ключевым словом было «Киев», прочее не столь существенно. Услышав его, я перестал сопротивляться, выпустил простыню, а секундой позже, когда смысл сказанного полностью дошел до меня, подскочил, на лету просыпаясь, схватил сумку, ухватил плеер с запутавшимися проводами наушников,

и со всех ног бросился к выходу. Вслед мне летело улюлюканье, доносился громкий смех, дополняемый ехидными замечаниями, но меня это не задевало, не до того было.

Выбежал в тамбур, соскочил на перрон. Как раз вовремя. Словно дождавшись меня, поезд плавно тронулся и укатил в мало кому известное место под названием «отстой».

Я подошел к ближайшей скамейке, бросил на нее сумку. Сел рядом. Поднял голову. Большие часы надо мною показывали пятнадцать минут седьмого. Рано, слишком рано, да и спешить некуда. Ведь вторник нынче, следовательно, и как не обидно, к девяти мне надлежит быть в офисе. Конечно, нужно еще зайти домой, оставить вещи, переодеться. Домой...

Вообще-то я не киевлянин, более того, никогда не стремился ним стать. Потому, то, что я назвал домом – всего лишь съемная квартира. Да и не в конкретном городе дело, просто я из тех людей, у которых вся жизнь – одна большая командировка. А дом, именно в том истинном понимании дома, лишь место, куда можно изредка возвращаться. Вернуться, отдохнуть, набраться сил и снова в путь, опять в командировку.

Но, что бы я ни называл домом, ехать туда еще рано. Действительно рано. Суть в том, что моя квартира расположена прямо напротив офиса, все, что только надо сделать, чтобы попасть на работу, это пересечь улицу. Вот я и думаю, если сейчас по-быстрому приеду, зайду, выпью кофе, неминуемо

присяду на диван, включу телевизор и... уверен, смогу добраться до работы, лишь под конец... той самой работы.

Часть мысли, та, в которой упоминался кофе, мне понравилась. Решено, первым делом следует раздобыть чашечку бодрящего напитка. Благо дело это несложное. Автоматы на каждом углу. Ты ему купюру, он тебе стаканчик. Вот и выпью порцию-другую, а там, не спеша, выдвигаюсь.

Лишь определившись с первоочередными задачами, я заметил листик, зажатый в руке. «Вот, значит, от чего так ноют пальцы! Зачем, спрашивается, я за него схватился, руку свело!».

Удалось совладать с пальцами. Посмотрел на бумагу. Любопытно. Маленький листик, прямоугольный, плотная бумага, похоже на визитку. Только никаких логотипов или рисунков. Просто белый прямоугольник, в центре которого витиеватым рукописным шрифтом выведено – «Сергей» и ниже цифры, наверняка номер телефона. Мой ночной попутчик оставил, а я машинально сгреб со стола вместе с плеером? Возможно.

Ярко всплыл ночной рассказ. Ярко и в то же время блекло. Утренние цвета размыли красочность повествования, сгладили то впечатление, которое, как мне казалось, на меня произвели слова случайного попутчика поздней ночью. Мали ли что человек рассказывает, подпав под атмосферу откровенности! Бывало подобное и не раз. Забыть надо, забыть, да и ладно. И вообще, а был ли рассказ, а с ним и рассказчик?

Вот и офис. Первым делом надо написать отчет о командировке. Таковы реалии жизни – чем дольше тянешь с отчетностью, тем больше вероятность того, что твое творчество прочтут. И не просто прочтут, а прочтут внимательно, до тошно. Начнутся ненужные вопросы, бессмысленные уточнения. Далее, плохое настроение, с ним вымотанные нервы. Кому это надо?! А вот если написать и сдать в тот же день, да еще с самого утра, сто процентов гарантии – никто сочинение мое читать не станет. Директор наложит резолюцию, и пойдет моя папочка с докладом прямиком в архив, дожидаться своего часу, чтобы в один прекрасный день сделать доброе дело – превратиться в полезное вторсырье, в макулатуру.

За те две недели, что я отсутствовал, ничего не изменилось. Все так, как и было раньше. Выдвижная подставка под клавиатуру с грохотом свалилась на пол, достаточно было к ней прикоснуться. Как и раньше со всех сторон офиса полетели шутки на тему моего раннего желания поработать. Те же шутники, те же шутки. Так же пытаюсь отшучиваться, с таким же отсутствующим результатом. Как и раньше обещаю себе отремонтировать стол, потому как понимаю – нового не дождусь. Сам не верю в то, что отремонтирую, но это тоже как и раньше. Проверка почты. Как всегда с полсотни непрочитанных сообщений. Все как всегда...

Вообще, занимательная получается статистика. Вот, к примеру, вечером я просматриваю почту и только после это-

го ухожу с работы. Утром получаю сорок-пятьдесят новых писем. После выходных такая же картина. И даже после длительной командировки, возвращаюсь и получаю те же самые сорок тире пятьдесят писем. Словно кто-то, где-то озабочен исключительно тем, чтобы в моем электронном ящике всегда находилось полсотни непрочитанных сообщений. Может, так оно и есть?

Письма все разные, вот только суть большинства одинаковая. Одинаково бесполезные они. Если хоть одно заслуживает внимания, это уже чудо. Остальные же я даже не открываю. Не то чтобы боялся вирусов. Нет, конечно. Чего их бояться? Мне как-то один знающий человек объяснил, что такого вируса, который вселяется в мышку, заставляет ее подпрыгивать, набрасывать провод на шею пользователю, а затем его душить, не существует. Следовательно, мне лично опасаться нечего. А что касается возможного заражения компьютера, так на этот случай есть специально обученные люди, пусть у них головы болят.

Десять секунд на обработку почты. Вернее на то, чтобы масса писем с темами «Купи сегодня со скидкой», «Уникальная методика как стать миллионером», и подобными им, оказались в корзине. Тоже мне уникальность, я и сам такой метод знаю. Вышлите мне сто долларов я и вас научу!

В утиль, все в утиль! Только последнее сообщение заставило меня остановиться, прервать работу конвейера, несущего нераспечатанные письма прямиком в корзину. Адрес, с

которого оно было отправлено мне не знаком, но оригинальная тема «Вагон №2» заставила убрать палец с любимой удаляющей все кнопки. Еще сегодня утром я был пассажиром именно второго вагона...

Глава шестая

Вот оно счастье! Широкое, кажется, и вовсе бескрайнее поле. Ярко светит солнце, беспощадно заливая светом и теплом землю. Под ногами простирается зеленый ковер свежей травы. Он мягко пружинит, стопы утопают в его упругой глубине. Ноги опускаются, сминая молодые стебельки. Под моими ступнями они пригибаются до самой земли, но стоит только поднять ногу, моментально выпрямляются. Будто я и не касался их вовсе. До чего удивительно осознавать – я могу скользить по траве не оставляя ни намека на следы, кажется, я и вовсе парю над твердью земной!

Далеко впереди по-прежнему темнеет полоска леса. Не знаю, может, до его опушки действительно далеко, а может, мы идем слишком медленно, потому и деревья слишком медленно приближаются. Кто расскажет, кто объяснит...

Именно так, да, я ничего не путаю, мы! Рядом со мною, задумчиво улыбаясь, идет Даша. Она смотрит на роскошный травянисто-цветочный ковер под нашими ногами и молчит. Наверное, я должен первым что-то сказать, но все не могу придумать что именно, не могу подобрать слов. Вот когда уже, казалось, появилась тема, а подходящее слово просто-таки завертелось на кончике языка, мысль практически сформировалась, Даша взяла меня за руку и чуть заметно качнула головой.

Я легонько сжал ее пальцы, успел уловить на милом личике еле различимый отблеск грустной улыбки и тут все изменилось. Ковер из трав, который еще мгновение назад радовал глаз буйством красок, поблек. Неожиданно быстро зелень сменила призрачная желтизна с оттенком грязи. Небо, которое поражало своей глубиной и чистотой, потемнело, его скрыла пелена темно-свинцовых туч.

Каким-то непостижимым образом Даша опередила меня. Я бросился вперед, силясь догнать ее, но напрасно. Хотя, казалось, она стоит на месте, а я бегу что есть мочи, расстояние между нами только увеличивается.

Налетел ветер, поднял в воздух бесконечное множество пылинок. Они заполнили все вокруг, они чувствовались кожей, от них першило в горле. Их рой становился плотнее, гуще. Уже не было видно очертаний далекого леса. Поля также не было. Все вокруг посерело. Невозможно было разобрать, где верх, где низ. Единственная деталь, которая выделялась из сплошной серости – до боли знакомое лицо, в обрамлении серой пыли. Даша, она, точно как и несколько минут назад, смотрела себе под ноги и, кажется, ничего более не замечала. Для нее не было ни пыли, ни скрытого нею пейзажа, для нее не существовало даже ветра. А его порывы становились все резче, сила его все возрастала, легкий бриз быстро превращался в сбивающий с ног ураган. Он заметал все вокруг, засыпал все пылью, не трогал один лишь эфемерный туннель, который соединял наши лица.

Совершенно неожиданно ветер стих, умерил свой пыл, приглушил завывания. Тишина, которая так резко сменила рев стихии, прозрачный воздух, который еще недавно был наполнен клубами пыли, на мгновение оглушили и ослепили меня. Я замер. Но лишь на мгновение. Ведь она также пропала, исчезла, растаяла в оглушающем спокойствии!

Огляделся. Сплошная облачность растворилась в синеве небес, только маленькая снежно-белая тучка медленно поднималась ввысь. Ее очертания менялись, и в результате сложились в столь знакомое, столь дорогое лицо. Лицо Даши. Еще один миг стал прошлым, видение растаяло, будто не было его вовсе, только почудилось, будто ветер принес издалека девичий голос. То ли смех, то ли плачь...

Я зажмурился, надеясь задержать милое видение, но все было напрасно. Оно растаяло, исчезло, скрылось в бездне вечности. Ничего нельзя было с этим поделать. Можно было только смириться. Можно было лишь обреченно открыть глаза.

Вновь перед моим взором простиралось широкое зеленое поле. Где-то вдалеке, там, где пересечение ясного синего неба с зеленью травы создавало линию горизонта, продолговатое темное пятнышко намекало на близость опушки леса. Все осталось таким, как было раньше, вот только идиллия эта была в моем мониторе.

Что же это получается, я уснул на работе?! Вот это да! Конечно, если работа такая интересная, то чему тут удивлять-

ся! Но даже если и так, то подобное у меня впервые. С почином, можно сказать...

А само видение, оно такое настоящее, живое оно. Я, она, вокруг одна сплошная бесконечность. Что это, выдумка? Воспоминание? Предчувствие? Хочется верить, что это всего лишь реальность, некая разновидность реальности, скажем, условная реальность, а почему нет, ведь в это так несложно поверить, в это так хочется верить...

Серж:

Вы представляете, я умею летать!

Алекс12:

Так это же круто! Колись, на что подсел? Трава или колеса? Давай, сознавайся, я тоже хочу полетать!

Ну конечно, именно такого ответа и следовало ожидать. Оно и не удивительно, если хочешь получить умный ответ – задай умный вопрос или хотя бы глупый правильно сформулируй. Что делать, придется исправлять ситуацию, а то чего доброго привлекут за пропаганду наркотиков.

Серж:

Нет, ты неправильно меня понял. Вернее, это я неправильно выразился. Я летаю во сне!

Пелея:

Вот это уже лучше. Больше подобного не пиши. Кто знает, что люди подумают! А если по сути вопроса, то это нормально, летаешь во сне – значит растешь! Расти никогда не

поздно.

Алекс12:

Вот беспредел! Такую тему поломали...

Али284:

Вообще, как утверждают ученые, процесс левитации материального тела попросту невозможен. Более того, явления подобного рода противоречат основам как классической, так и релятивистской механики. Таким образом...

Нет, эту ересь я точно читать не стану. Это же не лень было полторы страницы набирать и все подобного околонуучного бреда. Ужас! Что дальше? Имеем еще два поста, но эти и вовсе не в тему. Ну, нет, так нет.

Ладно. Оставлю в покое компьютер. Я же не на работе, за чем электронику тиранить! Пусть отдыхает. И я тоже отдохну, а то и поработаю. Все-таки я дома, а дома всегда найдется что-то, чему следует уделить внимание.

Именно так, я дома, не на квартире, а дома! Бросил работу и вот... нет, я не уволился, просто вспомнил о неиспользованном отпуске, вспомнил, подумал, собрался. Я так решил – засыпать на работе, это, пожалуй, слишком. Не иначе как я заболел, но идти в больницу – зачем? И так диагноз на лицо – усталость и все тут. А если устал – надо отдыхать! Правильно? Конечно, правильно! Так что в тот же день я написал заявление, нацепил на лицо маску мученика, патриота, потерявшего здоровье в борьбе за идеалы родной фирмы, и

постучался в дверь шефа. Маска немного помогла, но только немного.

Изучив мое заявление, Питекантроп укоризненно покачал головой и заговорил. Долго и пространно он повествовал об ответственности перед коллективом и организацией. Далее перешел на высокую роль, которая возложена обществом на нашу скромную контору, дважды употребил не самое простое слово «социум», правда, оба раза совсем не к месту. Тем не менее, использование подобных оборотов много чего значило!

Но это все мелочи. Я выдержал, стойко выслушал лекцию. Совесть, которая должна была проснуться после слов директора, лишь зевнула, повернулась на другой бок и захрапела с новой силой. И вот уже на следующий день ближе к вечеру грязно-красного цвета «Икарус», по виду мой ровесник, может чуть старше меня, с диким грохотом «отчалил» от вокзала, увозя меня в родные пенаты. Оставив позади шумный и душный город, свернув на широкую, мощенную бетонными плитами автостраду, автобус прибавил скорости. Причина понятна: меньшая загруженность дороги, меньше ограничений, но мне приятнее было полагать, что ему передалось мое настроение, мое отличное настроение и предвкушение надвигающегося отдыха.

Просторный салон полностью заполнен пассажирами. Явление вполне закономерное – пятница, студенты разъезжаются отдохнуть от учебы. Кроме них и люди постарше, вро-

де меня, покидают духоту города. Пусть не навсегда, пусть только на выходные. Отдохнуть, отоспаться, набраться сил.

Многие стояли. Мне посчастливилось удобно расположиться на широком заднем сиденье, как раз напротив прохода. Не самое лучшее место, слишком громко шумит двигатель, слишком сильно качает, но это куда приятнее, чем простоять целых полтора часа. Все-таки лучше плохо сидеть, а так... звук двигателя и сглаженные амортизаторами колебания автобуса на стыках бетонных плит быстро убаюкали меня. Сами собой глаза закрылись, шум стих. Нахлынуло блаженное забвение...

Правильно сказал кто-то умный – есть у человека шестое чувство, а у некоторых и седьмое имеется. У меня какое-то из них точно присутствует! Во всяком случае, я проснулся вовремя. В тот самый момент автобус свернул с широкой автострады на узкую асфальтированную дорогу. В открытое окно заглянула синяя табличка. Надпись разобрать было невозможно, но я прекрасно знал, что на ней написано «Новоукраинка 12 км». Все правильно, мне туда.

Да, осталось совсем немного. И вот уже через несколько минут вдалеке ярко загорелись ночные огоньки – огни родного города.

Промелькнули первые строения. Яркая подсветка заправки осветила салон. Осветила, вспыхнула и померкла.

Дорога спускалась к реке. Как только подъехали к мосту, я поднялся и направился к выходу, расталкивая недовольных

«пеших» пассажиров. Ворчат, да и ладно, мне же дальше не надо, метров через сто пятьдесят моя остановка.

Несмотря на переполненный салон, я быстро оказался возле водительского кресла. Наклонился, посмотрел вперед через лобовое стекло. Взглянул и замер в полнейшей растерянности. Просто перед автобусом в свете его фар удивительно отчетливая вырисовывалась высокая каменная стена. Она начиналась у развалин старой мельницы, пересекала дорогу и терялась где-то в глубине частного сектора, разрезая на две половинки один из ближайших домов.

Ничего выговорить я просто не смог. Меняхватило только на то, чтобы вытянуть вперед руку и показать на мчавшееся нам навстречу каменное препятствие.

Стена приближалась, но кроме меня это никого не волновало. Пассажиры, кто не спал, развлекали себя прослушиванием музыки и играми в телефонах. Водитель, кажется, и вовсе ничего не видел. Нет, мой жест заметил, но истолковал его по-своему. Медленно кивнул и слегка повернул руль правее...

Стена врезалась в автобус, я закрыл глаза, ожидая звона разбитого стекла, скрежета металла и того, что неотвратимо последует дальше. Но ничего подобного не случилось. «Икарус» плавно сбавил скорость, грузно остановился. В тот же миг послышалось шипение пневматики, выталкивающей дверь.

Я решился открыть один глаз. Удивился. Все было так,

как и должно было быть. Открыл второй. Не было никакой стены. Дорога, знакомая дорога. Все точно так, как и месяцем ранее, когда мы с коллегами жарили шашлыки. Там, совсем рядом, в тени старой мельницы...

Водитель внимательно посмотрел на меня и вопросительно кивнул.

– Спасибо! – я быстро соскочил с подножки, отошел на два шага и остановился на тротуаре, планируя оглядеться, прийти в себя и собраться с мыслями. Не удалось, ни то, ни другое, ни третье...

– Сережка, солнце мое!

Повернул голову, смотрю, ко мне бежит светловолосая девушка, сияет обворожительной улыбкой, широко расставила руки, планируя обнять если не весь мир, то, как минимум меня. От такой смены обстоятельств я растерялся окончательно. А ведь о моем приезде никто не знал! Не должен был знать...

– Как хорошо, что ты приехал! Сто лет не виделась!

Пока я растерянно мигал глазами, девичьи руки (на удивление сильные) обвили меня, незнакомка повисла на моей шее. Лишь тогда, глядя в насмешливые карие глаза, сияющие в свете уличного фонаря, я наконец-то понял – никакая это не незнакомка, это же Аленка!

Давно это было, работали вместе. Была такая конторка, как мы сами ее называли ООО «Рога и Копыта», если честно, даже вспоминать противно, единственное позитивное вос-

поминание – Алёнка. Она просто не уставала скрашивать скучные и однообразные вялотекущие рабочие дни. Сразу выплыло из недр памяти: утро, прихожу на работу, устраиваюсь за столом, настроение рабочее, все отлично и тут заходит Алёна. Заходит не то слово, она влетает, рассмотреть лицо задача нелегкая, почти невыполнимая. Глаза упорно возвращаются к платью. Взгляд колеблется на уровне талии, выше, ниже. Казалось ничего особенного – длинное черное платье. Очень длинное, почти до щиколоток вот только в некоторых местах уж слишком прозрачное... да... Или по-другому. Кажется обычная одежда, никаких прозрачностей, одно только сомнение терзает, все не могу понять, что на ней надето, короткая юбка, или все-таки широкий пояс? Да! И вот такое чуть не каждый день. В подобных случаях бросаю ручку, отодвигаю клавиатуру, достаю сигарету – все, говорю, работы не будет!

– Привет Олёнка! Правду говоришь, давно не виделись. Но как ты здесь? Откуда?

Почему «Олёнка», и именно так, на «О» и через «ё»? Не знаю. Как-то однажды так ее назвал, вот и не мог остановиться. Бывает такое, прилепится какое-то нелепое словечко и никуда от него не сбежать.

– Не волнуйся. Чистейшая случайность. Мы друга проводжали. На твой же автобус. Уехал уже. Вот мы здесь. Но ты даже не думай. Сейчас же едешь с нами! – заметив, или скорее почувствовав, что я намериваюсь увильнуть, она добави-

ла. – А отсыпаться будешь завтра, а то и послезавтра!

Вот так и начался мой приезд. Чуть-чуть посидели, чуть-чуть углубились в воспоминания и в результате дома я оказался только под утро. Далее, правильно говорят, как начнешь, так и пойдет. Словом, почти неделя выпала из жизни, но вот наконец-то все закончилось, и вместо веселых застолий в мою жизнь ворвалось то, чего мне не хватало больше года – самое настоящее спокойствие!

Глава седьмая

Что-то я замерз! Сильно замерз. Повернулся на левый бок, ноги поджал – потеплело, только несильно. К тому же в плечо что-то уперлось, мелкое что-то, угловатое, твердое...

Вот понимаю, что уже утро, понимаю, что вставать пора, а открывать глаза совсем не хочется. Отпуск у меня, долой ранние подъемы! Мне бы поспать еще немножко, понежиться. Но чувствую, не удастся, двери кто-то настежь открыл и вместе с утренней прохладой запустил в комнату громкие птичьи трели. И опять-таки плечо, нет, ну что там такое?

Прошла еще минута. Сдался я, не выдержал, потянулся, недовольно зевнул. Открыл глаза, непослушные веки лениво приподнялись, впуская видимый мир в пробуждающееся сознание, но почти сразу опустились. Не понял! Вообще-то у меня много чего в жизни бывало. Много и разного, но чтоб вот так, это точно впервые...

Оказалось, лежу я в тени высокой кирпичной стены, в траве, хорошо хоть одет! Нет, я не спорю, может кому и не новость, ничего страшного, нормальное начало дня, а мне так диковинка. И ладно бы вчера погостил где-нибудь, было бы хоть не так обидно, а ведь нет. С дружескими встречами покончено. Последние два дня не пил, ни капельки, честное слово!

Но случилось, значит, случилось, а делать-то что-то надо!

С огромным трудом поднялся – все тело затекло. Прижался к стене и энергично замотал головой. Наверное, слишком энергично, в голове загудело, в глазах потемнело, в животе заурчало – чуть не упал. Но все-таки неординарность ситуации и хоть какие-то физические упражнения заставили сонное сознание зашевелиться. Кое-как удалось прогнать остатки сна. Огляделся – знакомая местность! Да что там знакомая?! Старая мельница, то самое место, где мы с друзьями шашлыками и культурной программой насыщались, метров пять пройти и памятная полянка будет. «Пойду, – решил я, – туда, в том направлении, на дорогу выйду...»

Наверняка я выглядел весьма экстравагантно (хорошее словечко, надо будет Питекантропу сказать при случае, ему точно понравится!), выбираясь из густых кленовых джунглей. Одно радовало, рано еще, нормальные люди спят, есть шанс, что никто из знакомых не увидит. Никто насмехаться не будет.

Так, размышляя и прихрамывая, я приковылял на край знакомой полянки. Изрядно же мы натоптали, столько времени прошло, а трава никак не восстановится. Хотя, может это и не мы. Может, кто после нас?

Просто по центру кострище. Я присел, как оказалось, именно на то место, где сидел тогда... раньше, как давно это было! Отчетливо всплыла в памяти картина: Даша, исчезающая в чаще кленовых зарослей, ее рука манит, зовет... Тем временем солнце, которое к моменту моего пробужде-

ния лишь немного приподнялось над горизонтом и позолотило верхушки деревьев, померкло. Не иначе как тучка набежала. Я же снова почувствовал себя как тогда, поздним вечером...

Как и тогда листья колыхнулись, удивительно, могу поклясться вижу нежную ручку, тонкие пальцы шевелятся, зовут за собой, манят. Практически не понимаю что делаю. Встаю и медленно иду. Ветки больно царапают лицо, но руки совсем не слушаются, не хотят они напрячься и отодвинуть назойливые колючки. Но ничего, ведь осталось немного, метра полтора, полметра, еще меньше. Неожиданно впереди выросла стена. А это оказывается больно!

Опять я оказался на траве. Чувствую, по лицу течет что-то теплое, что-то липкое. Понимаю, что кровь, но так не хочется в этом убеждаться!

Нет, с этим надо завязывать. Собираться, подниматься, домой идти. Надо, но как себя заставить?

Что сказать – делаю успехи! Еще днем ранее не мог и представить, что проснусь утром на голой земле под деревом, а теперь, пожалуйста, могу, умею. Более того, еще и домой вернусь с исцарапанной и разбитой физиономией – лучше просто не придумашь!

Непроизвольно повернулся к стене – обычная кирпичная кладка, никаких намеков на двери. С чего, спрашивается, я собирался ее таранить?

Глава восьмая

Пыль, густые облака которой мгновение назад застилали всю землю, улеглась. Вновь перед моими глазами простилась бескрайнее поле травы. Унылая серость уступила место свежей зелени. Все стало красивым и как никогда торжественным. Совсем как тогда, когда мы гуляли вдвоем. Во всяком случае, очень похоже...

Полуденное солнце ярко осветило поле битвы. Его лучи отразились от начищенных до блеска доспехов и тысячами солнечных зайчиков разлетелись вокруг. Стало так красиво, так нарядно, что я непроизвольно насторожился. Это не может быть просто так! Что-то должно случиться. Вот-вот, просто сейчас. Я знал. Я предчувствовал. Я ждал.

Войска в долине тоже ждали.

Скорее почувствовав чужое присутствие, нежели увидев надвигающуюся тень, я повернул голову. Рядом со мной, да буквально на расстоянии вытянутой руки парила огромная птица. Было что-то в ее облике страшное, пугающее, отталкивающее. Точно знаю, что ее сородичей я ранее не видел. Своими глазами не видел, разве только в кино или по телевизору. Действительно, не видел, тем не менее, я ее сразу узнал, я не сомневался – это стервятник, пресловутый предвестник битвы.

Мгновение замешательства. Страшная птица подозри-

тельно-внимательным взглядом посмотрела на меня, отлетела немного в сторону, медленно раскрыла клюв, наверняка что-то крикнула, замерла, будто прицеливаясь, и ястребом метнулась ко мне. Как ни странно, я был готов к столь безобразному поведению невоспитанной птицы, более того, мне удалось увернуться от огромного птичьего клюва, но острый коготь расцарапал плечо. Кажется, я даже закричал, нет, точно закричал, но не услышал и собственного голоса.

Тем временем стервятник отлетел и снова приготовился нападать...

«Стоп! Я точно знаю – стервятники, по сути своей и характеру, падальщики, следовательно, питаются исключительно падалью. Я же себя падалью не считаю. И имею на то весомые причины. Нет, правда, достаточно ведь просто логически подумать – я живой! Кроме того, это мой сон, и исключительно мое право решать, что и кому в нем делать. Вот так!».

Прямо перед собой я видел птичий глаз. Большой, серый, в нем отражался я, такой маленький, в сравнении с огромной страшной птицей. Но что-то изменилось. Стервятник уже не собирался меня царапать, не хотел рвать клювом. Просто смотрел на меня и в птичьем взгляде читался немой вопрос – правда ли то, что он не питается мне подобными? Я даже кивнул, медленно так, степенно, чтобы ему понятнее был ход моих мыслей. Похоже, подействовало. Злобная птица еще раз широко раскрыла клюв, на этот раз будто зевнула

и медленно отлетела в сторону. В нескольких метрах от меня снова покосилась на меня, но уже с полным безразличием в пустых глазах.

Пока я препирался со стервятником, ландшафт подо мною изрядно изменился. Многотысячное воинство рассеялось, словно нелепые сомнения и на освободившемся месте проявилось строение мрачной архитектуры, которое с высоты нашего полета выглядело большим равносторонним крестом. Секунду оно просуществовало в виде легкой призрачной дымки, обрело форму и застыло в камне.

Вокруг сооружения просто на моих глазах выросла высокая стена, сложенная на сухую из массивных валунов. Возле ворот, мощных, резных, деревянных, из пыльного облака материализовалась карета. По тому, сколько пыли витало в воздухе, несложно было понять – не волшебство это и даже не мистика. Повозка только что остановилась, облака поднятой нею пылью медленно оседали, из нее, постепенно и неспешно вырисовывалась реальность.

Вернулась приятная прозрачность чистого воздуха. Почти сразу камни, сложенные в стены и здания перестали меня занимать, вниманием завладела карета и четверка коней, черных, словно смола, что били копытами у ворот. Люблю я лошадей, хоть немного и побаиваюсь...

Кучер спрыгнул с козел и направился к расположенной рядом с воротами дверке. Постучал ручкой кнута. Ответа не последовало – ударил ногой несколько раз. Дверь широко

распахнулась, на пороге показался седовласый сгорбленный старичок. Он внимательно осмотрел приезжего, карету, заметил герб на дверце, вздрогнул, низко поклонился и что-то эмоционально крикнул. Возница что-то ответил, тот кивнул, поклонился еще ниже, похромал к воротам, толкнул одну створку, вошел во двор и скрылся в густой тени деревьев.

Тем временем неизвестный, чья карета остановилась в тени высокой стены, вернулся к своему транспортному средству, распахнул дверцу. Там, в глубине мелькнуло бледное лицо, бледность которого подчеркивал черный капюшон. Уверен, это было лицо человека, смотрящего ввысь, в небо, похоже, он лежал на одном из диванов.

Возница вздрогнул и что-то сказал, скорее, прокричал, сильно, надрывно, с болью, а затем аккуратно прикрыл дверь. Его голова склонилась, плечи опустились...

Я, заинтригованный, ожидал продолжения. Оно же не заставило себя ждать. Привратник вернулся в сопровождении высокого мужчины, одетого в длинные черные одежды. Рясца? Конечно, да просто вне всяких сомнений! Ведь строение это – монастырь!

Мужчина вышел за ворота, приблизился к карете, заглянул внутрь, застыл, будто сраженный молнией. Поднял взгляд вверх. Некоторое время он стоял, глядя в небо, словно ждал сверху подсказки. Небо молчало. Я также молчал. Ничего не менялось, лишь время продолжало свой неумолимый бег. Вот он принял решение, обреченно кивнул, при-

звывно махнул рукой и неторопливо направился во двор. Следом за ним поковылял и привратник, предварительно вытащив из кареты большой темный сверток. Что-то нашептывало мне, что этот сверток и есть тот, чье бледное лицо я видел несколькими минутами ранее. Грустная подсказка...

Возница остался стоять у кареты, но стоял он лишь минуту. Как только монах со стариком скрылись в глубине двора, он медленно опустился на землю, сел, голова безвольно запрокинулась, капюшон сполз и на плечи упал водопад длинных густых каштанового цвета волос...

Я открыл глаза и стер с лица холодный пот. Нет, но это уже слишком! Надо что-то менять. После таких сновидений вся подушка мокрая. К тому же рука болит. Встал, одернул занавеску – вот это да, плечо расцарапано, наволочка в крови! Ладно, такую мелочь как лишние разнообразия сны еще можно понять, ведь о чем думаешь, то и снится, но кровь, она-то настоящая! Благо рана неглубокая, да и затянулась уже.

– Ты уже проснулся? – мама зовет завтракать. – Вставай соня! Ой, что случилось?

– Даже и не знаю, скорее всего, родинку какую-то зацепил во сне. У меня их много...

Мама с сомнением посмотрела на меня, печально покачала головой и вздохнула:

– Пошли уже, завтрак стынет!

Пока я безо всякого энтузиазма ковырял вилкой котлету,

которая, на мой взгляд, была слишком большой для завтрака, мама отвернулась к окну и отстраненно смотрела во двор. Я не выдержал:

– Мам, да не сердись ты! Хочешь, я сам наволочку постираю?

– Да причем здесь наволочка! Я за тебя беспокоюсь, видела я твой шрам, никакая это не родинка!

– Но...

– Не перебивай старших и не учись врать. Я же вижу, снова это повторилось.

– Что «это»? Что повторилось?

Мама с нежностью и грустью во взгляде посмотрела на меня. Печаль в ее глазах заставила меня позабыть о завтраке. Я всмотрелся в мамины глаза, она печально покачала головой и отвела взгляд. Снова посмотрела на меня, но теперь место печали заняло сомнения, она хотела что-то рассказать, вот только не решалась. Вряд ли стоило торопить ее, не тот это случай, тут надо просто подождать.

Время шло. Она мысленно боролась сама с собой, я молчал и не отводил взгляд. Вот она приняла решение. Грустно улыбнулась:

– Конечно же, ты не помнишь, маленьким был еще... тогда. Даже не знаю, как тебе рассказать... Если коротко, то было у тебя уже подобное, просыпался утром весь в порезах, постель в крови и рассказывал такое, во что никто не хотел верить... скажи правду, вот что произошло?

– Ничего особенного. Просто спал. Кажется, что-то снилось, – я попытался изобразить задумчивость и одновременно беззаботность. – Снилось, будто летал. Птицы какие-то были. Большие. Кажется, одна из них меня поцарапала. Но ведь это только сон!

Мамино лицо помрачнело сильнее.

– Может и сон, но... было тебе тогда годика четыре. Так вот, однажды утром захожу к тебе в комнату, а ты лежишь в постели весь в крови. Чуть не все тело в ссадинах, а ты молчишь, только улыбаешься, странно так. Весело и в то же время грустно. Как мы тогда перепугались! В то время мы не здесь жили, а в доме родителей твоего отца. Как раз свекровь зашла, а я тебя на руках держу сама в крови, ты в крови. Что она себе надумала, да и что ей было думать?! А что было потом! Даже вспоминать не хочу. Мы чуть не месяц практически не спали. Друг другу не верили, всю ночь возле твоей кровати сидели я, отец и бабушка Вера. Некоторое время все было спокойно, как вдруг своими глазами увидели – у тебя на руке порез сам собой появляется! Ужас... пригласили ба-тюшку, бабушка настояла. Знаешь, помогло. Порезы затянулись, а новые не появлялись. Скоро и шрамы рассосались, словно сами собой, будто и не было их вовсе. А после и боль воспоминаний приутихла.

– Мам, а что я тогда рассказывал?

– То же что и сейчас, отшучивался. Ты всегда таким был. А иногда что-то о войнах, о монастырях каких-то. Я тогда

еще отцу запретила при тебе книги вслух читать. Ты ведь знаешь, его ничего кроме как про войну да кражи с убийствами и не интересует.

Может, расшалилось воображение, может, я действительно вспомнил, будто бы я, тот самый, что и сейчас, но маленький еще, иду в школу. Дорога ведет меня мимо старой мельницы. Мне остается пройти всего полсотни метров, миновать ее, но я останавливаюсь. Любуюсь. Вот оно! Никакой мельницы нет, впереди, пышущее величием сооружение, окруженное высокой стеной. Утро. Торжественную тишину нарушают только птичьи напевы, но вот замолкают и они. В наступившее безмолвие врывается новый звук, мощный и возвышенный – торжественно звучат колокола. Это продолжается лишь минуту не более, видение растворяется и только угасающие отголоски бронзового перезвона еще долго висят во влажном утреннем воздухе. Медленно растворяются в утренней безмятежности.

Было или не было, не знаю, да и никто того не знает...

Мама ушла на работу, оставив меня скучать в одиночестве. Это весьма благоприятствовало тому, на чем настаивало мое сознание. Оно хотело заняться тем, что было наиболее полезным в моей ситуации – всего лишь остановиться, сесть и хорошенько поразмыслить.

За те два часа, которые я просидел в кресле, практически не двигаясь, я добился одного – затекли ноги. Не перестаю удивляться, почему, когда пытаешься думать о чем-то кон-

кретном, в голову лезет что угодно, кроме того что нужно?

Поднявшись, я чуть было не упал, пришлось вспомнить о том, что полезно в любое время суток, об утренней гимнастике. Размялся, ожил, даже мрачность мысли и та ушла, ведь был все-таки результат от моего мозгового штурма, точно был. Я пришел к логичному выводу – нужно хоть что-нибудь узнать о нашей старой мельнице, а еще лучше, о самом монастыре. Все-таки знания никогда лишними не бывают, хотя и польза от них частенько сомнительна.

Глава девятая

– Ну, здравствуй, здравствуй внучек! Совсем меня старого забыл. Чего глаза прячешь? Вижу, еще не весь стыд растерял. Осталось немножко. А коль осталось, так проходи, нечего мне забор подпирать, он еще и сам неплохо держится!

Это ж только представить – целых два года не видел дед! Ладно бы слишком занят был, или, к примеру, свободного времени кот наплакал. Так нет же! Как-то все не мог собраться, решиться, прийти. Месяц не мог, год не мог, еще один, вот и накопилось.

Дед же за все это время совершенно не изменился. Разве что чуть-чуть потолстел. Хотя, худым я его вообще не представляю. Худоба ему не к лицу. Никоим образом. Это именно тот случай, когда хорошего человека должно быть много, а дед на самом деле хороший человек. Даже очень хороший, а раз так, то его должно быть как можно больше.

Добрый он, веселый, жизнерадостный! Оптимист до мозга костей. Хотя нет, не так, сказать, что он оптимист это все равно, что просто промолчать. Он на порядок оптимистичнее любого оптимиста. Вот просто во всем, что только произойдет, он тут же найдет позитив. Да и просто он человек с чувством юмора, любит байки травить, анекдоты рассказывать. Приврать любитель, не без этого. Но приврать не с корыстной целью, ни в коем случае, а исключительно для пу-

щей веселости!

Сколько я его помню, он никогда ни с кем не ссорился, наоборот, вот только впервые увидит человека, все сделает лишь бы с ним подружиться. Хотя был один случай, то самое исключение, которое и подтверждает правило. Сосед, вот оно, это исключение.

Лично я точно не знаю, но почти уверен, что они были знакомы всю жизнь. И всю жизнь дружили. Долгие годы друзьями были, самыми что ни на есть закадычными. Чуть что помочь кому нужно, так они завсегда. И по работе и по хозяйству. Дедушка в те времена в колхозе трудился и, бывало, то мешочек зерна, то соломки привезет, ну, конечно же, с соседом поделиться не забывает. Всегда так было, но вот однажды, не знаю по какому поводу, да пожалуй, они и сами уже не вспомнят, разругались старые друзья. Наверняка, как и большинство крупных ссор – из-за какой-то мелочи. И стали они с той поры врагами, такими же заклятыми, какими до того были друзьями. Столкнутся, бывало, на улице, так сразу тот, кто первым другого заметит, шасть в переулочек и ходу, только бы не здороваться. Там уже переулками, тропинками, а где и огородами...

О чем это я? Ах да, касательно деда. Помнится, я еще в школу ходил, давно это было, весна только вступала в свои права, да что там «только», пару дней как снег сошел. Возвращаюсь я со школы, иду мимо дедушкиного двора. Подхожу, а там, ну просто митинг начался. Выступает, конечно

же, дед. Сам лукаво улыбается, люди же искренне смеются. Веселье, одним словом! Как после оказалось, один из соседей похвастался, что уже успел картофель посадить. Так мой дед не растерялся, спускается он в погреб, картошки набрал, такой, чтоб крупнее (да мелкой у него никогда и не было!). Взял мешок, лопату и быстро на огород. Выкопал ямку, картошки набросал и ждет. Тут сосед, тот, который на картофельную тему разговор начал, идет по переулку. Дед тут-таки нацепил серьезную мину на лицо, разрывает землю, достает клубни один за другим, разглядывает внимательно так и приговаривает: «Что-то рановато в этом году картошечка уродилась. Крупная вся, да еще много так, вот даже не представляю, куда девать столько! Не иначе как погреб углублять придется...»

В этом весь мой дед! Такой вот он. Добрый, смешливый, находчивый и до чего же приятно стоять перед ним, видеть, как он укоризненно головой покачивает, а глаза улыбаются, видно ведь, невооруженным глазом видно – радуется он!

Пока я перебирал воспоминания да разглядывал окрестности, узнавая знакомые с детства вещи, дедушка на скорую руку накрывал на стол. Как и должно было быть, главенствующее место в аппетитном натюрморте занял высокий графин. Сосуд из толстого стекла, заполненный жидкостью подозрительного желто-зеленого цвета.

– Хоть попробуешь, натур продукт, так сказать! Свое производство, собственное. Вот зашел бы месяцем ранее, испро-

бовал бы коричневую настойку, то на шиповнике, а сегодня у меня в меню иной напиток, вот он, на зверобое...

Сколько его помню, любил дед пригубить чего-нибудь, что покрепче. Не то чтобы слишком злоупотреблял, просто не отказывал себе в удовольствии. Выпивал частенько, не признавал мелкой посуды, при этом никогда не допивался до того, чтобы потерять человеческий облик. Да, на счет посуды, это он сегодня на стол стопочки поставил, это я пришел, а был бы, кто опытнее в этом деле, стояли бы у графина проверенные временем «граненные». При всем при этом дед на здоровье никогда не жаловался. Помню, года три назад он впервые в жизни в больницу попал, там регистратура, его оформлять, так нет, не могут, оказалось, на него за всю его жизнь даже карточку не завели...

Да, здорово все-таки снова оказаться у деда в гостях! Проведать, погостить, поговорить, просто воочию убедиться в том, что у него все хорошо. Но, если совсем честно, была у меня другая причина, побудившая вспомнить о старике, другая цель имелась, сознаюсь, корыстная. Дело в том, что дед всегда отличался пристрастием к истории, в особенности истории родных мест. Может и странное увлечение для человека чье образование ограничивалось четырьмя классами сельской школы, но деда не прельщали лавры великих историков. Его интересовали не столько факты, сколько рассказы, легенды, а то и вовсе сказки, но не все так условно и эфемерно, было у него и небольшое документальное подспорье.

Весьма скромное собрание разнообразных документов исторических и не только. Правда, основу коллекции составляли всевозможные квитанции да извещения, которые датами охватывали весь прошлый век (еще бы, ведь за всю жизнь дед не выбросил ни единого корешка, ни единой бумаги с подписью!). Это, конечно же, макулатура, но среди абсолютно бесполезных пожелтевших от времени листов можно было отыскать и действительно интересные экспонаты: карты, старые письма, векселя, да и просто массу любопытных документов. Собственно, я и подумал, у кого еще смогу разжиться информацией о старом монастыре...

Конечно, деду совсем не хочется вспоминать историю, особенно учитывая то, что он впервые за последние годы видит любимого внука, кроме того не следует забывать и о накрытом столе. Да и просто, о чем это я, какая история, совесть надо иметь! Хоть какую-нибудь. Потому я принялся развлекать деда рассказами о том, как жил, что делал на протяжении последних нескольких лет.

Лишь в тот момент, когда через узкое горлышко графина можно было достаточно отчетливо рассмотреть дно, я решил, что пора переходить к делу. Лучшего момента и не дождешься. Уж я-то деда знаю! Еще с раннего детства я неоднократно убеждался – когда дед немного подвыпивший, у него можно выпросить все что угодно. Хотя, он и без того последнее отдаст...

– Дедуль, помню, у тебя архивчик имелся. Вопрос у меня,

а нет ли в нем чего-нибудь этакого. Как бы тебе сказать... одним словом, меня интересует монастырь, который был на месте старой сельхозтехники.

Дед авторитетно кивнул, тяжело поднялся со скамейки и неуверенной походкой направился в дом. Минутой позже вернулся, держа в руке увесистый металлический ящичек, окрашенный в ярко-красный цвет, с удерживающим крышку маленьким навесным замочком. Вот и свершилось! Я получил доступ к сейфу. Так дед называл свой ящик. Ключ от замка он всегда носил с собой на цепочке от часов. И вовсе неважно, что этот сейф можно было открыть любой отверткой – дед считал его секретным и очень надежным.

Одна за другой из ящичка вынуты стопки бумаг, разложены на столе. Что тут скажешь, а у деда в хранилище порядок и систематизация! Большая часть документов расфасованы в полиэтиленовые пакеты, письма в конвертах сложены и обвязаны тесемками в пачки. Листы большего формата аккуратно разложены по картонным папкам, озаглавленным казенным и безликим «Дело №».

Лишь когда из сейфа были вытряхнуты последние квитанции, застрявшие под угольником, призванным укрепить стык дна и стенки, я осознал свою ошибку, но было уже поздно. Дед подровнял стопки бумаг на столе и принялся пространно рассказывать историю каждого документа, который попадался ему на глаза. В рассказе он коснулся и подразверстки, и коллективизации. С малопонятной совре-

менному человеку гордостью показал мне первую квитанция за электроэнергию. С удивительной теплотой процитировал несколько писем, которые когда-то давно писала ему будущая жена, моя бабушка. Вкратце охарактеризовал газеты прошлого (попались под руку вырезки из «Правды»)...

Несколько раз я пытался вернуть разговор в желаемое русло, но, в конце концов, смирился. Тут ничего не поделать, если дед оседлал любимого конька, его на землю не спустить, остается только ждать.

А он таки постарел! Нет, правда! И дело вовсе не в морщинках, множество из которых добавились за последние годы. И не в том, что левая рука, по всему видно, ведет себя все непослушнее. Ярким сигналом о возрасте стало то, что деда хватило лишь на полчаса. Не иначе как годы берут свое. А ведь раньше он мог часами говорить, рассказывать, не пропуская ни единого корешка, ни единой квитанции!

Я дождался паузы и тут же поспешил вставить слово:

– Дедуля, так у тебя есть что-нибудь о нашем монастыре?

Дед задумался.

– Это о том, который Святого Василия? Да нет, откуда?

Самое раннее из того что у меня имеется – вот это фото. Это одна из первых фотографий мельницы, которую на его месте соорудили. Да еще и не факт что монастырь вообще существовал...

– А я-то думал...

– Не знаю, зачем оно тебе, но надо, значит надо. Я думаю

так, если хочешь что-нибудь узнать из прошлого, дорога тебе одна – в архив. Кстати там моя старая знакомая заведует. Договорюсь, поможет. А еще, вдобавок к архиву, загляни-ка ты в церковь к отцу Алексию, все-таки монастыри, это по церковной части, может, чем и поможет.

Занимательная деталь. На столике передо мной лежала фотография. Ничего сверхъестественного, обычное черно-белое фото, или наклеенное на картон, или на нем отпечатанное. Несмотря на то, что в то время когда она была сделана о цветной фотопечати и не помышляли, выглядело фото очень даже впечатляюще. На переднем плане высокое с современную пятиэтажку строение. Узкие окна были бы к месту в башне какого-нибудь оборонительного комплекса, а вовсе не в мельнице. Правее низкая пристройка, не иначе как контора. Чуть одаль ровный ряд приземистых гаражей. Хотя для чего в то время гаражи, конюшни это, не иначе. Точно конюшни! Ворота одной из них приоткрыты и, кажется, сквозь щель протиснулась длинная лошадиная голова. Еще дальше за сараями да амбарами, высокая и, конечно же, каменная стена. То ли недостроенная она, то ли полуразрушенная...

Красиво, но больше всего меня заинтересовало не это. Не лучшее время выбрал фотограф для снимка. Погода портилась. С запада приближалась огромная, черная туча, в момент съемки она расплзлась на полнеба и занимала чуть не всю верхнюю часть картонки. Очертания облака показав-

лись мне подозрительно знакомыми. Я присмотрелся внимательнее и еле удержался, чтобы не забросить фото подальше от себя. Снова! Призрачные очертания темного облака слились в темную громаду монастыря, высокого величественного строения, окруженного надежной стеной, увенчанного куполом с крестом, того самого, из моих видений.

– Дедуль, можно твои очки на секунду?

– Держи, хотя так и подмывает сказать, что в твоём возрасте пора бы и свои глаза иметь! Но, нет, промолчу я...

Держа линзу у самого снимка, я рассматривал изображение. При увеличении облако снова стало облаком, даже странно, что оно мне напоминало здание. Зато небольшое пятнышко в нижней части фотографии обрело форму и стало похожим на высокого человека, одетого в длинные чёрные одеяния. Не понять что это, плащ, а может ряса? Не понять, не разобрать. Но это точно человек, высокий он, статный, просто как тот, который выходил к карете, то ли пришившейся мне, то ли придуманной мною...

А может все гораздо проще и это дедушкина настойка шалит? То облака в монастыри превращаются, то типы подозрительные на фото проявляются! Может, все может...

Глава десятая

На этом письмо с темой «Вагон №2» обрывалось. Я отодвинулся от монитора, энергично потянулся, не только слыша, но и чувствуя хруст уставших от длительного сидения суставов. Удивленно посмотрел на часы, подавил пробивающийся зев, вот это да – стрелки показывали десять минут восьмого! Что-то я увлекся. Не успел вернуться из командировки и в первый же день переработал лишних два часа. Да ладно бы действительно работал! Так, бездельничал. Выбросил на свалку потерянного времени еще несколько безвозвратно утраченных часов.

Беспристрастный циферблат напомнил не только об этом – жутко захотелось есть. А еще спать. Что особенно обидно, так сразу и не поймешь чего больше. Но, думай не думай, вывод напрашивается один – надо собирать вещи и бегом бежать домой!

Может, это оттого, что я действительно устал, а может, просто обленился, но готовить не было никакого желания. Решил ограничиться кофе и парой бутербродов. Бутерброд он не еда, но что делать! Правильно, не отвлекаться...

Короткая пробежка от офиса до дома, подъем без лифта на пятый этаж плюс чашка крепкого черного кофе. Пробуждающий коктейль! Смесь спорта и кофеина окончательно отогнала сонливость. Несколько бутербродов задавили

желание поест. В пустоте, что образовалась вследствие отсутствия всяческих желаний, как-то совсем уже некстати вспыхнула искорка рабочего энтузиазма. Именно так, дожидывая последний ломоть хлеба с аппетитными кусочками колбаски, я вдруг вспомнил о бумагах, которые привез из командировки и за весь день так и не удосужился разобрать. Конечно, большую их часть надлежало просто выбросить, но пару-тройку документов можно и оставить. «А что, бумагу перекладывать это тебе не камни ворочать, – подумал я. – Разберу их просто сейчас, не откладывая никуда, ни в какой ящик».

Подумал, решил и сделал. Извлек из «дипломата» довольно пухлую папку, развязал запутавшуюся тесемку, вывернул ее содержимое на пол. Сел на ковер. Разложил листики. Присмотрелся. Удивился. Непроизвольно пожал плечами. Оказалось, поток странных посланий не иссяк, как минимум, на сегодня. Перемешанные с договорами, копиями уставов, распечатками чертежей, спецификаций и просто черновиками, на помнившем лучшие времена ковре лежали несколько листов с текстом, написанным не моей рукой, а с ними ксерокопия какого-то древнего письма. Занимательный документ. Текст написан выцветшими чернилами, витиеватым почерком, щедро сдобренным всевозможными завитушками. Поверх красивых, но малопонятных букв виднелось множество свежих пометок карандашом, не иначе как для более легкого восприятия. Похоже, для меня старался... кто-то...

21 (затерто, карандашом выведено «июля») года 1(641)
Милостивый государь наш, архимандрит Илларион!

Брат мой в вере! Прежде всего, должен смиренно просить прощения за то, что имею насущную необходимость беспокоить Вас. Беспокоить, невзирая на то, что в последнее время Вас мало занимают наши земные дела. Все понимаю я, но все-таки прошу Вас прочесть мое послание и лишь после судить, стоит ли оно Вашего внимания.

Я же просто убежден – стоит! Дело даже не в том, что я попал в затруднительную ситуацию, тут что-то намного большее. Нечто, что страшит и подавляет меня.

Обстоятельства сложились так, что я призван вызволять из дьявольского (простите за использованное слово, но Бог свидетель, так оно и есть!) плена брата нашего Евлампия. Уверен, за истекшее время Вы не забыли имени этого святого человека, который будучи анахоретом более десяти лет, узрел знамение. Того самого, который основал монастырь на пустоши в месте слияния реки Грузской с полноводным потоком Черного Ташлыка.

Имею смелость напомнить Вам, что года двадцать первого именно Вы освятили новостройку и имели долгий разговор с братом нашим. В дальнейших же беседах Вы часто вспоминали его по имени и неоднократно выказывали намерение навестить его.

Поверьте мне, еще год тому назад дела у братьев шли

очень хорошо. Наверное, правильным будет сказать, что монастырь святого Василия был одной из лучших, если не самой лучшей среди обителей божьих всей центральной Малороссии.

Да, именно так выглядел дом Господа нашего еще меньше года тому назад, но ныне все кардинально изменилось. В сей самый час, я нахожусь в упомянутой мною обители, и поверьте мне, вовсе не в том качестве желанного гостя, в котором я бывал в другие времена. В сей час призвали меня вовсе не для того чтобы усладить мои очи видением величия храма Божьего.

Три дня тому назад поздним вечером у дверей моей скромной усадьбы спешился всадник. Уставший, он еле стоял на ногах, его ряса насквозь пропиталась грязью, с коня ключьями слетала пена. Конечно же, я не мог не предложить ему пройти в дом, переодеться и отдохнуть, но он и слушать меня не хотел. Просто вручил мне письмо, вскочил в седло и был таков.

Самого послания при себе не имею, но я весьма точно помню его содержание. Подписано оно было братом Нестором, как я теперь узнал, весьма и весьма достойным человеком. В тексте было лишь несколько строк – брат настойчиво просил приехать, поясняя это тем, что отец Евлампий «не в себе».

Думаю, Вы поймете меня. Я не придавал этому, согласитесь, странному и непонятному известию должного значения и не

выехал сразу по прочтении. Да, собственно, я уверен, моя неспешность не могла быть причиной ухудшения ситуации. Ведь хуже уже и быть не может...

Как бы там ни было, сегодняшним утром прибыл я в монастырь святого Василия, где застал отца Евлампия в плачевном состоянии. Как мне позже пояснили, за минувшие несколько дней ему стало хуже. Его богохульные речи вынудили старших братьев, дабы избежать пагубного влияния на молодежь, изолировать его в темной келье, запретить глубоко в подzemелье.

Озадаченный тем, что произошло, я тут же направился во тьму подвальных помещений в надежде, если не разобраться во всем, так хоть поговорить с нашим собратом, но в тот момент мне и этого не удалось. Дело в том, что лишь только мы спустились в подвал (сопровождал меня брат Нестор), мы почувствовали сильный запах гари. Уже ворвавшись в келью, увидели – там бушевало пламя. Представьте мое состояние, когда я понял что горит молитвенник, единственное что позволили Евлампиию взять с собой! Несколько толстых свечей были ним растоплены, книга густо залита воском. Она неестественно ярко пылала, озаряя тесное помещение. Сам же настоятель лежал распластаный на полу и хриплым голосом выкрикивал слова на неизвестном мне языке. Могу поклясться, что с каждым словом, с каждым звуком его голоса, пламя, в котором сгорали страницы, покрытые святыми письменами, разгоралось все ярче, дым становился все

гуще!

Вынужден сознаться, лишь услышав голос Евлампия, я застыл, мною овладело оцепенение. Я замер, стоя просто посередине помещения и не мог заставить себя пошевелиться. Если бы не брат Нестор, который так своевременно своими руками вынес из кельи объятую огнем книгу и сбил пламя, которое уже пожирало мою рясу, даже не знаю, смог ли я написать эти строки. Увидел бы солнечный свет, вдохнул ли свежего воздуха!

Как только в келье стало темно, настоятель замолчал. Оцепенение покинуло меня, и я подошел к распластанному телу. На все попытки заговорить он не реагировал. Когда же вернулся брат Нестор, держа в руках зажженную свечу, а я коснулся локтя отца Евлампия, тот поднял голову и взглянул на меня. Боюсь не скоро я смогу забыть этот взгляд. В его глазах не было ничего человеческого, скорее то были горящие глаза бешеного волка, нежели человека. Не зная, что делать дальше, я поднял руку, коснулся своего креста, снял его, поднес руку с распятым к лицу, тому, которое некогда было лицом человека. Кажется, огонек в его глазах вспыхнул еще ярче, он вдруг напрягся, казалось, еще мгновение и набросится на меня, но нет, только грозно зарычал и отскочил в дальний угол.

Согласитесь, для первого раза было достаточно. Поддерживаемый братом Нестором, я вышел из кельи, поднялся по ступеням в холл, выбрался во двор и с таким наслаждением

ощутил дуновение легкого летнего ветерка.

Лишь отдышавшись, я решил незамедлительно побеспокоить Вас и смиренно попросить о помощи. Это письмо я тотчас отправляю к Вам с лучшим нашим наездником и умоляю Вас, даже если не сможете приехать лично так хоть письмом передайте свое благословление и подскажите, посоветуйте, как нам поступить...

Глава одиннадцатая

Такое вот письмо. Дважды я его перечитал, а затем перевернул листик. На обратной его стороне, мелким неразборчивым почерком начинаясь с трех точек, было написано:

... На этом письмо не заканчивалось. Канули в вечность два-три абзаца, не пощадило их пламя. Трудно было не заметить, что письмо побывало в огне, как минимум, в непосредственной близости от него. Очень уж красноречиво на это указывало состояние бумаги. Намекали на воздействие температуры темные пятнышки, хаотично разбросанные по листу, а более всего окантовка. Коричнево-черные бархатистые края обуглившейся бумаги...

Сам текст довольно-таки неплохо сохранился, хотя местами приходилось здорово постараться, чтобы вникнуть в его смысл, несколько абзацев я и вовсе написал заново, слишком уж чернила обесцветились то ли от времени, то ли опять-таки от перегрева.

– Это и есть то, что ты искал? – Нина Сергеевна заглянула через мое плечо, внимательно посмотрела на хрупкий документ. Я промолчал, лишь утвердительно кивнул.

Да конечно, у меня не было другого выхода, кроме как прислушаться к словам умного человека, к совету моего деда и попробовать отыскать хоть какую-нибудь информацию

о монастыре в городском архиве. Потому уже на следующее утро я переступил порог местного хранилища истории. Заведующая, Нина Сергеевна, приветливая женщина с коротко стриженными волосами, окрашенными в непередаваемый сиреневый цвет и задумчивыми зелеными глазами, сразу же согласилась помочь. Она выслушала мою просьбу, а когда я честно признался в том, что прихожусь внуком Григорию Антоновичу, широко улыбнулась.

– Конечно, конечно знаю! Хороший человек твой дед. Давно знакомы. Ну, пошли, попробуем хоть чем-то тебе помочь. Знаешь, в наше время так мало людей интересуется историей. Как сейчас говорят? Не рентабельно! Не представляет коммерческой ценности... как-то так. Одна коммерция у всех на уме. Вот и мне, не поверишь, некому дела передавать. А ведь давно пора на заслуженный отдых.

– На пенсию, но вам ведь лет пятьдесят, ну никак не больше!

Она лукаво прищурилась и внимательно посмотрела на меня.

– Точно Гришин внук! Если бы я сомневалась, то сейчас бы все сомнения окончательно развеялись. Один в один! – она лучезарно улыбнулась и добавила: – Не верю, конечно, но все равно спасибо!

Наверняка так и пахнет история. Слегка влажный воздух, наполненный острым запахом пыли, ароматом тления с примесью горелой бумаги. Витало вокруг меня что-то еще, еле

различимое, непонятное, странное. Вот только что это было, тогда я так и не понял.

Мы миновали небольшую заваленную книгами комнату и прошли в длинное темное помещение до самого потолка заставленное стеллажами. На них и покоились всевозможные бумаги. В ящичках, коробках, папках, в пакетах, просто насыпью. Огромное количество бумаг. Казалось на полках уже нет и места, куда можно воткнуть хоть один листик, хоть одну папочку. Да и само помещение было слишком маленьким для такого объема документов. Множество коробок, не уместившихся на полки, попросту лежали на полу сваленные под стену. Некоторые картонки протерлись, и документы медленно, будто сами собой, выползали сквозь свежие дыры.

Нина Сергеевна подвела меня к предпоследнему стеллажу и указала рукой на картонный ящик, лежащий на верхней полке практически под самым потолком.

– Достань вон тот коробок. Собственно, это все, что сохранилось с тех давних времен.

Я чуть не упал и попутно не завалил несколько стеллажей. Чудом удалось удачно приземлиться, устоять, не выпустив из рук добычу. Тем временем Нина Сергеевна убрала бумаги со столешницы старого изрядно изъеденного шашелем стола и указала рукой на шаткий стул.

– Вот тебе рабочее место, располагайся. Смотри, изучай, не буду мешать.

Я поблагодарил заведующую и тут-таки взялся за дело. Выложил содержимое ящика, заглянул внутрь, убедился в том, что ничего не осталось на дне, и начал неторопливо возвращать совершенно неинтересные мне бумаги обратно в коробку, попутно разглядывая их. Справился достаточно быстро, слишком уж мало было документов, в разы меньше, чем я рассчитывал увидеть. В основном это были письма. Скорее всего, их содержание заинтересовало бы не одного профессионального историка, но меня, дилетанта, они не занимали. Все за исключением одного, вернее двух. Первым, которое пробудило мою веру в успех, было поздравление, неизвестно кем написанное и неизвестно кому адресованное. Кто-то кого-то поздравил с окончанием постройки церкви на территории будущего монастыря. Вот и все. Ни имен, ни названий или намеков на таковые, ни дат. А вот второе, то самое с просьбой...

– Нина Сергеевна, скажите, откуда здесь это письмо?

– Это один из тех вопросов, ответов на которые у меня нет. Скажу только одно, лет десять назад, может чуточку больше, один историк его изучал, не вспомню фамилию. Более всего его интересовало, кому это письмо адресовано. По моему он так ничего и не выяснил. Да, еще отец Алексей, священник наш, любопытствовал, примерно месяц назад.

– А все-таки, почему оно здесь, его, насколько я понимаю, должны были куда-то отправить?

– Конечно, – она пожала плечами и продолжила, – долж-

ны были. Возможно, тот, кто писал это послание так его и не смог его отослать, вот оно и здесь. А может, отправил, а адресат приехал уже с ним. Не знаю. Если тебя это действительно занимает, попробуй поговорить со священником. Его эта тема очень волнует. Кажется, он даже вынашивает планы восстановления монастыря!

– А вы не будете возражать, если я сниму копию с документа?

– Нет, конечно, но ты ведь не думаешь, что у меня ксерокс имеется?

– Здесь отделение банка через дорогу. Я быстренько сбегаю? Верну в целости и сохранности, обещаю!

– Это против всех правил, но куда тебя денешь!

Старый:

Серж, ты пытаешься получить ответ, толком не задав вопрос. Я о том, что лично мне кажется логичным детально описать ситуацию, а потом уже ожидать какого-нибудь совета. В противном случае будешь иметь изобилие умных замечаний вроде того, что тебе Алекс написал, тот, который с номером 12. Пиши, жду.

Старый:

Серж, ты куда пропал?! Это уже как минимум невежливо. Поднял тему, а сам исчез! Вернись к нам!

ВиТек:

Да не мешай ты человеку! Он там во снах своих... парит.

Куда нам земным до него... пущай полетает!

Давненько я не заглядывал на форум, а если честно, то и сейчас не очень хочется...

Серж:

Старому. Так я же тебе все описал. Почти детально. Даже не знаю, что еще добавить. Вот недавно привиделось, даже не уверен, что спал. Видел монастырь. Похоже, было это лет триста тому назад. Какая-то карета подъехала, на козлах девушка. Вернее я так думаю. И постоянно ощущения такие, будто все кто в моих снах появляются, на меня смотрят, будто ждут чего-то. Разрешения, совета, а может помощи. Так как-то...

Старый:

А монастырь был только однажды?

Серж:

А ведь и вправду! Постоянно. Как сейчас вижу – на горизонте темнеет. На переднем плане войска выстроились, а там... Да, точно, это не лес, не облака, каменное здание! Только как бы нереальное оно, расплывчатое, почти прозрачное. А ты откуда знаешь?

Старый:

Наверное, для тебя это будет звучать как минимум странно, более того, полным бредом, но все-таки я должен сказать вслух – тебя выбрала судьба. Или по-другому – ты избранный!

Серж:

Да. Касаемо «брёда», не могу не согласиться. Очень смахивает. Нет, ну ты не преувеличиваешь? Слушай, даже слова не подбираются. Избранный, это как? Герой с какими-то там выдающимися способностями? Значит, теперь мне мир предстоит спасти, да? Смешно!

Старый:

Извини, но я вынужден тебя огорчить. Судьба выбирает не только героев, да и не столько героев. Чаще всего ей нужны «мальчики для битья», как в твоём случае – для публичной порки!

Глава двенадцатая

Я положил листик на стол и щелчком пальцев подтолкнул его к центру столешницы. Интересно, зачем все это? Да, понятно, мой знакомый незнакомец из поезда развлекается. Кто же еще?! Первую часть рассказал еще тогда в пути. Продолжение прислал по электронной почте. Письмо, я так думаю, он заготовил заранее, а отправил только сегодня. Найти адрес несложно, конечно, зная, где я работаю. Может я сам взял и разболтал? Возможно, я ведь почти ничего из поездки и не помню. Ничего, кроме его рассказа да утренней побудки. Может! Все может. А вот эту ксерокопию и свои комментарии к ней, он же вложил в мой портфель, пока я спал. И это вполне реально. Правда, не совсем понятно, как он догадался, что я сначала прочитаю «электронку», а потом возьмусь за бумаги. Неважно это, может он меня и вовсе запрограммировал, может гипноз или еще что-то в этом духе! Или все гораздо проще – не было никакого гипноза, была только логика, элементарная логика?

Но более всего непонятно другое – вот зачем? Зачем все это? Не представляю! Если чрезмерную откровенность в поезде я еще понять могу, с кем ни бывает, то к чему эта навязчивая переписка? Похоже, ему к психиатру прямая дорога, а что я! Что я могу сделать? Подсказать, дать совет? Не думаю. Я вообще из тех людей, которые не лезут в чужие дела

и уважают тех, кто не лезет в их собственные. Так что совета от меня он точно не дождется!

Еще несколько минут стили прошлым и мне окончательно удалось убедить себя в том, что главное сейчас – отоспаться. Я отложил все бумаги, выключил свет и, не раздеваясь, прилег на диван. Нет, не спать, пока только готовиться, примерить на себя подкрадывающийся сон. Растянулся на мягкой постели, потянулся, закрыл глаза. Почти минуту пролежал без движения, потом вдруг не выдержал и рывком поднялся. Рука сама дотянулась до выключателя настольной лампы, необычайно яркий вспыхнул свет...

– Это хорошо сын мой, что ты решил обратиться к Богу. В наш век вольнодумство – вот главный враг человека! Вместо того чтобы прислушаться к голосу совести, каждый, или почти каждый, готов продать душу дьяволу в обмен на какое-нибудь призрачное благополучие, – отец Алексей громко вздохнул, насупился, не иначе как подбирая слова, подобрал, кашлянул и продолжил: – Именно так. В наши часы, в пору обмана и притворства многие пытаются изображать истинных христиан, но стоит заглянуть в их темные души! Хотя, это я отвлекаюсь. Почти уверен, что и тебя привело в церковь не раскаяние, надеюсь, хотя бы поиск истины. Так чем могу быть полезен, молодой человек?

Порывшись еще полчаса в городском архиве, я не нашел ничего, что могло бы меня заинтересовать. Оставалось толь-

ко сделать копию единственного по-настоящему интересного для меня документа, убрать следы своего пребывания, водрузить коробку на ее законное место, попрощаться с заведующей и удалиться. Собственно, это я и сделал. Скатал в трубочку ксерокопию (все-таки не с пустыми руками возвращаюсь!) и не спеша пошел домой. Дорога проходила мимо одной из двух небольших церквей города. В ней правил отец Алексей. Дверь была открыта и просто манила, приглашала зайти. Я поддался. Решил не откладывать «на потом» запланированный визит и переступил порог храма. Вошел в просторный зал и у самого входа столкнулся со священником.

Не могу сказать, что я хорошо с ним знаком. Скорее, он в хороших отношениях с моим дедом. Трудно сказать, по каким именно вопросам у них общие интересы. Сколько помню, дед был атеистом, не воинствующим, правда, тем не менее...

Но это совершенно неважно, ведь дед практически со всеми в хороших отношениях, важно то, что отец Алексей принял меня радушно, думаю даже более радушно, чем обязывал сан священнослужителя.

– Отче, я пришел просить у вас помощи, – так, как священник уже минуту рассматривал меня, надо было что-то сказать.

– Сын мой, святая обязанность каждого служителя Господа нашего помогать страждущим, да наставлять на путь истинный заблудших! Но чем конкретно я могу тебе помочь?

– Меня интересует монастырь святого Василия, который некогда располагался на месте старой сельхозтехники.

Священник, как казалось, на минуту задумался, затем внимательно на меня посмотрел.

– Свято-Васильевский монастырь? А позволь поинтересоваться, почему именно эта тема тебя занимает? Не пойми меня превратно, в наши дни многие преследуют благие на первый взгляд цели, но истинные причины, что скрываются в тени мнимой благости, порой идут в разрез с политикой церкви...

Пришлось вкратце пересказать события недалекого прошлого.

Священник внимательно выслушал мой несвязный монолог, задумался, полагаю, он пытался понять, реально ли все это выдумать, а если реально, то с какой целью. В конце концов, кивнул и сказал:

– Как ты наверняка знаешь, сын мой, я имею намерение воссоздать величие дома божьего, известного как Свято-Васильевский монастырь. Именно потому я долгие годы выискиваю, где только можно материалы, относящиеся к столь краткому периоду его существования. Немногое удалось найти. Да, то письмо, о котором ты упоминаешь, я видел, – он на мгновение замолчал, а потом повел далее: – А почему мы, собственно, стоим, проходи!

Степенной походкой свойственной только священникам он направился к двери. Решив, что продолжить беседу мы

должны на свежем воздухе я пошел следом. Но отец Алексей подошел к массивной входной двери, закрыл ее на засов, вернулся к алтарю и открыл еле заметную среди яркой росписи стены дверку.

– Ты мужчина, тебе можно, проходи!

Последний, вернее, единственный раз за алтарь я заходил лет пятнадцать назад. Именно тогда я решил, что должен последовать примеру моих предков христиан и также креститься. Много времени прошло с той поры, я уже и не помню, как все происходило. Не помню, что тогда видел, но то, что увидел сейчас, меня изрядно удивило.

Тайная комната, в которую, как известно, женщинам вход закрыт, представляла собой тесное помещение, всю меблировку которого составлял кухонный стол и два табурета рядом. На столе стояла початая бутылка водки, на ней своеобразным колпачком граненый стакан, рядом со столь оригинальным украшением стола расположился массивный чугунный крест, прислоненный к стене. Просто над крестом на гвоздике висела картина в простенькой деревянной раме, на ней довольно симпатичный запечатлен осенний парк. Собственно и все. Такой себе натюрморт с пейзажем...

Будучи истинным внуком своего деда, мне трудно было промолчать. Более того, я уже и рот открыл, намериваясь охарактеризовать увиденное, но все-таки сдержался, проглотил колкие слова, одно слово, за ним второе... глаза священника помогли. Встретился с ним взглядом и сразу передумал

что-либо говорить. Он же лишь покачал головой, пригрозил мне пальцем и сказал, словно пропел:

– Молчи отрок, молчи, не то прокляну!

Словно заправский иллюзионист отец Алексей провел руками над столом, каким-то чудом бутылка со стаканом исчезли, вместо них на столе появилась папка. Обычное картонное вместилище документов, вот только разрисованное под старинный фолиант. Одно мгновение и такие изменения...

Наверняка священник остался довольный произведенным эффектом и моим озадаченным видом. Он искренне засмеялся и скромно заметил:

– Три года в эстрадно-цирковом, это тебе не просто так!

Я мгновенно забыл о фокусах и замер, несколько томительно долгих минут, словно зачарованный смотрел на папку. Я хотел верить в то, что она даст мне ответы, откроет те знания, к которым так стремлюсь. Хотел, но немного побаивался. Не хватало решительности, почему спрашивается...

Собрался с духом. Я уже почти решился протянуть руку и прикоснуться к церковным тайнам, но священник опередил меня и накрыл папку широкой ладонью. А ладонь у него что надо!

– Я смотрю, ты слишком многого ждешь от этой картонки, от этих документов, вот даже пот проступил. Хочу тебя предупредить, там очень даже немного всего. Несколько рисунков, да два письма. Собственно, что это я? Сам смотри.

Сам решай!

Он присел на стульчик и демонстративно отвернулся, глядя на картину, словно в окно. «Почему у меня дрожат руки? И зачем папку так крепко завязывать?»

Наконец-то я справился с хитрым узлом. Развязал тесемку, открыл и высыпал содержимое на стол. Посмотрел и непроизвольно вздохнул. Было от чего! Все сокровища это копия письма, как и та, которая уже была у меня, еще одно письмо, написанное на языке, которого я не знал, полагаю латынь. Ниже копия чего-то похожего на план строевой. Большой чертеж целых восемь листов. Не иначе как план монастыря. Еще фотография. Худощавый мужчина в больших роговых очках на фоне участка каменной стены. На обороте черно-белого фото написано «Остатки фундамента монастыря св. Василия. Археолог Микитич О.А. 19.09.1968 г.». Вот собственно и все. Хотя нет, не все, на дне папки еще что-то было, что-то застряло между картонками. Ткань, нет, что-то завернутое в тонкую ткань. Выкладываю на стол, осторожно разворачиваю – гравюра, не иначе как старинная. Несколько секунд пытаюсь разобраться в том, что вижу. Трудно разглядеть, картинка старая, время потрудились, сглаживая границу между некогда контрастными оттенками.

Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, когда я уловил, где кончается черный цвет и начинается белый. С тех пор, когда я понял, что именно изображено на рисунке неизвестного автора.

Это был монастырь. Тот самый «мой» монастырь во всей красе!

Непостижимо, как древний мастер, имея в своем распоряжении всего два цвета: черный и белый, смог так реалистично отобразить лишнее и лишество великолепие древней архитектуры! Безусловно, монастырь был изображен в период своего истинного величия. Большое, просто огромное по тем временам здание, увенчанное куполом. Под ним угадывается колокольня, даже колокол можно разглядеть, огромный, под стать зданию. Крепкая, внушающая почтение стена. Две башенки обозначали въезд. Все пространство вокруг поросло дубами. Такими же величественными, такими же надежными. Твердыня, просто крепость божья! Совсем как та, из моих видений...

От наблюдений, которые грозили перерасти в воспоминания, меня оторвал отец Алексей. Оказалось, он уже несколько минут тряс меня за плечо:

– Живой? Вот и хорошо. Вижу, понравилась картинка. Нашлась случайно на чердаке у одной старушки. Долго не могли понять, что это. Что изображено, кто мастер...

Откуда-то из пустоты он извлек графин и налил стакан воды.

– Вот, выпей. Видно здорово тебя монастырь наш задел. Честно говоря, напугал ты меня не на шутку. Да-да! Не видел ты своего лица. Но, похоже, теперь лучше. Да, вижу, вот и румянец уже пробивается.

Глава тринадцатая

Автобус остановился просто посреди степи. Дверь открылась. С легким недоумением во взгляде я посмотрел на водителя, тот утвердительно кивнул. Я кивнул в ответ, добавил к кивку: «Спасибо!» и спрыгнул на пыльную обочину. Автобус покатил дальше, я растерянно огляделся.

Будто желая разнообразить яркий, но не отличающийся обилием красок пейзаж, в нескольких метрах позади меня блеснул тыльной стороной дорожный указатель. Это все-таки информация. Я подошел ближе, обошел вокруг бетонного столбика, поднял голову, довольный кивнул. На изрядно исцарапанной табличке виднелась стрелка, над которой, лишенная чуть не половины букв, красовалась надпись «Спасовка 9 км». Именно то, что и было мне нужно.

Порядок. Я лишний раз напомнил себе о том, что никуда не спешу и медленно обернулся, всматриваясь в каждую деталь удивительного степного пейзажа. То, что видели глаза, мне действительно нравилось. Симпатичная местность. Степь вокруг. Широкие поля с обеих сторон узкой полоски асфальтированной дороги. Простилались они до самой линии горизонта, только вдалеке перерезались ровными поясками лесополос. Прямые ряды высаженных деревьев, делящих на прямоугольники золото полей, радовали взор и поднимали настроение. Но, стоит заметить, более всего радова-

ло то, что часы показывали лишь восемь утра, а солнце еще не успело как следует раскалить приятный и даже чуточку прохладный утренний воздух.

На всякий случай я еще раз взглянул на указатель, на стрелку, проследил за ее направлением. Лишь теперь заметил грунтовую дорогу, черную ленту, петляющую среди полей, исчезающую вдалеке за холмом. Промелькнула не лишняя прозаичной грусти мысль: «А ведь никто меня не подвезет. Придется самому топтать все эти 9 км». «Но ведь это всего лишь девять километров!» – весело ответил я своей грустной мысли, улыбнулся ей и шагнул в ту сторону, куда направляла меня стрелка указателя.

Думаю, ты хочешь спросить, что это за Спасовка, и зачем она мне нужна? Нет? Как это нет! Не могу поверить. Но даже если и так, расскажу, все равно расскажу, всенепременно расскажу! Ведь это не может тебя не интересовать...

Честно говоря, еще пару дней назад я о ней и не слышал. О Спасовке этой. Зато сейчас много чего о ней знаю. Так что слушай – Спасовка, это маленькое село, которое не на каждой даже очень подробной карте найдешь. Село с очень длинной и не очень счастливой историей. Собственно, как и многие другие села. Спросишь, зачем мне туда идти? Хочется верить что надо, очень хочется...

Ну, а если подробнее да понятнее, то направил меня в эту самую Спасовку отец Алексей. В этом самом селе, точнее, в непосредственной близости от него, еще много сотен лет

назад был основан один из тех монастырей, которые являлись собой опорой христианской веры всей центральной в ту пору Малороссии. Монастырь этот существовал, более того, действовал и по сей день. Безусловно, для него, как и для большей части культовых сооружений нашей страны, двадцатый век был не лучшей вехой в истории. Правда, в определенном смысле Спасовскому монастырю повезло. Еще бы, ведь его не сравнивали с землей, в его просторных помещениях не разместили склады, амбары, или что еще похуже. Наоборот, сразу после Октябрьской революции его каким-то дивом признали памятником архитектуры, строения объявили охраняемым объектом, благодаря чему он и поныне довольно-таки неплохо сохранился.

Что тут скажешь, собираясь в дорогу, я изрядно успел подготовиться. Поднабрался знаний. Все-таки полезная вещь интернет. Именно благодаря нему я знаю, что с началом двадцатых годов в пору коллективизации землю и здания монастыря национализировали. Поскольку монастырь был одним из самых богатых в свое время, на его землях образовался колхоз. Впоследствии миллионер. Минимум трижды он менял название. Был и «им. Кагановича», и «Путем к коммунизму». А в самом конце восьмидесятых годов, того самого бурного двадцатого века, именовался он «колхозом имени графа Давыдова». Не скажу точно, почему так произошло, может, какой остряк предложил, остальные же утвердили, не подумав, а может, виной тому было то, что у

вышеупомянутого графа и вправду мелькали в голове революционные мысли. Не знаю. Но факт вещь упрямая, было и такое – колхоз имени графа, расположившийся на монастырских землях.

Это вкратце о селе и расположенном поблизости от него монастыре. Касаясь цели поездки, так это отец Алексей попросил у тамошнего настоятеля разрешения для меня покопаться в архиве...

Так я оказался среди полей. Огляделся, полюбовался пейзажем и побрел не спеша по узкой грунтовой дороге. Красота вокруг. Вдоль обочин с обеих сторон раскачиваются золотистые кудри пшеницы. Налилась она зерном. Еще недельку подождать и пора уборочной. Конечно, если погода не испортится. А она ой, какая непостоянная! Все может произойти, все может случиться. Одно точно, сегодня она портиться не собирается. День обещает быть жарким и солнечным. И не просто обещает, выполняет он свое обещание. Раскаленное небесное светило плавно поднимается все выше и выше, движется оно по кристально чистому небосводу. Поднимается и все сильнее припекает. Никто не в силах ему помешать. Некуда от него спрятаться. Да и на небосклоне от горизонта до горизонта ни облачка, ни намека на таковое. Чистое ясное небо, только еле различимыми точками высоко в небе парят ласточки. Кажется, слышны их приглушенные крики, а может это фантазия моя трудится, дополняет воображаемыми звуками красочную картину летнего дня.

Дойдя до первой же лесополосы, я почувствовал неимоверную усталость. Обернулся назад, посмотрел, как мало успел пройти, взглянул вперед, так много осталось! Тяжело вздохнул, потоптался на месте и... решил передохнуть. Все-таки городская жизнь не пошла мне на пользу – еще немного и вовсе ходить разучусь. А ведь были времена, я, маленький еще, да дед, куда моложе, нежели сейчас, так мы вдвоем в две лопаты за день весь огород перекапывали. А он у деда ой не маленький! Вот и дай мне сейчас лопату, заставь копать – там, на огороде и останусь! Сам закопаюсь...

Отдых. Присел я на зеленую все еще не выгоревшую от летней жары траву, не удержался и, не думая об испачканной одежде, жуках с муравьями, прочих прелестях общения с живой природой, разлегся на земле.

Вот это красота! Надо мною нависает, закрывая полнеба своей кроной, дуб. Где-то в густой листве громко поет какая-то невидимая птичка. Даже любопытно, что это за певец летнего дня спрятался в ветвях? Высоко в небесной синеве резвятся ласточки, а может стрижи, а может... неважно, к чему детали, пускай себе парят. Не буду им мешать. Да и не смогу я. Нет в небе моей власти, могу лишь слушать, смотреть и наслаждаться. Чем собственно я и занялся. Птичек слушал, еле различимый шелест листвы, а вот еще где-то рядом затянул свою песню сверчок. Странно, а я всегда полагал, что он ночной житель!

Откуда-то с той стороны, где должно располагаться село,

донесся новый звук. Занятный звук. Новый он для меня! Не иначе как цоканье лошадиных копыт. Правду говоря, я его так слышал, частенько, вот только исключительно в кино. А наяву это же куда интересней!

Я поднял голову, выглянул из травы, смотрю, действительно по грунтовой дороге просто на меня не спеша цокает копытами конь. Черный с длинной гривой, ну просто как тот, из моих снов. Красивый! Вот только тянет он не карету, а менее аристократический экипаж. Тележку тянет, всю из себя деревянную, будто старинную, вот только колеса весь вид портят, от автомобиля они. Зато сиденье имеется, как раз под старину – небольшой стог сена. Такой вот симпатичный сельский транспорт...

Как показалось на первый взгляд, да и на второй тоже, в повозке никого не было. Представь только, чистое поле. Вокруг, сколько не смотри, ни души и только черный конь медленно катит свою повозку. Жутковато, ничего не скажешь. Кажется, даже палящее солнце вмиг померкло, добавляя антуража мрачной картине. Сознаюсь, я слегка струхнул, стоило только воображению дорисовать несколько штрихов к тому, что видели глаза. Непроизвольно задрожал, чувствуя, как гулко бьется сердце, отзываясь на происки разрастающегося страха (и это среди бела дня, а если такое да в сумерках увидеть?).

Конь подошел ко мне и остановился. Большими грустными глазами осмотрел меня. Всего, с головы до пят, благо,

осматривать лежащего нетрудно. Потом резко мотнул головой, раз, другой, не иначе как пожелал убедиться в том, что я ему не померещился. Прищурил один глаз, второй. Равнодушно фыркнул, отвернулся, наклонил голову и принялся угощаться сочной травой.

Тем временем сено на телеге зашевелилось, задвигалось, чуть приподнялось и громко чихнуло. Наружу, обрамленная сухой травой, показалась голова, лишенная волос, а за нею и большая часть человека, частью тела которого она являлась.

Выбравшийся из сена мужчина ладонью смел с лица сухие листочки, кулаками потер глаза. Подвигал густыми седыми бровями, посмотрел куда-то мимо меня. Его голубые глаза казались практически бесцветными, словно выцвели они, выгорели, потеряли пигментацию от палящего солнца. Крылья большого, картошкой, носа взлетали в такт дыханию, длинные седые усы колыхались, словно отгоняли мух. Он вертел головой, часто мигал веками и молчал, вертел, мигал, молчал, но вдруг громко выругался, упал на сено и принялся шарить рукой по днищу телеги.

Услышав знакомую брань, конь опасно фыркнул, повел ушами и искоса посмотрел на своего хозяина. Убедившись, что дежурная тирада на сей раз относится не к нему, умное животное тяжело выдохнуло и вернулось к поеданию растительного корма.

Минутой позже мужчина нашел то, что словно иголку, пытался найти в стогу сена, а именно, очки в блестящей метал-

лом оправа с толстенными стеклами. Радостно хмыкнул, нацепил их на нос и снова посмотрел, но теперь уже не мимо, а на меня. Похоже, только теперь он меня и увидел.

– Вот диковинка-то. Посмотри-ка верный мой Пилигрим, кого мы с тобой нашли!

Конь услышал свое имя, шевельнул одним ухом, мельком взглянул на меня, перевел взгляд на хозяина. После, не иначе как, решив, что бессмысленными разговорами сыт не будешь, да и вообще, дальнейшее его не касается, наклонился к траве. Мужчина же сел на край подводы свесил босые ноги и сказал, на этот раз, обращаясь непосредственно ко мне:

– Здравствуй-здравствуй, уважаемый! Какими такими путями в наши края?

– Здравствуйте, я монастырь ищу.

– Пилигрим, ты слышал, монастырь ищет! Прямо-таки здесь в траве? – он громко засмеялся. – Тогда поищи еще во-он там, под деревом. Там трава гуще, может он меж стеблями притаился!

– Я хотел сказать, в монастырь иду, в Спасовский...

– Оно и понятно, что в Спасовский. Тут на сотню верст иного нет, да и не было никогда. Я просто подумал, что если будешь идти именно так, лежа, то и до ночи не дойдешь. А вот я лично как раз в ту сторону и направляюсь. Залезай, подвезем. Все ж быстрее будет!

Не дожидаясь повторного предложения, я взобрался на телегу и устроился рядом с возницей. Тот прикрикнул на ко-

ня, и мы потихоньку двинулись. Мужчина же продолжал:

– Вот сколько лет живу на свете, удобнее транспортного средства не встречал. Просто нет, не бывает, такого транспорта, который бы ехал сам по себе. Неважно, спит водитель, бодрствует, а он едет. И что особенно приятно, никогда не заблудишься! Взять, к примеру, моего Пилигрима, мы с ним, сколько лет уже по дорогам колесим. Страшно подумать. Он хоть и животное, а все маршруты знает. Скажу ему, куда ехать надо, сам в сено и спать. Проснусь и вот, прибыли. И каждый раз туда, куда собирался. Красота! Кстати, меня Панасом зовут, – он еще раз посмотрел на меня, наверное, решил, что я еще не дорос до того, чтобы обращаться к нему со столь явной фамильярностью, добавил: – Афанасий Никитич я, вот как!

– Я Сергей, очень прият... – я вдруг понял, что именно в этой ситуации меня не устраивало – мы ехали в том направлении, откуда я недавно пришел. – А вы, собственно, куда направляетесь?

– Ну, ты даешь, такой молодой, а память! Решето, а не память. Или нет, дуршлаг, вот! Дырки у того крупнее. Я же сказал, да пару минут назад сказал, в Спасовку!

– Но Спасовка там, – я указал рукой в противоположную сторону.

Возница посмотрел на меня с выражением лукавой снисходительности на лице, мол, мало ли вас тут бродит, меня же собрались учить! Но вдруг резко отвернулся, мотнул головой

в одну сторону, затем в другую. Остановил взгляд на крупе коня. Посмотрел на меня. Снова на коня. Видел он плохо, не помогали и толстые линзы очков. Он их снимал, щурился, снова одевал. Опять снимал, тер глаза, надевал. Искал аргументы в свою пользу, но только убеждался в моей правоте. И моя правота, смешавшись с его пониманием, вылилась на голову ни в чем не повинному животному. Вылилась потоком отборной брани.

Словарного запаса вознице хватило минут на десять. Не меньше. Говорил он громко четко и практически без интонации. Если сократить его речь до нескольких предложений, да убрать ряд специфических выражений, сводилась она примерно к следующему:

– Ты куда завезти меня решил, старый мерин? Я же тебе по-человечески сказал, домой! А ты...

Похоже, из всей кажущейся бесконечной тирады коню было понятно только слово «домой». Услышав его, он обреченно кивнул головой, развернул телегу и направился в противоположном направлении.

Возница умолк, но молчание – не его добродетель.

– А вот скажи мне добрый человек. Я вижу – человек ты грамотный, а поскольку идешь в монастырь, верующий...

Еще раньше, до того как выяснилось, что мы не туда едем, я успел заметить, что новый мой знакомый просто места себе не нагреет. Казалось, говорил он одно, а думал о чем-то другом. О чем-то, что занимало его, пыталось овладеть ним

полностью. Будто он спросить о чем-то хотел, о чем-то очень важном для него лично, но все не решался. Так и в этот раз, он оборвал речь, внимательно посмотрел на меня, не иначе как собиравшись с духом и вдруг скороговоркой выпалил:

– Слушай, ты мне прямо скажи. Есть Бог, ели нету его? Я к чему веду, вот взять меня, я родился и вырос, что называется, в стране развитого социализма. В дни моей молодости, да что там молодости, до недавнего времени в моем материалистическом сознании не было места Богу. А вот сейчас ума не приложу, что делать, о чем думать. Года у меня уже не те. Словом, сам понимаешь, пора бы и о душе подумать. Вот только не могу решить, стоит ли о ней думать. Ведь если бога нет, то все бессмысленно, но если он есть...

– Вы так говорите, будто историю КПСС в институте преподавали. Социализм, материалистическое сознание! Где вы учились?

Не то чтобы мне действительно было интересно, но что поделаешь! Беседа на то и беседа, чтобы ее поддерживать. Кроме того, меня везут, надо хоть как-то расплачиваться. Пусть лишь одними только разговорами. Надеюсь, он исповедоваться не собирается?

– Да куда там! – мужчина грустно улыбнулся. – Какое там, преподавал! У меня и образования никакого, так школа с грехом пополам и все тут. Ну, еще телевизор, как без него-то! Там, – он показал пальцем правее от дороги, – в Спасовке родился, там учился, там проработал всю жизнь, там и умру.

И вот сейчас, так сказать, на пороге смерти...

Он снова замолчал, низко склонил голову, казалось, вот-вот заплачет, я же решил воспользоваться паузой и быстро ответил:

– Мне жаль, но, увы! Я практически ничего не могу сказать по вашему вопросу. Я ведь не священник вовсе, а если совсем честно, то не такой уж и верующий. Я всего лишь историк, и иду в монастырь исключительно по делам науки.

Про себя с гордостью отметил – вру так убедительно, что еще чуточку и сам поверю. Хотя, повод для гордости весьма сомнительный.

Возница отвел взгляд, потупил глаза и внимательно посмотрел на свои босые ноги, выглядывающие из-под коротких потертых брючин.

– Правду говоришь, жаль! Но у вас, у историков, очень даже интересная профессия. Наверняка здорово так жить. Путешествовать, изучать документы. Вот только ковыряться в земле, раскапывать чьи-то могилы, я бы не смог!

Он опять замолчал, несколько раз чуть заметно кивнул, прищурил глаза, зашевелил губами, похоже, что-то вспоминал. Вдруг резко распрямился, подпрыгнул, чуть не свалившись с телеги, и выпалил, почему-то перейдя на «Вы»:

– А вот как историк, скажите мне на милость следующее: вы ведь должны знать наши края, так вот, лет сто пятьдесят тому назад была в нашем селе мануфактура, а правда ли, что...

– Извините, но я занимаюсь несколько другим периодом истории и касательно вашей мануфактуры ничего мне доподлинно не известно...

В ответ собеседник печально пожал плечами.

– Какая-то странная у тебя история! Вот агроном наш Колька, сразу видно – человек образованный! Он, как ученый, знает все, что только на земле растет. К примеру, Тамаре, соседке моей, сын откуда-то из-за границы пальму привез, так Коля тут же выдал что за фрукт, как называется, где растет, еще что-то по-иностранному загнул, даже я бы так не смог! А уже вдобавок совет дал, как правильно посадить, как растить, чем удобрять. Сразу видно – специалист! А тебя чему учили? Про Бога – не знаю, про мануфактуру – не тот период, что же ты за историк такой? Ни рассказать чего интересного, ни дельный совет дать...

Последние слова сильно задели меня. Дать совет! Нет, конечно же, я много чего мог на это ответить новому знакомому. Легко бы нашел, что сказать, как сказать. Мог бы пояснить, что его логика – верх кощунства. Как иначе! Разве можно так размышлять?! Получается, ежели Бог есть, надо вести себя подобающе, а если нет, тогда зачем напрягаться? Так получается? А если еще добавить... вот это я бы разошелся! Хотя нет, ничего такого не сказал бы, разве что посоветовал обратиться с подобного рода вопросами к кому-нибудь из священников. У кого как не у них должен быть достаточный запас правильных слов, которые помогут в подоб-

ной ситуации! Я уже почти собрался озвучить свою мысль, но не успел. Не пришлось.

Как только конь, а за ним и наша подвода повернули за очередной лесополосой, левее показались крайние строения села. Конь, чувствуя близость дома, прибавил ходу и скоро мы проезжали мимо высокого деревянного креста с мастерски вырезанной на нем надписью «Спаси и сохрани». Еще две-три минуты все учащающегося цокота копыт и мы поравнялись с дорожным указателем: «Спасовка». Афанасий Никитич потянул на себя вожжи.

– Вот, собственно, мы и приехали. Мне направо, я тут неподалеку живу, а тебе прямо, вот по этой дороге. Минувешь село, там и будет твой монастырь. Счастливого пути, так сказать, и мой тебе совет на будущее – ты учись лучше. Если так и дальше пойдет с тобой и поговорить не о чем будет, – он поднял указательный палец вверх и громко вымолвил: – А еще поучать меня вздумал!

Не успел я ни задуматься, ни обидеться, как он прикрикнул на коня, тот резво зашагал дальше. Нет, если разобраться, есть ли у меня причины обижаться? Никаких. Подвезли, и на том спасибо! А какой из меня историк, так это я лучше кого-либо другого знаю. Кроме того, понимал я, у меня своих дел полно. Идти надо, а не с местными жителями отношения выяснять.

Казалось, все просто. Сказали мне, русским языком сказали – иди прямо через село. Вот только одно «но» – в ука-

занном направлении вели две дороги. Одна чуть-чуть уходила направо, а если присмотреться, то в нескольких сотнях метров заворачивала еще правее. Вторая же шла прямо и, кажется, упиралась в густые заросли сирени. Обе одинаковые, никакого существенного отличия. Хоть бы указатель какой-нибудь поставили, желающих податься в монахи, мол, туда просим...

Я решил узнать дорогу у первого, кто повстречается на пути, минуту посомневался, глядя то на одну улочку, то на другую и в результате пошел правой дорогой.

Далеко идти не пришлось. За деревянным заборчиком первой же усадьбы я увидел молодую полнотелую женщину. Она энергично боролась с сорняками, облюбовавшими ее двор. Высоко поднимала увесистого вида тяпку и с силой вонзала ее в засохшую почву. Методично, так, размеренно, с упоением. Не женщина, а культиватор...

Я нерешительно подошел к калитке, заглянул поверх нее и спросил:

– Хозяйка, а не подскажете, как к монастырю пройти? День добрый!

– Так и у вас пусть будет добрый! – она выпрямилась, поправила волосы и взглядом оценщика осмотрела меня с головы до ног (насколько позволяла решетчатая калитка). – Что-то на послушника вы не очень похожи. Так оно и правильно, зачем прятаться от жизни за высокими стенами. Что там делать! Одни мужики, да и те монахи. А разве мало мо-

лодок на свете? Вот на меня гляньте, ничего, а? Так я еще и незамужняя!

Выставив вперед свои пышные формы, она направилась к воротам. Я растерялся, пробормотал что-то невразумительное и непроизвольно отступил на шаг назад. Нет, не то чтобы я боялся женщин. Не страшные они... как правило. Просто я представил, что останется от щедедушного меня, если такая вот придавит своим бюстом к калитке, так сразу инстинкт пробудился, тот, который за самосохранение в ответе.

– Да не бойтесь вы, – она громко, но совершенно ненатурально рассмеялась. – Прямо идите. Вон там за холмом ваш монастырь. А если вдруг передумаете, так я здесь живу... одна...

Мое «спасибо» совсем не удалось. Пытаться его исправить совершенно не хотелось, потому я просто пошел в указанном направлении. Шел не спеша, часто оглядывался, прикидывая как бы на обратном пути обойти ее дом, желательно десятой дорогой. А может я и не прикидывал ничего, может это обычное проявление самого заурядного страха. Может, я подсознательно боялся что догонит, да придавит к какой-нибудь калитке...

Неважно все это.

Спасовка оказалась очень даже большим селом. С трех сторон его окружали живописные холмы, с четвертой, откуда я и пришел, простилалась сплошная равнина. Как я узнал позже, эти холмы были тем, что осталось от укреплений,

некогда служивших для защиты монастыря. Давно это было. В те времена существовала сложная система высоких валов и глубоких рвов, наверняка заполненных водой, с переброшенными через них подъемными мостиками. Вот только много воды утекло с тех пор. Рвы давно высохли. Природа понемногу сравнивала с землей плоды трудов монахов древности.

Может оттого, что я почти всю свою жизнь прожил в городах, даже моя малая родина и та мало напоминала деревню, Спасовка удивляла и по-настоящему нравилась мне. Я даже специально свернул с прямого пути, с одной из двух асфальтированных улиц, чтобы несколько минут поплутать среди маленьких аккуратных домиков. Побродил по пыльным дорогам, полюбовался свежей зеленыю.

Первое впечатление от села было смешанным. С одной стороны, оно действительно мне imponировало, радовало подлинной сельской красотой, а вот с другой – смущало тонким налетом фальши. Почему-то сразу выплыло из недр памяти, услышанное когда-то давно в школе на уроках истории «Потемкинские деревни». Уж очень все выглядело показным, вычурным, я бы сказал, чрезмерно нарядным. Просто-таки образцовое село. Ни единого заброшенного дома. Везде чистота, а с ней порядок. Красивые ухоженные деревья, старые они, разные, но большей частью вишни. Густая зелень, дополненная побеленными стволами, подчеркивала общую красоту села, поднимала настроение, привлека-

ла внимание.

В окружении садов виднелись совершенно разные, но одинаково аккуратные домики, окруженные одинаковыми, одинаково ровными заборчиками, одинаково выкрашенными в одинаковый зеленый цвет. Настолько близкие оттенки, что, кажется, их даже красили одновременно. Может и вправду все сельчане собирали деньги, покупали краску и в один день (в день покраски) приводили свое село в торжественный вид? Может, но в любом случае одинаковое все, разнообразия мало, индивидуальности не хватает, вот отсюда и эфемерное ощущение обмана.

Дорога круто пошла под гору и впереди начала вырисовываться цель моего путешествия. Первой над верхушкой холма выглянула высокая выкрашенная в темно-зеленый цвет крыша. Острый угол ската, навевал на мысли о готике. Както подобный стиль в моем понимании больше ассоциировался с католицизмом. Раньше, да, собственно, и сейчас. Но это мое мнение, а в вопросах церковной архитектуры я далеко не эксперт, да что там эксперт, даже и не любитель. Так что я лишь отметил про себя этот очевидный факт, мысленно пожал плечами и продолжил подъем.

Вершина холма. Передо мной во всей красе предстала не только одинокая крыша с примечательными скатами, но и весь архитектурный ансамбль. Поднимаясь, я больше смотрел себе под ноги, потому лишь одолев подъем, разом впустил в себя всю картину целиком. Там, внизу, не столь-

ко защищенное, сколько отделенное оградой высилось многоэтажное строение, окруженное множеством простеньких одноэтажных домиков, амбаров, просто сараев. На первый взгляд ничего особенного, ни выдающейся красоты, ни какой-либо оригинальности, но это лишь на первый взгляд. Чем дальше я смотрел, тем больше мне нравилось то, что видели глаза, все без исключения, от каменной ограды, до флюгера с розой ветров на крыше. Нет, это не уникальное явление, да и не замедленное восприятие тому виной, думаю, передо мной предстал один из тех архитектурных шедевров, постигать красоту которых нужно не спеша, пропуская через себя каждую деталь, видеть в ней задумку автора, следить за ходом его мысли...

Честно говоря, единственным монастырем, который мне доводилось видеть ранее, был «мой», тот самый, из видений. Он выглядел, как это? Мощно, надежно, несокрушимо, крепость, одним словом. Даже в призрачной полудреме видения, его очертания навевали суеверный страх, как минимум, внушали уважение. Правда, времена были не те, что ныне. Цели другие, заботы.

Спасовский же также выглядел величественно, но по-иному, по-своему. Без излишнего пафоса неприступной твердыни, так, наверное. Словом, если тот, «мой», выглядел крепостью божьей, то этот был скорее домом господним. Просто домом, исповедующим силу слова, без красноречивых намеков на силу оружия.

Неожиданно для самого себя я осознал, что стою на месте. Да, остановился и все тут. Непроизвольно. Зачем, почему, не понять. Стою, не могу пошевелиться, не могу отвести глаз, более того, не могу даже мигнуть, люблюсь...

Нет, тут не возразишь, посмотреть действительно есть на что! Прекрасная картина и в целом и по деталям. Вот хотя бы ограда. Стена. Довольно высокая она, метра два, никак не меньше. Аккуратные кирпичные столбики, все пространство между которыми заложено природным камнем. Казалось, должен быть эффект монолита, крепости, но нет. Камни уложены неплотно, между ними зияют широкие щели, благодаря чему вся ограждающая монастырский двор конструкция кажется легкой, ажурной, а то и вовсе кружевной. Пустоты между камнями более всего обрадовали растительность. Плющ, переплетаясь с лозами дикого винограда, проник в каждую щелочку, оплел каждый камешек, отчего простая и обыденная деталь архитектурного ансамбля стала удивительно веселой и почти сказочной.

Оградой великолепие не ограничивалось. За зеленой с редкими каменно-кирпичными просветами стеной виднелся монастырский двор, в дальнем от ворот конце которого возвышалось сооружение, то самое, увенчанное островерхой крышей с флюгером. Высокое здание, если считать по рядам окон – четыре этажа. Стены выглядели совершенно новыми, по всему видно, их недавно обложили декоративным кирпичом. Но и вполне современный материал не мог скрыть очер-

таний, свойственных архитектуре древности. Простая кладка – совершенство без излишеств. Нет лепнины, прочих декоративных элементов, которые делают строение уникальным и непохожим на другие здания на свете. Занимательно на общем фоне выглядели окна. Узкие и высокие, просто бойницы старинной оборонительной башни, они буквально утопали в глубине стен. Удивительный контраст старины и современности.

Многочисленные вьющиеся растения облюбовали и его. Пусть я и остановился достаточно далеко, да и ботаника не мой конек, я почему-то сразу решил, что на стене здания в отличие от ограды преобладает дикий виноград. Трудно объяснить причину такой уверенности, просто глядя на насыщенную зелень, я отчетливо видел характерный лист и бедные грозди мелких чернильного цвета ягод. Позже оказалось, что я прав, но ведь не в этом суть. Важно то, что выглядело все это как-то к месту, дополнял пейзаж мои мысли, успокаивал, если не сказать убаюкивал.

Вообще-то я всегда считал, что самым высоким сооружением на монастырском подворье должна быть церковь. Не могу сказать, откуда такая информация, может, прочел где, может, сам выдумал, неважно. Как бы там ни было, куполов я не видел. Ни на том высоком здании, которое больше напоминало казарму, а то и вовсе общежитие, ни около него, а что это за монастырь, без церкви, и что за церковь, без купола?! Не бывает такого. Конечно, это мое мнение, так, на-

веяло...

Мысль о винограде, что покачивается у окна, заставила меня улыбнуться. С улыбкой ушла нерешительность, вернулась способность двигаться. Я прошел с десятков метров, физически ощущая умиротворение, что волнами расходится от этого места, чувствуя, как растворяется наш суетливый мир, как я сам погружаюсь в те давние времена, где нет места спешке, где все просто и понятно. Еще совсем немного и я бы поддался общему очарованию окружающего меня пейзажа, но тут из-под листвы блеснула отраженным светом тарелка спутниковой антенны, возвращая меня к реальности. Вот до чего же обидно!

Почему-то я снова растерялся. Растерял уверенность, с ней и решительность. Нет, мне все-таки удалось заставить себя спуститься с холма. Более того, я даже подошел к кованым воротам с красивым растительным орнаментом, что на удивление органично дополнял стену, украшенную живым плющом. Постоял у нее и почему-то пошел дальше. Ноги сами понесли меня мимо ворот, затем правее, еще правее, я медленно побрел по узкой дорожке вдоль монастырской ограды. Шел, сам не понимая, почему, куда, зачем!

С другой стороны стены слышались крики, доносился неимоверно громкий грохот, заглушал все шум работы какого-то мощного двигателя. Отвратительный звук. Нарастал он, достигал пика, взрывался облаком черной гари, вздымавшейся над оградой, умолкал на минуту. Снова рычал, выбра-

сывал в небо клубы дыма, несколько раз прерывался, стихал, снова взрывался мощным рокотом и снова стихал, будто давал возможность перекрикивающим его голосам разнестись по округе, позволяя словам достичь ушей тех, кому они адресовались.

Не скажу зачем, сам того не ведаю, но я обошел по кругу (наверняка чтобы ничего не приснилось!) территорию монастыря и снова оказался у ворот. Быстро, словно страшась передумать, поднял блестящий медью дверной молоток, который заменял собой кнопку звонка, и с силой отпустил его на медный же «пяточок». Ничего не случилось, не было даже звука удара. Я тут же решил, что это бутафория, что где-то должна быть обычная кнопка и принялся внимательно разглядывать завитушки кованого металла.

Увлёкся. Так увлекся, что когда окошко, спрятанное в металлической листе, отворилось, подскочил на месте и испуганно отпрянул. В образовавшемся прямоугольнике света показалось лицо. Любопытные глаза несколько раз мигнули, разглядывая меня. Я уже собрался было поздороваться, но человек с той стороны ворот исчез, оставив лишь сомнения в своей реальности. В тот же миг металлическое окошко тихо скрипнуло петлями и практически беззвучно захлопнулось.

Озадаченный столь «радушным» приемом я растерялся окончательно. Стучать еще? Пробовать докричаться? Просто уйти? Определиться мне не дали. Прошло лишь несколько секунд, створка ворот звякнула и отошла на полметра. Ко

мне вышел молодой монах. Пожалуй, нормальный вид как для человека его статуса – длинная черная ряса, подпоясан веревкой. Юношеское лицо, жидкая борода на нем выглядела несколько комично, особенно в контрасте с гротескно серьезным выражением и удивительно печальными глазами.

Паренек внимательно осмотрел меня, ступил шаг в сторону, жестом предложил зайти во двор. Я кивнул, прошел через ворота, тот же час они бесшумно закрылись. Послышался отчетливый щелчок замка, за ним шорох шагов моего провожатого. Я обернулся, попытался с ним заговорить, начал с того, что представился, но он только кивнул в ответ на мои слова, чуть заметно развел руками и пошел вперед. Мне же ничего не оставалось кроме как просто следовать за ним.

Юноша явно был не расположен к беседе, что несколько озадачивало, но в чужой монастырь, как известно, со своим уставом не ходят, потому я оставил попытки заговорить и просто разглядывать окрестности. Все-таки в подобном месте я впервые, чем не повод все детально рассмотреть.

Двор монастыря походил на тракторный стан, свалку и строительную площадку одновременно. Прямо, ближе к противоположной стене и несколько правее, если смотреть от ворот, высилось то самое эффектное сооружение, которое я несколько минут тому назад рассматривал с вершины холма. Направо от него отходило длинное одноэтажное крыло – множество дверей и окон, каждый проем наверху переходил в арку, которая никак не гармонировала с плоской кры-

шей. Левее, выстроившись под стеной, теснились приземистые строения еще более мрачной архитектуры. Хозяйственные постройки. Разные они: старые покосившиеся, покрытые шифером, на котором густо разросся мох сараи, совершенно новые, блестящие оцинкованным железом ангары, гаражи, сложенные из почерневших бревен и какие-то амбары, более всего похожие на вкопанные до половины в землю цистерны. Даже странно, что с высоты холма мне все это нравилось!

За строем приземистых построек, в тени высокого здания громко рычал, выбрасывая в небо густые клубы черного дыма, комбайн. Судя по внешнему виду, ему место не в поле и даже не на монастырском дворе, а где-нибудь на сельскохозяйственной выставке, на самом почетном месте, под вывеской: «Так зарождалось сельское хозяйство».

На площадке возле работающего двигателя подкатив рясу выше колен и закатав рукава, наклонившись, стоял человек, само собой, монах. Он что-то внимательно разглядывал в работающем механизме и правой рукой со здоровенным ключом в ней, задумчиво чесал затылок. Чувствуя, предательски пробивающуюся улыбку, я быстро отвернулся, не хватало только расхохотаться...

Пока я вертел головой, мы подошли к тому, что от ворот казалось кучей строительного мусора. Вокруг нее сновали люди, человек двадцать, они что-то носили, приносили, относили, энергично махали кувалдами, копали лопатами, о чем-то громко спорили. Как оказалось, это рабочие выкла-

дывали фундамент.

В центре строительства, на высоком камне, просто памятник на постаменте, стоял человек, точь-в-точь великан из моего сна. Статная фигура, волевое лицо. Достаточно лишь сменить его потертые джинсы и черную испачканную рубашку на сияющие доспехи, вручить двуручный меч, тогда и во все не отличить. Не помню, у того из видений была борода? Нет, кажется. У этого же была, густая черная, ее дополняли длинные такие же черные волосы. Нет, ну точно былинный витязь, как ни смотри. Что лицо, что стать, что голос, а борода, бороду и сбрить можно...

Мой провожатый поднял руку, я так понял, просил подождать. Сам вскочил на дорожку из камней и, двигаясь по уже готовому участку фундамента, подошел к бородачу в джинсах. Дернул того за рукав, показал рукой в мою сторону. Тот смерил меня взглядом, степенно кивнул, соскочил со своего постамента.

– Пойдемте ко мне, там и поговорим, – скорее догадался, чем расслышал я.

Подтверждая правильность моей догадки, он заспешил к распахнутым дверям здания с флюгером на крыше. Я последовал за ним. Уже стоя на пороге, он обернулся и махнул рукой в сторону одного из работников. Тот что-то крикнул, широко развел руки, покорно склонил голову, медленно направился к нам. Я не стал ждать персонального приглашения, шустро проскользнул внутрь. В отделенную от суетного

мира толстыми стенами тень и прохладу.

Внутри здание выглядело не менее занято, нежели снаружи. Стены первого этажа оказались сложенными из природного камня, тщательно обработанного чьими-то умелыми руками. Несмотря на видимые невооруженным глазом следы капитального ремонта, никто не решился изменить или дополнить старинный интерьер. Стены оставили в той первозданной красоте, какими они и были в давние времена. Наверное, это и правильно, зачем закрывать сомнительными достижениями современной промышленности то, что так умело, создали мастера минувших дней!

Пустое помещение, совершенно никакой мебели. Это легко понять, она и не нужна. Ведь это не комната, это холл. Его задача встречать гостей, а уж никак не баловать их излишествами. Все что от него требуется: принять человека, поприветствовать, поразить простотой великолепия и направить того, куда ему надо. К примеру, на верхние этажи. Просто напротив входной двери расположилась широкая и также каменная лестница. Блестят полировкой каменные перила, ручная полировка, кто может сказать, сколько рук годами произвольно выравнивали камень, доводили его до блеска!

Мой провожатый, а за ним и я, быстро поднялись на второй этаж. Там было меньше старины, больше современности. Меньше древности, меньше загадочности. Обычные стены, оклеенные самыми обычными обоями. Расцветка несколько

строгая, слегка мрачноватая, так ведь монастырь же! Не что-то, где-то...

Все что мне удалось рассмотреть, так это длинный коридор, оба конца которого упирались в узкие бойницы окон. По сторонам через равные промежутки виднелись одинаково аккуратные двери. «Наверное, кельи», – подумал я и только теперь заметил, что провожатый обошел меня на целый этаж. Пришлось догонять. Промелькнул третий этаж, точная копия второго, только расцветка обоев другая, несколько веселее, не так мрачно...

Признаюсь, последние ступеньки дались мне с огромным трудом. Зато мой провожатый, который был раза в полтора старше меня, даже не запыхался. Он остановился на верхней площадке, снял с шеи цепочку, на которой висел большой ключ, открыл дверь ближайшего от лестницы кабинета и жестом пригласил войти.

– Я так понимаю, вы ко мне от отца Алексея?

Он удобно расположился в огромном кресле. Достал из-под стола книгу (а может ежедневник), положил на стол.

– Вообще-то я к настоятелю... – ответил я, не дав себе возможности подумать.

Мой собеседник весело рассмеялся и лукаво прищурившись, посмотрел на меня:

– А я и вправду не похож на настоятеля? – он еще раз посмотрел на меня, а потом продолжил, но уже несколько серьезнее: – Конечно, вы правы, я тоже раньше не думал, что

настоятели так вот в подбранных джинсах разгуливают. Но видите ли, стройка, ремонты. Вот это все, – он обвел взглядом стены кабинета, – все своими руками. Ну да ладно, давайте знакомиться, я отец Александр, настоятель Спасовского монастыря, а вы?

– Сергей, я к вам от...

– Да садитесь уже. Знаю, отец Алексей мне звонил, предупредил, просил содействовать, рассказал, кто вы и по какому вопросу. Кажется, вы помогаете ему в деле восстановления Свято-Васильевского монастыря? – он внимательно посмотрел мне в глаза.

– Не совсем так... – нерешительно начал я.

Осекся, встретился с настоятелем взглядом. Тот ободряюще кивнул, я поначалу сбивчиво, но с каждой минутой увереннее, рассказал ему все, хотя, если честно, то кое о чем умолчал. Просто чтобы не показаться совсем уж сумасшедшим. Он же ни разу меня не перебил, казалось, заинтересованно слушал, а когда рассказ подошел к концу глубокомысленно заметил:

– Что сказать, история странная, но в жизни много чего бывает. Разное случается. Ну что ж, идемте!

Мы вышли из кабинета и спустились на этаж ниже. Настоятель отворил ближайшую дверь по левой стороне, за ней оказалась небольшая комнатка. Маленькая, уютная, напоминающая гостиничный номер. Да что там «напоминающая», просто номер люкс! Мягкий диван, немного мрачная обив-

ка, зато совершенно новый. Возле него и в тон ему, торшер, под ним столик журнальный, а в дальнем углу то, чего я и вовсе не ожидал увидеть в монастыре – телевизор.

– А откуда у вас... – растерянно начал я, но сразу замолчал.

– Как вам сказать. Монастырь, это не только место, где люди уединяются с целью служения господу. Это центр веры, культуры, если хотите. Мы часто принимаем гостей, важных гостей, так что весь этот этаж, можно сказать – гостиница. Теперь и вы наш почетный гость!

Настоятель приоткрыл дверь у входа.

– Здесь все надлежащие удобства. Располагайтесь!

– Так ведь я же... – снова начал я.

– Понимаю, спешите. Не удивлюсь, если окажется, что вы собирались еще к вечеру закончить и домой вернуться! Я прав?

– Да. Я уже выяснил, в семь часов последний автобус...

– Можете о нем забыть. Правда! Нет, я уважаю ваш оптимизм, но вы еще не видели наши залежи книг и документов. Не знаете, чего ожидать. Вряд ли я ошибусь, если предположу, что раньше чем через неделю вы не уедете. Так что оставляете свои вещи и идете, я вам еще кое-что покажу.

– Посмотрим архив?

– Нет. Это, можно сказать, работа, работа подождет. Начнем с того, о чем в первую очередь должен позаботиться любой командированный – со столовой. Не приемлю возраже-

ний! Вы ведь к нам по делу приехали, значит можно считать, что вы в командировке.

Спускаться, как оказалось, гораздо легче, нежели взбираться...

Оказавшись снова на первом этаже, мы вошли в помещение слева от входа. Там располагалась монастырская трапезная. Просторное помещение с множеством колон. Столики между ними. Огромная люстра, свисающая с потолка. Наверняка, как и в вестибюле, здесь все осталось в том же первоначальном виде. Не решились ремонтники портить строгую красоту прошлого.

Настоятель остановился, обвел рукой помещение. Он хотел что-то сказать, но тут позади нас открылась дверь, вошел тот юноша, который встречал меня у ворот. Он подошел к настоятелю, передал клочок бумаги, слегка поклонился и сразу же ушел. Отец Александр посмотрел на листик, развернул, прочел и нахмурился.

– Я вынужден извиниться. Придется отложить экскурсию. Давайте сделаем так, вы пока идите к себе, отдохните с дороги, а я через часик освобожусь, – он виновато пожал плечами. – Что поделать – завхоз я, а никакой не настоятель!

Не зная, чем себя занять и как убить целый час я упал на диван и включил телевизор. Добросовестно пощелкал каналами, которых оказалось более полусотни. Результат был предсказуем. Я лишь убедился в том, в чем не сомневался ни на минуту – смотреть абсолютно нечего. Выключил, поду-

мал: «Почему бы настоятелю сначала не показать мне помещение с документами, а уже потом идти туда, куда ему вздумается? По-моему, это правильно». Попробовал пристыдить себя за столь некрасивые мысли. Человек мне помогает, а я еще и привередничаю! Совесть не проснулась. Тогда я подошел к окну, облокотился о подоконник и от безделья принялся смотреть во двор. Там, снаружи, тот же монах с точно таким же, как и раньше растерянным выражением лица чesал затылок, наблюдая за неровной работой двигателя. Его плечи вздрагивали, губы медленно шевелились. Не знаю, может он и не наблюдал вовсе? Может он молился, просил святых, покровителей моторов и комбайнов, чтобы своеобразный агрегат сам собой отремонтировался?

Глава четырнадцатая

– Вот здесь у нас будет библиотека, часть помещения планируем использовать в качестве хранилища документов, бумаги к бумагам, так сказать, – настоятель подошел к двери на первом этаже, той, что напротив входа в трапезную. Взялся за ручку, но тут же ее отпустил. – Даже немного символично, две двери напротив. За одной, пища для тела, за другой, пища для души, – он заметил, что я собираюсь зайти и отрицательно покачал головой. – Но нам пока не сюда, там ремонт. Придется снова подняться наверх.

Я счел разумным промолчать. Что-то в последнее время во мне все чаще шевелились колкие слова, а выпускать их наружу не следовало. Не время, да и не к месту.

Смирненно шагнул на ступеньку, коснулся рукой перилл, внес свою скромную лепту в их вековую полировку.

Мы снова поднялись на верхний этаж. Настоятель открыл дверь ближайшую от уже знакомого мне кабинета. Она вела в вытянутую в длину просторную комнату, почти доверху заваленную связками книжек всех возможных форматов, картонными коробками, деревянными ящиками. Все это богатство живописно лежало насыпью, высилось шаткими стопками, грозясь завалиться и придавать случайного ценителя печатного слова.

– Вы все еще допускаете, что смогли бы справиться за

день? Нет? Правильно. Кроме того, это не то, что вам нужно. Здесь только книги. Небольшая их часть! Нам дальше...

На этот раз «дальше» оказалось недалеко. Пройдя узким проходом, оставленным меж рукотворных гор, сложенных из книг, мы оказались в еще одной комнате, которая выглядела копией предыдущей. Точно такое же обилие литературы, только в еще больших масштабах. Правда, в новом помещении был некий намек на систематизацию. Вдоль стен стояли стеллажи, плотно заставленные книгами, да и прочая литература не просто лежала на полу, а была расфасована в большие ящики из картона усиленного рейками. На каждом из них был приклеен листик с перечнем содержимого.

Пока я вертел головой, разглядывая невиданное ранее обилие книжек, отец Александр миновал и эту комнату. Отворил дверь в дальней стене и скрылся в следующем помещении. Энтузиазм, который на протяжении последних минут постепенно улетучивался, тяжело вздохнул, махнул мне рукой на прощание и окончательно исчез, за ним поспешило и недавно еще рабочее настроение. Я обреченно опустил голову и медленно поплелся за провожатым. Догнал его в тот момент, когда он шарил рукой за коробками, пытаюсь нащупать выключатель.

Ярко вспыхнул свет. К тому времени я уже точно знал что увижу. Не просто представлял, не просто догадывался. Я точно знал, а поскольку знал, то не очень и удивился, увидев помещение, размерами как те, что мы миновали, может

чутьочку большее, правда, без книг, а до самого потолка заставленное большими картонными коробками, наверняка не пустыми...

– Мы пришли. То, что вы ищете, может быть только здесь. Прошу прощения за беспорядок. Это временное явление, причиной которому – временное хранилище. Как-то так. Еще совсем немного осталось, и все это богатство займет свое место там, внизу. Все будет систематизировано, разложено по полочкам, но ремонт все еще не закончен вот и... – настоятель дотянулся до ближайшей коробки, наклонил ее в мою сторону. – Кстати, все не так мрачно, как можно было того ожидать. Большая часть документов, те, которые попали к нам раньше, сгруппированы по годам. Как видите, на каждой коробке указан период, к которым они (документы, в смысле) относятся. Во многих коробках, к сожалению, далеко не во всех, имеется опись содержимого. Малая часть бумаг не датирована вовсе, не знаю, как быть с ними. Да, думаю, не стоит упоминать, что каждый документ, который вы достанете и изучите, в конце концов, должен быть возвращен на прежнее место. Ну, а если найдете неточность, ошибку, сообщите, будем благодарны.

В проеме двери показался молодой монах:

– Да, если какой-либо документ не на месте, скажите брату Кириллу. Книги и архив это его забота, он знает что делать. Полагаю, вы уже успели познакомиться?

– Не то, чтобы совсем...

– А, понимаю! Дело в том, что наш брат не говорит. Но слышит и все понимает.

Брат Кирилл искренне улыбнулся и кивнул. Я растеряно кивнул в ответ, чувствуя себя редким глупцом. Неужели так трудно было догадаться?

– Откуда у вас столько всего? – чтобы поскорее выбросить из головы досадное недоразумение, спросил я, показывая на горы документов и книг.

– Большая часть – то, что отдали местные жители. Сберегли еще во времена революции. Старожилы рассказывали, что в те часы иконы, документы да книги, просто из окон выбрасывали, сваливали в кучи, жгли. Но история не горит, и вера тоже. Вот кто что мог, собирали, хранили, поначалу от большевиков прятали, потом во время войны от немцев. Сейчас возвращают. Конечно, не все так радужно и далеко не все бескорыстно. Много чего приходится выкупать. Ничего не поделаться, такие нынче времена, – он секунду помолчал и продолжил: – Как-то так. Но, вынужден снова извиниться. Мне пора. Оставляю вас в надежных руках брата Кирилла. После вечерней же буду рад увидеться, поделитесь своими находками!

Настоятель скрылся за дверью, а молодой монах вопросительно посмотрел на меня. Не рассчитывая получить ответ на свои молчаливые вопросы, он извлек из верхнего ящика стола блокнот с приколотой к нему ручкой. Открыл на первой же чистой странице и размашисто написал: «Что именно

вас интересует?». Я непроизвольно пожал плечами. Мелькнула мысль: «А и вправду что? Не так-то просто ответить. Да, я хочу отыскать связь между своей персоной и древним культовым сооружением. Это да, но я ведь не рассчитываю встретить какие-либо письменные упоминания о себе в монастырских документах, или там фото свое обнаружить, в компании тамошних монахов! Нет, конечно. Тем более что фотографию в то время еще и не изобрели...»

Так я подумал, а вслух сказал:

– Мне нужна любая информация касательно монастыря святого Василия. Думаю, это где-то семнадцатый, может еще и начало восемнадцатого века.

Брат Кирилл кивнул и направился в самый дальний угол комнаты. Послышался шорох, возня, глухой удар, не иначе как что-то упало. Юноша выглянул из-за шаткой стопки картонных хранилищ документов и виновато улыбнулся. Затем махнул рукой, приглашая подойти. Я приблизился, он поднял с пола большую коробку и передал мне. Я отнес ее к входу, повертел в руках, прикидывая какой объем полезной и не очень информации может в ней уместиться, положил у стола, вернулся. Тем временем Кирилл успел построить внушительных размеров пирамиду из картонок интересующего меня периода (как он только умудрился их отыскать в этом царстве архивного хаоса!).

Монах вопросительно посмотрел на меня, кивнул.

– Да, похоже, это оно. Забираем.

Он вручил мне коробок с надписью «1600-1640гг. к.2», сам взял следующий, и мы вернулись к заваленному бумагами столу. Сложили добычу на пол. Сходили еще дважды. Брат Кирилл предупреждающе поднял обе руки, кивнул, быстро освободил место на столешнице. Беззвучно ступая, вернулся за остальными документами, я же взялся за распаковку. Поставил первый принесенный мною коробок на столешницу, развязал узел. Убрал «лепестки», играющие роль крышки и теперь уже окончательно расстроился. Ящик из упаковочного картона был доверху заполнен бумагами. Что называется, под завязку. Как-то я и не ожидал, что может сохраниться столько документов за промежуток всего лишь в сорок лет, да еще и сохраняться на протяжении четырех столетий!

Удивляйся, не удивляйся, но если уж решился – надо делать. Я потер руки, имитируя предвкушение, тщетно пытаюсь пробудить рабочий настрой, огляделся и принялся вынимать документы.

Под шаром бумаг более всего напоминающих письма размерами немного меньше самой коробки и толщиной чуть не в пятую ее часть расположился толстенный фолиант. В обложке из тисненой кожи, некогда роскошный, он и сейчас выглядел эффектно, вот только мастерство кожевников древности меня мало занимало...

– Что это? – поинтересовался я у Кирилла, беззвучно подкравшегося с последней коробкой.

Тот кивнул, опустил свою ношу и быстро написал: «Летопись бытия монастырского, оформлена братом Иолантом, датирована 1634 годом». Я кивнул в ответ и отложил книгу в сторону. Потом изучу, для начала надо посмотреть, чем еще порадует меня начало века семнадцатого.

Следующим документом оказался мягкий на ощупь сверток, материал напоминающий кожу, думаю, это пергамент. Свиток, который изначально был цилиндрической формы, долгое время лежал придавленный толстым фолиантом и теперь больше напоминал сложенную в несколько раз старую газету. Я осторожно его развернул, расправил на столе и в свете лампы увидел витиеватую средневековую вязь. Длинный текст, только на совсем уж незнакомом мне языке. Я повернулся к монаху и спросил:

– Это латынь? – утвердительный кивок. – А перевести сможешь?

Он широко развел руки, виновато улыбнулся, пожал плечами и отрицательно мотнул головой. Потом резко кивнул и схватил свой блокнот. «Настоятель сможет», написал он на листике и подтолкнул блокнот ко мне. Я кивнул и вернулся к своим изысканиям.

Ниже пергамента обнаружилась еще одна книга. Библия, старинная, печатная, и дата на титульном листе указана – 1815г. Вот тебе и порядок! Ладно, летопись, она ведь как бы книга, а как бы и рукопись. Но Библия, печатная, что ей делать в архиве? В библиотеку ее, туда, на полочки. Ясно ведь,

комнатой ошиблись, да еще и на два столетия промахнулись. Я передал книгу монаху, ткнул пальцем в дату, тот как-то очень уж равнодушно пожал плечами и отложил ее на край стола. Находка тут-таки отошла на второй план, еще бы, ведь теперь это не моя забота! Не до того мне, погружаться надо, вглубь веков...

Пространство под Библией занимали листики. Разных форматов, разных размеров, разного содержания. Некоторые, как мне казалось, вовсе лишённые всяческого содержания. Даже удивительно, как кто-то смог датировать бумагу, если мне не удалось даже разглядеть, что на ней написано? Какой тут год, какие даты!

Со всей аккуратностью, на которую только был способен, я принялся доставать листик за листиком. Брал в руки, бегом осматривал, откладывал. Честно говоря, я совсем не вглядывался в то, что достаю. Не знаю почему, но я был твердо уверен – то, что мне нужно, само заставит обратить на себя внимание. Глупо, наверное, но уверенность не покидала меня. Более того, возрастала с каждой минутой.

Вот последний документ выложен. На дне осталось что-то похожее на тетрадь. Я наклонил коробку (ничего себе тетрадка, просто-таки книга, чуть тоньше летописи!). Открыл ее, взглянул на первую страницу и облегченно выдохнул. Приходская книга, книга регистрации гражданских актов, как сейчас сказали бы. Хорошо, что мне не придется ее читать. Там бы точно работы хватило на неделю, а то и не на

одну. Разный почерк, разная степень сохранности записей, разные чернила. Пока поймешь что написано, пока разберешься, к чему тебе это понимание!

Следовательно, из сколько-нибудь занимательного чтения, имеем объемную летопись и некий пергамент на латыни. Для начала пойдет. Можно приступать. Я открыл книгу, именованную Кириллом благозвучным, близким и понятным словом «летопись» и тут же почувствовал на плече руку монаха. Обернулся, он с улыбкой показывал на стул, который каким-то дивом умудрился отыскать в этом библиотечно-архивном беспорядке. Я благодарно кивнул, он дружески улыбнулся, указал на себя, на дверь и по-прежнему улыбаясь, вышел из комнаты. Я так понял – у него есть и другие заботы, кроме как меня, туриста, развлекать.

Проводив монаха взглядом, я погрузился в изучение летописи, чувствуя себя настоящим историком, пытающимся вырвать из цепких лап далекого прошлого все сокровенные его тайны. Прав все-таки был мой недавний знакомый Афанасий Никитич, интересно так вот перелистывать пожелтевшие страницы, словно дни и недели, рассматривать немногочисленные иллюстрации, вникать в смысл малопонятных слов, погружаться в историю, воскрешать прошлое.

То, что я толком не понимал, что читаю, меня несколько не смущало. Повторюсь, я искренне верил, что не смогу упустить того, что мне нужно. Оно само не даст себя упустить, оно заставит...

Так прошел день. Толстые стены монастыря вкупе с современными пластиковыми окнами практически не пропустили звук, и я даже не услышал, а почувствовал гулкие удары колокола. Не то чтобы обратил внимание на это, так, принял к сведению. Принял и тут же забыл.

Перевернув еще с десяток страниц, я услышал шаги. Отворилась дверь, вошел брат Кирилл, кивнул, стараясь привлечь мое внимание, жестом позвал за собой...

Глава пятнадцатая

Лишь ближе к утру я уснул. Сны не стали меня беспокоить, понимая, что времени на то, чтобы их смотреть, у меня попросту нет. Как обычно проснулся около семи. Да, до начала рабочего дня еще целых два часа, а идти максимум десять минут, но я всегда так делаю. Люблю утром проснуться пораньше, а потом часик, что называется, поваляться, понежиться на мягком диване. Собственно, и в это утро я собирался заняться столь полезным для возвращивания лени делом, но с удивлением заметил, что сплю сидя, да еще и в одежде! Конечно же, валяться сидя, это совсем не то, что валяться лежа. Совершенно ничего общего!

От осознания этого непреложного факта я жутко расстроился. Мрачно зевнул, огляделся, поднялся и медленно побрел на кухню. Что тут поделаешь?! Не остается ничего, кроме как сварить кофе, выпить чашечку-другую, попытаться проснуться, кое-как позавтракать, да собираться на работу. Один плюс – одеваться не надо, надо переодеваться. Сомнительный плюс...

Не знаю, по какой именно причине, может оттого, что не выспался, а может где-то там, в вышине, планеты стали в неблагоприятную для меня позицию, но настроение у меня было отвратительное. Причем настолько отвратительное, что я даже не возмутился по поводу очередной командиров-

ки. А причин для подобной реакции было множество. Да вот хотя бы то, что я лишь вчера вернулся!

«Куда это годится! Безобразие! Совесть иметь надо. Не успел человек приехать, не успел вернуться из одной поездки, отдохнуть, так вот тебе другая. Да еще и куда, в Кировоград! Нет, это не просто безобразие, это форменное безобразие! Был я там однажды, отвратительные воспоминания. Даже немного странно, города толком не помню, а отвращение так и засело где-то глубоко внутри... – это я после возражал, вечером, мысленно, про себя. – Кстати, любопытный факт, я действительно плохо запоминаю города, наверняка это из-за того, что слишком часто они сменяют друг друга».

Да, вечером я буквально разразился, устроил настоящий безмолвный протест, а вот утром лишь смиренно склонил голову, рубите, мол, коль хотите, сегодня я на все согласен. Директор изрядно удивился, увидев мою молчаливую покорность. Его понять нетрудно, раньше я хоть для приличия возмущался, а тут такое...

Десятью минутами позже я выходил из бухгалтерии со свежим бланком командировочного удостоверения и приятно кругленькой суммой суточных. Этот аспект всегда радовал, насчет денег в командировке жаловаться не приходилось. Оплачивали все, четко, вовремя, а иногда даже с избытком (редкое явление, но бывало).

Немного задержался возле своего рабочего компьютера, секунду поразмыслил, чуточку посомневался и не стал его

включать. Пускай отдохнет. И вообще, я с сегодняшнего дня в командировке числюсь. Пойду домой, отосплюсь, может частичка приличного настроения вернется.

Лето, сезон отпусков. Поезда, особенно те, которые в южном направлении переполнены. Просто уму непостижимо, как Виточка умудрилась достать мне билет! Увы, место не то, о котором можно мечтать. Вагон плацкартный. Вдобавок еще и верхняя полка, боковая. Это не добавляло настроения, но чтобы сгладить неудобства от поездки туда, очаровательный наш помощник директора с искренней улыбкой презентовала обратный билет. Совсем другое дело, купейный вагон (можно было бы и спальный взять, да ладно, я не гордый), почувствую себя человеком. Но обратный билет он на обратную дорогу, это будет после. В тот же час ничего мне не оставалось, кроме как взобраться на вторую полку, отвернуться к стенке и хоть попытаться заснуть.

Как ни странно, получилось. Уснул. Ночь пролетела на удивление быстро. Ни мрачных снов, ни странных писем. Выспался, проснулся отдохнувшим и чуточку даже бодрым (кстати, именно так, не надо было даже делать поправку на поезд и все, что с ним связано).

Правда, бодрости хватило ненадолго. Погода все испортила. Кировоград встретил меня проливным и по-осеннему холодным дождем. Надо же, а ведь на календаре всего лишь середина августа!

Я печально посмотрел на стекло, с другой стороны которого капли дождя сначала растекались, собираясь в маленькие ручейки, а мгновением позже слились в сплошной водопад. Новое с виду окно не было рассчитано на стихийное бедствие вроде летнего дождя, и сквозь замаскированную тонким слоем краски щель в раме вода проникала в вагон, веселым потоком стекая на подоконник, с него на столик. С каждой минутой поток становился сильнее, лужица на столике больше, настроение хуже. Я скучнел на глазах, поглядывал на образовавшееся озерцо, мрачнел, представляя, что делается за окном, вот только процесс ухудшения настроения одного единственного пассажира никого не интересовал.

Мой сосед, пассажир с нижней полки, давно вышел. Ему повезло. Он остался сухим, мне же ехать минут пять, никак не больше и нет ни малейшего сомнения – быть мне промокшим с головы и до самых ног. Почувствую всю силу стихии на себе. Отвратительная перспектива, а тот факт, что мой любимый зонтик-трость спокойно висит в шкафу за много километров от меня, без пяти минут промокшего, совершенно не добавлял энтузиазма.

Вот и все. Поезд начал притормаживать. Я печально вздохнул, поднял воротник пиджака, как будто он сможет защитить меня от небесного душа и вышел в тамбур. Там уже стоял проводник, высокий мужчина средних лет. Его улыбающееся лицо украшали длинные рыжеватые усы. Ними он покачивал в такт движению поезда и в ритм еле слышно на-

певаемой незнакомой мне песенки. Привычным движением он вытер тряпкой поручень, посмотрел на меня, красноречиво взглянул на окно, превращенное дождем в тусклое зеркало, снова на меня, сочувственно развел руками. Я кивнул, надеюсь, мое лицо выражало что-то, что сродни благодарности. А нет, да и ладно...

Поезд резко дернулся и остановился. Мне даже немного повезло – мой вагон оказался просто напротив распахнутых дверей вокзала. «Может, если хорошенько рвануть с места, будет шанс не до самых костей промокнуть, а?» – надежда, как известно, живучее чувство, но не в этот раз. Я даже не успел толком сформировать свое мнение о городе, у чиновников которого не хватило сообразительности сделать что-то, хоть отдаленно напоминающее крытые платформы, как промок. Ощущение такое, будто кто-то, стоя на крыше вагона, перевернул на меня полную бочку холодной и ужасно мокрой воды. Бежать смысла уже не было, куда, зачем?! Хуже все равно не будет. Потому я гордо поднял голову и медленно, промокший, но с достоинством, вошел в помещение вокзала.

Да, это правда, в Кировоградском филиале я не впервые и нет, не все так печально с моей памятью. Те вечерние стенания они как вой на луну – исключительно от безысходности, мало в них смысла, а истиной и не пахнет. Помню я город, да и дорогу к филиалу не позабыл. Он довольно-таки далеко от вокзала расположился (по стандартам провинции),

но в моих глазах, в глазах временно столичного жителя, это практически рядом. Примерно километров пять, разве это расстояние по меркам мегаполиса? Конечно, нет. Да и добраться удобно, не заблудишься. Нужно просто выйти из вокзала, спуститься по ступенькам, выйти на Октябрьской Революции, перейти через мост над ручейком, что громко зовется Ингулом, а там, за мостом, направо и прямо, прямо, прямо...

Нет, можно на автобусе подъехать, на маршрутке, только не ценитель я массажа в общественном транспорте. Такси это уже лучше, но не в этот раз. Зачем? Сумка нетяжелая, времени полно, прогулка по свежему воздуху, разве может быть что-то лучше? Вряд ли, надо только ливень переждать. В такую погоду лучшее, что можно сделать – расположиться у окна, полюбоваться мощью разгулявшейся стихии и попытаться хоть немного подсохнуть.

Как и подобает летнему дождю, он закончился так же внезапно, как и начался. Тучи быстро разбежались, над городом ярко вспыхнуло раскаленное солнце. Оно лишь недавно взошло, но уже припекало, согревало воздух, насыщенный влажностью, который все еще отдавал ночной прохладой.

За то время что я смотрел на поливаемый дождем город, я практически высох. Дождь прекратился, да и просто стоять, ждать непонятно чего, попросту надоело. Так что я схватил сумку, забросил ее на плечо и быстрым шагом направился прочь от вокзала, на лестницу и дальше, к местному офису,

где ждет меня работа.

Добраться до пункта назначения без остановок не удалось. Нет, дождь не вернулся. Просто так уж случилось, что дорога шла под уклон, плавно спускалась она от вокзала, а перед мостом начинался подъем, тем самым создавая идеальный бассейн для огромной невероятно живописной лужи. Ливень – вода, вода не может не воспользоваться случаем и не заполнить столь удобный резервуар, созданный неумелым планировщиком.

Так и случилось, дорога привела меня к грязному «побережью» этой самой лужи, большой и совсем не симпатичной. Видимые размеры новоявленного водоема поражали. Местное море вытянулось метров на триста в длину, ширину определить и вовсе было невозможно, вода заливала проезжую часть, оба тротуара и все прилегающие дворы. Широки просторы, а глубина...

Как и в случае любого события подобного масштаба, с обеих сторон образовавшегося водоема, собралось множество зевак. Они любовались лужей, ее окрестностями, но более всего их занимало то, что происходило в центре нового украшения города.

Посреди водного бассейна, на крыше своей на вид совершенно новой иномарки сидел человек. Он, потухшим взглядом, глядел на воду и вместе со своей машиной, которая попросту плавала, неизвестно каким чудом держась на воде, кружил, следуя прихотям легкого ветерка. Вот он вздрогнул,

будто опомнился, засуетился, лег на спину, сполз на край крыши, снял туфли, свесил ноги. Осторожно приподнялся, намереваясь сесть, но в тот самый момент машину качнуло, то ли она таки набралась воды и решила затонуть, то ли колеса поймали какое-то невидимое в мутной глубине препятствие, неизвестно. Мужчина не удержался, соскользнул с гладкого металла и шумно плюхнулся в воду. Вряд ли такой прыжок оценили профессиональные судьи по водным видам спорта, слишком шумно, да и брызг предостаточно, но зрители встретили его кульбит дружным смехом и бурными аплодисментами. Откуда-то с галерки послышалось совершенно искреннее:

– Bravo! Давай еще, давай на бис, я снять не успел. Еще хотим! Еще!

Что тут поделать, так уж устроен человек, ничто его так не радует как горе ближнего!

Вдоволь налюбовавшись уличной трагикомедией, я огляделся, размышляя как бы обойти неожиданное препятствие. Почти сразу нашелся выход, я вспомнил еще один мост. К своему удивлению вспомнил не просто дорогу к нему, но и название улицы, которая по нему проходила. Улица Кирова. Не скажу, что это лучший выход, напротив, лишние километры, но такой уж я человек, мне лучше идти, чем стоять, ждать непонятно чего.

Это и вправду выход, так что я подпрыгнул, поправляя суму, повернулся, намереваясь идти, но...

– Забудь, там еще хуже, – послышалось из толпы. – Тут одно разумное решение – ждать. Что поделаешь, если тот, кому поручено было проектировать город, слыхом не слыхивал о ливневой канализации?! Зато мы, местные, за годы жизни наслушались. Чуть дождь покапает, даже и не дождь, так, дождик, сразу же потоп. Сразу же лужи, сразу же море. Я, нет-нет, да и подумываю лодку купить, бизнесом заняться, в дождь спешащих пешеходов перевозить. Есть наметки на расширение. Можно, к примеру, экскурсии проводить по лужам города. Она ведь не одна такая. В центре есть, очень живописная, да и на выезде, у института. Ведь если подумать...

Голос потенциального бизнесмена растворился в вое сирен. Толпа расступилась. К луже подкатили две пожарные машины. Люди в спецовках резво выскочили из кабины и бросились раскатывать рукава. Через минуту еще одна спецмашина подкатила со стороны моста. Загудели помпы, наглядно иллюстрирую, что пусть ливневая канализация – не самая сильная сторона городского хозяйства, зато пожарные настоящие мастера своего дела. Несколько минут работы и движение восстановлено. Грязная вода откачана и слита в такой же грязный Ингул. Дорога обрела должный вид. Проступил асфальт, изрядно сдобренный принесенным с окрестных клумб черноземом.

Рукава убраны, под восторженные крики и громкие аплодисменты пожарные запрыгнули в машины и быстро разъе-

хались. Подмигивая проблесковым маячком, подкатил эвакуатор, автомобиль, который недавно изображал из себя плавательное средство, увезли на ремонт, его мокрого и расстроенного владельца – на просушку.

Представление закончилось. Зрители разошлись. Я также не стал задерживаться, прошелся по дну осушенного городского моря, перебрался на другую сторону реки, спустился с насыпи по выдавшим лучшие времена ступеням и направился в сторону местного офиса. Работать.

Дальше все как обычно, ни разнообразия, ни намека на таковое. Работа – дом, дом – работа. Единственным отличием жизни нынешней от жизни недавней, стало то, что на этот раз «домом» была не съемная квартира, а номер в гостинице, в дешевой гостинице на противоположной стороне города...

Моноotonно потекли дни, я с головой окунулся в работу и только за день до отъезда совершенно случайно вспомнил о странном послании, листах, исписанных от руки и ксерокопии, о бумагах, которые до сих пор лежали в моей сумке. Как-то я совершенно забыл, просто из головы вылетело, его же автор живет где-то здесь, где-то в Кировограде!

Я высыпал на пол содержимое сумки, пересмотрел бумаги и быстро нашел кусочек картона с номером телефона. Рабочий день давно закончился, идей, чем заняться очередным бесконечно долгим вечером у меня не было. Я подумал: «А почему бы и нет? Все же развлечение». Подумал и быстро

набрал номер. Тотчас, даже не довелось считать надоедливые гудки, мне ответили:

– Да, слушаю.

– Алло, это Сергей?

– Так это ты! Привет! Честно говоря, я ждал твоего звонка, только думал, что ты позвонишь еще недели две назад. Так что скажешь?

– Даже и не знаю что сказать! Вы оставили визитку, тогда, в поезде, – я совершенно растерялся от неожиданной фамильярности собеседника. – Вот, вспомнил. Так случилось, что я в Кировограде, потому позвонил...

– Это же просто замечательно! Где тебя найти?

– Я в гостинице «Турист», номер восемьдесят девять.

– Отлично, через полчаса буду!

На том конце дали отбой и во мне чуть не впервые за много лет проснулось самое настоящее любопытство. Да, мне на самом деле стало интересно, зачем все это. Захотелось узнать, чего он от меня хочет, да и просто, к чему эта односторонняя переписка, какой в ней смысл?

Машинально взглянул на дешевые настенные часы – семнадцать сорок две. Чтобы хоть как-то ускорить бег времени и просто занять себя, я подошел к окну, откинул занавеску и уставился в вечерний городской пейзаж.

В дверь тихо постучали. Собственно, и не постучали, так, один еле слышимый удар. Я пошел открывать, по ходу отметил, что прошло ровно полчаса. «Уважаю людей пунктуаль-

ных!» – собирался сказать я вместо приветствия, но не сформировавшаяся фраза так и осталась несформированной.

На пороге стоял мужчина в черном костюме с черной же рубашкой. Лицо какое-то нечеткое с размытыми чертами. Нет, не то, чтобы его изуродовала какая-нибудь болезнь, не в шрамах оно, не распухшее, нет, там что-то другое. Кажется, я просто не мог сфокусировать на нем взгляд. Было оно как будто в дымке, словно в тумане. Кроме того, я более чем уверен – это не тот человек, который ехал со мной в поезде!

– Вечер добрый! Вот и увиделись снова!

Хотя, если подумать, я ведь и тогда его не рассмотрел. Да и разве его рассмотришь?

Он прошел мимо меня, зашел в комнату, устроился в кресле, достал сигарету.

– Не возражаешь?

Не дожидаясь разрешения, закурил. Я вспомнил о том, что недавно видел стеклянную пепельницу, кажется, в верхнем ящике стола. Так и есть. Достал ее, положил на журнальный столик, пододвинул к нему.

– Уверен, тебя заинтересовал мой рассказ. Так вот что было дальше...

Глава шестнадцатая

Последние лучи заходящего солнца еще пробивались через густые кроны старых деревьев, в изобилии растущих вокруг монастыря. Самого дневного светила уже не было видно, высокая стена скрыла раскаленный диск, но многочисленные его блики по-прежнему плутали среди листвы, подмигивали, стараясь коснуться чистого оконного стекла, отразиться от него, вспыхнуть шустрым солнечным зайчиком, внести свою яркую нотку в цветную палитру великолепного вечернего пейзажа.

Первое, что я услышал, выйдя во двор – тишина. Настоящая, густая, концентрированная, насыщенная. Давненько я такой не слышал, если и слышал вообще! Удивительно, но она ощущалась физически, ее воспринимали не только уши, она чувствовалась всем телом, каждой его клеточкой. Сначала давила, угнетала, тихим звоном оживала в ушах, после расслабляла и блаженно нежила. Полная она, незримая, безграничная она, абсолютная, неподдельная.

Узкой бетонированной дорожкой мы подошли к неровному строю гаражей и амбаров. Прошли вдоль них, завернули за угол образованный одним, выступающим из общего строя, сараем. Прошли мимо знакомой мне площадки, на которой по-прежнему красовался комбайн, только сейчас он стоял смиренно, не гудел и не изрыгал дым и пламя...

Метрах в двадцати впереди, практически полностью скрытую густой листвой, я разглядел небольшую часовенку. Маленькую, скромную, увенчанную симпатичным каплеобразным куполом, просто настоящая церковь, только в миниатюре. Я, было, направился туда, но брат Кирилл дернул меня за рукав и кивком указал на также утопающую в зелени деревьев беседку. Еще раз кивнул, вытянул вперед руку, слясь, как можно более доходчиво объяснить мне, куда идти. Я кивнул в ответ, а когда он повернулся, собираясь возвращаться, непроизвольно пожал плечами. А что, вот и не надо считать меня таким тугодумом! Я и с первого раза понять могу. Не всегда, правда, но чаще всего! Неожиданно остро захотелось озвучить свои мысли, крикнуть вдогонку (зачем?!), благо было уже слишком поздно, юноша скрылся за поворотом. Мне же ничего не оставалось, кроме как оставить свои мысли при себе и направиться в беседку.

Вот и она. Беседка. Очень даже мастерски изготовленная. Довольно просторная, деревянная, резная. Овальная по форме, уютная по содержанию. Почти все ее внутреннее пространство занимал круглый деревянный стол. Возле него, также кругом – деревянные лавки. На гладкой покрытой свежим лаком столешнице выпускал струйки пахнущего смолой дыма огромный сверкающий полированными боками самовар. Эффектная вещь, украшение стола, а никак не кухонная утварь!

На лавке, ближе к самовару, отражаясь в зеркальной его

поверхности, одиноко сидел человек. Я как-то разом растерялся, что-то в его облике казалось мне знакомым, вот только что именно? Не поймешь, не ответишь. Почти уверен, если бы он не заговорил, я бы его так не узнал. Да и как узнать в статном священнике моего утреннего знакомого?

– Вот и закончился день. Присаживайтесь, почаюем, поговорим!

Как-то так получилось, что, я не люблю чай. Никакой, ни черный, ни зеленый, ни китайский, ни цейлонский, ни индийский, ни грузинский, да вообще никакой! Но я так подумал: «Не время привередничать, кроме того, когда еще удастся испить настоящего чаю, из настоящего самовара, да еще и в компании самого настоящего настоятеля монастыря!». Так что устроился я напротив отца Александра, он протянул мне огромную чашку, из которой медленно вытекал ароматный пар.

– Спасибо!

– Рассказывайте, как продвигаются поиски?

– Ну, пока никак. Изучаю историю вашего монастыря. Как это хроника, нет летопись, объемная такая. Думаю, еще и на завтрашний день хватит. Вообще, если честно, то я и не думал, что у вас столько документов хранится. Пока все переберешь, пока разберешься, уйма времени пройдет. А если к этому еще добавить то, что я, по большому счету, сам не знаю, что именно ищу, то получается...

– Понимаю, но тот, кто ищет, обязательно находит.

– Да, правда, далеко не всегда то, что ищет...

– Думаю, вам не часто приходится работать с, так сказать, бумажными носителями?

– Если честно, то последний раз был я в настоящей библиотеке лет десять тому назад. Еще когда в институте учился. А с тех пор... я ведь программист, по специальности, по жизни. Мне гораздо проще найти нужную информацию в интернете, нежели перелопачивать горы литературы.

– А откуда уверенность в ее достоверности? Вы точно знаете, что ей можно доверять? Интернет – громадная всемирная свалка. Любой, кому не лень, может разместить в его просторах что угодно, и утверждать что в этом истина. Другое дело библиотека, тем более архив. Правда, подделки и в бумагах встречаются, но не в таком количестве.

Он замолчал. Похоже, я должен был что-то сказать, но на ум пришло только одно:

– Знаете, я ведь монастырь представлял совсем по-другому!

Отец Александр громко рассмеялся.

– Не иначе как думали, что мы до сих пор в средневековье живем? Свечи, пламя факелов, копоть на стенах. Что-то подобное? Мы вас разочаровали? У нас ведь как: настоятель в джинсах, во дворе сельхозтехника, плюс еще вот это! – он указал рукой ввысь, туда, где на белоснежном диске спутниковой тарелки играли отблески вечерней зари.

Я произвольно рассмеялся и спросил:

– Примерно так, но что это?

– Именно то, чем и кажется – спутниковая антенна. Телевидение. Интернет. Вы, конечно же, не знаете, но мы с вами коллеги!

– Настоятель монастыря и программист? – удивленно пробормотал я.

– Самый, что называется, настоящий. Только в прошлом. В далеком прошлом, – он замолчал и через минуту продолжил. – В те времена, когда компьютеры были уже не очень большими, но все еще очень медленными. Зато времена тогда были бурные и стремительные. Шальные девяностые... Словом, один хороший человек мне помог. Научил, как не натворить такого, о чем бы я долго жалел. Ну да ладно, давайте пить чай!

Я сделал глоток и спросил:

– А зачем все это в монастыре?

– Мы не стоим на месте, мир идет вперед, нам нельзя отставать. Нельзя игнорировать время, прогресс. Думаю, вы знаете, что церковь давно пользуется теми огромными возможностями, которые предоставляет нам всемирная паутина.

– Вы хотите создать свой сайт?

– Это тоже. Конечно, не принимать исповеди по электронной почте, – он хмыкнул и добавил: – Хотя через защищенные каналы... Нет, не для этого. Но пусть для того, чтобы люди знали, куда можно обратиться, попросить совет, бу-

дучи уверенным, что там помогут. Хорошее дело? Конечно. Ведь главное что? Вера! Человеку нужна вера. И даже не столь важно, во что именно. Вспомните историю. До девятьсот семнадцатого жила в человеке вера в бога. Потом революция, ее сменила вера в вождей, вера в светлое будущее. А потом? А сейчас! Оглянитесь, да у большинства людей вовсе никакой веры нет!

– Вы поддерживаете коммунистов?

– Совсем нет. Я лишь утверждаю, что человек без веры, он как слепой котенок, ползает взад-вперед, ни стремлений, ни цели...

Я надпил чай, который даже в вечерней прохладе не спешил остывать.

– Понятно, а что по поводу сайта?

– Это не самоцель. Не цель, а всего лишь средство. Вы ведь видели наши богатства. Нашу библиотеку, пока правильнее будет сказать – собрание книг. Нет ни систематизации, ни даже пристойного помещения. Вернее оно есть, только не готово. Так вот, касаясь литературы. Поверьте мне, в тех комнатах находится огромное множество очень ценных фолиантов. Просто хороших книг. Конечно, попадаются и такие, что бумага, на которой они напечатаны, ценнее смыслового наполнения, но их немного. Да и вообще, лично мое мнение – любая книга имеет право на существование. Пусть она будет хорошей, пусть совсем наоборот. Книга – мысли автора, и кто может знать, когда и кому эти самые мысли мо-

гут пригодиться. Да и кто имеет право решать, что хорошее, что нет! Собственно, дело вовсе не в книгах. Вернее не только в книгах. Буквально несколько минут назад вы держали в руках уникальные, бесценные документы. Да, сейчас они в хорошем состоянии, но ведь это благодаря тому, что за последние лет двадцать к ним никто не прикасался. Вы один из немногих кто получил возможность с ними ознакомиться. Бумага, даже пергамент, они ведь не вечны. Что случится с документами, если их изучением займутся тысячи людей? – он умолк, будто ожидая ответа, я же промолчал, только пожал плечами. – Думаю, вы заметили, что постепенно входит в моду изучение своих корней. Да, именно «в моду»! Но, нет, я не возражаю. Я прекрасно понимаю, что без прошлого нет настоящего, не говоря уже о будущем, понимаю, что нужно знать своих предков. Вот только архив может возражать. Он может и не пережить наплыва заинтересованных искателей своих корней. Что-то я увлекся... понесло меня куда-то. Вообще-то я хотел сказать, что есть мысль отсканировать все имеющиеся документы, более того, выложить их в свободный доступ. Все на бесплатной основе разумеется. Если же кто-нибудь сочтет возможным, сможет внести свою лепту.

– Кстати, насчет лепты. Это же затратное дело!

– Вот и вы туда же. Деньги! Конечно, реалии нашего времени – на все нужны средства. На все вот это, на ремонт, на стройку, конечно, но нам помогают! Есть еще меценаты, владельцы крупных состояний, люди, которые направляют свои

деньги на возрождение, на духовность. Кроме них и простой люд, считающий своим долгом жертвовать на благое дело. И я более чем уверен таких людей будет только больше. Да, еще раз соглашусь, деньги нам нужны. И планы мои касательно архива, поверьте, не самые затратные в плане финансов. Как видите, на текущий момент мы привели в порядок только одно здание. Как должны были заметить утром, начали восстанавливать церковь. Тут без денег тоже не обойтись. Хорошо еще, что нашему монастырю повезло. Многое уцелело. Лишь храм с землей сравняли. Но, что не может не радовать, фундамент сохранился, да и чертежи нашлись. Словом, заезжайте к нам через годик – удивитесь!

– Значит, во дворе я видел фундамент церкви, а вот это что? – я показал на церквушку, которая еле виднелась в вечерних сумерках.

– Всего лишь часовенка. Построили пять лет назад. Не может же такого быть, чтобы монастырь и без церкви. Но это временно. Вот если хотите, завтра покажу вам чертежи храма, несколько рисунков удалось найти в одном из архивов Петербурга. Вот где красота, вот где величие!

Собираясь что-то еще сказать, я непроизвольно зевнул. Причем получилось очень даже громко. Настоятель понимающе закивал головой.

– Не могу с вами не согласиться, поздно уже, спать пора, кроме того, вы ведь с дороги. Идемте, мы пташки ранние, к шести подъем. А поговорить, поговорить мы еще успеем.

Глава семнадцатая

Казалось, небольшая комнатка, маленькое, даже слишком маленькое окошко, никакой циркуляции воздуха, за стенами кульминация летней поры. Должно быть жарко, должно быть душно, а ведь нет! Не пойму, что тому причина, может строители прошлого знали какой-то секрет, а может, реставраторы современные удачно восстановили старое здание, но в моем «номере» было прохладно и как-то на удивление легко дышалось. Эти два неперемennых условия хорошего сна удачно слились в одно, способствовали отдыху, благоприятствовали крепкому здоровому сну, привели к раннему пробуждению...

Давно я так не выспался! Действительно давно. Наверняка лишь в далеком детстве. В ту пору, когда голова не была переполнена переживаниями взрослой жизни, не была забита делами, планами, проблемами. Счастливые были времена, беззаботное детство...

Не было и шести часов, как я поднялся с постели, оделся и вышел в коридор. Остановился, размышляя, чем заняться в столь ранний час. Огляделся, услышал чьи-то тяжелые шаги, подошел к лестнице. С верхнего этажа, медленно и важно спускался отец-настоятель. Точно как и прошлым вечером, на нем были длинные черные одеяния, поверх которых, контрастно, золотом по черному, висела цепочка с внушитель-

ных размеров крестом.

– С добрым утром, молодой человек! Уж никак не ожидал, что люди вашей профессии обладают даром раннего пробуждения. Вы, так сказать, ломаете стереотипы!

– Утро доброе, отче. Всему виной ваша монастырская атмосфера. Я так отлично спал, что даже и не заметил как выспался.

– Это да. Ну, не будем останавливаться на достигнутом, идемте со мной на утреннюю службу. Погружаться в атмосферу. Еще глубже! – он заметил, что я замялся, лукаво подмигнул. – Да, ладно вам, к чему сомнения! Идемте!

Немного поразмыслив и не найдя причины отказаться, я кивнул и направился вслед за настоятелем, непроизвольно копируя его походку (не привык я медленно ходить). Спустились вниз, прошли вдоль хозяйственных построек, миновали беседку.

Вот и часовня. Да, настоятель был прав. Тогда, вчера, за чаем. Часовня – это только временно. Не производила она того эффекта, который дает посещение церкви. Простора не хватало, величия архитектуры, дополненного мастерством живописцев. Именно из-за этого не возникал тот трепет, который вселяется в души верующих, переступивших порог храма. Оттого растерянность...

Даже для меня, человека, который в церкви был два или три раза на протяжении всей своей жизни, внутри часовенки не было ничего интересного. Вообще ничего. Сколько ни

смотри. Ни слева, ни справа. Помнится, даже обе маленькие церквушки моего родного городка и те выглядели куда более величественно и, что точно не вызывало сомнений, гораздо просторнее. Воздуха в них было больше, пространства. Больше места для верующих, как следствие, больше места для веры.

Здесь же ничего подобного. Тесно, слишком тесно, казалось, будь в монастыре хоть на одного, максимум двух, обитателей больше, им бы не хватило места даже одно колено приклонить. Не говоря уже о каком-то личном пространстве...

Единственное, иконы, огромное количество всевозможных икон...

Действительно, их было множество. Висели на каждой стене, со всех сторон единственной колонны, поддерживающей свод. Висели плотно, некоторые частично перекрывали одна другую. С уверенностью могу сказать, было их раза в три больше чем в обеих церквях моего родного городка вместе взятых.

Удивительное зрелище. Множество святых ликов, смотрящих на тебя со всех сторон, со всех ракурсов. Разные они. Большие и маленькие, богато украшенные и простые. Мастерские рисунки, привлекающие внимание и не менее эффектные, пугающие, заставляющие отвести взгляд...

Самая большая из всех и самая красивая расположилась просто напротив входа, в нескольких шагах от двери. Навер-

няка тот, кто поставил ее именно на это место, был прав. Заслуживала она подобного внимания. Достояна была того, чтобы каждый входящий уделил ей внимание, задержался, взглянул, залюбовался. На ней, закрытая толстым стеклом и обрамленная богатой ризой, изображена женщина. Прекрасное лицо с тонкими чертами. Она, спокойным и в то же время пронзительным взглядом смотрела на каждого входящего и, я так думаю, каждого приветствовала по-своему. Одним улыбалась (как мне, к примеру), иным же с укором качала головой.

Точно как и я, настоятель задержался у иконы. Поклонился святому лику, оглядел помещение, кивнул, то ли себе, то ли здороваясь (не знаю, может с присутствующими, может с часовней). Качнул головой в мою сторону. Я понял так: он предлагал мне остаться у входа. Это правильно, да я и так понимал – дальше не пройти, пусть бы и хотелось.

– У вас так много икон! – в ответ на его жест прошептал я.

– Икона – это лик божий, люди должны его видеть, как и икона должна видеть людей. Нельзя прятать священные образа где-нибудь в темных закоулках – грех!

Хотя я и не собирался больше ничего говорить, настоятель приложил палец к своим губам, мол, не нарушай тишину, она в церкви священна, и, лавируя между присутствующими, направился к центральной колонне. Там, у ее основания, стояла странная конструкция, отдаленно напоминающая трибуну. Ступил настоятель на возвышенность, чья-

то рука из полумрака подала ему толстую книгу, наверняка Библию. Он открыл ее, взглянул на страницу, посмотрел на окружающих, поднял глаза вверх...

Точно не скажу, но, скорее всего, так и должны проходить службы. Так уж сложилось, что не разжился я подобными знаниями, да и опыта подобного не нажил. Как бы там ни было, в моих глазах все выглядело правильно, логично и, можно сказать, естественно.

К тому времени как мы вошли, все монахи уже были в часовне, все как один стояли на коленях и дружно молились. Их губы шевелились, тихо шептали они, каждый что-то свое. Порождаемый шепотом шум сливался в глухой еле слышимый гул, грозящий перерасти в угрожающий рокот.

Стоило настоятелю открыть книгу, как все затихли. Разом, будто по команде. Все присутствующие, а вслед за ними и я, посмотрели на него. (Точнее я смотрел на его «трибуну», почему-то с первыми словами проповеди всплыло в памяти «кафедра», вот не знаю, оно это или все-таки нет...). Отец Александр начал что-то читать. Признаюсь честно – не понял ни слова. Может это из-за того, что он читал, напевая, или, что ближе к истине, напевал, читая? Может. Все может. К тому же слушал я его крайне невнимательно, даже рассеянно. Завладела моим вниманием икона, та, центральная. Всматривался я в тонкие черты изображенного на ней святого лика. Удивлялся тому, как меняется рисунок от того, под каким углом на него смотреть.

Так продолжалось недолго. Буквально несколько минут. Далее случилось нечто в моих глазах просто-таки невероятное. Нечто такое, от чего я тут-таки позабыл о невнятности голоса настоятеля, странности его «трибуны» и красоте смотрящей на меня (теперь с легким укором) иконы.

Некоторые из монахов, по одному, поднимались. Неслышно ступая, они удалялись в темный угол, что правее от входа. Там останавливались, замирали на несколько секунд, крестились, кланялись (а может, просто нагибались) и вот странность – исчезали! Через некоторое время появлялись снова, по-прежнему не говоря ни слова, крестились, так же низко кланялись, спокойно возвращались на свои места и шепотом повторяли слова настоятеля. Как ни в чем не бывало! И опять-таки, стоило одному занять свое место, другой поднимался и все повторялось. Угол, крестное знамение, поклон...

Может, как для монахов, это нормальное поведение, но я почему-то на удивление ярко вспомнил студенческую юность. Вспомнил и представил, будто бы я в институте, вот так же молча посреди лекции, поднялся и вышел из аудитории. Нелепость какая-то. Нет, конечно, можно было подобное повернуть, но только один раз, первый, он же последний, а там – прощай учеба, здравствуй армия!

Ну да ладно. К чему воспоминания, они и мне-то неинтересны, не в них дело, просто любопытство не отставало, настаивало. Разобраться хотелось, узнать, что происходит, за-

чем и, главное, каким образом? Эти вопросы так захватили меня, что даже веко задергалось! Еще бы, ведь от подобного поведения веяло неким ритуалом, может, замешанным на подлинной мистике, его нельзя было просто игнорировать!

Мистика это хорошо, но были и другие мысли, куда более логичные, куда более прозаичные. Были попытки объяснить происходящее с точки зрения рационального мышления. К примеру, так. Тот угол – место для кратковременного уединения. Не знаю, может, там молятся о чем-то, особенно личном и особенно важном. Отсюда движения, отсюда поклоны. А исчезновения, ну это и вовсе просто. Так и вижу. Занавеска там, тяжелая. Кошнется она еле-еле. Изгибается плотная ткань, тень рисует на ней несуразные картинки. Скрывались монахи в ее тени, только и всего. Далее инициативу перехватывало воображение. Собирало оно картину из фрагментов, разукрашивало, передавало все еще не до конца проснувшегося восприятию – вот и результат! Кстати, очень даже логичное объяснение, ведь я лишь сегодня начал рано вставать. Для этого опыт необходим. Нельзя же так, раз и сразу...

Возможно, все возможно, но тогда мне было не до логики, любопытство не желало успокаиваться, требовало действий. Веко дергалось сильнее. Надо было разобраться, понять, вникнуть, сейчас же! Я даже шагнул в том направлении, куда отлучались монахи, благо, там, так сказать, было незанято...

Словно дождавшись моей реакции на происходящее, на-

стоятель отчетливо произнес: «Аминь». Все разом поднялись со своих мест и дружным потоком, обходя меня и икону, направились к выходу. Я же остался стоять, по-прежнему, поглядывая в заинтересовавший меня угол. Любопытство по-прежнему ждало ответов. Отец Александр приблизился ко мне.

– Ну, как новое впечатление?

– Любопытно, – я сказал чистую правду, но любопытно было другое. – Вот только я не понял, куда все поочередно выходили и почему?

Он внимательно посмотрел на меня. Его лицо выражало крайнюю степень рассеянности. Я же не думал сдаваться и вкратце описал то, что видел. Настоятель медленно пожал плечами, взял меня за руку и подвел к заинтересовавшему меня углу.

– Я так понимаю, этот место? – ярко вспыхнул свет, только не какой-то там мистический, самая обычная лампочка. – И что здесь можно делать?

И, правда, что? Обычная стена, обшитая деревом. Я даже постучал по ней, не знаю зачем, но ничего любопытного не выстукал. Пол, так тот и вовсе бетонный, только ковриком накрыт. Занавеска, тяжелая, покачивающаяся. Может, показалось? Отец Александр, не мигая, смотрел мне в глаза. Я почему-то почувствовал себя виноватым. Ощущение, будто меня застали за каким-нибудь постыдным действием. В голове зазвучали слова настоятеля:

– Так ничего не было?

– Похоже, не было, почудилось...

Глава восемнадцатая

Новое погружение, на этот раз погружение в историю.

За день минувший я немного привык к специфической атмосфере прошлого, к запахам противящейся тлению бумаги, к своеобразному аромату старого пергамента, к эфемерным ноткам чего-то странного, чего-то еле уловимого, вызывающего ассоциации с кухней и специями (проголодался я что ли?). Но более всего во всем этом многообразии ощущался привкус пыли. Своеобразный запах мельчайших частичек, которые обожали документы, тянулись к ним, не упуская ни малейшей возможности пробраться в бумаги, затаиться между пожелтевшими листиками. До чего же просто представить – орды мелких пушистых пылинок устраиваются меж листов, ложатся ровным слоем, стремясь полностью заполнить мельчайшие неровности бумаги. Замирают они, терпеливо ждут пока какой-нибудь ценитель истории вроде меня, поддавшись любопытству, неосторожно перевернет страницу. И вот оно, пыльное счастье! Тот же час незримая армия срывается с насиженных мест, покидает страницы, рассыпается на множество невидимых пушинок, заполняет помещение, подкрадывается к зазевавшемуся исследователю и бесцеремонно щекочет у него в носу. Дразнит его, чихать заставляет, сама же радуется, наслаждается результатами своей подлой выходки.

Брат Кирилл, как пояснил настоятель, уехал в город по делам монастырским, потому мне предстояло погружаться в дебри истории в гордом одиночестве. Конечно, я не очень-то и расстроился. Не нужна мне была компания, да и помощь не требовалась. Открывать коробки, рыться в бумагах я и сам был в состоянии. Чем не преминул и заняться...

Прошло чуть более часа, летопись я одолел. Она мало чем меня порадовала. Так и тянет признаться, что картинок было мало, а те, что были, не радовали обилием цвета, но нет, не в них дело. Или не только в них. Более всего меня огорчило отсутствие результата, нужного мне результата...

Удивительно, но если еще днем ранее я с трудом различал отдельные буквы, щедро украшенные завитушками, то сегодня довольно бегло читал текст. Более того, я понимал то, что прочел! Просто сам себе удивлялся, тогда, поначалу. Позже и думать забыл. Нет, я понимал и сейчас понимаю, возможны две причины для подобного изменения: или прошлой ночью кто-то неведомый адаптировал древний текст персонально для меня или я за ночь поумнел. Такие вот две версии и обе фантастические (особенно вторая!). Можно еще предположить, что та часть рукописи, которую я оставил на день сегодняшней, была написана позже и на языке, менее отличном от современного, но вряд ли в этом предположении отыщется рациональное зерно.

Как бы там ни было, я не нашел ни единого упоминания о «моем» монастыре. Ни намек на таковой. Даже немно-

го странно, две обители, расположенные практически рядом (правда, по меркам современности), ведь должно же быть хоть что-то! Деловая переписка, личные письма, просто сплетни доверенные бумаге. Думаю, должно быть, но нет, ничего. Жаль!

Надо еще вспомнить о том, что я практически ничего не знал о том самом монастыре. Из точных дат имелись лишь две: 1641 год – дата письма, которое я нашел в архиве и, указанная в том же послании, дата основания монастыря – двадцать первый год. Я так понимаю – это 1621. И то и другое я с трудом разглядел на изрядно пострадавшем от времени листе. Могли ли эти упоминания быть подлинными вехами истории, или я что-то путаю? Не знаю, сейчас не знаю, да и тогда не знал. Знал только то, что документы из первой коробки, относящиеся к периоду основания монастыря, мне ничуть не помогли. Ничего не оставалось, кроме как закрыть толстый фолиант, пробежался взглядом по столу, дабы лишний раз проверить, не упустил ли я чего, и попытаться заставить себя поверить в то, что следующая порция документов неизменно меня порадует. Почти удалось...

Осторожно, стараясь не примять ни единого листика, я сложил бумаги обратно. Все сложил, как было раньше, только пергамент, который, кто знает сколько времени провел под тяжелой книгой, положил на самый верх. Надеюсь, за это не накажут.

Да, на счет пергамента, я не преминул поинтересоваться

у настоятеля. Он выслушал меня, кивнул, а затем качнул головой:

– Да, конечно, я его помню. Но нет, он вас не заинтересует. Суть, в общих чертах такова – это отчет. Да, отчет представителя Ватикана, который путешествовал в наших краях, сейчас не вспомню в каком году. Там всего две-три фразы о нашем монастыре, а большая часть, сведения об обителях божьих, расположенных гораздо восточнее нашей. Вообще, как для историка, он, безусловно, интересен, а у любителей вроде нас с вами вызывает один лишь вопрос – почему данный пергамент у нас в коробке лежит, а не пылиться где-то в архивах столицы католицизма...

Продолжил я работу. Взялся за следующую коробку, помеченную как «1600-1640гг. к.2». Очень удивился, когда оказалось, что для просмотра ее содержимого потребовалось немногим более часа. Ничего не нашел, конечно же, расстроился.

Стер пыль с крышки следующего коробка. На картоне размашисто указаны даты – 1641-1656. Никакого намека на часть первую. Сознаюсь, меня это несколько порадовало, ведь из этого следовало, что продолжения не предвидится! Снял крышку, положил ее на Библию, которая по-прежнему лежала на краю стола. Не иначе как брат Кирилл забыл отнести ее на подобающее место. Но это не моя забота. Я сказал, я отдал, а там пусть сами разбираются.

Развязана тесемка, открыта новая коробка.

Все пространство внутри было заполнено отдельными листами. Множество бумаг, самой разной формы, самых разных размеров. Большая их часть напомнила мне ведомости, как минимум в современном их представлении – имена, множество имен, напротив них цифры, некоторые обведены, некоторые вычеркнуты. Часто попадались страницы, вырванные из книг. Многие из рукописей, часто почерканные, местами иллюстрированные забавными рисунками, многие разорваны чуть не в клочья. Но больше всего было писем. Переписка множества людей. Разные почерки, разные стили, разное содержание. Ощущение только одинаковое – неудобно. Джентльмены, как известно, чужих писем не читают. А вот мне приходилось...

Ящичек. На самом дне, заваленный листиками, расположился деревянный ящичек, очень похожий на те, в которых продавались детские кубики в те времена, когда они были деревянными. У меня точно такие были, это я отлично помню. Любил я из них башенки строить, мостики разные, да и слова складывал изредка, но башенки с мостиками чаще. Наверняка в том был намек, надо было мне в строители податься. Проектировал бы замки, строения странной архитектуры с террасами на море, а я...

Отбросил нахлынувшие воспоминания. Извлек коробку, взвесил в руках – а она увесистая! Сверху приклеен листок, много всего написано, только ни слова не понять. Мало того, что буквы почти стерлись, так еще и непонятная мне ла-

тынь. Заглянул внутрь. Удивился. Там оказалось с десяток камешков, на одном приклеен номер – 14. Понятно, тут были геологи, или как они в ту пору назывались, не знаю, да и неважно это. Важно то, что камешки меня совершенно не интересуют, не должны интересовать, как минимум.

Под ящичком на самом дне коробки лежал один единственный листик. Письмо. Хотя нет, не совсем письмо, фрагмент письма. Половинка. Не иначе как раньше он был сложен вдвое, а теперь нижняя его часть оторвалась и где-то потерялась. Сбежала из коробка, не иначе. Во всяком случае, я ее так и не нашел.

Такое вот послание...

Отче!

Прежде всего, отец Евлампий шлет Вам свои приветствия и пожелания скорейшего выздоровления. Благодарит он Вас за поздравительные слова и дарованное ему благословение. Ему, как собственно и всем нам, скорбно осознавать, что Вы лично не смогли принять участие в столь богоугодном деле как освящение нового дома Божьего.

Долгие годы наш Спасовский монастырь был единственной обителью, опорой слова Божьего в этих благословенных местах. И вот свершилось, он не один. Монастырь святого Василия, твердыня веры, призван прослужить не одно столетие. Прослужить, одним только существованием своим разнести веру в Господа нашего на многие версты, провозгла-

шая славу Господа среди бескрайних степных просторов.

Настоятель Свято-Васильевского монастыря отец Евлампий, а с ним и я имеем к Вам огромную просьбу, а именно, позволения просим задержаться мне при новоявленном монастыре еще хотя бы на один год. Настоятель лично напишет и отправит с братом нашим Илларионом свое послание я же, со своей стороны, хочу заметить...

На этом текст обрывался. Пусть как бы я в него не вглядывался, не было ни малейшей возможности узнать дату, когда его написали, не было ни единого намека, который бы позволил понять, кто был его автором. Кто написал, кому оно было адресовано. Ничего. Я еще дважды пересмотрел все до единой странички, которые находились в коробке, но, увы, продолжения не последовало...

Пришлось смириться. Очередная картонка, очередной эпизод истории. Она также не принесла ничего, что могло бы хоть сколько-нибудь мне помочь, но время на ее изучение было затрачено. А время, оно так быстротечно!

Незаметно прошел второй, а за ним и третий день. Снова вечер, снова солнце клонилось к закату. Оставалось только лечь спать, отдохнуть, надеясь на то, что день грядущий будет хоть чуточку продуктивнее минувшего.

Уже погасив свет, я вдруг задумался: «А что собственно ищу, и что собираюсь найти? Задумался, но так и не смог самому себе ответить...».

Мой странный гость замолчал и внимательно посмотрел на окурок, который давно погас, бросил его в пепельницу, похлопал себя по карманам, достал пачку, извлек из нее новую сигарету, подкурил, глубоко затянулся, медленно выдохнул и монотонным голосом продолжил:

– У тебя было когда-либо ощущение, что нужно что-то искать? Даже не имея представления, что именно, или зачем, – я успел только пожать плечами, вслух ответить не довелось. – А у меня было. Вот именно тогда. Ты, конечно же, понимаешь, я искал вовсе не информацию о монастыре, тем более не о его истории. Я надеялся понять, как я к нему причастен. Что связывает меня, рожденного в веке двадцатом, с монастырем, построенным без малого четырьмя столетиями ранее. Нет, я не думал найти в монастырском архиве упоминание о себе, глупо было бы и надеяться, не говоря о том, чтобы верить. Да, я понимаю, глупость, все это глупость, тем не менее, я знал, я был уверен, я должен что-то найти, и найти именно там, в Спасовской обители...

Ночь. Неестественно серый свет заполнил комнату. Странные ощущения. Казалось, все, что окружает меня, не имеет ни малейшего отношения к реальности, что все это лишь черно-белое кино. Точнее, светло-серо – темно-серое. Именно так, поскольку не было ни единого фрагмента интерьера, который был бы действительно черным или истинно

белым, все вокруг залила сплошная серебристая серость.

Я поднялся, сел на диване, опустил ноги в презентованные мне «гостевые» тапочки и прислушался. Мелькнула мысль, не менее странная, чем все мои ощущения: «Интересно, а бывают черно-белыми слова? Контрастными, невероятно контрастными. Темными и одновременно яркими. Не знаю...».

Откуда-то, не скажу, откуда точно, кажется, просто отовсюду долетали голоса. Громкие они, но при этом приглушенные, невнятные, скорее, и вовсе безликие. Я заставил себя подняться с постели и выглянуть в коридор. Открыл дверь, высунул голову. Голоса стали чуточку громче, несколько четче, гораздо контрастнее, правда, отнюдь не разборчивее.

Крадучись, стараясь не выдать своего присутствия, я направился вглубь коридора. Ни громкость, ни внятность голосов не менялась. Даже когда я дошел до противоположной стены, они звучали точно так, как и возле моей двери. Любопытно! Возвращаюсь назад, то же самое.

Остановился на ступеньках. Прислушался. На мгновение показалось, что голоса доносятся сверху, вспыхнула и принялась ритмично пульсировать назойливая мысль – их источник в книгохранилище. Ступил на лестницу. Шаг, другой, еще и еще. Поднялся на верхний этаж, подошел к двери, потрогал ручку – заперто. Правильно! Вспомнил о ключе, которым вчера сам закрывал комнату. Было! Вернулся к

себе и снова обратно. Через минуту я опять стоял перед дверью, но уже во всеоружии, с ключом. Кажется, голоса стихали, вот-вот, еще несколько мгновений и окончательно растворятся в безмятежности монастыря, надо было спешить! Вставил ключ, провернул...

Густая серость вспыхнула ярким сиянием. Стихли голоса. Вместо них раздался страшный грохот, который сотряс все здание. Кажется, стены задрожали, завибрировал пол, подбрасывая стоящие на нем предметы, ковровая дорожка съехала, сложилась в гармошку. Я не смог устоять на ногах и упал. Падал медленно, неспешно, просто осенний лист в безветренную погоду...

Глаза нехотя открылись. Несколько раз мигнули, силясь прогнать дремоту. Я был у себя в комнате, сидел на постели. Сквозь приоткрытое еще с вечера окно слышался убаюкивающий шум дождя, часто прерываемый оглушающими раскатами грома. Неожиданно резко нахлынувшее понимание ситуации заставило меня проснуться. Взгляд наткнулся на часы. Беспристрастные стрелки показывали половину шестого.

Постепенно приходило понимание – все, что было, это всего лишь сон. Странные идеи о цветных и черно-белых словах и мыслях забывались, уходили в небытие. Терялась мистическая подоплека сна, растворялась она на фоне ожиданий пробуждающегося утра – нового для меня чувства. Как-то сам того не замечая за несколько последних дней я научился воспринимать простые человеческие радости, на-

учился радоваться жизни в целом, и новому дню, как символическому началу чего-то нового.

Плюс ко всему близилось время, до утренней службы оставалось менее получаса...

Да, именно так, я собирался идти на службу. Не знаю, может любопытство перерастало во что-то большее? Не могу сказать наверняка. Одно точно – что-то действительно изменилось. Во мне лично или в том, что окружало меня. Не знаю, да и не хочу знать. Просто когда я во второй раз вошел в часовню, во второй раз поддался влиянию настоятеля, все было уже по-другому. Мне действительно стали интересны слова отца Александра, еще бы, ведь я их понимал, каждую фразу, каждое слово прочитанное ним вслух. Более того я смог впустить в себя не только сами слова, но и их смысл, их сущность! Монахи, которые исчезали в темных закутках меня и вовсе перестали занимать, да я и не обращал на них внимания, не замечал, пропадают они, или нет. Какая мне разница! Ведь замысел совсем не в этом.

Да. До службы было еще немного времени, чтобы не терять его, я решил заглянуть во временную библиотеку, просмотреть с десятков документов.

Ключ, я точно помнил, лежал на журнальном столике, там, куда я его вечером положил. Вот странность – его там не оказалось. Я перевернул всю небольшую комнатку вверх дном, а результата не было. Ни результата, ни ключа! Закралась зловердная мысль, а что если сон не был игрой дремлю-

щего сознания?

Отправился по следам контрастного сновидения. Подошел к двери книгохранилища, потянул на себя ручку. Заперто. Непроизвольно скосил взгляд вниз. Увидел выглядывающий из-под коврика блестящий уголок, серебристый металл. Ключ! Тот или просто похожий? Наклонился. Поднял. Вставил в замочную скважину. Подходит! Попытался открыть дверь. Оборот, еще один. Дверь чуть заметно отошла. Чудеса! Попытался в деталях воссоздать вчерашний вечер. Легко! Все помню! Сложил документы, отнес коробку в дальний угол, вышел. Два отчетливых щелчка. Заперто. Вернулся в комнату, бросил ключ на столик, лег. Все правильно, все точно, но...

– Голоса, молодой человек, это не мой профиль! – с легкой насмешкой в голосе ответил настоятель после того как я поделился с ним своим сном и его последствиями. – Конечно, если это не глас Божий! А может все гораздо проще? У вас карманы целы, дырок случайно нет? Возможно, вы закрыли дверь, ключ проскользнул в дыру и выпал у порога. Вы этого не заметили, но подсознание зафиксировало сие досадное событие, запечатлело его в памяти, а ночью выдало, но уже под видом сновидения?

До чего же приятно общаться с умным человеком! Даже удивительно, как я сам не догадался проверить эту версию. Имеет она право на существование, действительно имеет. Я ведь точно знал – была дыра. Но проверять, так проверять –

обе руки в карманы, так и есть! Правый разорван, но я точно помнил, что положил ключ именно в левый. Нестыковка получается...

– Тогда продолжим наши логические размышления, – вел дальше настоятель, которого вовсе не смутило такое явное несовпадение. – Вы, насколько я успел заметить, правша? Правильно? Хорошо. Ведем дальше. Поскольку дырка образовалась именно в правом кармане – могу предположить, что в нем вы носили что-то тяжелое, не иначе как ключи, так?

– Действительно, я всегда носил ключи в правом кармане брюк, а когда он порвался, начал перекидывать в левый...

– Конечно, вместо того, чтобы просто зашить! Привычка, молодой человек, это такая вещь... предположим, многие годы дверь входная в вашем доме открывалась от себя, а потом, по какой-то неведомой причине, вы ее поменяли, и стала она открываться от себя. Вопрос, сколько раз вы расшибете себе лоб, пока не привыкните? И еще, – заметив, что я собираюсь уходить, добавил настоятель, – я попрошу брата Кирилла принести вам иголку с ниткой. Уверен, это самое надежное средство обезопаситься от подобных снов, да и просто от вероятных потерь.

«Вне всяких сомнений настоятель прав, – думал я, возвращаясь к книгам и документам. – Да, так оно и было. Правильно все и логично. Кроме того, подобное объяснение гораздо удобнее, чем всевозможные голоса и ночные блуждания. И вообще не для этого я приехал. Достаточно безделья,

пора браться за работу!»

День не принес ничего нового. Я добросовестно изучил содержимое еще двух коробок. Нашел одно свидетельство существования «моего» монастыря – карту, датированную 1671 годом. На ней маленькой точкой с витиеватой подписью «монастырь св. Василия», и был обозначен дом Божий. Конечно, это не добавляло ничего нового к тому, что я и так знал, но было приятно воочию пусть лишь точкой на карте, увидеть предмет моих изысканий!

Тем временем дождь, который начался еще ночью и почти весь день неустанно барабанил по крышам, начал затихать. Густой ковер облаков поредел, и скоро на чистом небе не осталось ни следа от сплошной облачности. Ливень оставил после себя только лужицы, многие из которых просто на глазах подсыхали, вдобавок к ним огромную в полнеба радугу. Она блестела всеми полагающимися природному явлению своего вида оттенками, радовала глаз и отвлекала от работы. Вот только было так недолго, это все время, его это происки.

Приближался вечер. Ярко-красные лучи заходящего солнца заблестели на вымытой листве стараясь заменить собою меркнувшую красочную расцветку дуги, предвестницы хорошей погоды. Солнце подкатилось к горизонту и неспешно начало проваливаться под землю, исчезало оно, а вместе с ним исчезали и мои надежды. Исчезали как мелкие лужицы под палящими лучами. Минута и они окончательно исчез-

ли, будто и не было никогда, ни лужиц, ни надежд, ни ожиданий. Еще бы, ведь содержимое последней коробки, которую я добросовестно опустошил, было досконально изучено и аккуратно уложено обратно. Все! День уходящий, ничем меня не побаловал, а судя по тому, что коробка последняя, уже и не побалуется. Я смирился с мыслью о том, что на следующий день ранним утром уеду домой. Уеду ни с чем.

Я закрыл коробку, завязал и отнес на длительное хранение в дальний угол, в тот, из которого ее и извлекли. Сам же вернулся к столу, тяжело опустился на стул, откинулся на спинку, закрыл глаза и задумался.

Не знаю, сколько я так просидел. Пожалуй, недолго. Всего лишь до тех пор, пока не осознал, что сижу в полной темноте. Нашарил на столе лампу, щелкнул выключателем. Рукой задел что-то твердое и угловатое, не успел толком разобраться в своих ощущениях, как услышал хлопок, это что-то упало. Оказалось, я задел памятную Библию, ту, с которой началось мое знакомство с архивом, ту, которую давно уже должен был куда-то отнести брат Кирилл, но так и не удосужился.

Я наклонился. Поднял книгу, открыл, полюбовался первым разворотом. Красивое издание, но совершенно мне не интересное. Закрыл, положил на стол. Вот странность – она сама собой раскрылась. Примерно посередине. Снова закрыл – она опять открылась. Мистика! Наклонил лампу, осмотрел книгу и понял, почему ей не нравилось лежать закры-

той, и почему она раскрылась именно там. Вложенный между страниц, сложенный несколько раз, выглядывал пожелтевший листок.

Исключительно из любопытства развернул (хорошо хоть ни на что не надеялся!), на листе оказалась таблица, правда, без разделяющих столбцы и строки линий. Шесть колонок, в каждой буквы. Я разгладил бумагу, склонился ниже. Ничего любопытного, никакого смысла, никакой системы, как минимум, на первый взгляд. Буквы ничем не примечательные – кириллица, вот только каждая из них выведена со знанием дела. Почерк каллиграфический, точки, черточки. Красиво, конечно, но смысл! Казалось, ничего сколько-нибудь любопытного, как минимум для меня, но... Верхний край листа потемнел, не иначе как от действия огня, а на самом краешке сохранилась часть изображения. Оттиск? Гравюра? Несколько размытая картинка, но разобрать можно. Что-то напоминающее часть стены с башенкой и буквы над ней, «св. Вас». Так похоже на святого Василия, и стена точь-в-точь, как та, «моя»!

Занимательный документ. Вверху картинка с намеком, ниже, занимая практически всю площадь листа колонки букв, а уже в самом низу страницы, несколько под углом, словно подпись, будто автограф, другой рукой и другими чернилами приписано Лк 11:9-10...

Глава девятнадцатая

– Не могу с вами не согласиться, очень даже любопытный документ. Честно скажу, я его никогда раньше не видел. Тот экземпляр Библии, о котором вы упомянули, частенько попадался мне на глаза. Кажется, я даже листал его не так давно, и нет, ничего внутри него не было.

– А как вы думаете, что это?

Настоятель взял в руки листок. Достал очки, пользуясь ними как лупой, внимательно осмотрел колонки букв, перевернул листик. Медленно пожал плечами. Поднял руку с бумагой, посмотрел на просвет, зачем-то понюхал, улыбнулся и снова пожал плечами.

– Даже и не представляю. Похоже на шифровку из фильмов про шпионов. Или как сказали бы в былые времена – тайнопись.

– В семнадцатом веке тоже пользовались шифром?

– Почему только в семнадцатом? Я не большой специалист в подобных вопросах, но читал где-то, что еще Юлий Цезарь, будучи в походе, отправлял в Рим закодированные послания. По-моему именно он и изобрел один из первых известных шифров. Сейчас вспомню, да, он менял местами первую букву алфавита с четвертой, вторую с пятой и так далее. Ну, или примерно так. Шифр конечно примитивный, особенно если сравнить с современным 128-битным шиф-

рованием, – он грустно улыбнулся и продолжил: – Но как для своего времени кодирование вполне эффективное. Словом, не сомневайтесь, во все времена было огромное количество тайн, которые просто необходимо было утаить от постороннего ока. А коль были тайны, то и методы их сохранения также существовали. Так что все может быть. Более того, вот смотрю я на ваш листик – все атрибуты шифра на лицо и некая система просматривается, и таинственность имеется...

– А хоть язык, можно определить. На каком языке послание?

– Буквы кириллица, по написанию, старославянские. Хотя, старославянским, как таковым, пользовались примерно до начала двенадцатого века, но азбука сохранилась и живет в церковнославянском. Что касается непосредственно текста, того, который должен появиться в результате расшифровки, так кто ж его знает! Если это шифр, то, к примеру, латынь могли скрыть за кириллицей. Могли и наоборот. Не знаю. Одно скажу точно, если это действительно шифр, и послание имеет отношение к Свято-Васильевскому монастырю, и написано оно на церковнославянском языке, тогда все далеко не так просто. Придется учитывать то, что церковный язык примерно в середине семнадцатого века претерпел значительных реформаций. Было, так называемое, книжное дело...

– А вы сможете мне помочь? – я совершенно позабыл о

вежливости.

Несмотря на то, что я его перебил, настоятель ничуть не рассердился, напротив, искренне улыбнулся.

– Извините, но это не мое! Попробуйте сами, или, как вариант, обратитесь к специалистам. Нет, я просто уверен, что дело это интересное и увлекательное, но к огромному моему сожалению у меня просто нет на это времени. Правда, нет. Все это, – он обвел рукой пространство вокруг себя. – Все это надо до ума довести, а потом уже на досуге можно будет и шарады разгадывать. Но вы, я уверен, не согласитесь ждать!

– Тогда один только вопрос, – я показал пальцем на подпись внизу страницы. – Мне кажется это какой-то ключ к шифру. И почерк другой и цвет чернил насыщеннее, уверен, его добавили позже. Как вы думаете, что это может быть, что может означать?

– Лк 11:9-10, – задумчиво прочел отец Александр, вздохнул и грустным жестом пожал плечами. – Что сказать, какие времена, такие и вопросы! Да, между прочим, ответ у вас в руках.

Я удивленно посмотрел на свою руку.

– Нет, не буквально! Я говорю в Библии он, и Библию же вы принесли с собою, – он поднял глаза и продекламировал: – И Я скажу вам: просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам, ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Лк 11:9-10 означает ни что иное как Евангелие от Луки, глава одина-

дцатая, стихи девятый и десятый. Хорошие слова и смыслом наполненные. Но ведь вас они интересуют не с точки зрения смысла, а с точки зрения дешифровки. Ключ? Что я могу ответить? Может быть и такое. Да, вполне может быть. Кажется, существует такой шифр – по книге. Корреспонденты договариваются об определенном произведении. Выбирают в нем некоторый отрывок, и уже на основании него создается зашифрованное послание. Хотя, именно этот метод вам точно не подойдет. В том случае должны быть цифры, а тут одни лишь буквы. И сам метод появился где-то в середине века восемнадцатого, кажется...

– Получается и это послание тоже того же периода? – окончательно растерялся я.

– Не знаю. Но если оно имеет отношение к Свято-Васильевскому монастырю, тогда нет. В то время о нем уже и воспоминания стерлись. Да, если имеет! Мы ведь этого не знаем.

– Скорее всего, вы не обратили внимания на саму бумагу, – я указал настоятелю на уцелевшую верхнюю часть листа. – А что вы скажете об этом?

– Так это... св. Вас... да, может быть. Только зачем вы спрашиваете? Вы ведь просто убеждены, что это и есть, как сейчас бы сказали, фирменный бланк, «вашего» монастыря. Я же не возьмусь судить. Не стану ни поощрять вашу уверенность, ни, тем более, пытаться ее поколебать.

– Тогда хоть советом помогите, подскажите, что мне де-

лать?

– Как это что делать! Молодой человек, да я вам просто завидую! Вас ждет интереснейшая работа. Подбирать коды, расшифровывать шифры. Разгадывать вековые тайны. Да что там я, вам позавидует любой уважающий себя историк! Кстати именно такого я и советую вам найти. А пока не стесняйтесь, пользуйтесь нашим гостеприимством. Все документы и книги по-прежнему в вашем распоряжении. Правда, с учебниками по криптографии мы мало чем сможем вам помочь, зато литературы религиозного направления у нас полно. На многих языках мира, а в особенности на церковнославянском!

Глава двадцатая

– Да, занятно, я бы сказал, очень даже любопытная бумага. Буквы, картинка, все это впечатляет, – Игорь уже минут пять вертел в руках копию найденного мною в монастырском архиве письма. – Так что ты говоришь это такое?

– Я ничего не говорю, я хочу у тебя спросить что это. В конце концов, кто из нас историк?!

Да, конечно, мне пришлось отказаться от предложения настоятеля еще несколько дней пожить в монастыре. Сколько можно! Я и так изрядно задержался. Погостил гораздо дольше, нежели собирался изначально. Потому поблагодарил за гостеприимство, попытался даже заплатить, ну там за проживание, доступ в архив, на что получил ответ:

– Вы делаете богоугодное дело. Да, не столь важно, что именно вас побуждает действовать именно так. Дело, оно если благое, то таковым и останется. А мы, мы только помогаем вам на этом пути, думаю, еще вопрос кто и кому должен платить. Кроме того, деньги, молодой человек, уверен, вам самому еще пригодятся!

Распрощавшись с обитателями монастыря, я вышел за ворота и отправился в обратный путь. Безо всяких приключений миновал село, прошел те самые девять километров, что не так давно пугали меня, причем так быстро прошел, что не успел и подумать о том, насколько это большое расстояние.

Понятно все, это же дорога к дому, она всегда короче. Вышел на трассу, подождал минут десять и оказался в салоне междугороднего автобуса. Примерно час за окном сменяли друг друга степные просторы, потом их затмил урбанистический пейзаж со своей унылой серостью. Так продолжалось лишь несколько минут, и вот я выскочил на остановке у офиса нашей фирмы, влетел в технический отдел, встреченный шутивыми овациями и вполне подлинным удивлением коллег.

Спросишь, зачем я явился на работу, будучи в отпуске? Все просто – я решил последовать умному совету умного человека и первым делом обратиться к историку. Таковым, как ни странно, был мой друг и коллега – Игорь. Стоит отметить, что он ни дня не проработал по специальности все больше в иных сферах, никак не связанных с наукой. Но я так подумал: всякое может случиться, а вдруг он чего и подскажет!

– Давай начнем сначала и пойдем по порядку. Во-первых, я не историк, а археолог. Заметь, это существенное уточнение! Во-вторых, то, что ты мне подсовываешь, это не только не археология, это даже и не история. Больше всего отдаст криминалистикой или шпионажем каким-то, – он вернул мне письмо и резюмировал: – И вообще, если это шифр, то тебе, как программисту, тема сия гораздо ближе. Есть же у вас всякие там «пи джи пи», или как-то так, шифрования одним словом, следовательно, сам и занимайся!

Вот и вся помощь. Нет, Игорь, хороший товарищ, но если он чего-то не знает, не разбирается в чем-то, а показывать

этого не хочет, тотчас в кактус превращается, иголки выпускает...

Это все хорошо, но время шло, надо было что-то сделать, что-то предпринимать. К примеру, просто поехать домой. Я ведь все еще в отпуске, а столько дней дома не был, да и не только в этом дело.

Не скажу, что я на самом деле верил в то, что поездка домой поможет мне в решении задачи поставленной самому себе, но шанс все-таки был. Этим шансом был, вернее, была, учительница. Когда-то давно она наставляла нас, неразумных, вбивала в нас знания, преподавала историю. Конечно, она не была специалистом по криптографии, но, насколько я помнил, частенько рассказывала, что в студенческие годы серьезно интересовалась культурой восточных славян. Связи, конечно же, никакой, но ведь славяне! А церковнославянский язык, он хоть и церковный, но еще и славянский! Как-то так...

Не откладывая на потом, утром следующего дня я вдавливал кнопку звонка у обитой дерматином двери квартиры, расположившейся на верхнем этаже одиноко стоявшей на краю города пятиэтажки.

Нина Евгеньевна искренне обрадовалась моему приходу. Она тут же схватила меня за руку, буквально втащила в квартиру и, не обращая внимания на все мои нелепые попытки разуться, завела в гостиную. Меня усадили в кресло, несколькими минутами позже на столе уже красо-

валась большая коробка конфет, и к моему особому удовольствию источал тонкий аромат буквально мгновение тому назад сваренный кофе. Нина Евгеньевна села напротив, искренне улыбнулась и пододвинула ко мне чашку. Внимательно посмотрела на меня. Станный взгляд, ласковый и печальный одновременно. Я вдруг задумался: «А сколько же ей лет? Ведь еще тогда, в те такие далекие школьные мои годы ей было за сорок, а теперь...»

– Угощайся, угощайся и рассказывай что привело?

Да она давно должна бы выйти на пенсию, на заслуженный отдых. Именно так, на заслуженный! Уж кто-кто, а учителя в большинстве своем отдых заслуживают. Она так точно заслужила, но нет, до сих пор преподает. Времена такие. Профессия педагога далеко не самая престижная. Да и зарплата, думаю, сам понимаешь, не такая уж и высокая. Именно поэтому молодые кадры не спешат сеять доброе, вечное...

– Как интересно, откуда это у тебя?

Учительница внимательно рассматривала протянутую мною бумагу. Дрожащими руками с той трепетной осторожностью, которую воспитывают в институтах у будущих историков, она придерживала листик за краешки. Поразительно, но она относилась к копеечной копии не менее бережно и аккуратно, чем обращалась бы с бесценным оригиналом...

– Да, буквы старославянские, легко заметить особенности написания, но это не слова.

– Именно так мне сказал настоятель. Кстати, он что-то

еще упоминал о том, что язык старше этой своеобразной записки лет на пятьсот. Ну, насколько я понял...

– Если и вправду текст датирован семнадцатым веком, то он полностью прав. В то время старославянский уже был мертвым языком, в том смысле, что ним не пользовались, но жил церковнославянский. Хотя и тогда были люди, которые ним владели. Кстати, в наши дни найдутся, немного конечно, но несколько сот человек, которые свободно читают старославянский. Но тогда, в те времена, думаю, ним могли пользоваться только самые высокопоставленные деятели церкви.

– А почему так?

– Понимаешь, несмотря на то, что в те далекие времена именно в монастырях и жили самые образованные люди своего времени, к изучению этого языка допускались только избранные. Ними могли быть настоятели монастырей, или лица приближенные к ним. Согласись, в часы, когда большая часть населения и вовсе неграмотна, любое письмо – это уже, так сказать, шифровка. А если его написать на старославянском языке! Думаю твое письмо и вовсе особенное, так как оно написано малоизвестным языком да к тому же, зашифровано!

Я понял одно – я окончательно запутался. Во всех этих славянских, церковных и старо. Во всех этих языках, буквах, шифрах. То, что мне тогда говорила Нина Евгеньевна, само уже выглядело шифровкой, как минимум, кодом. Как-то мне резко расхотелось во всем этом разбираться. Расхоте-

лось понимать, что это за языки, разные ли они, и, если да, то в чем состоит та самая разница. Настолько остро захотелось забросить письмо и позабыть все с ним связанное, что когда сам собой сформировался на редкость конкретный вопрос, я искренне удивился:

– Что-то я не понимаю, так на каком же из славянских языков эта записка? На каком языке текст, который зашифрован?

– Боюсь, для того, чтобы это узнать, придется сначала его расшифровать.

– А как вы думаете, это реально? Есть вероятность его прочесть?

– Конечно, что-либо, что написал один человек, всегда может быть прочитано другим. Тут вопрос в желании, терпении, и, конечно же, в количестве времени, которое придется на это затратить. Мне бы и самой хотелось поучаствовать в этом деле, но глаза уже не те. Да и кроме всего прочего, я так думаю: если письмо попало к тебе – именно ты и должен его прочесть. Может это знамение тебе, послание свыше, или что-то еще...

– Понятно, одни надежды, а результатов никаких! – я долго дождался паузы в его длинном монологе, и вот наконец-то удалось вставить несколько слов.

– Да, ты прав. Так оно и есть. Но согласись, невозможно прожить без надежды, невероятно трудно без ожиданий!

– Оно-то так, но я вижу лишь надежды на кого-то и ожидания от кого-то. Где собственные действия?

– И опять согласен. Но понимаешь, не знаю, может так у всех случается, а может только у меня, но как только какое-то дело наметится, такое в котором я ничего не смыслю, вот и...

Он задумался, несколько секунд внимательно смотрел в окно с выражением испуганного интереса на по-прежнему нечетком лице, плавно переходящим в подлинный ужас. Я поднялся и подошел к нему, посмотрел в том же направлении. Увидел практически пустынную улицу. Единственным человеком, которого мог видеть мой гость, был высокий мужчина. Колоритный персонаж, хотя в наше время и не такие встречаются! Одет он странно. Длинный, непонятного цвета плащ. Тон неимоверно оригинальный, нечто среднее между бежевым и розовым. Просто не плащ, а старый больничный халат, только иного покроя. Капюшон надвинут на глаза, оттого казалось, что под ним и вовсе ничего нет. Плюс ко всему еще и разношенные туфли на босу ногу. Словом, странный тип, мягко говоря. Стоял он на тротуаре в круге света уличного фонаря и вертел в руках черную коробочку, скорее всего, мобильный телефон...

Ничуть не оригинальным, а оттого изрядно отдающим театральностью жестом я вернул моего гостя к реальности. Да, я звонко щелкнул пальцами перед его лицом, он встрепенулся и удивленно посмотрел на меня. Перевел взгляд на ули-

цу, снова на меня. Во всей его позе, в движениях отчетливо читался страх.

– Да, правда, так часто бывает, вобью себе в голову что-то, идею какую-то, первым делом выберу того, кто сможет мне помочь, а потом следуют сплошные разочарования, – похоже, ему удалось взять себя в руки, но медленно выговаривая слова, он несколько раз поглядывал на уже и вовсе безлюдную улицу.

Он замолчал, посмотрел на часы, резко поднялся и сухо сказал:

– Все. Мое время вышло, извини. Но ты не расстраивайся, в ближайшие недели я планирую съездить в Киев там и увидимся. Твой номер телефона у меня есть, так что жди, я обязательно позвоню!

На этом месте я окончательно растерялся. Мой номер! Да за все время нашего «разговора» я только и успел, что пару слов сказать, плюс пальцами пощелкать, о каком обмене телефонами он говорит?! Нет, да, я действительно ему звонил. Да, у него в телефоне сохранился мой номер, но я ведь пользовался стационарным аппаратом, он записал номер гостиницы!

Что я должен был делать? Догнать, объяснить, исправить ситуацию? Зачем? Нет, можно было, но мне как-то сразу захотелось забыть обо всех этих письмах, звонках, рассказах. Захотелось как можно быстрее увидеть, как последние здания города, названного в честь Сергея Мироновича Кирова,

человека и революционера, исчезают за окном поезда. Захотелось снова оказаться у себя. И совершенно неважно, где именно «у себя», дома у родителей, в арендованной квартире или даже в изрядно поднадоевшем офисе, на своем рабочем месте...

Мечты, особенно если они такие простые и бесхитростные, обязательно сбываются. Пролетела ночь, за ней стал прошлым день, и вот я с истинным наслаждением наблюдал за тем, как город исчезает за редкими холмами, растворяясь в бескрайних степных просторах.

Еще одна радость – проводник принес кофе. Вручил мне наполовину наполненный ароматной жидкостью стеклянный стакан в блестящем подстаканнике. Кстати, довольно сносный кофе, даже без поправки на поезд! Я благодарно кивнул и принялся с наслаждением потягивать горячий напиток. Пил, отчетливо ощущая, как с каждым глотком мое настроение улучшается. Действительно я чувствовал что-то непонятное, какой-то душевный подъем что ли! Даже любопытно – отчего? Может в стакан что-то не то плеснули, а может просто на меня перестал давить город, унылые строения которого вот уже несколько минут как скрылись за горизонтом? А может, это было предчувствие, предвкушение чего-то нового и обязательно приятного, чего-то, что ожидало меня впереди? Не знаю, да и кто может знать! Одно точно: кофе очень даже ничего, даже не скажешь что растворимый.

Не смог я остановиться, выпил целых две порции на ночь,

честно вернул стаканы проводнику и лег спать, искренне надеясь, что сердце не отомстит мне за столь сомнительное снотворное.

Вообще-то я регулярно пью кофе на ночь, привык, наверное, потому и уснул, лишь только голова коснулась подушки. Уснул, но ненадолго, очень скоро проснулся. Нет, вовсе не от бессонницы, не страдаю. Все было куда веселее и прозаичнее, причем одновременно – на меня что-то упало. Хорошо хоть что-то, а не кто-то, так и убить можно!

Я открыл глаза, первое, что они увидели – перепуганное лицо девушки. Ее большие, глубокие, кажущиеся бездонными глаза, в которых отражался свет одинокой лампочки, смотрели на меня. В их глубине, сменяя друг друга, мелькали отражения чувств. Полный спектр человеческих эмоций, от (вполне понятных в сложившейся ситуации) вины, сожаления и стыда, до ноток безудержного веселия и вовсе неуместного задорного смеха. Я приподнялся, мотнул головой, несколько раз мигнул глазами, просыпаясь, потрогал свой ушибленный лоб, то место, куда девушка угодила своей сумочкой, больше походившей на ту, с которой ходят на базар за покупками. Ничего так сумочка, что габариты, что вес...

– Вам больно? Как же вы так неудачно легли? Ничего, главное не волнуйтесь, я в медицинском учусь, я вам сейчас компресс сделаю.

Вот так новость, оказывается, это я виновен в том, что ме-

ня сумкой привалило! Нет, я все понимаю, лучшей защиты, чем нападение не существует...

Не успел я ничего ответить, как она достала (все из той же сумочки) пластиковую бутылку, плеснула чуть-чуть минералки на белоснежный платок и приложила мне ко лбу. Так получилось, что именно в этот момент поезд тронулся. Она, а вместе с ней и сумочка, и открытая бутылка, полетели на меня. Девушка громко вскрикнула, но вместо того чтобы спасти раненого, в смысле меня (почему-то мне казалось что это первоочередная задача!), или хотя бы ловить открытую бутылку, вскочила на ноги, бросилась к окну и энергично замахала кому-то обеими руками. Мне же ничего не оставалось, кроме как спасти себя самому. Подхватил бутылку, правда зря старался, она и до того была почти пустой, а теперь все то, что в ней еще оставалось, веселым потоком вылилось на меня.

Огни неизвестной мне станции остались позади. Поезд набирал ход. Только теперь, опомнившись, девушка включила свет, посмотрела на меня, на результаты своего эффектного появления, присела на край постели и тихо прошептала:

– Нет, но я ведь не знала, что поезд прямо-таки сейчас тронется!

Одно радует, не один я во всем виноват. Вот еще и машинист. И то правда, почему он поехал так не своевременно!

Девушка искоса посмотрела на меня и еще тише добавила:
– Вы только не сердитесь! Я же просто сумочку хотела по-

ложить, а оно вон как получилось...

– Спасибо хоть не ту, – я показал на другую, гораздо более объемную сумку, одиноко стоявшую посреди купе. – Хоть не ту положить. Думаю было бы намного хуже!

Мои слова прозвучали не слишком любезно, но девушка посмотрела мне прямо в глаза и по-доброму простодушно улыбнулась.

– Вот теперь вижу, что не сердитесь! Меня Дарьей зовут, а вас?

«Как?!» – мысленно воскликнул я, отчетливо ощущая, как совсем недавно рассказанная мне, кстати, тоже в поезде история, выбирается из недр памяти. Благо, воспоминание мгновенно растворилось в удивительно бездонных девичьих глазах. До чего же органично их красоту дополняло простодушие, простое, народное, неподдельное...

– А я Сергей, будем знакомы, – я легонько коснулся пальцев протянутой руки. – Очень приятно!

Надеюсь, мое «приятно» прозвучало без излишнего сарказма. Она тут же убрала руку, опустила глаза и тихо добавила:

– Вот еще билетов в кассе не было. Пришлось брать, какие были. Верхняя полка. А я страх как высоты боюсь...

Вот и исчезло простодушие! Я мысленно развел руками – разве у меня есть выбор? Да и просто возможность лишний раз почувствовать себя джентльменом еще никому не повредила. В общем, я поднялся, свернул постель и разложил ее

на верхней полке. Расправил, забрался наверх. Девушка еще что-то долго щебетала, расхваливая мое рыцарское поведение, потом доверительно сообщила, что выйдет помыть руки. Я же устроился на новом месте, закрыл глаза и принялся размышлять о том, что девушка весьма привлекательна и это несмотря на ее методы знакомства, а может наоборот, благодаря ним?

К какому-либо конкретному выводу я так и не пришел. От размышлений меня отвлекла героиня моих дум. Стараясь не шуметь, она тихо прикрыла дверь, подошла к моей полке, стала на цыпочках и приложила к ушибу влажный платок, который я в суете переезда оставил на столике.

– Вот так будет лучше. Спокойной ночи!

То ли под воздействием неожиданной заботы, то ли и вправду в кофе что-то добавили в дополнение к кофеину, я опять-таки сразу уснул. Более того, проснулся вовремя, и не частями, как всегда бывает, а целиком, весь и сразу. Проснулся и тут же окунулся в омут утренней вагонной жизни...

Обычное пробуждение в обычном поезде. Вот казалось, куда спешить? Тебе ведь и вовсе делать ничего не надо, все за тебя сделает машинист. Куда надо довезет, где надо остановит, а ведь нет. Все суетятся, толкаются в узком коридоре, куда-то бегут, хотя куда можно бежать в поезде (в туалет разве что, но ведь не постоянно!). А тут еще и проводница разнообразия добавляет своими криками: «Сдаем белье! Сдаем

белье!», спросонья и не понять, то ли требует свое обратно, то ли предлагает сдать внаем. Как тут разберешь!

Поезд же тем временем мчит, приближаясь к пункту назначения. Постепенно суета утихает. Поля с лесополосами исчезают под натиском городской застройки. Состав притормаживает, медленно, будто и сам того не хочет, останавливаться. Хаотичное движение пассажиров обретает вектор, с ним и смысл. Все дружно выстраиваются в колонну, строятся в направлении выхода.

Свершилось. Взвизгнули тормоза, вагон последний раз дернулся и замер. Вместо него тронулась толпа пассажиров, медленно, планомерно, к выходу. Уже на перроне, мы с Дашей обменялись телефонами. Она согласилась еще раз встретиться, но при этом дважды напомнила мне, что соглашается исключительно потому как считает себя немного виноватой. Так сказать, чтобы искупить вину за мой испорченный сон. Это сказала она, но могу поклясться – бездонные ее глаза говорили совсем другое...

Рабочая неделя, словно гигантская волна, накрыла меня с головой. Но, точно как все та же воображаемая волна, вскорости отхлынула и совсем близко спасительным маяком забрезжил свет приближающихся выходных. Свет грядущего отдыха, сна и первого свидания. Моего с Таней. Первым я его назвал. Ведь то, что было в поезде оно же не в счет! То было просто знакомство. Значит суббота, и в субботу встреча...

Точно как и всегда, пятница промелькнула совершенно

незаметно. По большому счету, она у нас и рабочей считается исключительно формально. Директор, сколько я его знаю, еще ни разу под конец недели на работе не показался. Причем на вполне законных основаниях. Пятница в его плане числилась как день, выделенный для объезда клиентов. Можно было долго фантазировать на тему, для чего объезжать тех, кто и так по несколько раз в неделю самолично к нам приходит, но зачем? Директору хорошо, он от нас отдыхает, а нам... так это же просто предел мечтаний!

Наступило оно – утро субботнего дня. Это самое мое любимое утро недели. Есть грешок, люблю поспать. Даже не столько поспать, сколько понежиться. Полежать, закрыв глаза, думая обо все понемногу. Лежать, размышлять, засыпать на минутку, снова просыпаться, снова думать. Периодически укорять себя, намекать на то, что пора бы и встать. Отчитывать себя и тут-таки отмахиваться от столь нелепых мыслей. Люблю, что тут поделать! Вот, на мой взгляд, суббота самый лучший для этого день. Да он просто создан для безделья! Спешить некуда, выходной ведь! Конечно, воскресенье тоже выходной, но это уже не то. С самого утра ощущается торопливый шаг подкрадывающейся рабочей недели. Давит она, каждый прожитый час приближает худший день из всех существующих – понедельник. Понимаешь, немного осталось, сутки, меньше суток, еще меньше. Как тут полежишь, как тут понежишься!

Большие часы, размеренно тикающие на стене просто на-

против моего дивана, бесстрастно отображали время. Промелькнула отметка десять часов, а вот уже и половина одиннадцатого. Красота, конечно, хорошо лежим, так сказать, но уже достаточно. Пора!

Встаю, медленно, через силу, бреду на кухню. Без этого никак, правило: первое, что нужно сделать в начале дня, неважно рабочего, или выходного – сварить, и тут же выпить чашечку ароматного кофе, иначе, знаю по собственному опыту, ничего хорошего не получится.

Успел лишь поставить турку на огонь и вот пожалуйста – громко запиликал телефон. Взглянул на экран, крохи утреннего настроения тут же улетучилось – номер не определен. Я тяжело вздохнул, не иначе как директор развлекается. Среди моих знакомых он единственный, кто номер скрывает. Никогда не понимал, зачем?! Неужели от кредиторов прячется, возможно, но в чем смысл? Да пусть хоть кто из тех, кому он должен, спросит у любого сотрудника номер шефа, так мы ему не только скажем, мы на листике запишем!

А еще он большой любитель названивать в выходные. Думаю, ему дома скучно, заняться нечем вот и считает что нам также. В принципе, так и есть, отчасти, но все-таки...

Нет, это все хорошо, но думай не думай, а ответить придется.

– Алло, – я изо всех сил постарался передать интонацией, что все еще сплю, вдруг повезет, отцепится?

– Ну, ты и соня! – нет, не директор, но голос знакомый,

где-то я его уже слышал. – Да я это, Сергей. Помнишь, обещал приехать? Вот и приехал. Давай, открывай!

Я попытался придумать, где нахожусь, только чтоб подальше от дома, лишь бы увильнуть от встречи. Но вот что значит не выпить утренний кофе – не успел! Послышалась громкая трель дверного звонка. Достаточно громкая для того чтобы и он расслышал ее в телефоне. Деваться некуда. Обложили, как есть обложили! Делать нечего, открываю дверь, пропускаю гостя.

– Кофе варишь? Это хорошо. Угощай!

Хватаюсь за голову. Бросаюсь в кухню. Все случилось, как и должно было случиться. Кофе равномерно растекался по еще минуту назад белоснежной поверхности плиты. Газ угрожающе шипел. Ну, это уже слишком, он меня преследует? Сейчас разберусь! Сейчас все ему скажу!

Я собирался сразу, лишь войдя в комнату, высказать все прямо, но...

Глава двадцать первая

Более полугода прошло с тех дней, когда я гостил в Спасовском монастыре. За это время многое изменилось. Начать хотя бы с того, что я стал «лучшим специалистом по криптографии» во всем нашем районе, если не сказать в области. Не думай, это не воспаленное самомнение напоминает о себе, это так меня Игорек назвал. Замучил, говорит, я его своими шифрами, кодами и прочей ересью. Преувеличение конечно, но я действительно много чего узнал нового и частенько об этом рассказывал. Нет, ну я же не со зла, просто сам знаний набрался, потому и делюсь с другими, а что, мне ведь есть чем поделиться! Вот и...

Целые горы информации я перелопатил, множество полезных и не очень сведений заполучил, конечно же, во многом благодаря компьютеру и интернету. Страшно подумать, сколько времени пришлось бы мне провести в библиотеках, если бы не столь полезное изобретение человечества. Если бы не компьютер, а более всего всемирная паутина. Как иначе! Где еще можно найти столь разнообразную, даже можно сказать, разношерстую коллекцию любопытных фактов по многим вопросам вообще, а касаясь шифрования в частности!

Но и это не все. Это только начало. Кое-что еще изменилось – у меня значительно прибавилось свободного времени,

но об этом позже...

Первым делом поделюсь с тобой результатами изысканий. Не все же одному Игорьку выслушивать! Вот, к примеру, ты знаешь, что первую машину для шифрования изобрели еще в древнем Риме? Нет?! А я знаю. Кстати очень даже оригинальная идея. Выглядела это приспособление предельно просто – два деревянных цилиндра, одинаковой длины и диаметра. Все! Некто, тот, кто хотел отправить зашифрованное послание, вырезал длинную и узкую полоску из папируса и наматывал ее по спирали виток к витку на свой цилиндр. Далее писал на ней то, что считал нужным скрыть. Потом, размотав папирус, получал длинную ленту, на которой, как казалось на первый взгляд, в абсолютном беспорядке разбросаны буквы. Порядок – зашифровано! Адресат делал то же самое, наматывал папирус на свой цилиндр, и вот чудо, из букв вновь складывались осмысленные слова!

Конечно, мне подобные методы не подходили. Да и читал я о них так, для общего развития, чтоб самому узнать, да чтоб было чем с окружающими поделиться. И я делился, а как же! Я ведь набирался опыта, знаний, учился! Так сказать, учиться и еще раз учиться. Вообще скажу я тебе полезное это занятие, более того, занимательное. Любая учеба полезна и увлекательна, но изучение шифров и всего, что с ними связано в особенности. Сам поначалу удивлялся, как это раньше меня подобное занятие не прельщало? Как я жил, не зная столько всего? Я ведь раньше и представить себе не мог, что

человечество изобрело столько способов прятать свои секреты от посторонних глаз! К чему это я? Сам толком не знаю. Ладно, опущу большую часть своих изысканий...

Да, в результате я пришел к более или менее логичному выводу – зашифровано мое письмо методом классической подстановки. Что сие значит? Это когда одну букву заменяют другой, или там, числом, можно и вовсе каким-либо безобидным на первый взгляд символом. Хотя, могла быть и не простая подстановка, а довольно распространенная в свое время «тарабарская грамота». Слышал о такой? Уверен, каждый слышал. Но не каждый знает, что это не что-то там этакое, а метод шифрования. Действительно был такой, более того, пользовались ним примерно в интересующий меня период! Кстати, честно признаюсь, раньше, я искренне верил, что так называются мои каракули, громко именуемые почерком. Помню, частенько учителя говорили, глядя в мои тетради. Любопытно, а это они уже тогда знали, что эта самая грамота меня заинтересует, или просто так...

Сам шифр «тарабарская грамота» прост, как и все гениальное. По сути это обычная подстановка, только подставлялись не все буквы, а лишь десять. Остальные оставались без изменений. Эта небольшая модификация значительно увеличивала стойкость шифра и серьезно затрудняла расшифровку.

Что-то я отвлекся. Слушай дальше.

Словом, все. Я решил – это подстановка! Врожденная

лень и понимание очевидного факта – с чем-либо более сложным я точно не справлюсь, убедили меня в том, что это простая ее разновидность. Тут-таки нахлынула уверенность, вера в результат и желание довести дело до конца. Я созрел. Вооружившись полученными знаниями, старославянской азбукой, и, конечно же, компьютером, взялся я за дело. Взялся и тут же наткнулся на первое серьезное препятствие. Если верить изученным мною трудам гуру криптографии, то подстановочные шифры разгадываются предельно просто. Используется принцип частоты употребления букв в отдельно взятом языке. В записке моей материала было предостаточно, оставалось только найти статистику по литерам старославянской азбуки. Подсчитать, подставить. В общем, все просто, но тут оказалось, что если подобные данные, касательно русского языка, найти нетрудно, то на счет старославянского очень даже затруднительно. Не буду утверждать, что таких данных и вовсе в природе не существует. Скорее всего, наоборот. Обязательно должен был найтись такой вот себе вольный энтузиаст, который счел смыслом своей жизни осчастливить человечество столь полезными знаниями. Скажу как есть – я их просто не нашел. Зато нашел выход. Вернее, воспользовался опытом ученого древности. Как указывалось в одной энциклопедии, кто знает, какого века, да что там века, я не вспомню, где я ее отыскал! Но ближе к сути: какой-то исследователь вроде меня, коллега мой, из темного прошлого, получил те сведения, что нужны были

мне, подсчитав частоту употребления букв (правда, арабского алфавита) в текстах Корана. Чем не вариант? Надо только немного подкорректировать его мысль...

Я так подумал – вместо Корана возьму Библию, подсчитаю, вычислю вот и статистика. Решено – сделано. Лишь несколько минут прошло, и на мониторе появились отсканированные листы Острожской Библии (я остановился именно на этом издании, исключительно потому как слышал о нем, что-то, когда-то...), все, дальше дело техники! Как-никак у меня большое преимущество перед древним исследователем, мне не нужно буквы в уме считать. Не нужно пальцы загигать. Зарубки на палке какой-нибудь делать. У меня компьютер есть! Он мне и поможет.

Приятно работать с электронным помощником! Покладистый он и сообразительный. Стоило лишь немножко постучать по клавишам, и вот электроника уже понимает, что все эти гипертрофированные литеры, не какие-то закорючки, не картинки и не рисунки, а самые что называется буквы! С этим разобрался, можно сказать, половину дела сделал. Осталось сформулировать запрос. По возможности правильно. Готово! Жмем на клавишу. Все! Остальное вопрос времени. Минута еще минута, держимся, терпим, тут самое сложное ничего не трогать, ничего не нажимать! Есть! Свершилось – статистика готова.

– Ага, значит все проще простого? Никогда не думал, что

древне шифры так легко сдаются, – вот это да, а я же совсем недавно собирался чуть не за дверь его выставить!

– Именно. Подсчитать частоту употребления букв действительно просто. Достаточно иметь текст подходящей длины для более или менее точного результата. Правда, диссертацию на эту тему защитить не рискну, скорее всего, результаты не такие уж и точные. Но меня не слава исследователя прельщала. Не было у меня никаких меркантильных интересов. Интересовали меня лишь ответы. Шел я к своей цели и вот она уже рядом, только руку протяни! Да, я видел почти выполненную работу, уже готов был прочесть старинное послание. Оставалось совсем чуть-чуть, немного работы, но очень ответственной работы. Потому, уже не напрягая компьютер, на том же листике с шифровкой я бросился подставлять найденные буквы. И вот, несколькими минутами позже, на меня смотрел расшифрованный текст, – он печально засмеялся. – Одно только не позволяло мне праздновать победу. Текст, который получился в результате дешифровки, не смог бы прочитать ни один специалист. Результатом моих трудов была опять-таки бессмысленная последовательность букв. Не иначе как я зашифровал зашифрованное!

Он замолчал, минуту смотрел в окно, похоже, не замечая того, что оно зашторено, кивнул своим мыслям и продолжил:

– Потом, как я уже говорил, у меня появилось огромное количество свободного времени. Да, раньше я тебе не рас-

сказывал, но дело в том, что фирма, в которой я трудился, являла собой филиал одной большой и серьезной (так я думал раньше) корпорации. И вот однажды, кто-то из высокого руководства решил подсчитать прибыли, а в результате насчитал убытки. Ну, знаешь, как у нас бывает? Так вот неожиданно. Все было отлично, а тут раз и... получите. Собрались великие умы корпорации, схватились за головы и принялись размышлять, что делать, как покрывать убытки, которых уже на десятки миллионов, и где искать хоть какие-нибудь прибыли. Думали, думали, а поскольку все руководство у нас молодое, как они любят себя называть, креативное, постановили выходить из положения достаточно оригинальным способом. Быстро издали приказ по предприятию, с десятков внутренних инструкции набросали. Много всего написали, не думаю, чтобы нашлось хоть с десятков человек, которые все это прочли. А вот я прочел – бред несусветный! Если в двух словах, в переводе на понятный простому человеку язык, суть нововведений выглядела так – необходимо уменьшить убытки, путем уменьшения прибылей.

– А как это?

– Видишь, у тебя тоже нет образования руководителя. Современного, того, который руководит по «западной методике». Точнее, он где-то услышал такое словосочетание, оно ему жутко понравилось, вот лепит его куда придется. Звучит все это красиво, а то, что под расплывчатой формулировкой скрывается... далеко не самый умный из ныне живущих...

– мой гость ненатурально засмеялся и тут же оборвал свой смех – Неважно, не обращай внимания, это у меня разум закипает возмущенный! Дальше, думаю, все и так понятно. Закупки уменьшились, продажи также. Оборот фирмы резко упал. Зарплаты, так те и вовсе обрушились. Поселись в нашем офисе разброд и шатание. Один за другим выстроились в очередь на выход специалисты. Первым, как ни странно, с низкого старта рванул наш Питекантроп. Кто бы мог ожидать от него такой прыти! Дальше потихоньку разбежались и большинство моих коллег. Я по инерции еще пару месяцев ходил на работу, а когда оказалось, что расходы мои превышают доходы, тоже сорвался с места. Не подумай, я не жалею, нет, я же все понимаю. Это никому не интересно, даже мне самому. Да и не так все плохо. Как любит говаривать мой дед: «Все что делается – все к лучшему», кроме того, лучшего стимула для движения вперед, чем хороший пинок для придания ускорения, человечество до сих пор не выдумало...

Словом, я получил от жизни все, что давало мне возможность вплотную заняться полезным делом, а именно, как следует разобраться в себе. Было время, было желание, оставалось только выбрать правильную стратегию...

Признаюсь, в последнее время я изрядно подрастерял уверенность в безграничных возможностях современных технологий. Подводил меня интернет, на каждый мой запрос он

выдавал практически одно и то же, лишь с незначительными вариациями. Скоро мне окончательно надоело перечитывать одинаковые статьи с переставленными в них словами, я вернулся к бумажным носителям информации. Пожалуй, закономерное явление. Вернулся я к литературе. Начал со своих книжных полок. Переключился на местную библиотеку, точно как и мои книги, она мало чем могла мне помочь и тут я вспомнил...

Еще тогда, во время первого посещения села Спасовка и его живописных окрестностей, настоятель, отец Александр, предлагал мне на некоторое время остаться в монастыре. Нет, не в качестве монаха, и даже не послушника, скорее, в ранге наемного работника и почетного гостя одновременно. Там я мог бы, используя литературу монастыря, продолжать свои поиски, возиться со своей загадкой. Набираться знаний, разбираться в себе. Кроме того, можно было отблагодарить за гостеприимство добровольной помощью по оцифровке монастырского архива. Конечно, раньше это было попросту нереально. Во-первых, у меня была работа, во-вторых, отсутствовало необходимое оборудование, да и просто ремонт в библиотеке на тот момент еще не закончился. Если ко всему добавить полное отсутствие всякого желания с моей стороны все сложилось бы и вовсе не в пользу...

Но вот время прошло, время же убрало все препятствия. Исчезли они, будто и не было их никогда. Ремонт в монастырской библиотеке закончился, технику привезли, я пол-

ностью свободен, а желание... наверняка было желание. Желание помочь, хотя, если честно, желание помочь не столько монастырю, сколько самому себе.

Глава двадцать вторая

– А может оно и к лучшему? Нам ведь не нужны фанатики, нам нужны специалисты, люди знающие свое дело. Возможно, не все со мной согласятся, но я считаю что человек, который заинтересован в выгоде в первую очередь для себя, способен принести больше пользы окружающим, – изрек настоятель, с видимым удовольствием показывая мне отремонтированный зал будущей библиотеки.

На редкость приятный человек. Я это понял еще тогда, как только впервые увидел. Сейчас же, повстречавшись вновь, окончательно убедился в подлинности первого впечатления.

Да, тотчас, как только я позвонил, он подтвердил свою заинтересованность в моем приезде. Искренне обрадовался. Чувствовалось это даже по телефону. Сразу договорились о дате приезда. На этот раз мне не пришлось добираться на автобусе и идти пешком. Вместе с настоятелем я подъехал до самых ворот монастыря. Удалось пересечься по дороге. Вот именно тогда во время поездки я честно рассказал ему о результатах дешифровки, о планах на будущее и о мотивах, движущих мною. В тот момент он внимательно выслушал меня, молча кивнул и больше к этой теме не возвращался до того момента когда мы, он первый, а я за ним, не вошли в библиотеку.

– Вот что у нас получилось. Нравится?

– Отлично. На мой взгляд, превосходный ремонт!

– Вообще-то я не о стенах и не о потолке. Ну да ладно, нравится и то хорошо. Значит, здесь и будешь работать. Мебель еще не вся прибыла, дня через два-три подвезут. Для тебя, я так понимаю, главное это компьютер, так с этим проблем нет. Можешь с ним знакомиться, или за ним осваиваться, как тебе больше нравится, – отец Александр показал рукой на несколько коробок, сложенных горкой в центре зала. – Дальше, о чем собственно я хотел бы тебя просить. Да, именно просить. Приказы и распоряжения угнетают человека, потому как распространяют негативную энергию, а просьбы, наоборот, несут позитив, потому именно так, прошу! Первым делом нужно составить каталог литературы. Ну, ты чего скис?

И правда, я поймал себя на мысли о тысячах, а то и десятках тысяч книг, которые придется раскладывать по полочкам, подписывать, отмечать в картотеке, систематизировать в алфавитном, а может хронологическом порядке, скукотища...

– В глазах же так и читается – я программист, я не библиотекарь! Правильно прочел? – настоятель громко засмеялся. – Не пугайся, ни раскладывать, ни перекладывать книги не придется. Более того, даже каталог у нас имеется. Только он бумажный. Все, как и должно быть в приличной библиотеке, на каждую книгу заведена отдельная карточка. Каждой выделено свое место. Не сомневайся, учет у нас налажен.

В подтверждение своих слов он подошел к огромному каталожному шкафу и вытянул из него продолговатый ящик заполненный карточками, именно так, как в любой «приличной» библиотеке...

– Вот это они. Сам понимаешь, бумажно-картонный вариант, это не совсем удобно, да и просто, зачем ограничивать себя, если есть возможность шагать в ногу со временем! Правильно я говорю? Конечно, правильно! А ежели так, то надо этот каталог перевести в цифровую форму. Прошу заметить, я не заставляю тебя этим заниматься. Не требую, чтобы ты сам все заносил. Как раз наоборот. Ты ведь не забыл брата Кирилла? Он у нас ответственный за библиотеку и архив. Это все его хозяйство. Ему с ним и работать. Компьютер пока один в наличии, но завтра еще один доставят. Программа тоже имеется, собственно, твоя задача состоит в том, чтобы научить пользоваться всей этой компьютерной техникой брата Кирилла. Примерно так. А дальше смотри, что касается архива, можешь сам заняться, если есть возможность. Конечно, параллельно продолжай копать в документах, занимайся своим расследованиям. Никто тебя ни в чем не собирается ограничивать. Словом, все в твоих руках!

Услышав такую речь, я совершенно растерялся. Согласись не работа, а мечта. Работа мечты, одним словом! Хочешь – делай то, а не хочешь – делай это. И в результате получится не кажущаяся анархия, а совсем даже наоборот. Ведь непременно условие хорошего результата – свобода действия и

она имеется. Никто не пытается тебя ограничивать, втискивать в какие-то рамки. Никто не рассказывает, как нужно делать, что делать, когда. Все просто, все правильно и логично, делай что хочешь, делай как хочешь, главное чтобы результат был. И я убежден – при таком подходе он непременно будет...

С программой, с электронным каталогом, в котором мне предстояло разбираться, я раньше не сталкивался. Не приходилось, все-таки профиль у меня несколько иной. Но она мне сразу понравилась. Люблю когда все просто, все интуитивно понятно, нет ничего лишнего и главное – огромный выбор всевозможных настроек. Можно изменить или настроить все, чего только душа пожелает. Настроить под себя, под свои потребности и вкус, переделать интерфейс как угодно, все, лишь бы было удобно работать. Словом, сразу видно – программу написал мастер своего дела.

С учеником мне также повезло. Брат Кирилл оказался человеком, который быстро все схватывает и легко обучается. В общем, работа наладилась с первого же дня. Особенно порадовало меня то, что достаточно было показать молодому монаху на примере двух карточек, как заносятся данные, и можно было с чистой совестью передать работу над каталогом ему. Что я не преминул и сделать. Сам же тем временем взялся за работу с архивом. Погрузился в недра хорошо знакомых мне картонных вместилищ истории...

Особенно быстро летит время, когда занимаешься чем-то,

что тебя интересуется, тем, что затягивает. Чем-то полезным и в то же время увлекательным. Примерно как то, чем был занят я. Как-то сам от себя такого не ожидал, но с каждым днем мне все больше нравилось жить в монастыре. Более того, я даже перестал задумываться о том, чем стану заниматься после, когда все-таки придется уехать. Нет, не подумай, я не помышлял о возможности остаться в доме божьем в качестве послушника, к примеру, с последующим карьерным ростом, вовсе нет. Не созрел я для подобного поступка и, зная себя, уже и не созрею. Просто мне импонировала эта атмосфера покоя, нет, атмосфера спокойствия. Нежила она меня, убаюкивала. Ажурная ограда вкупе с толстыми стенами ограждали меня от прошлой жизни, что проходила в шумных и не очень городах, в местах, где каждое утро встречаешь людей, спешащих, бегущих и, чаще всего, спешащих сами не зная куда. Привычка их подгоняет, она и только она. Привычка, маскирующаяся под необходимость. Помню, в былые времена не единожды ловил себя на мысли: «А куда собственно я бегу? Зачем? Для чего? Ладно, они спешат, а я!». Бывало, остановлюсь, замру просто посреди тротуара. Только удастся почувствовать размеренное дыхание спокойствия, как в тот же момент сзади налетит на меня такой же «бегун», ругнется на бегу, и полетит дальше. Я же не обращаю ни на кого внимания, стою и наслаждаюсь покоем. Он прибывает, он убаюкивает, его все больше, он все насыщеннее. До чего же все это приятно, но, увы, недолог миг блаженства. Стоит лишь

шаг ступить и тут-таки невидимый демон городской суетливости вселяется в меня, овладевает мною, подгоняет, заставляет бежать, как и все. Срываюсь я с места и галопом. Куда? Зачем? А тут...

С момента моего приезда прошло уже больше двух месяцев. Я совершенно позабыл о своем зашифрованном письме. Не до него было. Какие письма, если столько работы, да еще и такой интересной! Затягивала она, заставляя забыть обо всем на свете. Увлекал каждый клочок истории, каждый фрагмент прошлого, который проявлялся в окошке сканирования, каждое письмо, каждый листик, каждый пергамент. Я начал подумывать о том, что закончив оцифровку, создам простенькую базу данных. Это же ничуть несложно. Добавить ссылок, к каждому документу короткое описание. Надо будет предусмотреть возможность поиска по ключевым словам, сортировку по типу документа, по дате. Интерфейс более или менее дружественный разработать. Еще нужно обширную справочную систему создать (люблю, знаешь ли, файлы справки писать...). Что-то еще, точно не знаю что, но к тому времени как закончу сканирование придумаю. А почему и нет? Это же действительно полезно, это же для людей. Может когда-нибудь и вспомнит кто, составителя электронного архива, цифровой летописи, раба божьего Сергея. Звучит!

Вспомнил я о письме одним хмурым весенним утром. Как сейчас помню, открываю глаза, смотрю в окно – небо заты-

нуто черными тучами, такими черными, что не будь май месяц, я бы подумал, что вот-вот снег выпадет. Облака висели так низко, что из моей комнаты расположенной на третьем этаже, казалось, будто они просто лежат на крыше здания. Более того, свисают с нее рваными клочьями, закрывают весь верхний этаж, почти касаются моего окна. Казалось, ляг на подоконник, вытяни руку и можно будет схватить кусочек облачной ваты. Оторвать его, втянуть в комнату, рассмотреть детально...

Сразу же после службы я направился в библиотеку, намереваясь окунуться в работу. Да, именно так, каждый день я посещал утренние богослуженья, вечерние редко, крайне редко, а вот утренние, ни одного не пропускал! Почему? Не знаю. Втянулся, наверное, привык. Да и нравилось немного. Что особенно нравилось, так это то, что присутствие на службе не было повинностью, не было обязанностью, а было исключительно правом, моим почетным правом.

Так вот, вернулся я со службы, вошел в просторное помещение библиотеки. Кстати, мебель к тому времени уже привезли, но все еще не расставили. Я собирался было проявить инициативу, даже подошел к настоятелю с предложением помощи, но он лишь покачал головой и ответил:

– Пока еще не время. Не спеши. Мебель, коль ее уже привезли, никуда не денется, а ваша с братом Кириллом работа сейчас гораздо важнее! Кроме того, при готовом каталоге и книги раскладывать будет легче!

Да, это я отвлекся...

Библиотека, значит. Вся меблировку комнаты, отданной печатному слову, составляли два стола с компьютерами, мой и брата Кирилла. Они стояли напротив, сдвинутые вместе. Еще маленькая тумбочка имелась, которая помимо того что была собственно тумбочкой, служила подставкой под сканер. Ну и, конечно же, громадный шкаф каталога, куда без него!

Везде, где только мне приходилось работать, я пользовался выделенным мне рабочим местом на все сто процентов. Я имею в виду то, что на его столешнице не было ни единого квадратного сантиметра, который не был бы завален бумагами. Неважно какими, полезными, нужными, ценными, или теми, которые надо бы давно выкинуть да все руки не доходили. Вследствие этого мой стол всегда был тем предметом, во взглядах на который авторитетное мнение начальства не совпадало со скромной точкой зрения, скромного меня. Из этого еще один (и весьма серьезный) плюс моего нынешнего положения – ни у кого и в мыслях не было насаждать мне свои идеи по поводу рационального размещения предметов!

Скорее всего, я напрасно тебе это рассказываю, но не обращай внимания, накипело за годы работы...

Почему-то я все дальше ухожу от предмета разговора. Я ведь начал говорить о письме, а наговорил чего угодно, о чем угодно, кроме него. Все, возвращаюсь к теме.

Утром я вошел в зал библиотеки, удобно устроился в сво-

ем мягком кресле. Это мне, не иначе как из большого уважения, кресло на колесиках выделили, я пытался возразить поначалу, ведь у брата Кирилла был обычный деревянный стул, но меня не стали слушать, да и я не очень сильно настаивал. Я ведь не собирался посвятить свою жизнь борьбе с мирскими излишествами. Хотя, разве удобное кресло это излишество? Вряд ли. Необходимость, скорее...

Все, продолжаю. Устроился я, включил компьютер. Пока он запускался, рассеянно огляделся, и тут-таки понял – что-то не так. Не так как было вчера. Просто невооруженным глазом видно, что в моих бумагах кто-то рылся. Причем не перерыл все, вовсе нет, так, поверхностно, еле заметно. Инстинктивно огляделся – никого. Да и не должно быть, брат Кирилл всегда приходил примерно на час позже меня. Думаю, у него и другие обязанности имелись, я, правда, не вникал.

Но размышления это ладно, а ведь что-то действительно произошло! Конечно, кто-то (да кто угодно!), мог ночью проникнуть в библиотеку и делать, что ему вздумается. Это несложно, препятствий никаких, библиотека не просто не запиралась, в ее дверях и замка-то не было.

«Наверное, – думал я, – придется поговорить с отцом Александром, пусть дает команду замку врезать, только для начала надо выяснить, что же все-таки произошло».

Я взялся за свою память, поднатужился, заставил ее поработать, принялся воссоздавать картину стола, такой, какой

она была вчерашним вечером. Получилось. Картинка вырисовывалась, фрагменты складывались, вот только различий я не наблюдал. Ничем не отличалось то, что я видел от того, что удалось выудить из потемок разума. Понял – еще немного и я поверю в то, что все мои сомнения – исключительно заслуга воображения. Ждать этого «немного» я не стал, зачем ждать, если параллельно столь медленному мыслительному процессу можно и поработать!

Отбросив условные сомнения и сомнительные воспоминания, я протянул руку, взял со стопки подготовленных к сканированию листов верхний. Знакомые слова, язык знакомый! Исключительно из любопытства прочел вслух несколько строчек, удивляясь, как красиво звучит французская речь в пустом помещении библиотеки. К месту она как-то, будто родная для этих стен. Именно так, я когда-то пытался изучать этот язык, но так как полиглот из меня не очень, да и талантов подобных с детства за мной не водилось, далеко не продвинулся. Вот и сейчас оглашая зал красивыми словами, я ничего из прозвучавшего не понял. Ни слова. Ну да ладно, моя задача не в том, чтобы понимать, а в том, чтобы сканировать...

Перекаtywаясь на маленьких колесиках, кресло подкатило к сканеру, я протянул руку, поднял крышку и с удивлением заметил уже лежащий там листочек. Вот хорошо, что никто этого видит! Конечно, никакого криминала, но как-то неправильно так вот обращаться с документами. Ведь имен-

но с невнимательности и начинается небрежность!

Я вернулся к компьютеру, запустил программу сканирования. Зажужжали двигатели, передвигая головку по считываемому документу. Подсвеченный яркой лампой электронный глаз внимательно рассматривал бумагу, запоминал увиденное, передавал изображение на монитор. Там, словно полотно на ткацком станке, воссоздавалось изображение с листа. До чего же занимательно смотреть на то, как медленно сверху вниз появляются буквы, складываются в слова, те в свою очередь в предложения!

Нет, ну все-таки что-то было не так! Сколько не допрашивай услужливую память, а вчера к этому документу я даже и не притрагивался. Точно! Последним был какой-то чертеж, скорее, план. Помню, детально помню. Да к чему тут воспоминания, если вот он в верхней части экрана виднеется. Достаточно щелкнуть на него, увеличить рассмотреть...

Получается, я его отсканировал, чертеж этот. Далее, взял новый документ, положил на стекло, подготовился оцифровывать, а вместо этого все выключил. Здорово! Не иначе как склероз развивается.

Сканер замолчал. Жужжанье смолкло. Полностью воссозданное изображение развернулось на всю ширину экрана. Обычный лист. Печатный текст. Слова показались знакомыми да что там слова, я и буквы такие видел, раньше...

Интересно узнать, что это? Я подкатился к сканеру, поднял крышку, взял в руки лист и с непонятным самому себе

чувством принялся рассматривать текст. Ничем ни примечательный листик. Прямоугольный, с тремя ровными и одним волнистым краями. Страница, вырванная из книги. Бумага пожелтела, она мало чем отличается от тех листов, которые я ежедневно держал в руках. Просто страница, одна из тысяч, только что-то в ней было особенное, непонятное, мистическое, притягивающее.

Воображение, подстегиваемое фактами, упорно рисовало картину. Вчерашний вечер, вот я держу в руках тот самый запомнившийся мне план. Некоторое время сомневаюсь, размышляю, оставить его на утро, или сканировать сегодня. Думаю. Решаюсь, сканирую, убираю. Вот он и лежит на вершине стопки обработанных, но все еще не уложенных документов. Выключаю аппаратуру, ухожу? Так было? Да, точнее, так должно было быть. Остается вопрос, что это, воображение шалит, или все-таки воспоминание старается пробиться из забвения? Настоящее воспоминание, такое яркое оно, какое четкое! Нет, правда, воспоминание, и никакую книжную страницу я вчера не собирался сканировать. Я и последний чертеж чуть не через «не хочу»...

Допустим. Тогда придется допустить, что кто-то неизвестный, ночью (конечно ночью, когда же еще!), пробрался в библиотеку с единственной целью, подбросить мне листок с каким-то текстом. Интересно, зачем? В чем смысл? Да и просто, что это за листик? Что за текст?

Как несложно догадаться, последний вопрос был самым

простым из множества других, что роились у меня в голове. Именно с него и следовало начать...

– Это не я! – вместо приветствия сказал я.

В ответ настоятель громко засмеялся:

– Да вижу, что не ты, вижу. Этот листок вырвали лет за сто до твоего рождения. Никак не меньше. Чтобы это понять даже и специалистом быть не надо. Кстати любопытная страничка. Надеюсь, ты понял, что это именно то, что ты искал?

– А что я искал? – я пытался угнаться за мыслью настоятеля, но удавалось с трудом.

– Это страничка из Евангелия, написанного на церковнославянском языке. Более того вот еле заметное выделение – прямоугольник карандашиком выведен, два абзаца, это и есть Евангелие от Луки, глава одиннадцатая, стихи девятый и десятый, помнится, разговор у нас был на эту тему, или я что-то путаю! Кстати, все не соберусь поинтересоваться, как продвигается расследование? Расшифровал свое послание?

Надо же, вот это память! Я уже и думать забыл о рукописной подписи на моем письме, а настоятель до сих пор помнит. И это притом, что у него своих дел быть предостаточно!

Взгляд сам собой застыл на бумаге. Соображение попыталось составить план дальнейших действий. Старалось оно, медленно, неповоротливо. С опозданием в мое сознание проник вопрос настоятеля, надо было хоть что-то ответить.

– Пока ничего конкретного, так, ищу, но без толку. Думаю, мне знаний не хватает, уже подумывал язык изучить,

старославянский, или церковнославянский, а то и их оба, да вот времени не хватает, к тому же к языкам у меня таланта нет, – не иначе как сработала выработанная годами привычка оправдываться перед начальством, несу, сам толком не понимаю что!

Наверняка настоятель тоже это заметил, потому грустно улыбнулся, кивнул головой и добавил:

– Ну, это не страшно. Я уверен, главное – чтобы было желание, а результат, результат он обязательно будет. И еще, я бы на твоём месте заинтересовался этим листиком. Видишь, пометки карандашом, может это и есть ключ к твоему шифру? Присмотрись, некоторые буквы подчеркнуты. Некоторые несколькими черточками, вот над «аз», мне кажется, буква написана, похожая на латинскую «s» или нашу «н», а может и вовсе «ж». Нет, это не для моих глаз. А вот что еще любопытно...

Он замер на мгновение, пробежался глазами по тексту, будто сканировал, медленно кивнул, подошел к брату Кириллу, который во время нашего разговора медленно водил высунутым языком вслед указательному пальцу и выискивал какую-то затерявшуюся среди огромного количества клавиш на клавиатуре букву.

– Погляди-ка где у нас Библия Елизаветинская 1751 года, ее уже перенесли, или она все еще там наверху? Меня интересует Евангелие от Луки.

Монах кивнул, протянул руку к мышке, медленно припод-

нялся. Замер на мгновение, лично мне показалось, что он хочет поискать в электронном каталоге, но сомневается (в своих силах или в умениях компьютера?). Минута борьбы с самим собой и он решился. Пришел к выводу, что шкаф с бумагой надежней. Нет, это вполне нормальное явление, ничего необычного, знал я одного бухгалтера, даму старой закалки, так она компьютер на счетах перепроверяла! Привычка, что тут поделаешь... Но, как бы там ни было, он выбрал бумагу. Подбежал к шкафу, вытащил продолговатый ящичек и, быстро перебирая пальцами, пролистал почти половину его содержимого. Искомая карточка была найдена. Брат Кирилл перевернул ее, увидел свежую пометку в верхнем углу, утвердительно кивнул. Подошел к дальней стене, выбрал нужную коробку, разорвал клейкую ленту и через минуту передал настоятелю толстую книгу в тисненой кожаной обложке.

– Это самый старый экземпляр Библии на церковнославянском языке, который у нас имеется. В этом томе должно быть Евангелие от Луки, так что сейчас мы все и проверим...

Он открыл книгу, быстро перевернул несколько листов. Приложил найденную мной страницу к развороту и удовлетворенно хмыкнул.

– Смотри, – он отодвинул вырванный лист, снова приложил. – Как видишь – один к одному. Шрифт, расположение текста, даже ширина полей, все сходится. Из этого я делаю вывод, что листок вырвали из того же издания, что и наше.

Одно радует – не из нашего экземпляра!

У меня на языке завертелось множество вопросов, готовились сорваться они, один уже созрел, собираясь выплеснуться наружу, но настоятель предостерегающе поднял руку:

– Давай не сейчас. Вечером. Вечером заходи, поговорим. Я так вижу, у тебя вопросов не на один час наберется, а у меня и минуты свободной не сыщется.

Пришлось смириться. Да и до вечера не так уж далеко. Можно и потерпеть...

Время за стеной монастыря текло монотонно и размеренно. Вся суэта и спешка осталась за ней. Здесь же царило спокойствие и неторопливость. Конечно, сказать, что в монастыре ничего не менялось, было бы, не совсем верно. Вернее, совсем не верно. С прошлого моего приезда изменилось многое. Вот, к примеру, большой зал библиотеки. Еще меньше года назад были одни голые стены, а сейчас интерьер блистал ремонтом в лучших традициях современного строительства. Все гладенькое, все ровненькое, все свежескрашенное. Лепнина, плачевный вид которой ранее лишь удручал, сейчас же нежил взор и будоражил воображение. Частенько бывало, дабы дать себе возможность передохнуть, я подходил то к двери, окаймленной полосами лепных украшений, то к любому из множества пилястров, покрытых вязью гипсовых растений, в завитках которой пряталось бесчисленное множество рукотворных птичек, зверушек, насекомых. Останавливался, рассматривал, засматривался. Любо-

вался орнаментами, каждый раз видел в них что-то новое, каждый раз поражался мастерству человека, который все это сделал. Красиво, разве тут возразишь!

Но это не первое мое впечатление. Первой была блистающая великолепием практически полностью достроенная церковь. Если тогда, в мой прошлый приезд, на ее месте лежала горка камней, да просматривался слабый намек на фундамент, то сейчас высилось величественное строение. Насколько я мог судить, работа подходила к концу. Пусть я вообще не строитель, но и невооруженным глазом дилетанта было видно – осталось всего лишь оформление. Штукатурка с покраской наружных стен. Убранство внутренних помещений. По большому счету и все! Разве что купола еще надо было приладить их целых три штуки. Все давно готовые ровным строем у стены стояли. Нет, и это еще не все – колокола на колокольню определить. К тому времени оставался только один, самый огромный. Кажется, именно этим и занимался в последние дни настоятель. Именно «кажется» я ведь во двор выходил только рано утром. Да и то, конечно не так, как раньше, но все-таки спросонья, а разве не проснувшись, рассмотришь, что где происходит!

Вообще-то я не знал, да и сейчас не знаю, как должны выглядеть настоятели. Ни одного не видел! Но попросту уверен, никоим образом не так как отец Александр. Точно не так. Если в первый день знакомства меня удивило лишь не совсем монашеское его одеяние, то на этот раз он поразил

меня просто до глубины души. Можно сказать, пошатнул основы моего мировоззрения, вот как громко! А как иначе?! Разве можно, увидев человека в потертых джинсах, который висит на тросе, на высоте чуть не шести этажей, поверить в то, что это настоятель монастыря? Такого не должно быть, так не бывает! Или все-таки бывает? Сомнительно...

Да, так и есть, я решил побездельничать. Лишь только отец Александр скрылся за дверью, а брат Кирилл безмолвно пожал плечами, (любопытно, это он к чему?), я решил предоставить себе отгул. Подумал, а почему и нет. Что это я впрягся в работу и уже даже сам не скажу без подготовки, сколько времени не отдыхаю! Мысленно повторил жест юного монаха, пожал плечами, несколько минут рассеянно повертел головой. Не знаю почему, искал что-то, думал о чем-то, неважно, направился к двери.

Вышел во двор, собираясь подышать свежим воздухом и посмотреть, как движется строительство. Ведь всем известно – на чужую работу смотреть гораздо приятнее, нежели работать самому.

В тот момент, когда я ступил на крыльцо, кран поднимал большой, блестящий полированной бронзой, колокол. Тот уже висел в воздухе, медленно поворачивался, легонько покачивался, подставлял бока солнцу и разбрасывал по округе удивительно яркие блики. Веселые зайчики были везде, прыгали они по двору, выплясывали, заблудившись в листве, отражались от стекол, преломлялись, радовали взор и неимо-

верно веселили.

Отец настоятель, пристегнутый к тонкому тросу, висел рядом с колоколом. В окружении ярких отблесков солнца, казалось, он парил, кружил вокруг огненного шара, оттенял свет солнца, а от того и сам светился, заставляя поддающуюся суевериям частичку моего сознания задумываться об истинной природе чуда.

Но вот чудо рассеялось. Тучка набежала, померкли лучи, с ними и отблески. Настоятель не парил более в вышине, не нарушал законов мироздания, он всего лишь висел на страховке. Раскачивался, что-то громко кричал, энергично размахивал руками, на что-то указывал крановщику. Тот наполовину высунулся из кабины и, жестикулируя в ответ не менее эмоционально, пытался опустить тяжелый груз на отведенное для него место.

Удалось. Деревянная перекладина, к которой крепился колокол, вошла в предназначенные для нее пазы, провис трос крана, освободившись от тяжелой ноши, несколько мужчин поднялись по лестнице наверх. Дробь частых ударов молотками заглушила рев двигателя. Стук нарастал, достиг пика и стих. Вскоре затих и двигатель крана. Все стихло, на монастырское подворье вернулось истинное спокойствие.

Настоятель, который все еще висел на тросе, заметил меня, помахал рукой, дескать, поднимайся наверх.

Причин отказываться у меня не было. Я взобрался на вершину колокольни, чувствуя, как сердце изо всех сил пыта-

ется вырваться из ставшей непомерно тесной грудной клетки. Минута ушла на то, чтобы пульс втиснулся в рамки нормального ритма. Ушло головокружение, я наконец-то смог нормально видеть.

Дыханье выравнилось. Кровавые пятнышки, проплывающие перед глазами, растворились в лишь слегка расплывчатой красоте окружающей монастырь природы. Еще минута и восприятие цвета окончательно вернулось в норму. Картинка стала четкой, яркой и невероятной красочной...

С вершины колокольни открывался превосходный вид. Вот совсем рядом, буквально руку протяни, белеют одинаковые домики села Спасовка, за ними, чуть одаль, виднеется пруд. Надо же, я столько времени провел совсем неподалеку, а пруда и не видел! Даже не догадывался, что он существует. Помню, сразу же идея промелькнула, захотелось подойти поближе к живописному водоему, полюбоваться ним вблизи, а то и вовсе порыбачить. А что, вот как мой единомышленник – точно посередине зеркальной глади одинокой точкой темнела весельная лодка. Не иначе как местный рыбачок медитировал с удочкой. Хорошо ему! Не надо рыться в документах, копаться в самом себе, пытаюсь понять что-то, о существовании чего и не догадываешься! Просто ему, а от того спокойно... А еще дальше, за рыбаком, за прудом, за селом, да вообще везде простилаются широкие ярко-зеленые поля. Насыщенная зелень покачивается, волнуемая неощутимым ветерком и колышется легкой рябью в глазах...

Когда я добрался до верхней площадки колокольни, настоятель был уже там. Он, с легко читаемой насмешкой во взгляде, посмотрел на меня, расстегнул карабины, снял снаряжение, отряхнул пыль. Терпеливо помолчал, давая мне возможность прийти в себя.

– Как тебе такая картина?

Я не понял, что он хотел этим сказать, точнее, спросить. Что за вопрос он пытался озвучить? Может, интересовался, что я думаю об удивительном ландшафте, о красотах, что от горизонта до горизонта? Может, хотел узнать, нравится ли мне видеть свое отражение в огромном колоколе? А может просто хотел услышать мое мнение об альпинисте-настоятеле? Недолго думая, я ответил просто:

– Отлично! – казалось, одно лишь слово, а ответ на все вопросы одновременно. К тому же честный ответ...

– Согласен, отлично! Ведь именно такой вид имела церковь в начале прошлого века. Словом, мы хорошо поработали!

– Все не устаю удивляться, – я кивнул на разбросанные по полу веревки, ленты, карабины. – Так вы еще и скалолаз?

Настоятель кивнул:

– Да, было дело! Давно, правда, в часы студенческой молодости. Любили мы с друзьями активно отдыхать. Бывает, нахлынет, вспомню костер, песни под гитару и горы, вокруг одни лишь только горы. Эх, были времена! Но, если совсем честно, то это все так, несерьезно. Я ведь ни одной настоя-

щей вершины так и не покорил. Ограничивался тренировочными сборами в Крыму. Но и это было не зря, как видишь, пригодилось!

Глава двадцать третья

Окно в кабинете настоятеля выходило на запад, давая возможность вдоволь любоваться таинством заката. Прекрасное зрелище! Там, далеко на линии что разделяла и одновременно соединяла небо и землю, покачивался в восходящих потоках солнечный диск. Он уже коснулся земли и медленно растекался в атмосфере. Мгновение и солнце перестало быть шаром, правильной сферой, теперь оно было грушей, большой, огненно-оранжевого цвета, грушей. Висела она, тускло сияла, украшая собою вечерний небосвод.

Ожидая отца настоятеля, я наблюдал за метаморфозами огненного шара. Смотрел, как из груши дневное светило превратилось в вытянутый овал, как половина его скрылась за горизонтом, как на кроваво-красном небе зажглась первая вечерняя звездочка, точнее планета, яркая и прекрасная Венера. Наблюдал за тем, как блеск размытого пятнышка, что совсем недавно было солнцем, угасал, Венера же, наоборот, разгоралась, словно невидимым потоком пламя гаснущей звезды перетекало на кружащую вокруг нее планету. Перетекало, предоставляя ей возможность ярким пусть и не собственным светом приветствовать людей. Радовать их своей красотой.

Уже не оранжевое, а темно-багровое, почти коричневое солнце скрылось за горизонтом. На то, что оно вообще было

и скрылось именно в том месте, указывало лишь зарево. Зарево огненного заката...

– Вот и еще один день прожит. Приятно осознавать, что прошел он не напрасно. Прошел с пользой. Могу с уверенность сказать, что осталось совсем немного и монастырь предстанет во всем своем величии, просто как в свои лучшие часы! И это хорошо!

Засмотревшись на таинство заката, я и не заметил вошедшего настоятеля, непроизвольно вздрогнул, услышав его голос, быстро поднялся.

– Да ну тебя, не прыгай! Напрыгались сегодня. Чай будешь?

Я кивнул. Тут же положил на стол Библию и тот самый вырванный из старинной книги лист. Заметив мой деловой подход, настоятель кивнул и знаком показал – не спеши!

– Вот теперь можно! – он расставил чашки и с видимым удовольствием опустился в кресло.

– Я вот что хотел спросить отче, вы утром говорили о Библии 1751 года. Отсюда вопрос, какое отношение она может иметь к письму, которое, насколько я понимаю, на много лет ее старше?

– Прошу заметить, я говорил не о Библии, а о Елизаветинской Библии. Вижу, ты настроен на серьезный разговор. Так уж и быть устрою тебе небольшой экскурс в историю церкви! Библия, как ты должен знать, пришла к нам давным-давно. И пришла из Греции. Как утверждают, первыми пере-

водчиками библейского текста были сами создатели славянской азбуки и основатели письменности Кирилл и Мефодий. Было это в те далекие времена, когда о книгопечатанье никто даже и не помышлял. Книги тогда переписывались вручную, хлопотное было дело. А особенно, если посмотреть на старинные экземпляры, которые сохранились на сегодняшний день, какие в них гравюры, какие буквицы, какие обложки! На изготовление некоторых томов уходили годы. Но время шло, прогресс не стоял на месте, и вот человечество изобрело печатный станок, книгопечатанье, – не переставая говорить, настоятель пододвинул ко мне чашку. – Про чай не забывай! Как ты должен был знать, хотя бы из школьной программы, первой книгой, которая была отпечатана на наших землях, была «Апостол», издание, содержащее некоторые главы «Нового Завета». Позже, небезызвестный Иван Федоров, первым изготовивший и опробовавший печатный станок, подарил нам всем, пожалуй, самую известную в наше время Острожскую Библию. По сути это было самое первое полное издание Библии на церковнославянском языке. На сегодняшний день в мире их сохранилось порядка трехсот экземпляров. К сожалению, у нас ее нет, но продолжу. Острожскую Библию использовали как официальное славянское издание вплоть до середины восемнадцатого века, когда была подготовлена Елизаветинская Библия, которая, по сути, используется и поныне. Это и есть то издание, о котором я говорил.

Настоятель замолчал, взял в руку чашку, отпил. Со странным, будто окаменелым, выражением лица посмотрел на меня, изрядно озадаченного потоком информации, медленно кивнул и продолжил.

– Эту, говоря современным языком, серию книг начали готовить к изданию еще во времена Петра Великого. Создали авторитетную комиссию, которая сверяла текст Острожской Библии с другими известными на то время экземплярами на греческом языке и латыни. Это оказалось столь трудоемким процессом, так растянулось во времени, что первые экземпляры увидели мир только 1751 году, уже в годы правления Елизаветы, вот этот наш экземпляр, это, то самое первое издание, – настоятель повернулся к окну и на минуту замолчал. – А вообще, это я к чему? Ах, да. Я же о листе, вырванном из книги. Из книги того самого издания...

– Ну, да, шрифт такой же, да и расположение теста это подтверждает. Я так понимаю, тогда не могло быть стандартных шрифтов и стандартных иллюстраций. Да и просто издание книг – это искусство, а издание церковных книг – это искусство в квадрате, – неожиданно для самого себя тирадой на тираду ответил я, не так пространно, как настоятель, так куда мне! – Но я хотел не об этом спросить. Вопрос вот в чем – ведь если мое письмо зашифровано именно на основании Библии, это не может быть эта Библия, не может быть это издание, ведь его в то время и вовсе не было! Или вы думаете, что интересующие меня стихи сохранились в точности,

без изменений?

– Ты слишком многого хочешь от скромного настоятеля. Уверен, ты и сам понимаешь, что вопрос твой риторический, потому и не жди ответа. Скажу по-другому, тот, кто зашифровал послание, не мог пользоваться этим изданием, но мог тот, кто расшифровал, или хотя бы пытался расшифровать.

– Тогда снова вопрос, кто расшифровывал? Когда, зачем? – как-то раньше я и не думал о том, что «мое» письмо может быть не только «моим». Во мне зашевелилось странное чувство, соперничество, ревность?

– Это не вопрос, а целых три вопроса. И ни на один я не могу тебе ответить. Могу предложить только вариант ответа. Помнишь, когда-то давно я тебе говорил о том, что большую часть икон и документов нам возвращают местные жители. Так вот, в то время когда началась массированная наступление на религию во всех ее проявлениях, верующие, кто что мог, прятали и новым властям, национализировавшим монастырь, мало чего досталось. Вот только слава о богатствах и величии Спасовского монастыря уже не одно столетие ширилась степными просторами. О сокровищах, которые хранились за высокими стенами, ходили легенды. А молодой советской стране нужны были деньги. Я бы не удивился, если бы узнал, что кто-то в то бурное время, нашел твою записку и решил, что в этом послании разгадка потерянных сокровищ. Вот он и взялся за расшифровку. В пользу этого говорит и приписка в конце текста, да и то, что книжный лист са-

мым варварским образом был вырван из священного писания. Человек верующий так бы не поступил. Каковы результаты его работы? Не знаю. Может, ему удалось проникнуть в тайну письма, теперь же мы можем лишь проследить за ходом его мыслей, может, не удалось и это просто пометки на полях. Не знаю, да и никто не знает...

Настоятель замолчал и с отрешенностью во взгляде засмотрелся в темный квадрат окна. Я взглянул на его отражение в стекле и вдруг все понял. Неожиданно для самого себя понял – расшифровка письма это моя собственная, неважно почетная или нет, но обязанность. Моя и только моя! Никто мне не поможет, но, с другой стороны, никто и не помешает. Это исключительно моя забота, и результат зависит только от меня. Я вспомнил, что и раньше, стоило мне спросить о чем-либо, касающемся письма-шифровки, отец Александр, нет, не замыкался, не уклонялся от разговора, он говорил, он рассказывал. Рассказывал много, много разного, интересного много, только рассказы его больше походили на лекции по истории, нежели на попытку подсказать, наставить на путь истинный. «Словно со мной разговаривал не отец Александр, а исключительно его сан священнослужителя», – промелькнула нелепая мысль. Вот же сказал! Вот же нагородил! Неважно, как бы там ни было, суть проста – это мое письмо, и мне его читать. Все, точка!

Беседа зашла в тупик. Настоятель внимательно смотрел в темное окно, вглядывался в необозримую даль. Его мысли

были чем-то заняты. Конечно же, не мной, да и не моими вопросами.

Так, для поддержания разговора, я спросил:

– Вы говорили – сокровища. А они вообще существуют?

– Сокровища, какие сокровища? – настоятель посмотрел на меня, вернее в ту сторону, где находился я, помолчал, будто пытался вспомнить, о чем шла речь, потом широко улыбнулся и ответил. – Безусловно, сокровища есть. Еще и какие сокровища! Вот, к примеру, наша библиотека, чем не клад? А ведь это еще далеко не все книги. Многие из них до сих пор в сельской библиотеке хранятся, некоторые и в районной, не можем с властями решить вопрос о возвращении. И это несмотря на наши экслибрисы, наши каталоги и массу прочих неоспоримых доказательств. А наш архив! Да там сохранились документы, которым и вовсе цены нет! Думаю, ты сам должен был это заметить. К вопросу о кладах, немалую часть бумаг мы и вправду нашли в подвале, когда укрепляли фундамент, в потайной комнате. Клад, получается. Да и просто – вера, разве это не сокровище! Разве может человек считать себя богатым, коль душа его в нищете? Так что даже и не сомневайся, сокровищ у нас полно!

– Но я не об этом. Любопытно просто, из материальных ценностей, в более приземленном понимании богатства, что-то существует?

Он с улыбкой пожал плечами:

– Не знаю. Мне ничего подобного не попадалось. Но позд-

но уже для бесплодных дискуссий. Спать пора!

Прежде чем уснуть я еще почти час вертел в руках оба листка (зашифрованный и тот, в котором надеялся найти ключ к шифру), но ничего умного так в голову и не пришло...

Как-то раньше, сколько себя помню, я был «совой», а может просто считал себя таковым. Тем не менее, мне всегда было проще не спать всю ночь, чем проснуться рано утром. А вот в те дни сам начал замечать, что меняюсь, стремительно меняюсь. Я так легко позволил монастырскому распорядку подчинить себя. Как-то само собой это получилось, помимо моей воли, но и не вопреки ней. Я начал жить по расписанию. Научился засыпать в одно время, вовремя просыпаться. Просто сам себе удивлялся! Вот и в тот раз привычка меня победила, веки становились все тяжелее, я почувствовал что засыпаю. Не оставалось ничего более, кроме как отложить оба листка, смачно зевнуть и погрузиться в дружеские объятия Морфея.

Где-то я читал, что человек во сне видит продолжение того, о чем думает на протяжении дня. Читал, будто даже методика существует – как заказать себе сон. Может она и работает, не знаю, никогда не пробовал. Во всяком случае, раньше не пробовал, а вот в ту ночь со мною что-то подобное приключилось.

Продолжая размышлять о скрытом смысле тайного послания, я уснул. Быстро и сразу. Уснул и тут-таки получил сон,

длинный, серый, мрачный, непонятный. Всю ночь меня преследовали странные личности в серых, как и весь сон, плащах с накинутыми на лицо капюшонами. Не помню почему, но в первое время я от них убегал, прятался в каких-то развалинах чего-то каменного. Большую часть сновидения они гонялись за мной, искали, звали, неслышными серыми головами, но я прижимался к холодному камню и испугано закрывал лицо руками. Несколько раз кто-то из преследователей находил мое убежище, я громко визжал просто как ребенок увлеченный игрой в прятки, выскакивал из укрытия и с веселым криком убегал, искал новое место чтобы спрятаться.

Непонятно каким образом (да и как ему быть понятным, сон ведь!), я оказался в комнате с высоченным потолком. Я сидел на очень неудобной скамейке, за еще более неудобным столом. Наверняка была ночь, потому как сквозь узкое окошко в помещение не проникал свет. Для того чтобы я хоть что-то видел над самым столом горела длинная лучинка. Она держалась в странном приспособлении, очень напоминающем клюв цапли. Немного коптила лучина, потому по серой комнате медленно расплзался непередаваемый смолистый аромат. Заполнял он каждый уголок помещения, нежил удивительными запахами. Так ярко среди серости сна всплыл в дремлющем воображении костер! Высокий шалаш, сложенный из березовых веток, вокруг и над которым колыхались языки пламени. Луг, высокие травы покачивались в

отблесках огня. Так ярко, так сочно, так хотелось променять свой серый сон, на этот, цветной и яркий...

Не получилось сбежать из своего сна – занят я был. Письмом. Да, я писал под диктовку. Того, кто мне диктовал я не видел. Скорее всего, он находился у меня за спиной, а может, его и вовсе не было. В любом случае я написал не менее трех десятков строк. Нет, не каким-нибудь шифром, обычными словами, составленными из самых обычных букв самой обычной славянской азбуки. Старался, не спешил, тщательно выводил каждую букровку. На мгновение замирал, смотрел на свое творчество и удивлялся, оказывается у меня спящего почерк куда лучше, чем у меня же бодрствующего. Вот бы так наяву научиться! Или лучше не надо? Сложный вопрос...

Подчиняясь чей-то беззвучной воле, я отложил перо. Взял листик обеими руками, внимательно в него взгляделся. Каким-то чудом слова, написанные мной, распались на отдельные буквы, те закружились в танце и минутой позже перед моими глазами стройными колонками выстроились литеры. Один в один, как и в моем письме! Шесть колонок с первого взгляда бессмысленных комбинаций букв. Я схватил перо и быстро, пока чары не развеялись, начал записывать то, что видели глаза на чистый лист. Стоило мне закончить, как буквы все тем же веселым хороводом возвратились на свои законные места. Волшебство развеялось.

Кто-то громко произнес: «Вот и хорошо! Всем спасибо, а

тебе, кажется, пора?». Лучина погасла. Воцарилась темнота, а с ней ночная прохлада темной комнаты. Моей комнаты, на третьем этаже в монастырской «гостинице».

Глава двадцать четвертая

Глаза медленно открылись. Мигнули. Темнота, но это неважно, я прекрасно понимал, где нахожусь – у себя в комнате. Сажу на диване, вот только не опираясь на спинку, а наклонившись вперед, будто нерадивый школьник за партой, горе-ученик, которого не беспокоит осанка. В руке у меня листик, то самое написанное тайнописью «мое» письмо. Простая бумага казалась подсвеченной, будто переливалась она, заставляя оживать то ли реальные, то ли воображаемые буквы.

Ярко вспыхнул свет, то моя рука нащупала шнурок торшера. Перемена освещения заставила закрыть глаза, но ненадолго. Подгоняло любопытство, подстегиваемое все еще не канувшим в бездну времени сном. Чуть-чуть приподнимаю веки, пытаюсь сфокусироваться на по-прежнему подмигивающем листе бумаги. Получается, вот только...

Да, я проснулся, почти проснулся, но сон не спешил покидать меня. Письмо, составляющие его буквы все еще жили своей жизнью. Они кружили перед моими глазами, вертелись, будто пытались запутать, срывались с мест, перепрыгивали друг через дружку и вдруг собрались в слова, те, в свою очередь, выстроились в предложения, вполне себе осмысленные предложения, текст письма...

В затруднительном положении я оказался, друг мой. На тебя одного уповаю, на твою лишь мудрость и рассудительность рассчитываю. Дочь известного тебе А. Не стану упоминать его имя пусть даже тайнописью, кто знает, куда это письмо попадет, в чьих руках окажется. В эти смутные времена я не могу довериться даже тем, кто обладает знаниями, позволяющими его прочесть. Так вот, дочь его вынуждена прятаться, и скрывается она за стенами нашей обители.

Спросишь, почему? Отвечу вопросом – а что мне оставалось делать? Что я мог сказать ей, молящей об убежище? Особенно после того, как кормилица, единственный близкий ей человек, умерла просто у наших ворот! Что! Что можно было сделать в такой ситуации? Как поступить? Вот и случилось, что теперь я укрываю ее, укрываю и боюсь.

Да, конечно, у нас есть оружие. Да, подвалы доверху заполнены бочонками с порохом. Но братья мои, они монахи, слуги господ, они ведь не воины. В большинстве своем они не в состоянии даже себя защитить, что говорить о ней!

Посоветуй мне, окажи милость, только умоляю, скорее! Я искренне верю, что о ней никто еще не ведает. А что будет, когда узнают?! Боюсь об этом и думать...

– Такая вот записочка. Не могу сказать, что привожу ее дословно, но суть примерно такова. Это и были те слова, над дешифровкой которых я так долго бился и смысл которых мне таким непостижимым образом открылся. Думаю, ты хо-

тел бы спросить, как это я умудрился прочесть письмо, пусть даже и расшифрованное, но написанное на неизвестном мне языке? Нет? Вот и не спрашивай. Все равно я не смогу ответить. Как и на большое количество других вопросов. Нет у меня на то ответов да и быть не может. Я просто смотрел на буквы. Смотрел и видел. Видел то, что тебе процитировал. Каким-то чудом я понимал. А вот как...

– Наверное, это интересно. Допустим, то самое письмо, его текст, не игра сонного воображения, а действительно скрытый смысл тайного послания. Неизвестно от кого и непонятно кому адресованного. Хотя, я уверен, ты считаешь что знаешь, от кого и кому. Допустим все так, но что это доказывает? Только то, что ты и раньше знал. Легенда получила косвенное подтверждение, и какой из всего это вывод?

– Ничего ты не понял. Не было никакой легенды, была лишь моя выдумка или, что куда более вероятно, воспоминание!

– Даже так! Ладно. А что на счет святого Луки?

– Ты о Евангелие? Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам? Думаю это просто напутствие, может даже напутствие мне. Стучите, и отворят, вот я и постучал. Правда, вынужден сознаться, стучал я не очень настойчиво.

– Хорошо, постучал, отворили, а что дальше?

– Дальше? Понимаешь, уже тогда у меня возникла и разрасталась уверенность в том, что меня все время кто-то ве-

дет, кто-то сопровождает, подталкивает. Именно так, кто-то мною управлял. По всему видно – меня в самом буквальном смысле заставили расшифровать это письмо. Сначала подбросили закодированную записку. Затем вручили страницу из Библии, можно даже сказать подложили разгадку (конечно, если это все-таки разгадка!). Наверняка знали, что сам я не справлюсь. Знали, что мне не хватит желаний, упорства, а может и ума. Но вот какая штука – я до сих пор не понимаю, кто эти «они»!

Да, я получил разгадку своего таинственного письма. Таким вот непонятным образом. Получил и задумался. Нет, не о способе получения, и даже не о содержании послания. Я вдруг подумал, может весь смысл происходящего со мной сводился именно к тому, чтобы заставить меня поверить – мои видения они не такие уж и видения? Неважно, что они, но они более реальны, чем могло бы показаться.

Долго я размышлял, но ничего стоящего так и не придумал. Легко догадаться – я снова оказался в том положении, в той ситуации, когда не знаю, что делать, как поступить, не знаю, что предпринять. Конечно, со стороны, должно казаться, что я ждал пока кто-то, а может что-то укажет мне верный путь, подтолкнет меня. Пусть так, не стану искать оправданий, особенно учитывая тот факт, что мне опять-таки помогли. Снова непонятно кто, и не совсем понятно как. Но это ладно, тут бы хоть узнать, кто они мои таинственные по-

кровители, друзья или совсем даже наоборот?

Ждать пришлось недолго, всего лишь до следующей ночи...

Днем, уже зная содержание письма, я впал в странное состояние полнейшей несобранности. Стал рассеянным, все валилось из рук. Я подсознательно чувствовал, что это еще не конец, что что-то изменится и совсем скоро. Я чувствовал, что что-то случится и не мог понять хорошее или нет. Предчувствия душили меня, прогоняли из головы все прочие мысли. Весь день я был как на иголках. Не мог себя заставить хоть что-нибудь сделать. Не мог уговорить себя даже попытаться что-то сделать. Хорошо хоть брат Кирилл снова куда-то уехал, некому было удивленно на меня смотреть и беззвучно требовать объяснений.

Полный предчувствий, я и не заметил, как очередной день прошел...

Я уже не раз говорил, но повторяюсь, за все время, проведенное в монастыре, я заново научился спать. Правильно говорят – режим очень даже полезная вещь. Канули в лету те времена, когда без малого половину ночи я ворочался в постели, гонял в полусонном сознании глупые мысли и ждал когда он придет. Когда придет такой долгожданный сон. Здесь же, в тишине, в спокойствии, подчиненный общему распорядку, я засыпал, лишь только голова касалась подушки. И ночи пролетали как одно мгновение. Казалось, только приляжешь, только закроешь глаза, а вот уже и утро.

Новое, свежее утро. А с самого утра я полон сил и энергии, да что там «сил», каждое утро я просыпался с отличным настроением!

Вот только эта ночь была не как все. Вернее, в этой ночи было что-то не как во всех, что были и еще будут...

Неслышно, как и всегда подкрался вечер, обычный, почти ничем не примечательный. Вечер как вечер, вот только отец Александр почему-то настоял на моем присутствии на вечерней службе, а помимо того, что я научился спать, я еще научился и подчиняться. Правда, настоятель по своему обыкновению не приказывал, а лишь просил. Но это был не тот случай, когда между этими, полярными на первый взгляд, понятиями существует разница. Конечно, я пошел. Да и причин отказываться у меня не было.

Вернувшись в комнату, открыл окно, я так делал уже почти месяц. За всю долгую зиму и не особо теплую весну здание изрядно остыло, отопление давно отключили, и, несмотря на то, что за окном было довольно-таки тепло, от толстых стен веяло прохладой и легким намеком на сырость.

Несобранность минувшего дня еще не совсем покинула меня. Минут десять я просто лежал, не раздевшись и не растелив постели, смотрел в побеленный потолок, который в призрачном свете луны выглядел мертвенно серым. Внезапно его яркость возросла. Вспыхнул он чистым, серебряным светом и тут-таки понемногу начал темнеть, будто тучка полупрозрачная на луну набежала.

Ничего не значащая на первый взгляд деталь заинтересовала меня. Я повернул голову к окну, но ничего не увидел. Перекатился на край дивана, стало лучше (во всяком случае, лучше видно). Маленький краешек лунного серпа проник сквозь окно и заглянул ко мне в комнату. Промелькнула мысль: «Но ведь должно быть полнолуние, а виден только узкий серп. Почему? Непорядок! Мысль немного повисела в сознании и вспыхнула идеей – так сегодня же затмение!».

Не подумай, что я никогда не видел лунного затмения. Видел, и не раз. Просто это такое явление, которое, мало того что бывает нечасто, так еще и на него всегда любопытно посмотреть. Есть в нем что-то таинственное, что-то пугающее, мистическое, а от того манящее.

Я спрыгнул с дивана и подошел к окну. Неудобное оно, узкое, стена толстая, чтобы хоть что-то можно было разглядеть из таинства поглощения лунного лика земной тенью, пришлось почти целиком пролезть в оконный проем.

К тому времени, когда я удобно устроился, луна почти скрылась в тени. Практически весь диск, за исключением тонкой светящейся нити, обозначающей край лунного диска, был залит серым с кровавым оттенком пепельным светом. Завораживающее зрелище!

Секунду я любовался редким природным явлением и тут случилось...

То, что происходило далее, я не понимаю. Узкая полоска лунного блеска погасла. Полутень луны стала гуще, качну-

лась она, сорвалась с небес и тучей хлынула ко мне в комнату. Темная масса влетела в окно. Толкнула меня. Я съехал по наклонному подоконнику и шлепнулся на пол. Кажется, ощутил ледяное прикосновение лунной тучи, чувствуя, как сознание покидает меня.

Очнулся (а может, все-таки проснулся?) я уже на диване. Удивленно осмотрелся, взглянул на себя, ничего необычного – лежу раздетый, одежда, как и всегда, аккуратно сложена на стуле рядом со мною. Все как прежде. Может и вправду приснилось? В пользу этого свидетельствовало и то, что от затмения не осталось ни следа, лишь полная луна весело проливали свой серебряный свет через открытое окно, вырывая из темноты скромную обстановку и удивительно контрастные стрелки часов. Два часа ночи. Ровно.

Тишину нарушил скрип – закрылась дверь. Нет, не какая-нибудь условная, а дверь моей комнаты! Дальше больше – в коридоре слышались шаги. Опять-таки у моей двери! Даже не так, они не слышались, они звучали, они раздавались! Так ходят, не скрываясь, так ступают с единственной целью – чтобы тебя услышали. Хоть кто-то услышал...

И я услышал. Подбежал к двери, распахнул ее, выглянул в коридор. Там, чья-то высокая фигура, закутанная в серый среди ночной полумглы плащ с капюшоном, закрывающим большую часть лица (просто как те, неизвестные из моего вчерашнего сна), медленно спускалась вниз по лестнице.

Любопытство подгоняло меня или что-то иное, не знаю,

но я быстро схватил брюки, одеваясь на ходу, побежал следом. Напрасно спешил, зря боялся упустить незнакомца. Он шел очень медленно, и что меня особенно задевало, даже не думал таиться! Не иначе как чувствовал себя спокойно в помещении монастыря, да просто был как у себя дома! Это безобразие, тут надо разобраться.

По-прежнему не оглядываясь, незнакомец спустился на первый этаж, постоял пару мгновений, будто сомневался, затем проследовал в помещение библиотеки. «Так вот кто подбросил мне ключ от шифра! Сейчас я с тобой поговорю!» – я ринулся следом. Остановился у порога и заглянул в щелку приоткрытой двери. Нет, на этот раз мой стол не заинтересовал полночного визитера, он приблизился к противоположной от входа стене. Остановился. Несколько секунд осматривал лепнину на пилястре, медленно поднял руку, тут-таки до моего слуха донесся отчетливый щелчок, его дополнил тихий шелестящий шум невидимого в полумгле механизма.

В неверном лунном свете, проникающем сквозь цветные стекла узких окон, просто по центру противоположной стены рядом с фигурой незнакомца четко вырисовался ровный прямоугольный контур. Потайная дверь! Конечно же! Я слышал и неоднократно, что в старых монастырях существует обширная сеть подземных ходов, значит, это один из них!

Понятно, это все понятно, но вопрос был и остается, кто этот человек, почему бродит ночью по божьему дому, что ищет, что затевает?

Он все еще стоял рядом с образовавшимся проходом. Я был далеко, да и освещение не позволяло рассмотреть, что именно он там делал, но сейчас я просто уверен – он оглянулся посмотреть, убедиться в том, что я следую за ним! Хотя, может все гораздо проще? Может, его капюшон качнулся, потревоженный легким дыханием?

Минута и он шагнул в темный проем двери, растаял, слившись с абсолютной чернотой. Я тут же бросился в погоню, опасаясь, что он успеет скрыться, что механизм снова скроет от меня проход.

Можно было не спешить. Дверь не собиралась закрываться. Может, она управлялась исключительно из библиотеки, а может, некая автоматика срабатывала через определенный промежуток времени, или (чего тоже нельзя исключить) ее просто никто не спешил запирать! Тогда же я не задумывался на глобальные темы, я просто переступил через условный порог и, подсвечивая себе экраном телефона (спасибо производителю, за такую полезную возможность!), очутился в потайном помещении.

Несмотря на то, что весь механизм рассмотреть мне так и не удалось, казалось, что кто-то и когда-то (наверняка давно) очень здорово над ним потрудились. Дверь, та часть стены, что преграждала проход в секретную комнату, оказалась сплошной каменной плитой размерами почти метр на два и сантиметров сорок толщиной. Страшно подумать, какова ее масса! Какой грохот будет, если она свалится и успею ли я

понять, что она свалилась, если она свалится на меня?!

Та сторона, которая была обращена внутрь библиотеки, была искусно покрыта штукатуркой, повторяя фактуру отделки остальной стены. Внутренняя же поверхность оставлена в своем природном виде. Там был обычный сияющий природной красотой камень, верху из которого торчал ржавый железный угольник, не иначе как часть механизма поддерживающего массивную створку. Вид изъеденного коррозией металла не внушал доверия, потому я, на всякий случай, шагнул в сторону, со страхом представляя, как меня может придавить тяжеленная каменюка...

В свете импровизированного фонарика я осмотрелся. Помещение за каменной дверью оказалось узким, длиной во всю ширину здания коридором. Просто посредине него находились каменные двери, через которые я вошел. Собственно, это и все. Сколько ни смотри по сторонам, не видно ни намёка на другой ход, через который можно было бы пройти еще куда-нибудь. Но я-то понимал, он должен быть, непременно должен, ведь тот, другой, неизвестный, он ведь не испарился!

Со всей мыслимой осторожностью, ступая на цыпочках и практически не дыша, я направился влево. Медленно, осторожно...

Ошибся с направлением. На протяжении всей короткой прогулки, мой телефон высвечивал только каменную кладку и, в конце концов, я просто уперся в боковую стену, тупик,

одним словом. На всякий случай ощупал кладку, но единственное, чего добился – поднял тучу пыли, которая тут-таки ринулась на меня.

Все ясно – дороги дальше нет. Но не расстраиваться же из-за такой мелочи! Я развернулся и также осторожно направился в недалекий обратный путь. Проходя мимо двери, шел с особой осторожностью и исключительно из-за ее избытка, споткнулся. Возможно, задел какой-то рычаг, а может статься, механизм был не таким древним, как могло показаться, сработал какой-нибудь датчик движения? Этого я никогда не узнаю. Какова бы ни была причина, отчетливо в тишине послышалось тихое жужжание, тяжелая дверь, легко обернувшись, стала на место, надежно заперла меня. В качестве кульминации праздника мобильник издал короткую печальную трель, сопровождаемый унылой музыкой, погас последний лучик света. Я остался в абсолютной темноте, запертый в потайной комнате.

– Если удастся выбраться, возьму себе за правило никогда не совать нос в тайные помещения, во всяком случае, предварительно не зарядив телефон! – вслух выговорил я, не иначе как в жалкой попытке себя подбодрить.

Конечно же, не сработало. В замкнутом пространстве мой голос меньше всего был похож на мой. Он звучал хрипло, глухо и даже немного угрожающе. Мои слова, звуки моего голоса произвели эффект, обратный тому, которого я ожидал. Стало страшно. Топая воображаемыми лапками, во-

ображаемые мурашки дружной толпой пробежали по спине, костлявая рука ужаса коснулась горла, сомкнула пальцы, сжала их, я замолчал, действительно чувствуя, что задыхаюсь.

Чтобы не дать противным мыслям шанса и далее портить мне настроение, недолго думая, я направился дальше, правее от входа. Ведь мысли мыслями, но левее я уже был, да и в любом случае, если тебя закрыли, надо хоть узнать где!

Побрел прямо, рукой ощупывал стену, поднимал облака невидимой среди тьмы пыли. Медленно шагал, шаг, пауза, еще шаг...

Кажется, я слишком долго шел. Правда, ведь оценить ширину помещения библиотеки несложно. Точно те же параметры и у отделенной от нее продолговатой комнатки. Так вот, на мой взгляд, я прошел расстояние раза в два большее, чем должно было быть, а то и в три! Но это исключительно субъективное восприятие. Когда идешь в темноте на ощупь, да еще и изо всех сил стараешься не споткнуться, время не просто медленно плетется, оно и вовсе стоит на месте. А где стоит время, как измерить расстояние!

Трижды я споткнулся, дважды чуть не упал. Один раз наступил на что-то мягкое, и, кажется, живое. Это что-то, тихонько пискнуло и заскреблось, не иначе как бросилось во тьму, в попытке убежать от меня подальше. Оно и понятно, кому такое понравится: сидишь себе на полу, что называется, никого не трогаешь, а тут какой-то товарищ, даже не

поздоровавшись, давит на тебя всей своей массой! Безобразия! А может, не было ничего этого, может, все просто показалось? Не знаю...

На следующем (не знаю, каком по счету, сбился давно) шаге, вытянутая вперед левая рука наткнулась на камень. Я нашел боковую стену здания. Все. Дальше хода нет, но опять-таки тот незнакомец, не мог он просто так исчезнуть, не мог раствориться в воздухе! Куда-то он вышел, как-то прошел! Да и просто логичный вопрос, зачем нужен потайной ход, который никуда не ведет? Это же нонсенс!

Нонсенс или нет, а тупик, он и есть тупик. Я подумал, а не следует ли мне оставить напрасную суету, присесть в уголочке, дожждаться утра, подождать, пока все проснутся и уже тогда со всей возможной настойчивостью колотить в каменную дверь в надежде на то, что меня услышат. Идея была весьма разумной, но одно, составляющее ее слово «проснутся» трансформировалось в другую мысль – может не они спят, может это я? Я сплю, а это всего лишь сон? Тогда и вовсе ничего делать не придется. Надо просто расслабиться и подождать, пока я там наверху проснусь.

Отличная мысль, если бы не сомнения – а что если я не сплю, что если где-то неподалеку в темноте бродит то самое существо, на которое я так некстати наступил? Вдруг оно злопамятное, вдруг следит за мною, и только того и ждет, чтоб я присел и ослабил бдительность. А ведь со зрением у него должно быть лучше, чем у меня. Оно в темноте не гость,

Оно живет здесь!

В ответ на мои мысли в дальнем углу что-то зашевелилось...

Я представил светящиеся глаза, смотрящие на меня (а может и увидел), а может и не глаза. А может и недалеко. Нет, точно недалеко, совсем рядом. Красноватое свечение. Чуть заметное, еле различимое. Вернее, не свечение, просто темнота не столь густа как та, что вокруг, но то, что не тьма оно почти свет!

Думать, что свет, что тьма быстро надоело. Решил так – пусть будет условный свет! В тот же миг действительно разглядел легкое свечение. Оно исходило от боковой стены, и, если добавить чуточку воображения, вычерчивало на ней высокий и узкий прямоугольник. «Еще одна дверь, как минимум, проход? Заглянуть? Конечно! В любом случае, если я сплю, то ничего не теряю!» – размышлял я. Мысль казалась разумной, как минимум, не самой худшей из тех, которые могли бы посетить меня во тьме.

Я приблизился к тому, что считал светом и действительно нащупал еще один боковой ход. Очень узкий, еле заметный. Проход! Он так удачно расположен и такой тесный, что если бы не легкое свечение я бы никогда его и не увидел (сказал тоже, не увидел в темноте!). Увидел, не увидел, но он был. Для такого по комплекции, как я вполне за дверь сойдет, а если кто более упитанный попытается пройти, может и застрять.

Первым делом я присел и принялся ощупывать стенки обнаруженного ответвления, далее перешел к изучению пола. Он резко обрывался. Плохой знак! Не люблю пропастей. Но нет, достаточно было наклониться чуточку ниже, удалось нащупать ступеньку. Еще ниже, там еще одна. Воображение тут-таки взялось за дело и изобразило то, что нащупали пальцы. Это была лестница, симпатичная узкая винтовая лестница, ведущая куда-то вниз, в неизвестность.

Та часть меня, которая еще до конца не уверовала в то, что это сон, вяло сопротивлялась, но я уже начал спуск. Медленно, осторожно, боясь поскользнуться. Ощущения сопутствовали подобным страхам. Ступени казались влажными, скользкими, но не возникало никакого желания разобраться, что тому причина: мох, вода, а может чья-то слизь. Если же отбросить пробудившуюся брезгливость, идти было довольно комфортно. Правда, не хватало перил. Не было их ни с одной стороны, ни с другой. Помниться я чуточку ослабил бдительность, поскользнулся, попытался хоть за что-то ухватиться, но хватал один лишь воздух. В тот раз удалось устоять, но более экспериментировать не хотелось. Ведь кто может поручиться в том, что это сон? Правильно, никто...

Я спускался все ниже и ниже. Спускался, а воображение дорисовывало невидимые во тьме подробности. Отчетливо представлялось, будто спускаюсь я в глубокий чуть не бездонный колодец. В него по спирали опускались ступени, вот только как ни старалось мое воображение, мне не удавалось

понять, на чем они держались. Может они просто парили в воздухе (как для сна, так почему и нет?), а может, были приделаны к боковым стенкам. Но я уже однажды попытался это выяснить, и более подобного желанья не возникало. «Пусть призрачность остается призрачностью, – подумал я, – а неуверенность – неуверенностью».

От центра колодца шло еле заметное свечение. Более того с каждым шагом, с каждой ступенькой оно становилось ярче, отчетливее. Вспомнилась кроличья нора из сказки об Алисе и любопытство заворчало: «Какова же глубина этой норки?».

Все, что имеет начало, имеет и конец. Ступени закончились. Лестница закончилась. Я оказался на ровной площадке. Прошел несколько шагов по вымощенному диким камнем полу, взглянул наверх. Там увидел (а может снова представил?) бесконечные ступеньки, которые терялись в густой непроглядной тьме. Левее последней из них проявилась арка двери, скорее, бокового хода. Именно из него и выливался тот загадочный, еле различимый свет, заманивший меня в подземелье. Он проникал в шахту, освещал нижние ступени, преломлялся о грани большого прозрачного кристалла, отдаленно напоминающего частично разобранный стеклянный шкаф, и ровным потоком уходил ввысь, блекло освещая лестницу. «Как-то слишком уж слабое освещение, – все не желало уgomониться воображение. – Может, я не совсем вовремя? Может это дежурная подсветка, так сказать, а свет в тоннеле просто выключен?».

Я шагнул в направлении условной двери. Остановился на порожке и оглянулся назад, посмотрел на тускнеющую лестницу. Снова повернулся к входу в тоннель. С некоторой опаской взглянул вперед. Ничего особенного, тоннель, как тоннель. Прямой он, в меру низкий, в меру узкий. Вдоль стен множество красных светящихся точек – лампочки. Любопытно все-таки, а это для освещения, или для антуража?

Я перестал гадать, где свет, где тень, где сон, где явь и, какая меж ними разница. Вместо бессмысленных размышлений в моем неизвестно от чего взбодрившемся сознании зародилась уверенность – тоннель выведет меня куда-то за пределы монастыря. Там все и решится, я выясню, кто тот таинственный незнакомец, узнаю, почему он бродит среди ночи, и заодно определю, куда ведет потайной ход! За эту часть идеи не могло не ухватиться услужливое воображение. Оно принялось рисовать картинки моего появления где-нибудь в скрытом проходе на склоне одного из холмов, на берегу пруда, а может и в погребке у кого-то из сельчан. Я даже представил удивленную физиономию хозяина дома, который увидит, как из его собственного погреба выберется такой вот гость!

Подбодренный веселыми картинками, я направился вперед, к ответам, к пониманию.

Шел недолго и вот в мои мысли ворвались голоса. Их дополнял странный запах, смолянистый, дымный. Просто как тот, из вчерашнего сна! Может, горит что-то? Хотя, чему

здесь гореть, уж не камням ли?

Что бы ни служило источником запахов, смена обстоятельств, независящих от тебя, не лучшим образом влияет на настроение. Я непроизвольно остановился, инстинктивно вжался в холодную стену, затаил дыхание, прислушался, силясь не упустить ни звука из невнятного гула, витающего вокруг. Обострение чувств дало вовсе не тот результат, на который я рассчитывал, к шуму прибавились тени. Размытые условные. Они возникали из пустоты, витали вокруг, исчезали, стоило лишь присмотреться. Это все освещение, его шалости!

С огромным трудом удалось отделить вымысел от истины. Чуть стих монотонный гул, теперь он звучал как бы фоном, казался естественным звуком подземелий. Исчезли туманные силуэты, порожденные сознанием и игрой света. Некоторое время меня беспокоил фрагмент стены, который казался светлее общей серости, но скоро я все понял. Там была арка, точно как и та, которая вела в комнатку с лестницей (или из комнаты с лестницей, это с какой стороны смотреть). Из нее выливался свет, чуть более яркий, чем блеклое освещение в коридоре.

Стоило это понять, как я осознал еще одно – именно там находился источник гула. В картину происходящего тут-таки вмешалась фантазия, дорисовала она факелы, освещающие просторный зал, изобразила копоть на стенах.

Все свидетельствовало в пользу того, что там собрались

люди, наверняка объединенные общей целью. Как к этому отнестись? Радоваться? Опасаться? Кто знает...

Крадучись, я пошел дальше, изо всех сил стараясь задать разыгравшееся воображение. До чего же трудно отделять плоды его фантазий от истины!

Боковой ход. Вернее не ход, а настоящая подземная комната, просторная и вовсе не пустая. Все, как я и ожидал, именно из нее вытекали голоса, из нее же выплывал воздух, наполненный запахом горения какой-то ароматной жидкости. Не знаю, что именно горело, смола, масло, еще что-то горючее, не знаю, с какой целью зажгли факелы, не думаю, что как источники света, скорее как дань традиции, как часть мистической атмосферы. Не знаю, ничего толком не знаю, могу лишь сказать, что в сравнении с моим темным коридором, внутри комнаты было светло как днем. Вот только свет не спешил выходить за пределы помещения, словно оно было закрыто некой незримой шторой, а то и вовсе светонепроницаемым энергетическим экраном.

Занятная мысль о «силовом поле» тут-таки заставила меня подойти ближе и вытянуть вперед руку. Любопытство, что тут скажешь! Да, я на самом деле пытался нащупать в темноте незримую преграду. Пытался, но, как и следовало того ожидать, ничего особенного не обнаружил. Ничего мистического, ничего фантастического. Что поделать, снова воображение шалит!

Несколько расстроившись, не обнаружив ничего такого,

от чего бы веяло магией, я заглянул внутрь. Пару раз мигнул глазами, привыкая к смене освещения. Огляделся...

В помещении находились человек десять, может двенадцать все как один – вылитый мой таинственный незнакомец. Все в одинаковых странного цвета плащах с одинаково скрытыми лицами. Непонятна их поза, то ли они присели, то ли стояли на коленях (разобраться мешали широкие, грязно-бежевого цвета одеяния), спинами к входу. Они громко шептали, думаю, молились. В совершенно пустом помещении с каменными стенами их слова сливались в монотонный гул, терялись в пространстве, благодаря чему до моего слуха долетало одно лишь невнятное бормотание.

Ждать чего-то, что было мне неизвестно, надоело. Я решил-ся войти в комнату, искренне веря в то, что меня не заметят. Перешагнул через порожек, пересек условную границу между коридором и комнатой, замер.

Остаться незамеченным не удалось. Нет, присутствующие никак не отреагировали на меня, хотя сейчас я более чем уверен – виду не подали. Но дело не в этом, меня обдало волной новых ощущений, которые заставили позабыть обо всех умных и не очень мыслях. Меня пронзил мертвенный холод, будто в жаркий летний день вошел в огромный морозильник и услышал, как за спиной щелкнула, намертво фиксируя дверь, защелка. Пробыла дрожь и не только от холода, еще и от страха (разве тут поймешь, от чего больше!). Почти сразу ледяной холод сменился жаром, столь сильным, что

даже гарью потянуло. Жар медленно угасал, даря блаженную прохладу...

Потемнело. Сразу и сильно. Я снова начал дрожать, но на этот раз точно не от холода, дрожало все тело, каждая мышца, каждая клеточка, будто электричеством прошло меня, если не молнией ударило.

Ровное освещение спрятанного в глубине подземелий помещения сменилось подмигивающими отсветами факелов. Послышалась тихая музыка, нежила она и успокаивала, будто пыталась заглушить боль корчащегося тела. Я дрожал, зубы мои застучали, словно старались отбивать все нарастающий ритм. Руки безвольно опустились, ноги застыли, как свинцом налитые. С огромным трудом, словно борясь с чем-то, что заведомо сильнее меня, я обернулся. Да, я уже догадывался, что увижу, потому совершенно не удивился.

Позади, да просто рядом со мной на расстоянии вытянутой руки в колышущемся свете факелов колыхалась темная фигура – человек, одетый в длинный плащ с надвинутым на лицо капюшоном. Точно такой же плащ, как и у других – грязно-бежевый, с примесью розового и фиолетового. Сильно вытянутый на локтях, мятый, толстая изрядно потертая ткань, будто и не плащ вовсе, будто халат, старый, засаленный халат. Его живописно украшенный пятнами грязи капюшон медленно покачивался, казалось, что нет под ним ничего, одна лишь пустота...

Глава двадцать пятая

Первое, что пробилось в мое все еще сонное сознание – назойливо-громкая птичья трель. На удивление приятные звуки заполнили комнату, упорно стараясь достучаться до моего дремлющего разума. Веселая песенка старалась проникнуть вглубь него, закрепиться в нем и звучать, звучать, до тех пор, пока остатки сна окончательно не развеются.

Так и случилось. Я начал просыпаться. Начал понимать, что зловредная пернатая не успокоится, пока не убедится в том, что я действительно не сплю. Вопиющая бестактность. И все это мне несчастному, да еще и ранним утром! Не самым добрым моим утром...

Пришлось смириться, я открыл глаза. Повернул голову. Мигнул глазами. Огляделся. По подоконнику прохаживалась моя пернатая гостья. Миниатюрная, серая, невзрачная. Такая маленькая, а такая голосистая! Вот она остановилась, наклонила голову, поглядывая на меня, снова затянула песню. Некуда правду деть, красиво поет, вот только слушатель я совсем не благодарный. Тут бы с мыслями разобраться, да с памятью примириться, а для начала понять, почему так голова раскалывается?

Я потянулся, громко зевнул, птичка оборвала свою песню, шумно вспорхнула крыльями и вылетела в окно. Совсем другое дело, так гораздо лучше! Как минимум, спокойнее.

Повернул голову к стенке. Смотрю, а на подушке просто у моего лица маленький деревянный крестик лежит. Это еще откуда? Подбросил кто-то? Кто? Единственное живое существо, которое пробралось в мою комнатку только что улетело. Птичка. Возможно ли?

Еще немного и я поверил бы в то, что это она (вот глупость!) его принесла. Но пробуждающееся здравомыслие подсказывало, что не все так просто.

Нет, крестик не мой. Честно. По большому счету подобного символа веры (некоторые считают, что украшения) у меня никогда и не было. Хотя, вру. Поскольку я крещеный, значит, крестик должен был быть, точно был, когда-то, только я его лет десять как не видел. И не деревянный он был, а...

Не позволив полностью сформулировать лишенную осолобого смысла мысль, в моей сонной голове забегали тени. Серые тени, плащи непередаваемого цвета, капюшоны, факелы, коридоры с лестницами. Любопытно, а это у меня откуда?

Медленно возвращались воспоминания. По одному, не спеша. Удивляли меня, заставляли сомневаться. «Кажется, был какой-то проход. Секретные двери в библиотеке. Или не было? А лестница в кроличью нору? Она была или тоже под сомнением? Может всего лишь сон плохой приснился? Так сразу и не поймешь. А в дверь стучат это сейчас или тогда, в туманном прошлом?» – бормотал я, понимая, что хуже бардака, чем бардак в голове не бывает.

– С добрым утром молодой человек! Я уже и волноваться начал, раньше ты к шести утра уже на ногах был. Не заболел ли? – на пороге возник настоятель.

– Даже и не знаю. А который час?

– Так уже десять, без пяти. Я, когда тебя на утрени не увидел, сразу решил, что ты уже в библиотеке, думал, опять что-то любопытное откопал, вот и прогуливаешь службу. Захожу, нет. Тогда к Кириллу, тот говорит, не видел тебя, нет, говорит, еще не видел! Все, кого ни спрошу, говорят то же самое. Не видели и все тут! Я уже подумал, а не загулял ли наш друг? – он посмотрел на меня с выражением, в котором уместилась и легкая издевка, и любопытство и кажется что-то еще, странное, непонятное, размытое. – А оказалось все предельно просто. Ты решил отоспаться. Тоже иногда надо. Ну да ладно, давай, поднимайся, хватит диван продавливать!

Он повернулся спиной и направился к двери. На мгновение задержался на пороге, может, собирался что-то еще добавить, может съязвить? Но нет, не стал, не оборачиваясь, вышел. Я вдруг подумал, что настоятель, будь на нем вместо рясы странного цвета плащ, отлично бы подошел на роль моего ночного визитера. Вполне возможно...

Нетрудно догадаться, что весь день я посвятил изучению задней стены библиотеки. Весь день лишь с небольшим перерывом был потрачен на поиски тайных дверей. Я изучил каждый квадратный сантиметр штукатурки, каждый завиток лепнины, украшавшей пилястры, но единственное чего до-

бился – на белоснежной краске появились грязные пятнышки, множество овалов, следов моих пальцев. Не хорошо так делать, но...

Ближе к вечеру я осторожно простучал всю стену полностью от одного угла до другого, прислушивался, старался по звуку определить пустоту, при этом понимая, что если за стеной комната, то пустота будет везде, или ее не будет вообще...

Мое поведение не лишено логики. Как минимум я в этом уверен, был, да и сейчас так думаю. Ведь была цель! Была необходимость! Я должен был разобраться, выяснить, что истина, что вымысел. Что, как, да почему! Должен был сам все понять, сам во все вникнуть.

Вот я и вникал. Благо никто не препятствовал. Да, вот еще что странно, если раньше, даже за день до того, все время в библиотеке кто-то находился, не считая меня. Почти постоянно – брат Кирилл, понятное дело, трудился над каталогом. Но и кроме него кто-нибудь из монахов регулярно заходил, кто книгу найти, кто по ошибке, кто просто поболтать. А вот сегодня, весь день никого. Непонятно...

Конечно же, никаких дверей или хотя бы признаков их существования я не обнаружил. Никто не заходил меня проводить, более того, днем в столовой, никто даже не попытался со мной заговорить. Возможно, причиной тому был мой озлобленный вид, а возможно, что-то иное. Как бы там ни было, день прошел в абсолютной тишине, покое и сомнени-

ях. А уже вечером, когда я услышал шаги в коридоре, выглянул и разглядел высокую фигуру в странном плаще, когда меня пробила дрожь, точно как та, прошлой ночью, сомнения переросли в решение. Я решил уезжать. И уезжать уже на следующий день, желательно утром. На всякий случай, даже не задумываясь о собственной безопасности, а просто движимый минутным порывом, я пододвинул журнальный столик к двери, заблокировав ручку. Конечно, запор не слишком надежный, так я и прятался-то по большей части от себя самого.

Ночь прошла спокойно. Никто и не собирался меня беспокоить. Утро также не баловало сюрпризами. Как и раньше к шести подъем, утренняя служба. Я только начал задумываться о том, поговорить с настоятелем сейчас, или позже, когда он, не иначе как, прочитав мои мысли, тотчас после богослужения подозвал меня и сказал:

– Вижу, поговорить хочешь. Заходи сразу после завтрака ко мне. Побеседуем.

– Пожалуй ты прав. Уже пора! – сказал настоятель, глядя не на меня, а на широкие зеленые поля, ровные темные лесополосы, такие живописные с высоты его кабинета.

Подобного начала разговора я никак не ожидал, но хоть и сбитый с толку сделал вид, что не понимаю о чем он. Еще бы, кому такое понравится! Вот так просто, все за меня решили, а теперь еще и намекают, мол, пора и честь знать! Да,

так и есть, я действительно планировал покинуть монастырь, но хотел бы, чтобы это было мое решение, кроме того, надо хоть немного разобраться в сути происходящего. Я начал издалека:

– Отче, скажите мне, а в монастыре есть подземный ход? Какое-нибудь тайное помещение глубоко под землей?

Тот пожал плечами.

– Конечно. Все монастыри с более или менее длинной историей имеют подземные коммуникации. Как правило, это не один ход, а целые сети, порой лабиринты. Иначе и быть не может, ведь в давние времена монастыри были не только домом господним, а еще и крепостью. Твердыней, за стенами которой можно было долгое время выдерживать осаду, отражать штурм неприятельских войск. Тайные ходы необходимы были для снабжения осажденных, для связи с внешним миром, порою для того, чтобы незамеченными пробираться в стан врага...

– Тогда конкретный вопрос, – вы знаете о тайном проходе, который начинается в библиотеке и ведет куда-то вниз в подземные тоннели?

– Видел на какой-то схеме, – он снова пожал плечами. – Только не помню, то ли из библиотеки он начинался, откуда-то из столовой. Но если таковой и был, то механизмы давно должны были заржаветь, тоннели осыпаться. Ты в архиве какой-то план древний нашел или к чему вопрос?

Он говорил не своим голосом! Не свойственным ему.

Словно через силу, я бы даже сказал, переступая через себя. А последний вопрос и вовсе задал таким тоном, что и глухой бы расслышал – ответа он не ждет. А я тем более не дождусь. Спрашивать что-то еще расхотелось. Я все понял, понял, что не будет никаких ответов, потому мне оставалось лишь вежливо попрощаться, да идти собирать вещи, что, собственно, я и сделал.

Когда я коснулся ручки двери, он окликнул меня:

– Крестик не забудь забрать, – теперь это был его голос, гулкий, с легкой насмешкой, а может с чуть заметной иронией...

Так закончился мой монастырский отпуск. Пусть я уже и подозревал, что меня пригласили для чего-то, о сути чего я по-прежнему не имел ни малейшего понятия, а потом отправили туда, куда я не знал, для того, чтобы сделать то, о чем я и не догадывался, уезжать было грустно. На прощанье я пожал руку брату Кириллу, записал на листике свой номер телефона, попросил звонить, если возникнут какие-либо вопросы. Внезапно понял, какую глупость сотворил – попросил звонить немого! Тем не менее, брат Кирилл благодарно улыбнулся, слегка поклонился и прилепил листик на монитор. Чего это я? Он же может попросить позвонить кого-нибудь, в крайнем случае, написать сообщение. Было бы желание. А это... право это не моя забота!

Мой субботний гость замолчал. Долго смотрел на настен-

ные часы, потом на экран своего телефона, обернулся ко мне и тихо сказал:

– У тебя часы стоят. А так можно много куда опоздать!

И вправду блестящий маятник, основа отмеряющего времени механизма, застыл на месте. Странно, я точно помню, вчера только заводил! Открыл дверцу, легко толкнул металлическое блюдце, по комнате разнеслось знакомое тиканье. Тут же щелкнула защелка входных дверей, провожая уходящего посетителя.

«Может, мне повезло, и он обиделся? Хотя нет, не думаю. Да и чего ему обижаться! Он является, когда хочет, уходит, когда считает нужным. Но хоть бы попрощался!» – медленно зашевелились мысли.

Внезапное прозрение заставило меня забыть обо всем на свете. Я вдруг понял что, если верить другим часам, электронным, настольным, то через десять минут у меня свидание, а добираться мне до места встречи, минут сорок, никак не меньше...

Трудно сказать, что тому причина то ли я был плохого мнения о женщинах, то ли недооценивал свое обаяние, но я был твердо уверен, что она меня не дождетя. Так оно и понятно. Вот это кавалер называется, пригласил девушку, а сам явился на сорок пять минут позже ним же назначенного времени! Потому увидев одинокую девичью фигурку в свете вечерних фонарей, я искренне удивился. Только теперь вспомнил о цветах, хорошо одна старушка еще не собрала свою

передвижную оранжерею, сидела на лавочке, словно дожидаясь меня.

Далее ничего интересного. Даша отчитала меня за неджентльменское отношение к даме, хотя в глазах светилась радость. Интересно, почему? Потом посидели в кафе, полакомились мороженым, поговорили. Наверное, это и называется «хорошо провели время». Далее я проводил ее до общежития. Сам же вернулся домой с двойственным чувством, будто мне с ней было интересно, но при этом она сама меня совсем не интересовала, разве только имя...

Опять рабочая неделя, бешеный полет времени. Как-то не успел и оглянуться, а вот уже и четверг. Утром позвонила Даша и извинилась – она должна была на выходные уезжать, следовательно, поход в театр субботним вечером не состоится. Кстате извинилась не одними лишь словами, а еще и интонацией.

Если совсем честно, то я не очень-то и расстроился. Хотя нет, было, чуть-чуть. Поначалу. А потом подумал, мол, что делать, придется скоротать выходные в обществе пива, лежа на диване перед телевизором! Разумная мысль тут-таки развилась и трансформировалась в не менее логичное решение, я пожал плечами и пробормотал: «Чего ждать выходных, если можно начать уже сегодня?». Словом, проходя мимо гастронома, прихватил две бутылки хмельного напитка и уже дома удобно расположился на диване...

Люблю, знаете ли, вот так полежать на диване, побездель-

ничать, выпить холодного пива под какой-нибудь фильм без претензий на интеллектуальность. Просто посмотреть, а уже через час и не вспомнить о чем было кино. Забросив ноги на спинку дивана, я уже собирался сделать первый самый аппетитный глоток, но не успел. Зазвонил телефон.

Номер не определен.

– Алло, это Сергей?

Незнакомый женский голос. Кто бы это мог быть?

– Не знаю, может и я, нас, Сергеев, много развелось...

– Меня попросили позвонить вам. Я медсестра Кировоградской областной больницы. Дело в том, что ваш друг сейчас у нас, он в тяжелом состоянии. Просит приехать.

– Так это, а что, собственно, случилось? – растерянно спросил я, но связь уже оборвалась, вопрос повисел немного и растворился в пространстве.

Глава двадцать шестая

Вернувшись на малую родину, первым делом я попытался осмыслить то, что произошло со мной за последнее время. Правда, без какого-либо результата. Как бы я не старался, ни на одной более или менее разумной версии, объясняющей произошедшее так и не остановился. Одно не вызвало сомнений – кто-то и уже далеко не первый год руководит, управляет мною, заставляет поступать так как он считает нужным. И я почти не сомневался в том, что к этому, не спрашивая как, но причастен Спасовский монастырь, во главе с его настоятелем...

Нет, но разве могло быть иначе! То, через что меня провели в монастыре, уверен, было чем-то сродни посвящению. А если так, то событие подобного масштаба ну никак не могло произойти без участия всех живущих в святой обители и лично отца настоятеля. Убежден, именно отец Александр и был тем, кто заманил меня в потайные помещения. В зал, в котором собирались последователи некоего тайного... нет, не так! Конечно же, все кого я видел в подземелье – монахи того самого монастыря! Факт! Похоже на то, что именно они, все они – последователи какого-то ордена. Древнего сохранившегося до наших дней тайного общества. Их исчезновения в часовне тоже как-то с этим связаны. И еще одна занятная деталь, я почти убежден в том, что видел далеко не всех

монахов. Там, наверху, на поверхности. Правда! Как бы я ни старался, как ни напрягал память, она выдавала не более пяти-шести лиц. Одних и тех же лиц.

Тут же из небытия всплыло множество странностей, к примеру, трапезная. Уж очень просторная она, а сколько раз я заходил, заняты были лишь два-три столика. А еще вспомнились горы грязной посуды...

– Слишком высокие горы для нескольких человек! И не только это, вот даже в библиотеку наведывались только двое, нет трое. Словно чередовались. Кажется, даже книги они спрашивали одни и те же. Странно, как я раньше не замечал! – теория разрасталась подробностями просто на глазах. – Да и просто подумать, размеры помещений, уборка, содержание, не говоря уже о ремонте и строительстве, этот огромный объем работ, все это должны были делать монахи, их должно быть не десятки, а, как минимум, сотни. А что если монастырь это именно те тоннели? Тогда все что видно над землей своего рода маскировка.

Конечно, то был лишь полет фантазии, размышления, ничем не подтвержденные размышления...

Тогда я отмахнулся от глупых мыслей и попытался собрать воедино то, что хоть немного походило на факты. Выглядело все это (в моих глазах, конечно) примерно так – настоятель, отец Александр, лично, а может через кого-то из братьев, подбросил мне зашифрованное письмо. К примеру, это очень легко мог проверить брат Кирилл! Целью,

предположим, было заинтересовать меня. Далее, увидев, что остатки моей заинтересованности тают на глазах, а результат нет – он подбросил мне ключ. Попытался заставить меня самого все понять, все постичь, но снова промахнулся. Я упорно сопротивлялся. Он заставлял, я упирался. Теперь же остается только приплюсовать тот весьма сомнительный факт, что в довершение всего он пробрался в мой сон, с целью заставить меня расшифровать-таки это злосчастное послание. Имеем диагноз, мой диагноз...

Да. Нет. Отвлекаюсь...

В общем, когда я расшифровал письмо, именно так, я должен был сам его расшифровать, пусть с подсказками, пусть с тыканьем меня носом в ответ, но сам, меня провели через какой-то обряд. Осталось только сказать, что в результате проведения этого самого обряда я стал тем, кем стал, только сам не понимаю кем именно. Превосходно! Что еще добавить...

Студент:

А ты уверен, что тебе не приснилось? Я учусь на историческом, но не о чем подобном не слыхивал. Даже в глубинах прошлого. Что говорить о нашей прагматичной современности!

Пелея:

Точно не скажу, но, кажется, я что-то подобное читала, по-моему, именно так выглядело посвящение в Тамплиеры!

Точно читала, в романе каком-то. Словом, ты рыцарь! Все, ищи белого коня и срочно приезжай. Я буду ждать тебя!

Студент:

Ага, в высокой белой башне с платочком и вся в слезах. Хорошо хоть я не рыцарь, очень надо по стенам лазить!

Пелея:

Фи!

ВиТек:

Причем тут рыцари, Тамплиеры, каким боком? Пелея, ты завязывай женские романы читать, на классиков переключайся. И вообще, если хочешь рыцаря заполучить, то воспитай его сама. Так сказать, из того что под рукой. Это будет правильно, а то привыкли на все готовенькое!

Пелея:

Мизогины вы, все до единого, вот вы кто! Даже помечтать девушке не дадут. Все! Пойду спать! Одна, без рыцаря! Цем-цем!

Алекс12:

Народ, я так понимаю, нас послали. А кто-нибудь понял куда именно?

ВиТек:

Завтра у нее спросишь. Хотя, если не сможешь уснуть не разобравшись, могу порекомендовать спросить у Яндекса. Он много чего знает!

Далекий горизонт, ровную линию которого прерывали

многочисленные высотки, начинал краснеть. Где-то там вдалеке занималось зарево утренней зари. Пламя, бушующее в недрах солнца, выплескивалось на восходящие потоки воздуха и окрашивало восток в багровые тона. Вот уже несколько самых ярких и самых смелых лучиков пробилась сквозь завесу редкой облачности и пытались загасить яркую утреннюю звезду. Ее белый с примесью синевы свет тускнел, еще несколько секунд ей суждено было оставаться ярчайшим объектом утреннего неба, но скоро и она потерялась на фоне кроваво-красного небосвода.

Легкий утренний ветерок усиливался. Он покачивал тонкие веточки тополька, который каким-то чудом пророс на крыше девятиэтажки. Тонкие корни молодого деревца вцепились в небольшую грудку земли, нанесенной ветрами, просочились в трещину бетонированного перекрытия...

Я стоял на плоской крыше многоэтажки, опираясь о невысокое металлическое ограждение. Стоял и смотрел в том направлении, где совсем недавно, да буквально мгновение тому назад блистала Венера. Вот ее блеск померк, после и вообще погас, а с ним погас и мой интерес к таинству восхода солнца. Мой взгляд опустился вниз.

Странно, столь ранний час, лишь около пяти утра, а у входа в подъезд весьма многолюдно. Вон две бабульки уже заняли свои места на лавочке у входных дверей и, как казалось сверху, увлеченно делились свежими новостями. Удивительно, какие могут быть новости в такую рань? Откуда?

В направлении открытых дверей неуверенной походкой брел мужчина. Сверху он казался матросом, который в шторм пытается пройти по палубе, а она так и норовит уйти из-под его ног. Бабушки притихли, ожидая пока тот зайдет в подъезд, проводили взглядами, синхронно покачали головами, еще минуту глядели вслед «матросу», а после вернулись к оживленной беседе.

Похоже, самое подходящее время. Помню, читал где-то, или слышал – пик суицидов припадает именно на раннее утро...

Нет, я не из тех, кто в попытке изменить мир приходит к мысли о том, что тот будет без него лучше. И не из тех, кто пытается отомстить судьбе за неласковое к себе отношение, или не судьбе, или не отомстить... и еще, я не считаю, что умею летать. Да и просто, я не собираюсь сводить счеты с жизнью, мне нужно проверить одну гипотезу, все не выходит из головы слова об «избранном», ведь если это правда, то я... так похоже на попытку оправдаться. Да, еще и очень похоже!

Надо решаться. Перебрался через невысокую ограду, поднял левую ногу, она зависла над пропастью. Я физически ощутил пустоту, бездну, которая разверзлась просто у меня под ногами. Инстинктивно ухватился за решетку, пальцы намертво сжали холодную сталь, глаза непроизвольно закрылись, сердце бешено забилося.

Глупая была идея! Вернусь лучше я домой пока не поздно...

Послышался металлический скрежет. Легкий толчок. Я с трудом заставил приподняться отяжелевшие веки. Дальше все словно в замедленной съемке. Вот секция ограждения выгибается. С левой стороны тонкая железная пластинка, которой совсем недавно укрепили ограждение, отходит от угольника. Вот уже на сантиметр, на два...

Все еще сжимая пальцами холодную сталь переплетенных прутьев, которые призваны были убереечь людей от падения, я полетел вниз. Кажется, за что-то зацепился, еще раз, снова. Сильно дернуло за руки. Железка осталась вверху, я же летел дальше. Еще несколько раз что-то сильно ударило меня по ногам, по спине, в конце концов, сильный толчок лишил сознания, вслед за ним исчезла и боль...

– Я, я все видела! Он упал, прямо с крыши упал, просто чудо, что живым остался. Скорее всего, оперся об ограждение, вон на седьмом этаже с балкона ее куски свисают. Ага! Вот я и говорю, не выдержала решетка, и давно говорила – ремонтировать надо, а они все языками да языками. Ничего путного сделать не могут, вот помниться раньше... Да, нет же, нет! Так все и происходило. Как иначе? Да ему еще повезло, что веревки для белья на каждом балконе висят, вот и падал, от балкона до балкона...

Глава двадцать седьмая

Медленно взмахивая огромными крыльями, стервятник пролетел мимо меня. Тот самый, старый знакомый! Узнаю его повадки. Вон как морду отворачивает, еще и демонстративно так! Или нет, не морду, как интересно эта часть тела у птиц называется? Может просто голова? Не совсем одно и то же, но ничего, сойдет! Голову значит, отворачивает, мол, знать тебя не знаю, и не заслуживаешь ты моего внимания! Дожил, какая-то птица, падалью питающаяся, и та меня игнорирует! Ну и ладно, переживу.

Я тоже отвернулся, пусть знает, что и он меня не интересуется!

Как-то я сразу растерялся, нет, не в птице дело, а в ощущениях. Что-то было не так, изменилось что-то, более того, изменилось настолько кардинально, что сразу и не разобрать! Большое что-то, а то и вовсе глобальное! Понять бы только что...

Ну, конечно же, освещение, как я сразу не догадался! Темнеть начало.

Знакомая местность, даже в сумерках легко сориентироваться – памятное место. Тот же пейзаж, да и лица те же. Все по-прежнему. Оба воителя все так же спокойно стоят перед своими армадами. Как и раньше опираются на воткнутые в землю мечи, буравят друг друга глазами. Не иначе как ждут

чего-то. Интересно чего?! Воевать надо, а они выжидают, глазки друг другу строят. Непонятно, а оттого скучно. Динамики не хватает. Движения. Статичная картинка. Что может быть интересного в наблюдении за неподвижными фигурами? Совсем как шахматы смотреть по телевизору. Нет, не хочу. Не хочу и не буду. Менять буду. Все и сразу...

Я вспомнил о монастыре, призрачной серой громаде, все еще виднеющейся на заднем плане у линии горизонта. А почему бы и нет?! Слетаю я туда! Отдохну, развеюсь.

Позади меня растворился в сумерках густой лес. Подмигнул он быстро так, еле заметно, будто за доли секунды несколько раз менял зелень летней листвы на огненные краски осени. Будто двигался я не столько сквозь пространство, сколько сквозь время. Но так было мгновение. Скрылись деревья, некоторое время еще виднелся арьергард одной из армий, несколько вооруженных копьями воинов. Кажется, они все еще смотрели мне вслед, точно смотрели, внимательно так, не мигая, но я не стал тратить на них время. И так столько уже за ними следил! Махнул лишь рукой в сторону, где стояли друг напротив друга оба великана, мол, они главные, пусть они и разбираются. Сам же спустился ниже.

Очень скоро просто передо мной материализовались из сумрака огражденные высоченной стеной строения монастыря. Изначальная призрачная их полупрозрачность быстро обрела форму. Здания стали зданиями. Стены стенами. Проявился весь архитектурный ансамбль. Отчетливо, во

всей своей красе. Довершая его великолепие, выросла высокая колокольня, увенчанная огромным куполом с крестом. Чуть ниже нее, не иначе как на полированной бронзе колокола отразился лучик. Словно искра, он несколько мгновений тлел среди унылой серости камня и вдруг ярко вспыхнул. В долю мгновения разгорелся и молнией влетел мне в глаза.

То, что виделось искоркой, обернулось яркой кварцевой лампой, направленной прямо мне в глаза. Даже не одной, множеством ламп, освещающих хирургический стол. Лучик потемнел, померк, из стерильного света выплыл силуэт – женское лицо. Призрачная женщина посмотрела на меня и что-то произнесла. Добродушно улыбнулась. Задорно подмигнула. Боль на мгновение отступила но только для того чтобы вернуться с новой силой, вспыхнуть в сознании куда более яркой вспышкой. Погасли в ее свете стерильные лампы, растаял стол, тонкие приятные черты женского лица потеряли четкость, а мгновением позже и вовсе исчезли.

Несколько секунд я пытался уговорить непослушную руку протянуться навстречу тающей улыбке, но так и не понял, удалось мне это или нет. Последний огонек сознания вспыхнул, померк и погас...

Молоденькая медсестра, быстро переступая обутыми в мягкие тапочки ножками, вела меня по лабиринту больничных коридоров. Я молчал, лишь рассеянно поглядывал по сторонам. Она же говорила, тихим шепотом, частым, как и

ее шаги. Говорила, ни на мгновение не умолкая, перечисляла всевозможные «нельзя», «запрещено» и «не положено». Инструктировала:

– Вообще-то больничные правила запрещают. Только родственникам позволительно проведывать, но я все понимаю, вы ведь издалека приехали. Не иначе как всю ночь в поезде тряслись. Понимаю, понимаю. Конечно же, я вас пропущу. Как иначе, ведь он действительно хотел вас видеть. Очень хотел! Надеюсь, это отразится на выздоровлении, благоприятно отобразится. Но только смотрите мне! Не подведите. Он всего два дня как вышел из комы, он очень слаб. Делайте что хотите, но он не должен волноваться. Прежде чем что-то сказать, не забудьте подумать хорошенько! Никаких цветов, продуктов. На цветы или там фрукты может быть аллергия, – она внезапно остановилась и испытующе посмотрела на меня. – Надеюсь, вы не додумались принести чего-то горячительного? Не делайте удивленные глаза, все вы понимаете! Никаких этих ваших «дружеских» штучек! Алкоголь для него все равно, что яд. Нет? Хорошо, поверю. Да, и еще одно, постарайтесь недолго. Если кто-нибудь из врачей увидит, мне не поздоровится...

Она густо покраснела, виновато улыбнулась и толкнула дверь палаты.

– Я здесь подожду, – она погрозила пальчиком и добавила. – Недолго!

Я заглянул в приоткрытую дверь. Нерешительно пересту-

пил через порог. Огляделся, в просторной палате был только один пациент. Он полусидел на больничной койке, глядя на белую стену перед собой. Скрип открывшихся дверей, как и мои шаги, никак не отобразились на его поведении, похоже, все, что происходило вне его сознания, нисколько его не беспокоило. Я подошел ближе и остановился в шаге от кровати. Никакой реакции. Сквозь меня, расплывчатые, как и раньше, смотрели глаза столь пустые и лишённые всякого выражения, что становилось по-настоящему страшно.

Пока я решал, как начать разговор, его зрачки медленно сфокусировались на моем лице (неужели не происки воображения?), на мгновение мне даже показалось, что удастся увидеть больше, пусть не черты, пусть лишь глаза, пусть одно лишь их выражение, тень осмысленности среди общей нечеткости. Нет, показалось, как и то, что его губы расплылись в грустной улыбке. Показалось...

Он попытался подняться, но сил не хватило, потому ограничился лишь тем, что качнул головой и прошептал:

– Привет дружище!

– Привет, ты как?

Вопрос, конечно, риторический. Люди, у которых все хорошо в больнице не лежат. Не дожидаясь ответа, я продолжил:

– Что собственно произошло? Сестра сказала, что ты был в коме.

– Летать учился.

– И как?

– Больно. Зато несколько секунд я все-таки пролетел!

– Ты так говоришь, будто хочешь повторить попытку.

– Летать, нет. А вот... Что ты знаешь о клинической смерти? Можно как то самому вызвать подобное состояние? Препаратами...

Я удивленно посмотрел на него.

– Нет, не подумай, я не сумасшедший. Но тут такое дело...

– Свет в конце тоннеля?

– К черту свет, тоннель туда же. Знаешь, так бывает, ты спишь, тебе снится сон. Приятное яркое цветное сновидение, а вдруг просыпаешься. Помнишь свое видение до мельчайших подробностей, и так бесконечно жаль, что проснулся!

– Так что же тебе снилось?

– Не буду рассказывать это надолго, а говорить больно, – он оглянулся, посмотрел в сторону двери, убедился, что кроме нас двоих в палате никого нет, достал из-под подушки толстую тетрадь и передал мне. – Прочти, когда будет время. И очень прошу, сохрани!

– Где ты тетрадку раздобыл?

– Леночка принесла, сестричка, наверняка ты ее уже видел. Хорошая девушка, советую, присмотришься!

– А сам, почему не присмотришься?

– Прочтешь – узнаешь!

Ему тяжело было двигаться. На то, чтобы передать мне

тетрадь ушли все силы. Страшно представить, как он мог еще и писать!

Он откинулся на подушку. Я наклонился над ним, он медленно кивнул и прошептал:

– Леночка права. Мне надо отдыхать. Увидимся еще!

В дверь легонько постучали. Беззвучно, ступая на носочках, в палату вошла сестра, укоризненно покачала головой, пальчиком поманила к себе. Я покорился и вслед за ней вышел в коридор.

– Так все-таки, что с ним случилось? – вряд ли можно было не задать этот вопрос.

– То ли упал с высоты, то ли спрыгнул. Точно не знаю. Да и никто не знает, разве только он сам. К нам же доставили с внутренним кровоизлиянием и сотрясением мозга. Удивительно, но обошлось без переломов. Констатировали состояние клинической смерти, спасли. Затем кома. И вот...

– А как сейчас?

– Выздоровливает, во всяком случае, физически, но Николай Николаевича волнует душевное состояние. Оно и понятно, друг ваш все рассказывал о монастырях каких-то. Долго не хотел верить в то, что сейчас двадцать первый век. Потом замкнулся в себе, попросил тетрадь принести и ручку. Врач не запрещал, правда и не разрешал, но я все-таки решила, принесла. Ведь все и так понятно – человеку надо было выговориться, пусть лишь довериться бумаге!

– Но эта его болезнь, она может иметь серьезные послед-

ствия?

– Я всего лишь медсестра. И вопрос ваш не по адресу. Но даже и я понимаю – ничто не проходит бесследно...

Глава двадцать восьмая

Никогда не видел столько снега! Помнится, дедушка рассказывал, будто в часы его детства было нечто подобное. Помню, говорил, бывали такие зимы, что даже из дому не могли выйти! Метель наметала огромные сугробы, такие, что под ними целые дома скрывались. Говорил, утром собираясь идти в школу, подбегал к двери, дергал за ручку (хорошо хоть внутрь открывалась!), а снаружи сплошная стена снега. Понятное дело никто на учебу уже не шел, все дружно брались за лопаты и принимались сугробы разгрести. Собственно, не столько разгрести, сколько ходы в снегу прокапывать, траншеи рыть, да снежные баталии разыгрывать. После, когда вволю накопятся, в снежки наиграются, хватили саночки и давай с крыш съезжать. Взберешься, говорил, на верхушку сугроба, оттолкнешься от дымохода и вниз! Где на санках, а где и кубарем. Весело было! Даже жаль, что я этого не застал. Нагревается планета, все чаще на Новый год дожди и слякоть.

А тут такое! Широкое бескрайнее поле снега, ровное-ровное, гладкое-гладкое, только местами редко-редко над снежным покровом пробиваются верхушки самых высоких деревьев. Любопытно, вот если стать на эту белоснежную пустыню, я провалюсь? А если провалюсь, то смогу ли выбраться? А вдруг ничего не случится, вдруг я по ней скользить бу-

ду, не оставляя следов? Надо бы проверить да страшновато немного...

Я лежал на краешке одинокого белого облачка, которое медленно путешествовало по небу. Не понимаю, неужели для того чтобы облако плыло ему не нужен ветер? А может он был, но я его не чувствовал? Может, как это, скорость воздушного потока уравновешена скоростью движения облака? Не знаю, да и неважно это, ведь красота вокруг! Надо мною весело светило солнце, яркое, но не горячее летнее, а еле-еле теплое, зимнее. Украшало собою небосвод. Удивительный цвет неба, темный, густой, насыщенный, так смотрел бы и смотрел, но ведь внизу картина не хуже! Там белоснежная равнина, что нежила взор стерильной чистотой и захватывала дух просто-таки нереальной бесконечностью. Так сразу и не разберешь, где краше, где лучше.

Скорее всего, внизу. Я так думаю. Внизу красивей, а еще спокойнее, как минимум устойчивее. Ведь что ни говори, пусть летать это здорово, но место человека на земле. Не зря же ему крыльев не дано!

В общем, определился. Решил – склонюсь к тому, что лучше внизу. Ведь там и погода отличная. Пейзаж удивительный, морозный с солнцем. И мороз, наверняка, очень даже немаленький...

Одна досадная мелочь портила настроение – я не мог себя рассмотреть, как-то не получалось, не видел себя и все тут! А увидеть хотелось. Как я выгляжу? Что на мне, как смотрюсь

на фоне неба и облака? Нет, конечно, я одет, должен быть одет, наверняка во что-то теплое, ведь зима все-таки. Холодно должно быть, а мне нет. Вполне комфортно. Кроме всего прочего – кто я? Как, опять-таки выгляжу, что здесь делаю? И самое главное – невозможно лежать на облаке, потому как облако это всего лишь водяной пар! Каждый школьник об этом знает. Вот, что-то я таки понимаю или помню? Неважно, попробую еще...

Ага, кое-что вспомнилось: «Пульс! Адреналин! Разряд!». Это не из этой жизни, интересно откуда? Не знаю, но, кажется, что-то подобное действительно было: операционная, яркий свет, не знаю что за свет, может тот, что указывает путь, ведет в последнее путешествие? Может. Тогда, все свидетельствует в пользу того, что я все-таки умер, а это оказывается занимательно! И невразумительно. Непонятно. Вопросы. Масса вопросов. Вот, к примеру, что я здесь делаю, кажется, я об этом уже думал... хорошо, а где это «здесь»? Ведь если верить материалистическим теориям, то меня и вовсе быть не должно, нигде. А если христианско-религиозные, то почему лежу, чего жду, особого приглашения? Встать самое время, да на Страшный суд топать, или, если на западный манер, в Чистилище! Не помню, у них Чистилище, оно до суда, или уже после, так сказать, по приговору...

Не успел я и подумать о том, что богохульствую, как все изменилось. Разом. Во-первых, я замерз. Даже не замерз, а промерз весь насквозь, до костей и даже вглубь них. Кроме

того, замерз мгновенно. Будто в жидкий азот нырнул (сам раньше не пробовал, но должно быть похоже). Во-вторых, белоснежная пустыня, которая простилалась далеко внизу начала стремительно приближаться. «Или все с точностью до наоборот? Может, это я падаю? – поползли замерзшие мысли. – Скорее всего, так оно и есть. Точно, вот с восточной стороны в мою сторону быстро приближается каменное сооружение, почти полностью заваленное снегом. Лишь местами сквозь толщу белого покрывала проглядывают участки стены, а поверх снегового купола торчит огромный черный крест. Хоть бы в него не врезаться!».

Земной покров, что тешил взор и будоражил воображение, оказался мягким, но вместе с тем упругим. Я пролетел сквозь его толщу, утрамбовывая и замедляясь. Мгновение и падение остановилось, оно ознаменовалось противным скрипом спрессованного снега и произвольным вздохом облегчения. А что, в принципе жаловаться не на что. Лишь с небольшой натяжкой могу заявить – посадка выдалась мягкой (главное до креста не долетел!). Вот только одной ногой я таки здорово обо что-то ударился.

Полежав минуту в сотворенной в результате затяжного падения берлоге, я замерз еще сильнее и тут-таки пришел к вполне логичному выводу – надо что-то делать! Для начала расширил углубление в нижней части снежного тоннеля, чтобы можно было присесть. Заодно раскопал доску. Копнул глубже – разглядел очертания двери, а это уже кое-что! По-

пробовал разрыть снег еще хоть немного, но куда там! Именно в том направлении летел я, утрамбовалось все так...

Тут я снова задумался. Не иначе как мысли, охлаждаясь, становятся медлительными и вялыми. Все не мог вспомнить, если человек оказывается под толщей снега, рекомендуют закапываться или откапываться? Наверное, откапываться. Хотя зачем снег ворошить, если есть дверь! Двери они ведь для того и созданы, чтобы одни в них стучали, а иные им отворяли. Правильная мысль! Стучу. Хорошая дверь, не иначе как дубовая и очень уж толстая. Звуконепроницаемая. Что ей мой кулак, я и сам своего удара не слышу, не говоря уже о тех, кто с другой стороны. Меняю тактику – стучу ногами. Обеими и одновременно. Совсем другое дело! Пусть простят меня хозяева за такую наглость, но выбор у меня простой. Мне или наглеть, или замерзть.

Очень скоро за дверью, с той ее стороны, послышалась возня. Что-то противно хрустнуло, кажется, были голоса, я расслышал громкий окрик, изрядно приглушенный толстыми досками, думаю, это было: «Подожди!», ну, или что-то в этом роде. Жду. Какой-то грохот. Упало что-то, или кто-то? Вот любопытно, а когда я падал, ведь тоже шум должен был быть. Я же сквозь снег просто как метеорит сквозь атмосферу пронесся. Неужели меня не слышали!

С другой стороны двери затихли все звуки. Я уже задумался, а не постучать ли еще. Ведь откроют только стучащим...

Прерывая ленивые размышления, дверь со скрипом вва-

лилась внутрь. Спрессованный снег посунулся вслед за массивной створкой, а за снегом, вернее, сидя на большом коме снега, в помещение въехал я.

Не в силах ничего предпринять, чтобы уйти от столкновения, я сбил с ног седого бородача, который от неожиданности попытался подпрыгнуть, но сразу упал, ударившись головой о низкий потолок. Далее я тоже упал и уже вдвоем мы покатались по деревянному полу небольшой комнатки. В дальнем углу я въехал головой в деревянную кадку, перевернул ее (хорошо хоть пустой оказалась!) и, остановившись, затих в углу.

Надо же столько грохота и все это из-за одного меня!

Мужичок поднялся первым. Он пробормотал что-то себе под нос и потер ушибленную макушку. Секунду рассматривал бардак, так неожиданно посетивший его каморку, тяжело вздохнул и словно только теперь вспомнил о неожиданном визитере, повернулся в сторону лавки, кадки и меня. Внимательно осмотрел сбившего его с ног гостя, очень внимательно, буквально с головы до пят, затем обратно, мигнул глазами, раз, другой и выдал удивленным голосом:

– Вот это да! Ты откуда такой взялся? С неба упал, что ли?

Он еще раз окинул меня взглядом, потом посмотрел на потолок. Подошел к по-прежнему открытой двери, глянул на практически вертикальный шурф – результат моего полета сквозь толщу снега, покачал головой. Ловко поддел ком снега лопатой и препроводил его в потревоженную мною кадку.

Снова повернулся ко мне.

– Ничего не понимаю. Ты из какого монастыря будешь, божий человек?

– Монастыря?

Я опустил глаза и удивленно посмотрел на себя. Получилось! На мне была длинная черная ряса на вид просто новая, какая-то веревка заменяла пояс, а вот под рясой ничего не оказалось, ничего кроме того, чем наделила мать-природа (как-то я не подготовился к зимовке!). Да, еще одно, что-то твердое и угловатое терлось о кожу на груди.

Это что-то оказалось плотным свертком – бумагой вложенной в грубый конверт. Письмо, наверняка. Пока я собирался с мыслями, мужичок забрал мою бумагу и подошел к большой свечке, одиноко стоявшей на столе. Присел на табурет, многозначительно крякнул и принялся водить пальцем по невидимым для меня строкам.

– А! Ну тогда все понятно! Чего же ты молчишь? Ты ведь из Спасовки к нам. Вот как оно получается, а мы тебя уже дня три выглядываем! Настоятель давно предупредил, как только явишься, сразу вести тебя к нему. В любое время суток. Но сам понимаешь, сейчас исполнить его приказание не имею никакой возможности. Вон как замело! Нет, но ума не приложу, как ты вообще дошел? Непостижимо. Ползком, что ли, по снегу?! Но, ты это, не стесняйся, подсаживайся поближе к огню, я сейчас еще дровишек добавлю, – он забросил в печку полено и замер, глядя на меня. – Подожди,

это что же получается, ты из самой Спасовки так и шел, без валенок, без тулупа?

Я понял одно – человеку не хватает общения, потому он искренне обрадовался подвернувшемуся собеседнику. Вместе с тем в нем боролись две противоположности – недоверие к чужаку, в смысле, ко мне, и желание с кем-то поговорить, но опять-таки со мной. Что можно было ответить на его вполне логичное замечание, я не представлял. Не рассказывать же ему сказку о том, что, дескать, плыл я на облаке, поскользнулся и упал? Глупо. Надо было хоть письмо прочесть до того как отдавать его кому попало! Врать так с умом.

Из сложившейся ситуации виделся один выход, правильный и единственный – молчать. Что я и сделал. Неопределенно кивнул и протянул руки поближе к теплу. Будь что будет, а согреться не помешает.

– Подожди! – воскликнул мужичок. – Так ты шел Петровским трактом?

Молчу и киваю. Нет, не то чтобы я шел этим самым трактом, я, если совсем честно, даже и не подозревал о его существовании...

– Тогда все понятно. Вот ответ-ка мне добрый человек, какая пустая голова толкнула тебя на такой глупый, если не сказать больше, поступок? Кто же в наше время, будучи при памяти, путешествует Петровским трактом? Да еще и в одиночестве! Там, уже не скажу точно сколько, но лет пять как минимум, разбойники промышляют, да еще и какие! Вот

помню прошлым летом шел я к родственникам в Захаровку, неподалеку это, верст с десять будет. И вот нечистый попутал, решил срезать путь, просто на тракт вышел. Что сказать, не побили и на том спасибо! Зато обобрали до нитки, все до последней копейки забрали, еще и на рубаху позарились, хорошо старая была, дырка на дырке. Оставили. Да что тут говорить, ладно меня, но если тебя, слугу Господа нашего, не пожалели! Даже и не знаю. Кроме тулупа, что-то еще отобрали?

Истинная правда – молчание золото! Вот сижу себе, молчу, а добрый человек сам вопросы задает, да сам же на них и отвечает. Может он и на мои ответы найдет? Ну, ничего, помолчу пока, там видно будет. Киваю, так, для поддержания разговора.

– Да, прав ты, безусловно, прав. Какие пожитки у монаха. Раздели да харчи забрали, – он звонко хлопнул себя по лбу. – Харчи! Ты ведь голодный, а я тебя байками кормлю. Это мы сейчас исправим, ходи сюда!

Старик достал из-под лавки полотняную сумку, пододвинул ближе ко мне, согревающемуся, большой табурет, разложил на нем все ее содержимое. Кивнул, мол, чем богаты. Взглянув на аппетитный натюрморт, я сразу же вспомнил, что изрядно проголодался. Да и понятно, кто знает, сколько я там, на облаке прохлаждался! Я ведь и сам того не ведаю.

Пока я подкреплялся, дед, не умолкая, продолжал говорить.

– Что тут сказать, неудачно ты объявился. Вот все вот это, – он обвел комнатку рукой, имея в виду то, что творилось за ее стенами, – все, что там намело это всего за одну ночь. Вот еще вчерашним утром морозно было, но солнечно. А уже ближе к вечеру такое началось! Да что я тебе рассказываю, ты ведь сам все видел. Чудо просто, что в живых остался!

Он воровато огляделся, извлек из-под топчана небольшую плоскую бутылочку, быстро перекрестился и несколько раз глотнул. От выпитого лицо гостеприимного хозяина покраснело, в воздухе запахло смесью спирта с ароматами трав. Дед громко икнул и взял со стола луковицу.

– Ты только не подумай я ведь не того. Я хоть и служу при монастыре, но всего лишь обычный мирянин, мне можно, – он понизил голос до шепота и заговорщицким тоном добавил. – Настоятель, правда, не приветствует, но, надеюсь, ты меня не выдашь?

Прожевывая очередной кусок, я энергично замотал головой.

– Вот и хорошо. Ты пойми правильно, я ведь не часто выпиваю, только зимой. А в холода, можешь мне поверить, лучшего средства от любых болячек нет, чем глоток моей настойки, да лучок к нему. Но ты не стесняйся, жуй! Один Бог знает, сколько ты не ел, – гостеприимный хозяин снова взялся за бутылку и лукаво улыбнулся. – Я бы и тебе предложил, но знаю, нельзя. А потому и не обижайся!

Второй подход прибавил красноты лицу старика и значительно разнообразил букет ароматов в помещении.

– Может, вы братья и правильно делаете, что не пьете, но мне старому привратнику при монастыре, оно ведь и...

– При каком монастыре? – не смог дольше молчать я.

– О, да я вижу, ты не только тулупа лишился. И голове досталось, правда? Понимаю. Все понимаю. Слушай, можно сказать, что тебе повезло, ты попал именно туда, куда и направлялся. Это монастырь святого Василия. Сейчас ты как бы еще и не в монастыре, ты у меня в камерке. Привратник я. Ну и голова моя старая, я же не сказал, как зовут-то меня! Тотчас исправим – я дед Петро, а дед Петро, это я. Касаемо того, кто ты, я знаю, у тебя в грамоте написано. Спасибо настоятелю, читать немного умею! – его голос прозвучал с такой гордостью, которую и подделать невозможно. – Вот, правда, глаза уже не те, что были лет пятнадцать назад. Старость, но то, что написано крупными буквами, я прочесть могу. Что ж будем знакомы, гость наш долгожданный, Иван!

Дед выпил за знакомство, я же протянул руку к своему письму.

Настоятелю монастыря св. Василия.

Любезный мой друг, уважаемый брат в вере, дражайший мой Феофан. Памятуя наш разговор на священном синоде, исполняю данное мной обещание и направляю к тебе своего посланца.

Зовут его Иваном. Несмотря на юные лета, он как никто иной подходит для исполнения нашей миссии. Пусть он лишь послушник при монастыре, у него математический ум и он отменно владеет искусством тайнописи. Посему я просто уверен, его помощь будет безмерно полезна твоей, можно так сказать, молодой, обители.

Я надеюсь, его знания будут полезны тебе, следовательно, и всему нашему делу. Верю, совсем немного времени минует, и я получу от тебя первую весточку. Далее же мы продолжим общение нашим тайным языком.

За сим прощаюсь и жду ответа.

20 дня месяца декабря года 1683 от Рождества Христова.

Пока я дважды перечитывал короткое послание, дед Петро расстелил тулуп на деревянном лежаке, сам присел возле печи, протянул обе руки к теплу.

– Ты ведь устал, поди, с дороги-то. Я там постелил, ложись, отдохни. Выспись, а утром, что-нибудь да придумаем.

– Но это ваша постель!

– Ничего, ты отсыпайся, а мне так оно по уставу не положено. Я ведь здесь для чего нужен? Правильно. Чтобы оберегать мирный сон обитателей монастыря. Да ложись, говорю тебе. Все равно раньше, чем завтра, да еще и ближе к обеду, нас не откопают! Так что спи!

Я не стал возражать. Зачем? К тому же, как оказалось, я еще и спать хотел. Не иначе как не один час на облаке плыл,

устал. Заплывы на облаках, они так утомляют! Потому и не удивительно, что стоило мне замотаться в теплую овчину, как я сразу же уснул. Крепко, но не без сновидений. Во сне я летал наперегонки со своим старым знакомым – большущим стервятником. Он постоянно выигрывал, а когда в очередной раз прилетал к финишу первым, оборачивался ко мне, громко каркал (просто большая злобная ворона!) и, точно как и ранее, демонстративно отворачивался от меня. Только уже не презрительно, победоносно...

Проснулся я, как казалось, ранним утром. Сквозь мутное стекло маленького окошка еле-еле пробивался свет, такой блеклый, неясный, почти неразличимый. В каморке кроме меня никого не было. Не было старого привратника, не было огромного тулупа, который ранее висел на гвоздике у дверей. Все это плюс отсутствие валенок доходчиво намекало на то, что дед куда-то вышел. Вот только куда можно выходить в такую рань, да еще и из здания целиком и полностью заваленного снегом? Непонятно.

Огонь в очаге давно погас, но в тесной комнатке было по-прежнему тепло, я бы даже сказал жарко. Вспомнилась виденная вчера картина – монастырь, полностью заваленный снегом. Чему тут удивляться! В этой уютной каморке с ее толстыми стенами, да под многометровым слоем снега еще долго не похолодает...

Дверь, в которую я ввалился, была закрытой, более того, ее надежно удерживал огромный деревянный засов.

«Есть вторая дверь, – принялся размышлять я, – та, что в противоположной стене. Она должна быть незапертой, ведь дед куда-то же вышел! Думаю, она ведет во двор». Чтобы проверить свою догадку, я взялся за ручку, потянул на себя массивную створку. Дверь легко распахнулась, пропуская меня наружу, а морозный воздух внутрь. Я ступил на порог, замер, растерялся, удивился, застыл, залюбовался. Еще бы, ведь снаружи прозаичной до серости коморки творилась сказка. Самая настоящая, холодная, снежная, зимняя, но невероятно красивая сказка...

Она начиналась у самой двери. По обе стороны ровненько, словно так было кем-то спланировано, возвышались сугробы. Одинаковые, с гладкими стенами, они сопровождали дорожку, в дальнем конце которой трудился дед. Его широкая деревянная лопата вгрызалась в толщу снега, ритмично вздымалась ввысь, замирала на мгновение, комья снега слетали с нее, также на мгновение замирали в воздухе и падали. Падали на белоснежные горы увеличивая их и без того внушительную высоту. Легкий ветерок не решался мешать энергичному привратнику, он лишь слегка поигрывал редкими снежинками, сдувал их с насиженных мест, заставлял кружиться вокруг старика и оседать на очищенную дорожку, легким невесомым ковром.

Прекрасная картина, волшебная картина. И над всем этим снежным великолепием, над сотворенными дедом сугробами и над уложенным природой девственным снегом, весело

светило солнце. Яркое, холодное, но такое прекрасное!

Дед Петро работал добросовестно. К тому времени, когда я вышел полюбоваться пейзажем, траншея, над которой он трудился, уже достигла отметки в четыре сажени. Вот как я сказал! Будто я знаю, что такое сажень, и как он, хоть примерно, выглядит! Честно признаюсь, не знаю, но мне так дед сказал, а ему, я думаю, верить можно он ведь местный...

Высоко вздымалась лопата. Дед наклонялся и разгибался, снег слетал, ветерок играл снежинками, сугробы становились выше и выше. Мне же оставалось лишь стоять, смотреть и поражаться. Нет, серьезно, представить только, как он в его-то возрасте, да еще и после вчерашнего причастия (уверен, в бутылке ничего не осталось!) и так энергично машет лопатой! Поразительно, вот это здоровье!

В тот момент, когда я начал непроизвольно качать головой, представляя себя на его месте (с больной головой, огненным перегаром и тяжелой лопатой), дед остановился, стер со лба пот, обернулся, увидел меня, крикнул:

– Ну и куда это ты голышом выскочил, а ну бегом в камеру!

Минутой позже он вошел вслед за мной, сбросил тулуп и тяжело опустился на лавку.

– Вижу, ты проснулся, дай, думаю, зайду, передохну минутку. Как спалось?

– Никогда еще так хорошо не спал, – сказал почти правду я. – А вы с раннего утра и за работу?

– Что там с утра, я еще затемно начал. Правда, годы уже не те, раньше, бывало, как возьмусь за лопату! Эх, сколько снега было мной перекидано, страшно представить! Это же если на сани сложить, да одни за другими привязать, это ж аж до самой столицы, обоз растянется! Может и того дальше. А теперь, да ты сам все видел! Подниму лопату, и сразу в пот бросает. Отдохну чуток, еще лопату. Такие вот дела. Но ничего, скоро братья с той стороны подчистят. Еще немного и сможешь к настоятелю пройти, – он ненатурально вздохнул и лукаво улыбнулся. – Вообще-то это моя обязанность, я должен снег убирать. Но тут такое дело, вон столько насыпало! Не грех мне и подсобить. Далеко не каждый год вот так двор прямо со стенами сравнивает. Лет двадцать, ничуть не меньше, подобного снегопада не видывали...

– Давайте и я вам помогу. Там ведь столько снега, уверен, всем хватит!

– Так-то оно так, снега хватит, – дед с сомнением посмотрел на меня. – Но вопрос не в снеге и не в его количестве, а в том, что отец Феофан скажут? Ты ведь, получается, почетный гость, а что это за почет такой, лопатой махать! Меня настоятель еще неделю тому назад наставлял: принять, говорил, как положено, не обижать, не ругаться, а вообще, первым же делом, к нему доставить. Я так и старался! Вот только доставить, сразу не получилось... кроме того, лопата у меня одна...

– Вот и давайте ее мне. Вы же пока отдохнете. А насчет

почетного гостя, так вы сами читали, никакой я не почетный, я ведь даже и не монах, всего лишь послушник...

В глазах деда Петра отчетливо читалось сомнение. Ему, конечно же, очень хотелось побездельничать, но меньше всего хотелось прогневить настоятеля. Он минуту молчал, только головой качал, взвешивая все за и против, в конце концов, решился, повернулся ко мне и сказал:

– Давай сделаем так – сейчас ты поработаешь, недолго, но если вдруг услышишь что с той стороны брата уже близко, бегом ко мне, – он заговорщицки подмигнул и добавил шепотом: – Только настоятелю не рассказывай, не надо, договорились?

Снега и вправду намело немало. Запал, с которым я взялся за борьбу с сугробами, быстро улетучился. Лопата стала неподъемно тяжелой и очень уж неудобной. Вздымалась она все реже и реже, а скоро и вовсе остановилась. Уткнулась она в сугроб, я оперся о черенок, закрыл глаза и принялся часто дышать. Дед Петро, который все это время через окошко наблюдал за моей работой, тут же вышел, подошел, похлопал меня по плечу и изрек:

– Эх, молодежь, молодежь, а ну давай-ка сюда инструмент, покажу, как работать надо!

Еще трижды мы менялись, то я работал, то дед и вот слышались звонкие голоса с другой стороны снежной баррикады. Как и следовало того ожидать, согласно всем законам подлости, я только успел взяться за лопату, только набрал

снега. Дед Петро быстро сориентировался, выхватил инструмент из моих рук и приложил палец к губам. Сопровождаемая победоносным кличем, сплошная стена снега впереди рассыпалась. Несколькими минутами позже обе дорожки окончательно слились в одну. Снежный завал был расчищен. Дорога свободна.

Привратник на глаз оценил длину каждого участка, покачал головой и с гордостью сказал:

– Вот скажите мне на милость, что бы вы без деда делали? А? Посмотрите, сколько я расчистил, – он поднял указательный палец вверх и, четко выговаривая каждую букву, продекламировал, – с-а-м! А вы сколько, вчетвером!

Монахи ответили что-то в тон деду, все вместе посмеялись и они направились обратно. Дед Петро крикнул вслед: – Ну и куда это вы собрались? Гостя заберите!

Спустя всего несколько минут я стоял перед настоятелем. Стоял, вертел головой и удивлялся. Прежде всего, ему самому. Ему и его возрасту. Странно, но он выглядел всего-то лет на пять старше меня, пожалуй, слишком молод для столь ответственной должности. Но это было далеко не единственное «слишком». Чуть выше меня ростом, при этом он был невероятно худым, этого не могли скрыть даже весьма просторные одежды монаха. Его худобу венчала большая голова. Опять-таки слишком большая. Она казалась особенно большой из-за просто-таки творческого беспорядка на ней. Слишком длинные волосы выглядели растрепанными и жи-

вописно торчали в разные стороны. К тому же светлые они, отчего вся эта картинка сразу навеяла мысли об одуванчике, вызвала предательскую улыбку и тут же потребовала ее спрятать.

Так же как сам настоятель, удивляла и его келья, скорее, кабинет. Он мало напоминал лишнее изобилие пристанище монаха, скорее это была лаборатория ученого, причем ученого с невероятно широкой сферой интересов...

Помню, вошел в кабинет-келью-лабораторию. Вошел и сразу же остановился. Первое что бросилось в глаза – книги. Они были везде. На высоких до самого потолка стеллажах, поставленных вдоль боковых стен, на столе, на стульях, несколько даже на полу. Одна лежала просто у меня под ногами (собственно, поэтому я и замер, остановился, чтобы не наступить). Многие из тех книжек, что не стояли на полках, лежали открытыми в самых разных местах помещения, большинство с вложенными яркими закладками, не иначе как настоятель развлекается тем, что одновременно читает множество книг, перебегая от одной к другой. Вот бы как-то подсмотреть, наверняка это интересное зрелище!

У единственной стены свободной от книжных полок, той, в которой имелось узкое и высокое окошко, по обе стороны от окна расположились два закрытых мутными стеклами шкафа. Сквозь полупрозрачные двери можно было разглядеть множество пробирок, колб, банок бутылок, емкостей замысловатых форм, заполненных всевозможными ве-

ществами, всех мыслимых расцветок. Левее шкафов, в дальнем углу, стоял небольшой металлический столик. Я лишь успел заметить отблеск какой-то стеклянно-металлической конструкции на нем, как настоятель быстро набросил на него черную материю. Заметив, что я стал свидетелем его маневра, он улыбнулся, сначала виновато, слегка натянуто, затем чуточку шире, почти искренне, еще шире, еще искреннее. Когда же улыбка достигла пика яркости, он протянул руку и направился ко мне:

– Прошу прощения за беспорядок, я именно сегодня намерился навести порядок во всем этом хозяйстве. Погода, знаешь ли, не благоприятствует никаким более занятиям, – он обвел рукой книжные полки. – И все это... одну минутку!

Он убрал стопку книг со стула, не найдя куда ее определить, бросил на пол, протер сиденье рукавом.

– Вот, присаживайся!

Я подумал, что сидеть послушнику в присутствии настоятеля это не совсем правильно, субординация, какая ни есть должна быть, потому подождал, пока отец Феофан освободит еще один стульчик для себя, сядет и уже после присел сам.

– Вчера весь день такая метелица была, даже во двор не выходили, я почти собрался, а теперь... уже и сегодня... – извинительным тоном продолжил он. – Но ведь не это неважно, правда? Важно то, что ты, несмотря на столь неблагоприятную зиму, прибыл! Словом, рад приветствовать в на-

шей обители. Отец Орест, меня уже давно уведомил, правда, ожидали мы тебя еще три дня назад, но ничего не поделать, прихоти погоды. Он что-то наказывал передать?

Я отдал письмо, он быстро пробежал глазами текст и кивнул:

– Узнаю отца Ореста. Он всегда отличался лаконичностью и четкостью мысли. Всего несколько предложений, но все со смыслом. Ну что, ты пока располагайся, братья покажут твою келью, ты ведь к нам надолго, еще не раз увидимся. Словом, добро пожаловать!

– У меня тут приключение случилось неприятное, – сказал я и поведал подсказанную дедом Петром историю про разбойников.

Настоятель грустно покачал головой.

– Знаю, знаю, места у нас, прямо сказать, дикие. Мало кто из путешественников, кто странствовал нашими землями, может похвастаться тем, что избежал знакомства с разбойниками. Но, увы, тут мы бессильны. Окраина! Разный народ бежит в эти земли, с разными намерениями, от разной жизни. Правда, нас пока не трогают. Думаю, боятся гнева, не знаю только гнева божьего или гнева человеческого. А с твоей проблемой поможем. Тулуп тебе найдем, да и валенки подыщем, а коли еще чего пропало, так не взыщи, тут ничего поделать, придется просто смириться...

Так началось служение мое в монастыре святого Василия. Со снега, с приключения и, увы, со лжи. Пусть ложь и не

ради выгоды, а исключительно ради спасения, но ложь она была и остается ложью.

В первое время основным занятием как моим, так и моих собратьев была борьба с последствиями снегопада. Снега насыпало так много, что если бы не приближающееся Рождество, и мужики из соседних деревень не помогли, думаю, мы бы до Пасхи разгребались. Но вот свершилось. Просторный двор наконец-то лишился сугробов, высоту которых живописно подчеркивали многочисленные дорожки, освобождены из снежного плена деревья, вырваны из сплошной белизны монастырские постройки. Моему взору открылось истинное величие и, замешанная на мощи и аскетизме, красота дома божьего.

Сам монастырь удачно расположился на изгибе полноводной реки. Более того, она, словно природный ров укрепленный замок, окружала его территорию. Река выгибалась, образовывала практически идеальный круг, не доходила буквально с два десятка метров до своего же русла и, свершая крутой поворот, исчезала вдали. На ограниченной рекой площадке, по самому берегу, насколько можно было судить по льду, вдоль самой кромки воды, была выстроена высокая стена. Сопровождая быстрые воды, она доходила до разворота русла, отходила от него, завершая круг. В той части, где образовался перешеек между «материком» и округлым «полуостровом», стена постепенно становилась выше, переходя в две одинаковые симпатичные башенки. Они обрамля-

ли массивные деревянные ворота, обитые листами толстого железа. Правее них, скрытая среди каменной кладки, виднелась дверь в прекрасно знакомую мне каморку деда Петра, памятная дверь, та к которой я так удачно свалился.

В центре огромного круга образованного стеной возвышалось большое здание, в верхней части увенчанное блестящим куполом с солидных размеров крестом. С высоты, если взглянуть, к примеру с какого-нибудь облака, проплывающего в вышине, оно само выглядело большим равносторонним крестом. Два крыла здания, углом обращенные в сторону ворот являли собой церковь, в праздники открытую не только для обитателей монастыря, но и для простых прихожан. В двух других, спрятанных от любопытных глаз стеной и множеством деревьев, расположились кельи монахов, библиотека и множество других помещений, о назначении многих из которых я так и не узнал.

В глубине двора вдоль стены выстроился неровный ряд амбаров, сараев, конюшен, правда, я не помню, чтобы хоть раз слышал ржание лошадей. Все что требовалось для жизни монастыря, подвозили крестьяне на своих же конях.

Все это, всю картину целиком я увидел позже, гораздо позже, первое же впечатление – церковь. Именно с нее началось знакомство с «моим», Свято-Васильевским монастырем. Да, в церкви было на что посмотреть. И не только внутри, снаружи тоже. Она поразила меня сразу, еще в первый день, когда нам с братьями удалось расчистить проход,

да освободить от снега небольшую площадку перед входом, чтобы можно было открыть массивные двери.

Помню, я подошел к покрытым искусной резьбой дверям, обрамленным великолепной лепниной, запрокинул голову и посмотрел вверх. Оттуда, снизу здание казалось просто огромным. Большой крест, на котором играли отблески заходящего зимнего солнца, медленно плыл в синеве неба. Он касался белоснежного облака, казалось, вот-вот с небес сойдет ангел, и, направляясь по тонкому лучику солнца, спустится вниз...

Величие снаружи, а войдешь внутрь, так и вовсе дух захватывает! Прежде всего – свет. Поразительный, удивительный, нереальный! Тусклые лучи солнца пробивались сквозь огромные витражи и разноцветными зайчиками плясали по полу, по стенам. Все сразу становилось таким живым, таким величественным, пронизывало всего, вселяло благоговейный восторг с ним трепет. Чуть постоишь и накатывают волны суеверного страха перед той силой, что гораздо сильнее всего, что только может представить себе человек.

Не уступал великолепию и куполообразный потолок. Удивительной красоты роспись, непередаваемая полнота оттенков. Представь только: высоко на фигурном своде, словно живые, сонм святых, среди них в полный рост стоит Христос на белоснежном облаке, точь-в-точь как то, которое я видел снаружи. Стоит и смотрит вниз, на тебя. Даже не просто на тебя, он смотрит внутрь тебя, заглядывает в самые потаен-

ные уголки души, смотрит и спрашивает, а правильно ли ты живешь? С чистыми ли помыслами явился в дом Божий?

На стенах фрески не менее реалистичные, не менее красочные. Некоторые, непередаваемо прекрасны, иные, изображающие муки грешников, вызывают отвращение и суеверный ужас. В промежутках между фресками иконы, множество икон. Многие обрамлены ризами удивительно тонкой работы. Некоторые совсем простые и даже не помещены в рамы, но от того не менее яркие и не менее впечатляющие...

У противоположной от входа стены скрывая дверь, ведущую за алтарь, расположилось главное украшение церкви – триптих. Три картины, связанные как духовным наполнением, так и общим обрамлением. На его центральной, самой большой части, изображена Голгофа, на ее вершине крест с распятым Иисусом. На удивление реалистичное изображение. Вон как все мастерски нарисовано! И лицо и фигура, даже капельки крови и те, будто настоящие. Медленно еле заметно стекают они по сведенным судорогами рукам, вытекают из раны, из-под гвоздей, пробивших живую плоть. Кровавоточат ссадины на лице, текут алые ручейки из ран, нанесенных венком терновым. Заливает кровь глаза Иисуса, застилает полный страдания взор, устремленный в небо. Его губы шевелятся, будто произносят молитву, обращенную к отцу своему небесному...

Рядом с ним, но при этом как бы вдалеке, два креста поменьше, на них тела Дисмаса и Гестаса, разбойников, распя-

тых вместе с ним. Они не так четко прорисованы, благодаря чему взгляд постоянно возвращается к сыну божьему. Приковывают взор его мученья, проникают в сердце, в душу. Отзываются верой, откликаются благодарностью, ведь принял он муки за всех нас грешных...

Пространство под ним от горизонта и до основания креста, заполнено людьми и так мастерски изображенными, что просто диву даешься! Представь, прорисована каждая черточка лица, каждая, пусть самая мельчайшая деталь, понятна каждая эмоция! Вот группа людей, не иначе как последователи – смиренно молятся, держась поближе к спасителю. Там, одаль другая – радостно смеются, а один из них, толстяк с горящими злобой и ненавистью глазами, весело хохочет, тычет пальцем в сторону распятий, не иначе как упивается мучениями казненных!

Море людское, море эмоций. Сверху же иное море – небесный океан. Бурлит, кипит. Просто над головой у Иисуса расплзается черная туча – надвигается гроза...

По сторонам от большого холста два других, несколько меньших. Правый иллюстрирует скорбь матери распятого – Богородицу Марию. Она изображена в полный рост, стоит, повернувшись к сыну и в скорби низко наклонила голову. По бледной щеке медленно стекает, блестит, словно настоящая, слезинка.

Левая часть триптиха, на ней другая женщина – Мария Магдалина. Обе эти картины словно зеркальное отражение.

Эта женщина также стоит, повернувшись к Христу. Также склонила голову, только в отличие от Богородицы, одежды на ней не черные, а белые. В руках она сжимает белую розу и, сжимает так крепко, что с ладони проколотой шипами по стеблю медленно стекает ручеек алой крови...

– Нравится? – послышалось за спиной.

Мне действительно нравился триптих. Уже неделя прошла с того часу как я попал в монастырь и с тех пор я ежедневно задерживался у него. Стоял, не двигался, не в силах отвести взгляд.

От неожиданно громкого среди тишины церкви голоса я подскочил на месте и резко обернулся. Позади меня стоял отец Феофан со своим уже привычным слегка виноватым выражением лица. Он так же смотрел на картину.

– Очень нравится. Сколько смотрю, столько и удивляюсь, как человек смог так естественно изобразить, это какой же талант должен быть, какая вера!

– Действительно красиво. Этот триптих – наше маленькое чудо. А создал его не мастер живописи, а простой шорник из соседнего села. Единожды ему было видение матери Божьей. И вот он, никогда ранее не бравший в руки кисть, изобразил, – настоятель медленно кивнул и почему-то густо покраснел. – Теперь же мы смотрим на результат.

– А можно будет как-нибудь увидеть этого святого человека?

Отец Феофан только развел руками.

– Да где там! Умер, давно умер. Можешь расспросить деда Петра, он его должен помнить, они родом из одного села.

– Жаль. Наверное, истинный христианин был покойный!

– Вовсе нет! Только за год до смерти смиренным стал, после видения, а раньше из корчмы не выгонишь. Пил беспробудно. Напьется – буянит! Еще и здоровый был. Четверо с ним не могли совладать! Единственно, что могло его остановить во хмелю, так это огреть оглоблей из-за угла по спине, да что есть силы. Пока не проспится спокойствие... – отец-настоятель замолчал на минуту и виноватым тоном добавил: – Это мне дед рассказывал!

– Удивительно, а я думал...

– Нет, все логично, чему тут удивляться? Так всегда и бывает. Ведь если человек достойный, верующий, ему и так дорога в рай. Ему для веры чуда не надобно. А вот ежели наоборот, так тут только через видения путь во... смирение...

Мой взгляд снова вернулся к триптиху. Настоятель, тем временем, обращаясь уже не ко мне, а к самому себе, продолжал:

– Действительно, красиво. Даже и не знаю, снимать или нет...

– Кого снимать, – пробрался в его размышления я.

– Так вот его. Прошлой осенью епископ приезжал, три дня у нас гостил, все хвалил, все его радовало. Вот только триптих наш его обеспокоил. Говорит, образ сомнительный. Видишь слева Мария Магдалина. Именно эта часть ему не по-

правилась. Говорил, заменить надо. Чтобы смятение не сеять...

– А почему он сомнительный? Мария Магдалина, она же святая, равноапостольная!

– У нас, православных, да, а вот у католиков, ее образ трактуется не столь однозначно.

– Странное дело! Неужто нам на них ровняться? Наша вера единственно правильная!

– Так-то оно так. Но епископ наш человек мудрый и дальновидный, уверен, у него есть причины для подобного рода высказываний. Говорил, все беды от женщин... Пожалуй, достаточно отвлеченных разговоров. Это не та тема, на которую нам с тобой рассуждать. На то есть умы, лучше наших. Я ведь тебя по делу разыскивал. Идем, надо письмо составить архимандриту Оресту. Заодно и мне покажешь, что за премудрость такая вся эта тайнопись!

Монотонная и плавная монастырская жизнь. Вся суета, вся спешка осталась там, за высокой стеной. Именно за стеной. Я уже начал забывать, что между мной и моей привычной жизнью не только высокий забор, а еще и пропасть времени. Да и какая разница, что тогда, что сейчас? В чем отличие? Разве только мобильного телефона нет, а еще пульта в комплекте с телевизором. На мой взгляд, плюсов в этом гораздо больше чем минусов.

Весь почет, который прочил мне дед Петро в день прибытия, свелся к ежедневной аудиенции в кабинете отца-на-

стоятеля, ведению документации монастыря, и (мое любимое занятие, вот почему я не разведчик!) составлению зашифрованных посланий. Помимо этого я исполнял и множество других возложенных на меня послушаний. Простых и понятных. Занимался уборкой, помогал на кухне, а с приходом тепла работал на полях. Тем временем игумен Феофан выхлопотал для меня разрешение остаться в Свято-Васильевском монастыре. Сам я не возражал, хотя будучи послушником, вполне мог иметь свое мнение. Не представляю, как к этому отнесся отец Орест, ведь я даже не знаю кто это. Нет-нет, да и проскакивали странные мысли: «Вот любопытно, если бы он к нам приехал, что бы он сказал, увидев меня? Любопытно, я похож на того послушника Ивана, которого он отправил в долгий зимний поход? А может, не просто похож, может он это и вправду я?».

Подходила середина осени. Да, без малого год прошел с той поры, как я, в самом буквальном смысле, свалился в Свято-Васильевский монастырь. Как-то само собой возникло желание, созрело решение, я понял, что готов и начал готовиться к постригу. В день, который настоятель назвал самым главным в моей жизни, а я искренне с ним согласился, собрались все братья. В связи с таким торжественным событием игумен надел свою праздничную черную мантию со скрижалями. Братья тоже, хотя их повседневная одежда мало чем отличалась от праздничной, выглядели нарядно-торжественными.

Почему-то я разволновался. Наверняка так оно и должно было быть. Что ни говори, не каждый день тебя постригают в монахи! Я же так разнервничался, что напрочь забыл весь ритуал. Кажется, все предельно просто: трижды игумен приказывает подать ножницы и трижды их отвергает, проверяет насколько сильно мое стремление. Как сейчас вижу, вот первый раз подаю ему их, он отводит мою руку, тут я и растерялся, смотрю на него, расстроено, если не обижено. Только взгляд перевожу с ножниц на настоятеля, затем обратно. Хорошо хоть брат Михаил, старейший в монастыре приблизился и прошептал:

– Подавай еще раз, все так и должно быть!

Только за третьим разом, как и полагалось по традиции, скорее согласно ритуалу, убедившись в непоколебимости моего решения, игумен принял ножницы, поднял их над головой, будто показывая окружающим, накрест выстриг мне волосы, приговаривая:

– Во имя отца и сына, и Святого духа. Нарекаю тебя братом Иоанном, на знак полнейшего отречения от жизни мирской для служения Господу нашему...

Он еще долго что-то вдохновенно говорил, но, сознаюсь, я его уже не слушал. Я внимательно следил за братом Михаилом, который извлекал из сундука хитон, мантию, рясу да пояс. Казалось такая нехитрая монашеская одежда, а какие хитроумные названия ей придумали! Не один день прошел, пока я запомнил, что да как называется. Но это было потом.

Тогда же меня одели, отец Феофан еще раз перекрестил, дал коснуться губами большого креста и с тем стал я самым настоящим монахом.

А время все продолжало свой стремительный полет. Приближалась памятная дата. Еще несколько недель и исполнится ровно год, первая годовщина моего пребывания в монастыре. Подходила к концу осень, с каждым днем погода становилась хуже. Чуть не каждый день сильные и по-настоящему холодные дожди вымывали и без того чистый монастырский двор. С каждым днем все сильнее хотелось, чтобы поскорей наступила зима...

Глава двадцать девятая

– Случилось, случилось! Да еще и такое случилось! – дед Петро махнул рукой и снова приложился к бутылке...

Да, каюсь, я не должен был так поступать. Не имел никакого права. Морального. Неправильно это, как минимум, нечестно. Но, увы, другого выхода не было. Я должен был узнать, что произошло, выяснить любыми доступными средствами! Потому, вместо того чтобы как обычно после вечерни идти в отведенную мне келью и ложиться спать, я пробрался в каморку привратника. Пробрался не просто так, а с одной единственной целью – разобраться во всем.

За то время, что я провел в монастыре (повторюсь, без малого год) я неплохо изучил характер деда Петра, а с ним и его привычки. В первое время лишь дотерпев до начала вечерней службы, он причащался у себя в каморке. Что поделать, любил дед это дело! Но как-то однажды ему не повезло, он попался на глаза настоятелю, будучи изрядно выпившим и с тех пор держался изо всех сил, не пил до того момента, пока не убедится, что настоятель отправился спать. Потихоньку это вошло в привычку, позже стало частичкой характера, а если с привычкой еще можно бороться, то против характера не попрешь...

На это я и рассчитывал. Дождался того момента, когда отец Феофан заглянет к привратнику. Пройдет темной алле-

ей в сторону ворот и вернется обратно. Выждал еще минутку, спрятавшись в темном углу, потом направился в каморку к деду Петру и, конечно же, застал его на горячем. Тот как раз извлекал бутылку из-под топчана.

– Нет! Не имею я права тебе рассказывать. И не только тебе, никому, пусть даже пытаться будут! – первым делом запротестовал дед.

– А пить в монастырских стенах право имеете? – стараясь говорить как можно более угрожающе, парировал я. – Что будет, когда настоятель узнает? Когда я ему все расскажу!

Сразу сознаюсь, выдавать старика я вовсе не собирался. Не в моих это правилах. Кроме того, я ведь у него частенько бывал, он не раз при мне выпивал, это своего рода тайна у нас такая общая. Так что нет, я бы точно не смог. Да и просто привратник, очень хороший человек, нельзя хороших людей обижать! Кроме всего прочего в свое оправдание хочу заметить – деду самому хотелось рассказать, еще как хотелось! Да он даже на месте не мог усидеть, так и подмывало поделиться страшной тайной...

– Хорошо, хорошо, только и ты будь человеком! Побожись, что настоятель не узнает, откуда слух пошел!

– Мое вам слово. Не узнает он ни об этом, ни о... – я указал рукой на початую бутылку, – вон том!

Дедушка потер руки, прокашлялся, он уже было открыл рот, чтобы начать рассказ, но вместо этого энергично замотал головой.

– Нет, не могу я так. Надо принять, чтобы в горле не першило.

Он приложился к бутылке...

– Слушай. Значит, было это позавчера вечером. Вот-вот вечерняя служба должна была закончиться. Я, как и всегда, был на страже. Охранял. Казалось, все как обычно, ничего примечательного. Все, как и в другие дни, только помнишь, гроза была. Страшно! Не удержался я, выпил немножко, ну чтобы гремело не так громко, как вдруг слышу, а гремит-то совсем рядом! Да какое там «рядом», просто здесь, под дверью, только с той ее стороны! Я дважды перекрестился – а оно все равно гремит. Напротив, стало даже чуточку громче. Начал «Отче наш» читать – стучит, не утихает! Я уже чуть было зарок не дал, – он кивнул на бутылку. – Пусть, думаю, только перестанет, забуду и не коснусь пакости этой. Вот как страшно было!

– Ну, это понятно, гроза, а дальше что?

– Точно подметил, гроза. Правильно! И было это как раз до обета моего, до зорока. Вовремя я остановился, понял – никакой это не гром! Это кто-то ногой в дверь колотит!

– Ну и кто же это был? – почти расстроился я.

– Не перебивай! А то забуду о чем разговор. Так вот, стучат, значит. Мне, сам понимаешь, в подобных случаях полагается вопросы задавать. Спрашивать, кто заявился, зачем, почему, цель визита. Разговор надо вести, потому я еще раз перекрестился, взял дубину, вон она под лавкой лежит. По-

верь мне старому, дубинка в наше время в разговоре очень даже полезная вещь! Значит мы вдвоем (в смысле, я и моя дубина) подошли к двери. Хоть я и вооружился, а все одно страшновато. Дверь открывать не стал, отворил только окошко слуховое, да. Открыл, а там темным-темно. Выдавил из себя: «Кого это...», в смысле, кто там, спрашиваю. Тут молния как блеснет, настоящая, яркая. В одно мгновение я успел разглядеть карету, всю в гербах, да еще и четверкой гнедых запряженную. Это вот как было, смотри сюда!

Дед взял дубинку, подошел к двери, опустил окошко и показал пальцем в темноту ночи.

– Ага, именно так все и произошло. Вон там она остановилась. Карета. А просто под моей дверью юноша стоял, худой, бледный. Тут еще ветер разгулялся, гудит, шумит, страсть! Паренек что-то кричит, а я ни слова не разберу. Тогда он махнул рукой в мою сторону и бросился к карете. В это самое время, сквозь просвет в облаках луна выглянула. Благодаря ней, я уже хоть что-то начал различать в кромешной мгле! Вижу, распахнул он, значит, дверку, запрыгнул внутрь. В повозку, значит. С минуту его не было, аж тут смотрю, выносит он из кареты женщину.

При этих словах дед Петро подскочил на месте, прошел несколько шагов по комнатке, остановился. Оглянулся на дверь, махнул рукой, сел, снова встал.

– Нет, не так все было. Не выносит. Куда ему! Правильнее будет сказать, вытягивает. Не мог он ее на руки поднять.

Тянет ко мне. Что мне оставалось делать? Открываю дверь, помогаю занести... ее. Положили вон туда на лавку. Смотрю, а парнишка так и бегаёт вокруг нее, так и бегаёт. Я же, – он снова приложился к бутылке, скривился, на миг даже показалось, что ещё немного и заплачет. – А я уже слишком старый, чтобы не понять – мертва она! Такие вот дела. Какие мои действия? Ясное дело, бегу к настоятелю и так, мол, и так, такое, говорю игумен, приключилось. Он за мной, точнее я за ним, не те у меня годы, чтобы столько бегать. Возвращаемся. Заходим в каморку – вижу, юноша на коленях стоит. Склонился он над телом, заплакал, надрывно так, голову наклонил, шляпа упала. Присмотрелся я, а он и не юноша вовсе!

– Это как? – удивленно выговорил я. Мне на мгновение показалось, что дед сегодня перебрал. А может ещё тогда, позавчера...

– Он – девушка! – подняв вверх указательный палец, торжественным голосом продекламировал дед. Замолчал на мгновение, посмотрел на меня и, будучи удовлетворенным моим растерянным видом, добавил. – Да, девушка, молоденькая. Вот!

– И...

– Не икай! Будешь меня перебивать, тогда всего не узнаешь. Так вот, что же дальше? Уже почти забыл. Ага. Узнав, что ее спутница мертва, девушка так и упала без чувств. Игумен мне – заведи мол, лошадей в конюшню и позови кого-ни-

будь из братьев только тех, что постарше, нельзя покойницу оставлять здесь, отнесете ее в дальнюю часовню. Я, было, бросился к двери, собираясь за братьями бежать, но он остановил. Подожди, говорит, я девушку уведу. Не годится ей тут оставаться, потому как не нужно, чтобы кто-либо о ней знал...

– Куда уведу? В смысле куда увел?

– А ты как думаешь? С той стороны голая степь, а с этой – монастырь. Соображаешь?

– Получается, она здесь? Женщина, в мужском монастыре?!

– Лично я думаю так. Она не женщина, она беглянка, как это, «ищущая убежища». Поскольку монастырь, это дом Господа нашего, нельзя отказывать просящему. И тут уже неважно, кто просит, от кого бежит, и просто беглец он или беглянка. Но это уже не мое дело. На то есть люди поумней нас с тобой. Потому мой тебе совет – не бери в голову. Так-то!

Вслед за этим «так-то», дед резко выдохнул и отправил содержимое бутылки в желудок. Сразу скривился, замотал головой и еще раз, но уже с удовольствием, выдохнул. Его губы расплылись в улыбке, правда, ненадолго, взгляд прикипел к пустой таре, в глубине глаз удовольствие медленно сдавало позиции, уступая место грусти, смешанной с искренним сожалением...

– Дедушка, а исключительно из любопытства – откуда вы

ее берете? – я показал на пустую бутылку, которую теперь уже и вовсе печальный дед поставил у ножки стола. – Нет, серьезно, до ближайшего села верст пять будет, ведь не каждый же день вы туда ходите?

Как сказал величайший из разведчиков – запоминается последняя фраза...

Привратник лукаво улыбнулся, подмигнул и сказал:

– Да есть у меня одно устройство. Работает на всем чем угодно, от пшеницы до картошки. Зима, сам понимаешь, холодная, ночи длинные вот и запасуюсь. Одно плохо – запасы истощаются, а холода еще и не начинались. Надо что-то думать!

Так я получил информацию, расплатившись за нее покоем...

Поверь мне, любопытство – далеко не всегда полезная вещь. Более того, в большинстве случаев, как раз наоборот! Именно от его коварных происков пострадало немало хороших людей. Понимаю я это, сейчас понимаю, да и тогда понимал. Гнать бы мне его подальше, а нет, не удавалось, не получалось, не мог я себя заставить расстаться с ним, и именно оно проклятущее мешало мне жить спокойно...

Но это было позже. Тогда же, выслушав почти добровольную исповедь деда Петра, я решил – наглеть, так уже по полной программе! Напросился к нему на ночлег. Это единственно правильное решение, ведь зная монастырские порядки, я не сомневался – обойдя территорию, настоятель за-

прет дверь, а спать под открытым небом не было ни малейшего желания, не сезон!

Конечно, дед не возражал. Он ведь ничего не терял, наоборот, обретал. Ему доставался слушатель, не очень внимательный, зато слушавший его до самого утра. Именно так, за всю ночь я не сомкнул век. Что тут поделывать, ну не мог уснуть, все не получалось. Ворочался, слушал деда, изредка поддакивал, рассеянно кивал головой.

Трудно сказать, что в большей степени мешало мне заснуть. Болтовня привратника? Очень даже вряд ли. От нее, как правило, клонило в сон. Скорее, виной тому монотонная монастырская жизнь, лишенная приключений, более того, малейшего намека на таковые. Надоедала она мне. В конце концов, без приключений скучно. И если они тебя не ищут, надо что-то делать, надо спешить им навстречу! Да? Нет? Не знаю. А может дело в том, что я все-таки еще не совсем забыл о той своей жизни, в которой было видение с каретой, четверкой лошадей и девушкой на козлах?

В чем бы ни была причина, провалявшись без сна до самого утра и дождавшись громогласного удара колокола, созывавшего обитателей монастыря на утреннюю службу, я принял решение. Решил, во что бы то ни стало разыскать незнакомку, поговорить с нею и разобраться, кто она, от кого скрывается и, главное, почему ее судьба так интересует меня!

Хорошая была идея, правильная. Но все оказалось совсем

не так просто, как могло показаться на первый взгляд. Умеют монастыри хранить свои тайны. Во все времена умели, тогда умели, да и сейчас...

В поисках и сомнениях прошла неделя, ничего не изменилось. В своем «расследовании» я не продвинулся ни на толику. Из разговоров с братьями, я понял одно – о таинственной гостье знают только трое: я, дед Петро и, конечно же, отец-настоятель. И только он один знает, где она прячется. Хотя нет, на толику я таки продвинулся. Но не более. Я узнал, что женщина, которая умерла чуть не на пороге нашей обители, была близким человеком и доверенным лицом одного довольно известного человека. Известного в наше, в то наше время. Именно благодаря его содействию, в частности материальному, наш монастырь был основан и во многом благодаря нему, процветал. Сам благодетель умер еще лет десять назад, его похоронили в монастыре, а на месте погребения соорудили небольшую часовенку. Она находилась в противоположной от ворот стороне двора. Вдалеке от входа, потому и именовалась «дальней».

Вот и все результаты. Маловато...

Но я и не думал сдаваться! Я верил, я старался. И результат не заставил себя ждать. Следующая неделя, очередные семь дней поисков и размышлений дали свои плоды. Да! Я узнал, где прячется незнакомка! Еще не узнал, почему, не узнал от кого, но уже точно знал где. Я точно...

Нет, надо быть последовательным.

Началось все с того, что я обратил внимание на очевидный факт, заметил наконец-то то, что не заметить было попросту невозможно – каждый вечер настоятель движется одним и тем же маршрутом! Ни шага в сторону. Выйдя из церкви (а выходил он всегда последним, что и не удивительно), он запирает дверь, останавливался на пороге, долго вертел головой, оглядывался, смотрел во все стороны. Далее, он сворачивал на широкую аллею, ведущую к воротам, следовательно, к каморке привратника. Первое время я не решался за ним проследить, и сразу по двум причинам. Первая – он легко мог меня заметить, слишком уж открытое место, там просто негде было спрятаться, а вторая, прямо противоречащая первой – он мог меня не заметить, вернуться и запереть дверь, оставив меня в одиночестве дожидаться утра на свежем воздухе. Слишком свежем. Я все не мог решить, какой вариант провала хуже. Но вот, как я уже говорил, на четырнадцатый день наблюдений я решился, рискнул и, крадучись, двинулся следом. Медленно шел, пригибался, как мог низко, старался слиться с не столь и высокими кустами, мысленно представлял себя тенью, мнил себя призраком.

Шел предельно осторожно, смотрел во все глаза, тем не менее, чуть не столкнулся с ним! Трудно разглядеть темное в темноте...

Оказалось, настоятель недалеко ушел, удалился лишь на десяток шагов от церкви, после остановился и стоял, спрятавшись за деревцем. Неимоверно худой, он полностью сли-

вался со стволом, вот только широкая ряса раскачалась, выдавая его присутствие. Хорошо хоть ветер, хорошо хоть луна пробивалась сквозь облака. Если бы не это...

Повезло! Я успел, я остановился, увидел его, затравленно огляделся и шустро метнулся в кусты сирени.

«Вот оно как получилось, а я-то думал, дед Петро впал в немилость, и настоятель каждый вечер его проверяет, – блеснула мысль, даря надежду, – а он просто прячется и выживает!».

Я ждал. Он, остановившись всего в нескольких метрах впереди, тоже ждал. Но вот тень настоятеля отделилась от дерева и, покачиваясь, двинулась в обратный путь, далее за угол церкви, туда, где, практически незаметная в темноте, находилась дверь на кухню. Тихо щелкнул замок, лязгнула, закрываясь, щеколда. Я обмер и было от чего! Из кухни он легко мог пройти в столовую, далее в холл, запереть входную дверь, вернуться к себе в келью и не блуждать бесцельно по двору! Что если он так и поступит?! Страшно представить, ведь все мои старания пропадут даром. Более того, ночевать придется не на своей пусть твердой, но теплой постели, а в холодном саду (не проситься же, опять к привратнику, он пустит, конечно, но неудобно, как-то...).

Стоя под окном, я дрожал от напряжения. Меня раздирали сомнения, терзали, разрывали в клочья, а я все не мог решить что делать, не знал, как поступить. В конце концов, созрело решение идти к входной двери, надо было хоть по-

пробовать вернуться в келью, а уж если не получится...

Ступил шаг, первый он самый трудный, отделился от стены, и тут же остановился. Из кухни донеслись первые звуки. Загремела посуда. Окно озарило неверное пламя свечи. Я снова застыл. Пришло понимание ситуации: «А ведь все просто! Отец настоятель боится быть застигнутым врасплох. Вон сколько времени простоял в темной кухне, лишь бы убедиться, что за ним никто не следит! Следовательно, он не рискнет пробираться через столовую, он вернется также, в обход, по двору. Только вернется куда?».

Звуки на кухне резко стихли. Вот интересно, а что он там делает?

Миновали несколько томительно-долгих минут устрашающей тишины, в моей голове зашевелилась противная мысль. Она нашептывала ехидным шепотом, заставляла поглядывать на свечу, которая горела ровным пламенем и практически не мерцала. Постоянное пламя означало отсутствие движения воздуха, а с ним и отсутствие движения вообще. Как тут не поддаться сомнениям, как дать отпор страхам! Что если он оставил свечу, а сам вышел? Что если он сейчас выйдет из темноты, наткнется на меня...

Не смог я, поддался сомненьям, подкрался ближе к окошку, схватился руками за подоконник и, насколько мог высоко подтянулся, пытаясь заглянуть сквозь грязное стекло. Удалось подняться, удалось упереться подбородком о холодный камень, удалось заглянуть внутрь...

Просто перед окном покачивался овал пламени, чуть-чуть, еле заметно, а в дальнем углу двигался темный силуэт. На удивление отчетливый силуэт. Настоятель это, он поворачивался!

Кажется, небо было ясным, почти ясным, луна еще не взошла, а от горизонта до горизонта ни облачка, но вдруг ночную мглу разорвала ослепительная вспышка. Молния. Я испуганно оттолкнулся, разжал пальцы и упал. Кажется, с той стороны окна долетел звук, приближались шаги. Кажется, они приближались. Громкие, звучные.

Я бросился за угол здания, туда, где должна быть дверь, туда, где должен быть спасительный вход. Я надеялся, очень надеялся, что он будет открыт. Дернул тяжелую створку, она легко скрипнула, впустила меня в темноту холла. Не чувствуя земного притяженья, я взлетел на второй этаж, остановился, вжавшись в стену.

Не знаю, сколько времени прошло, как долго я там простоял. Мне же казалось, вечность. Я задыхался, сердце бешено колотилось, пульс отдавался на висках, но вот удалось успокоиться. Суеверный страх, который несколько минут назад наполнял меня, отступил, забился в темные закутки сознания. Стало так легко и на удивление спокойно, что я даже начал подумывать, а не вернутся ли обратно, не проверить ли, чем там занят настоятель? Не успел. Ни пойти, ни решиться. Протяжно скрипнула входная дверь. Этажом ниже вспыхнуло пламя свечи, темным пятном в ярком свете по-

качнулась тень настоятеля. Почти сразу пламя погасло, тень растаяла, дверь шумно захлопнулась. Громкий звук, неожиданно громкий...

Не понимаю, откуда этот одуряющий, парализующий страх? Я ведь по сути своей человек двадцать первого века, чаще всего я это осознавал, а иногда как пронзит, то парализует, то совсем наоборот, прытью наполнит! Вот так и в тот раз, стоило увидеть силуэт настоятеля, стоило лишь услышать хлопок двери, как какая-то неведомая сила внесла меня в келью, захлопнула за мной дверь и швырнула брэнное мое тело на жесткую постель.

На удивление быстро я уснул. Спал крепко, но отголоски страха продолжали преследовать меня. Всю ночь в ярком цветном сне меня отчитывал настоятель. Заслужил я это тем, что пробравшись ночью на кухню, украл булку хлеба и пытался приманить с ее помощью друга-стервятника. Зловредная птица сидела на колокольне, наблюдала за мной, качала головой, при этом громко кричала. Я же раскрошил весь хлеб, толстым слоем крошек покрыл монастырский двор. Стервятник, в конце концов, улетел, а я был препровожден в кабинет настоятеля. Не помню, что он мне говорил, но, кажется, все не мог подобрать соответствующее проступку, наказание...

С рассветом непонятные страхи развеялись. Сон остался всего лишь сном. Опасения не подтвердились. Наступило обычное утро. Настоятель надиктовал мне несколько писем,

а после отослал в библиотеку разбирать новое поступление книг.

«Откуда же такое количество литературы!» – подумал я, оценивая фронт работ, но дальше раздумий дело не пошло. Подумал и забыл, к чему глупые мысли, мне ведь было о чем поразмыслить и так. В общем, за весь день к книгам я не притронулся. Не до них было. Я сидел и думал о вчерашней вечерней вылазке. Размышлял о вчерашней и готовился к сегодняшней.

Да, я почти решился, осталось совсем немного, сущая безделица, надо просто заставить замолчать непонятные страхи. Успокоить суеверные трепетания того меня, который жил в те древние времена. Так что, можно сказать, день я провел в переговорах. И, кажется, мне удалось с собой договориться. Вот только чтобы понять так это или нет, надо было дождаться вечерни...

Глава тридцатая

Я первым выскочил в ночную темноту. Позади, медленно и степенно, как и подобает слугам господним, выходили братья. Они вели беседу, обсуждали сегодняшнюю проповедь. Громче всех говорил толстяк, брат Тимофей, он шел последним, энергично размахивал лампой, подсвечивая как себе, так и остальным. Дышал он тяжело, порой казалось, что и вовсе задыхается, но это не мешало говоруну вставить свои несколько слов в качестве комментария к репликам любого из братьев. Никто ему не возражал, никто с ним не спорил, все знали, переспорить толстяка невозможно, потому нечего и пытаться...

Пусть они и не могли меня видеть, я решил перестраховаться, прижался к каменной кладке, ступил шаг в сторону, втиснулся в узкую нишу, неизвестно для чего сделанной в стене, замер, затаил дыхание.

Пока все шло отлично. Братья прошли мимо и скоро скрылись за углом здания. Спустя несколько минут в проеме двери показалась фигура настоятеля. Он огляделся, постоял минуту, перекрестился, запер церковь. Посветил на замок, обвел лучом фонаря окрестности. Еще несколько минут постоял у порога, кажется, вздрогнул то ли от волнения, то ли от холода. Я же не чувствовал ни того ни другого. Я знал, что должен выследить его, должен, во что бы то ни стало. Это

цель, а стальное несущественно.

Отец Феофан погасил свет. Практически беззвучно прошествовал в метре от испуганного меня. Шаги, которые гулко звучали в тиши, затихали. Медленно, неспешно. Он удалялся, я стоял, не дышал, не шевелился, не чувствуя ни страха, ни волнения. Я был уверен, я точно знал, куда он идет и не ошибся. Когда спустя некоторое время я подкрался к кухне, в ее окне уже весело отплясывал огонек свечи. Все шло по плану...

Время тянулось медленно. Слишком медленно. Скоро я устал ждать, а кроме того замерз! Сильно замерз. Просто как тогда, на облаке. Вдобавок к холоду проснулось любопытство. Снова это зловерное чувство! Нашептывало оно, выспрашивало, намекало: «Ну, допустим это понятно – настоятель готовит незнакомке еду. А сколько для этого нужно времени? Не слишком ли долго он возится! Вдруг он все-таки ушел? Подойди, – шептало оно, – загляни в окно, приоткрой дверь, ну сделай хоть что-нибудь!».

Закончилось. Все закончилось. Затихло любопытство. Настоятель вышел. Остановился на пороге, погасил свет, несколько минут постоял в полной темноте. Я вновь позабыл о холоде, да и любопытство сдавало позиции, уступало место все возрастающему волнению...

Не скажу точно, сколько мы так стояли, он в тени высоких стен, я в густых зарослях сирени. Не знаю, что чувствовал он, но меня буквально колотило. С каждой минутой ожида-

ния дрожь становилась сильнее. Уже не только я вздрагивал, высокий куст, приютивший меня, мерно дрожал вместе со мной. Сердце мое билось все сильнее. Пыталось вырваться оно из груди. Колотилось, стучало и совершенно не желало успокаиваться.

Лишь к тому моменту, когда в груди гроыхало так сильно и так гулко, что этот звук должны были слышать все в монастыре и за его пределами, настоятель тяжело вздохнул и направился по своему вчерашнему маршруту. Царапая лицо но, не обращая внимания на мелкие неудобства, я заспешил следом.

Как оказалось, уже взошла луна. Сплошная облачность внезапно расступилась. Сквозь прореху в редяющих облаках на землю взглянул блестящий шар ночного светила. Взглянул на монастырь, осветил двор с постройками, колышущийся куст, меня, дрожащего под ним. Осветил окрестности удивительным серебряным блеском.

В лунном свете ярко вырисовался темный силуэт настоятеля стоящего на пороге (вот за это спасибо!).

Скрипнула дверь, мелодично лязгнул металл...

От этого ничтожного звука мое сердце, которое до того изо всех сил старалось вырваться из груди, замерло, сжалось и, кажется, остановилось. Засов! Да, похоже на то, слишком похоже...

В чем причина волнения? Дело в том, что входная дверь запиралась на замок, ключ от которого настоятель всегда

носил с собой на одном кольце с ключом от церкви и еще несколькими, не могу сказать от чего именно. Сам замок в тот вечер меня мало волновал. Приготовился я! Не зря же весь день провел в раздумьях, размышленьях да воспоминаньях, я вспомнил! Однажды, когда дверь захлопнулась от сильного порыва ветра, а настоятеля не было в монастыре, дед Петро уже открывал этот замок. Тогда я присмотрелся к его действиям и сразу понял, что, несмотря на сложность вырезков на ключе, повернуть механизм легко и просто. Достаточно лишь обзавестись любым металлически прутиком, правильно изогнутым, вот, к примеру, как тот гвоздь, который висел у меня на пояске. Я предусмотрительно подобрал его, прогуливаясь у конюшен. Да, к этому я был готов, но если настоятель закроет дверь еще и на засов, то от моей предусмотрительной сообразительности никакого проку не будет. Ни малейшего!

Забывая о тишине и осторожности, я подбежал к двери. Нашупал замочную скважину, достал отмычку. Нет, не поддается, еще попытка вот, он щелчок, еще один! Замок открыт. Толкнул дверь – она не поддается. Руки сами собой опустились. Приехали! «Стоп! – начал понимать я. – Дверь, она ведь открывается наружу, а я с испугу толкаю внутрь». Пробовал еще раз, просто от сердца отлегло, ну совсем другое дело!

Порядок. Потянул ручку, в узкую щель проник предательски яркий лунный свет. Слишком яркий, надо подождать.

Вот облачность снова проглотила ночное светило, я тенью проскользнул в чуть приоткрытую дверь. Увидел призрачное свечение – противоположная от входа стена освещена блеклым огоньком свечи. Отблеск пламени тускнел, терялся в темноте, но я уже понимал, куда направлялся настоятель. Он шел в подвал! В большой подвал, простирающийся под всем строением, а может, выходящий и за его пределы.

Так вот где она!

В самом подвале я ни разу не был, просто случай не представлялся, а вот тогда... Недолго думая, быстрым шагом, стараясь не шуметь, я зашпешил к обитой железом деревянной двери. Приблизился, и чуть было не столкнулся с настоятелем. Нет, я его не слышал, не видел, просто почувствовал, каким-то непостижимым образом узнал о его присутствии. Оказалось, он погасил свечу и притаился в темном углу у двери, стоял, вглядывался в темноту и прислушивался. Я прижался к холодной стене, слился с ней, затаил дыхание.

Сердце пробило шестьдесят три раза. Минута, больше минуты, неважно! Послышался звук шагов, настоятель начал спуск. Я последовал за ним.

Пятнадцать ступеней, которые вели вниз, показались бесконечными. Мы шли, впереди настоятель, который уже давно изучил этот маршрут, я позади. Шел, стараясь ступать неслышно, дышать беззвучно и приказывая сердцу биться неощутимо.

Нащупывая очередную ступеньку, я чуть было не упал.

Все оказалось просто – ее не было, спуск закончился, а я вышел на ровный каменный пол подвала.

Исключительно из-за чрезмерной осторожности я сильно отстал от настоятеля, но это было к лучшему. В тот момент, когда я начал осознать, что лестница осталась позади, слышался треск, сопровождаемый яркими вспышками. Легко догадаться, что это – игумен Феофан высекал искры, намериваясь зажечь свечу. «Что у него за предосторожности такие, весь вечер, то остановится, то пойдет, то зажжет огонь, то погасит...».

Я отскочил назад и спрятался за колонной. Почему-то прижался к камню лицом и закрылся руками. Просто ребенок, который прячется от всего мира, закрывая себе глаза.

Запахи подвала щекотали в носу. Я подавил желание громко и от всей души чихнуть. Зажал нос пальцами, отпустил. Вдохнул. Снова зажал. А воздух в подвале оказался не таким уж и затхлым как я того ожидал. В прохладной даже немного морозной атмосфере чувствовались ароматы смолы, миро, ладана и чего-то странного, вызывающего ассоциации с хвоей и летним лесом. К нему примешивались более яркие, но менее понятные запахи, какие-то цветы, ягоды. Странно даже, откуда?

Пока я изучал особенности атмосферы монастырского подвала, настоятелю удалось высечь искру. Вспыхнул огонек свечи. Ее пламя осветило покрытые ровным слоем ржавчины металлические двери. Буро-коричневые они отлично

вписывались в общий природно-каменный интерьер. В верхней ее части, посредине, небольшое прямоугольное окошко. Закрыто решеткой из нескольких переплетенных прутьев. Мрачная картина, от нее веяло подвалом средневекового замка, хотя чему тут удивляться, ведь именно в таком я и находился!

Настоятель снова оглянулся, тихонько постучал. Его ждали. Тот же час послышался металлический скрежет, дверь открывали изнутри.

Некоторое время звенела тишина. Угнетающая тишина в угнетающей темноте. Изредка в окошке мелькали отблески свечи, но они сразу гасли. Скорее всего, кто-то ходил по комнате, перекрывая пламя свечи. Я не пытался понять кто именно, я просто стоял, выглядывая из-за колонны. Стоял и ждал. Ждал продолжения.

Неожиданно яркий свет выплеснулся через решетчатое окно. Послышался скрип старых петель. Похоже, закончился срок договора с тем мною, которого выводит из равновесия все тот же суеверный парализующий страх. Словно очнувшись, я бросился по ступеням наверх. Плечом налетел на приоткрытую дверь, распахнул ее, вылетел в холл. Не оглядываясь и уже не беспокоясь о шуме, который мог бы выдать меня, взбежал по лестнице, ворвался в свою келью и, не раздеваясь, рухнул на кровать. Только успел успокоить бешено колотящееся сердце, как мимо двери прошел настоятель со свечей в руках. Точно не скажу, но показалось, что он задер-

жался напротив моей кельи, так на несколько мгновений, но, как бы там ни было, заходить не стал.

Чувствуя себя человеком, который исполнил свой долг до конца и совесть его кристально чиста, я уснул. Быстро, крепко и безо всяких сновидений. Спал беспробудно до самого утра, до момента, когда колокол разбудил меня.

Ночь закончилась, время идти на службу...

Невозможно описать то нетерпенье, с которым я ждал следующего вечера и радость от того, что он наступил.

Понимал я, прекрасно понимал – теперь все просто. Нет более надобности следить за настоятелем, нет необходимости ждать его во тьме холодной ночи, незачем тайком пробираться следом. Все что мне надо было знать, я уже знал. Оставалось лишь дожидаться вечера.

Этим я и занялся. С самого утра ушел в библиотеку выполнять распоряжение настоятеля. Точно как и днем ранее, к книгам даже и не притронулся. Я ведь ждал, а одновременно ждать и работать трудно, да практически невозможно...

День перешел в вечер. Окрестности огласил колокольный перезвон. Началось.

Сразу после службы я направился к себе и сразу же лег, притворившись спящим. Лежал, ждал, прислушивался.

Не знаю, сколько времени прошло, несколько часов, никак не меньше, но вот он долгожданный миг! Мимо моей специально неплотно прикрытой двери проследовал настоя-

тель, подсвечивая себе свечей. Я уже не мог терпеть, не мог лежать, стоило лишь огоньку погаснуть, выскочил в коридор. Вжался в стену, потому как блеклые отблески пламени все еще плясали вдалеке, дождался, когда они окончательно погаснут, и быстрым шагом направился к лестнице, к спуску, к входу, к подвалу.

Освещать себе путь я не пытался. Во-первых, со светом выше вероятность быть пойманным, во-вторых, я и без того прекрасно знал дорогу, ну а в-третьих, что было наиболее весомым аргументом – светить было просто нечем. Да это и неважно, все-таки темнота, это не то, чего боялся я, тот я, из темного прошлого.

Все складывалось удачно. Достаточно быстро спустился на нижний этаж, притаился в нише, которая образовалась между ступенями и стеной. В том углу, в котором любил прятаться настоятель. Остановился, затих, прислушался. Слух настолько свыкся с тишиной, что я отчетливо расслышал громкий храп брата Тимофея, который будучи ответственным за кухню частенько ночевал на лавке в столовой. Это и не удивительно. Его келья находилась на третьем этаже, а тянуть туда всю его немалую массу – дело трудное, да почти невозможное. Внезапно захотелось заглянуть, проверить догадку, удостовериться, но я не стал, хотя и можно было. Брат Тимофей спал так крепко, что даже если бы его спящим вынесли во двор, он бы все равно не проснулся, разве что позже, от холода...

Убедившись в безопасности окружающей меня тишины, я направился в подвал.

Дверь оказалась запертой, но только снаружи и только на засов. Настоятель, который уже не в первый раз ходил этим маршрутом, даже смазал его маслом, чтобы тот не выдавал его действий предательски громким скрипом.

Дальше все было так, как и вчера. Часто касаясь рукой влажной стены, я нащупывал ногой ступеньку, ступал на нее, нащупывал следующую. Вот и пол. Я в подвале. Тишина, с ней темнота, а оттого спокойствие. На мгновение я даже подумал, а что если ничего не было, или я был в подвале, но мне все привиделось? Развеивая слабые сомнения, впереди еле заметно мерцал огоньком освещенный прямоугольник окошка. Мне туда. Я быстро подошел, нащупал рукой дверную ручку, потянул на себя – заперто. Тогда, вспоминая прошлый вечер, постучал. С другой стороны двери послышался шум. Призрачный свет в окошке стал ярче и вдруг вспыхнул, ослепляя меня. Я отскочил в сторону, прикрывая рукой глаза. Скрипнула, открываясь, дверь, послышался тихий шепот: – Это вы отче?

Я убрал руку, давая себе возможность видеть.

Прямо передо мной стояла девушка, в ее руке свеча. Нижняя часть лица закрыта ярким цветным платком. Ее небесно-синие глаза смотрели на меня. В их бездне, озаренной светом пламени, читались любопытство и страх. Не могу сказать точно чего больше, не удалось рассмотреть. Уж слыш-

ком мало времени было мне дано. Девушка громко вскрикнула, задула свечу и вбежала в комнатку. Хлопнула, закрываясь, дверь, послышался противный лязг – сдвинулся засов. Ничего более я не слышал, ничего не осознавал. Я видел лишь огонек свечи, который игриво отбивался от синевы прекрасных глаз. Сиял он просто как молодой месяц на фоне вечернего неба. В густой тиши по-прежнему звучал ее голос...

Я еще раз постучал, увы, безрезультатно. Ответа не было, да так мне и надо! Ясно же, что-то я не то делаю, не так и не для того.

Минутой позже растаяли глаза и небеса с луною, был только я, подвал и тишина. Ничего не оставалось кроме как поворачиваться, медленно брести по ступеням наверх, обратно, в свою келью. Кажется, я вступил во что-то липкое, но не все ли равно, светить ведь нечем! Словом, будет утро, встанет солнце, тогда во всем и разберусь.

Глава тридцать первая

Новое утро нового дня. Рано еще, даже колокола не звонили, не провозглашали начало службы. Чувствуя чье-то присутствие, я открыл глаза и сразу же увидел бледное лицо настоятеля. Он нависал надо мною, в левой руке держал зажженную свечу, правую вытянул вперед, собираясь потрясти меня за плечо. Я удивленно посмотрел на него, он отвернулся.

– Мне искренне жаль, но я ничего не в силах изменить. Завтра утром с обозом ты отправляешься в Спасовский монастырь. Само собой, на сегодняшний день ты освобожден от всех работ, собирайся в путь.

Он остановился у порога, обернулся и, по-прежнему не глядя на меня, добавил:

– До отъезда, из кельи ни ногой!

После этих слов я окончательно проснулся. Догадаться чем заслужил изгнание, а в том, что это именно изгнание я не сомневался, было нетрудно. Наверняка о моих ночных похождениях стало известно. Все понятно, но сдаваться это не в моих правилах, потому я выдавил из себя:

– Но почему!

Игумен Феофан опустил свечу ниже и показал рукой на округлый след чего-то черного и маслянистого. Темное пятно, которое удивительно контрастно выделялось на общем

сером фоне.

– На будущее, смотри куда ступаешь! В этот же раз ты не только в деготь вступил, ты влез в дела, которые тебя никак не касаются. Думай, прежде чем что-либо предпринять, твое излишнее любопытство может стоить жизни и не только тебе одному...

Похоже, он еще что-то собирался добавить, но решил не продолжать. Просто повернулся и стремительно вышел из кельи. За ним захлопнулась дверь, а я услышал звук, которого не слышал за все время пребывания в монастыре – отчетливо щелкнул замок.

В безделье и лениности прошел день, за ним миновала ночь. Быстро же я смирился! Просто сам себе удивлялся: лежал, смотрел в потолок, даже не пытался ничего предпринять, не пытался ничего изменить...

На следующее утро уехать не удалось. Обоз, который должен был забрать меня и доставить в Спасовский монастырь, задерживался где-то в пути. Об этом мне поведал брат Тимофей, который принес завтрак. Постоянно разговорчивый, в тот день он помалкивал, изо всех сил пытался меня игнорировать, но поскольку он, как и большинство толстяков, добрый, отзывчивый, да и поболтать любитель, не удержался, проговорился. Правда, когда я попытался развить тему, задал еще пару вопросов, он боязливо оглянулся и прошептал:

– Не могу я. Игумен строго-настрога запретил с тобой говорить и слушать тоже запретил. Я ведь и так уже нарушил...

Он поставил поднос на столик и настолько быстро, насколько позволяла комплекция, выскочил в коридор. Краем уха я уловил что-то новое. Легкое, эфемерное, непонятное. Что-то, что обеспокоило меня, чуточку обрадовало и озадачило одновременно. Новое ощущение породило мысль, которая кружила в моем обленившемся сознании, упорно не позволяя схватить себя за хвост.

Что за мысль носилась в моей голове, я понял лишь полчаса спустя. В тот момент, покончив с завтраком, я лег на постель и принялся анализировать непонятные ощущения, разбираться в странных идеях и мыслях. Вспомнил чуть не по минутам утро, и лишь тогда яркой молнией блеснула догадка – брат Тимофей забыл запереть дверь. Вот оно как – я не заперт! Да, так все и было, я не услышал щелчка! Это событие засело в голове и пыталось достучаться до моего, ой какого неповоротливого сознания.

«Отличная новость, – размышлял я, – думаем дальше. Похоже, своей попыткой разговаривать, я заставил бедного монаха нервничать, а когда волнуется, он становится ужасно невнимательным. Любопытная информация! Надо будет нею воспользоваться».

Как оказалось, домашний арест это очень даже скучное занятие, особенно, если он затягивается. Весь первый день я просто лежал и смотрел в потолок. Удавалось оторваться от столь важного и полезного занятия только тогда, когда брат Тимофей приносил еду. В день второй я уже не мог бездей-

ствовать, а когда выяснилось, что дверь открыта и я практически свободен, жажда действия буквально взорвала меня изнутри.

Первым порывом было встать, выйти и размять ноги, прогулявшись по коридору. Идея глупая и несвоевременная. Хорошо хоть я вовремя это понял и ограничился лишь тем, что приоткрыл дверь и глубоко вдохнул с виду такой же как и в келье, но столь сладкий и манящий воздух свободы.

В тот же час в моей голове начало вырисовываться нечто отдаленно напоминающее план. «Очень хорошо, – думал я. – Настоятель сказал, что я должен уехать, и я уеду. Но не сразу. Первым делом поговорю с ней, с той девушкой. Может, хоть узнаю, почему меня к ней влечет!».

Я решил так – попытаюсь снова заговорить с Тимофеем. Один раз это уже сработало, почему бы не повторить? Если повезет, вечером буду свободен, а там уже знакомым путем...

Такое вот подобие плана. Не обошлось, конечно, без нескольких «если», наверное, их было даже слишком много. Да, безусловно, на этот раз Тимофей может быть более собранным, может, кто-то из братьев заметит открытую дверь, может даже сам настоятель. Вполне вероятно, что ночью меня будут охранять, почему нет! А еще подвал может оказаться заперт. А еще... «Но я уже и так один день потерял, о чем гадать – дождусь вечера, там все и решится. Ведь, в конце концов, существует же еще и везенье!» – поставил я жирную

точку в череде бесконечных сомнений.

Явившись с обедом, брат Тимофей поковырялся ключом в замке и изрядно удивился. Открыл дверь, недоверчиво посмотрел на замок, с подозрением на меня, потом снова на замок. Я не стал баловать его вниманием, отвернулся к стене и молчал. Надо было беречь силы до вечера, готовиться, а пока пусть думает что хочет, я же буду его игнорировать!

С уходом Тимофея ушло и мое мнимое спокойствие, а за час до ужина я и вовсе весь изошел на нервы. Я не мог лежать, не мог сидеть. Какие-то странные предчувствия или муки ожидания не давали мне покоя. Я вскакивал со стула, подбегал (насколько это возможно в тесной келье) до двери, прислушивался. Вдрагивал от каждого шороха с той стороны, а если слышались чьи-то шаги в коридоре, сердце взрывалось мощнейшими ударами и грозило выскочить из груди.

Но вот я дождался. Послышались тяжелые грузные шаги толстяка. Я слышал шарканье его ног, его дыхание, которое вполне бы пошло громадному медведю. Звуки приблизились, затихли на мгновение, затем тишина взорвалась долгожданным звуком – в замочную скважину вставляется ключ. Один оборот, еще один. Дверь открылась и вот брат Тимофей уже на пороге кельи. Проходит внутрь. Изо всех сил делает вид, что не замечает меня. Старается! Опустил поднос на столик, выложил тарелки, собрал грязные, оставшиеся от обеда. Тяжелый вздох и он, повернувшись, направляется к двери...

На протяжении всего длинного до бесконечности дня я готовился к этому. Я подготовил множество фраз, предложений, выделил несколько способов начать разговор, а вот сейчас все забыл! Подчистую! А делать что-то надо! И уже сейчас.

Брат Тимофей еще раз вздохнул, протянул руку к двери. Сейчас он выйдет и все!

– Слушай друг мой, а по поводу обоза новостей нет? Может настоятель что говорил, – выпалил я первое, что пришло на ум.

Словно испугавшись звуков моего голоса, брат Тимофей вздрогнул и застыл на месте. Его рука остановилась, коснувшись дверной ручки. Надо было дожимать, давить, пока он не ушел.

– А про меня что говорят? Может, какие новые указания? Медленно, очень медленно Тимофей поворачивался ко мне. В его глазах светилось одно – ужас. Я вдруг подумал, неужели это настоятель так запугал бедного малого, что ему, балагуру и говоруну, была страшна одна только мысль о разговоре со мной. А что, он мог! Я однажды стал невольным свидетелем одной «воспитательной беседы». После того разговора молодой послушник долго еще от малейшего шороха вздрагивал. Не иначе, так и мне, тому мне, доставалось. Тогда понятны все эти приступы панического суеверного страха! Правильная обработка...

Тимофей все так же стоял передо мной. Его рука, как и

раньше, вытянута вперед. Даже пальцы по-прежнему шевелились, будто пытались нащупать ручку.

– Н-н-е-т, – по буквам выдавил из себя толстяк.

А и вправду его обработали. Это ж надо слова выговорить не может. Да что слова, три буквы собрать воедино не в состоянии!

– Ну, а про обоз что-то слышно?

Брат Тимофей попытался развести руками, мол, не знаю, но левая, которая держала посуду, дрогнула, качнулась и тарелки посыпались на пол. Монах схватился за голову, забыв о подносе. Металлическое блюдо звонко ударило его по макушке и упало на разбитые тарелки. Я не удержался и буквально покотился со смеху.

Оказалось, это именно то, что было нужно. Толстяк гу-сто покраснел, присел, быстро собрал черепки, сложил их на поднос и как мог шустро скрылся за дверью.

Я прислушался – щелчка не было. Скользнул взглядом по полу, на котором секунду назад белели осколки тарелок, и понял почему – у кровати лежал, поблескивая в блеклом свете, ключ. Что можно сказать – если везет, то надо этим пользоваться. Мгновение и я запер дверь. Все!

Странно, да? С одной стороны, ничего не изменилось, как и прежде я сидел взаперти в своей келье. А вот с другой, ощущения совершенно иные. Как-то спокойнее на душе, я бы даже сказал, веселее. И все потому, что не меня заперли, а я сам замкнул дверь, следовательно, можно так считать, что

я всех запер. Это если размышлять позитивно.

– Как не размышляй, но если есть возможность в любое время выйти, то это значительно лучше! – правильная мысль, высказанная вслух, заметно добавляет уверенности...

Довольный собой и ситуацией в целом, я улыбнулся, удобно устроился на стуле, закрыл глаза и принялся ждать наступления ночи.

Разнообразя тишину, через некоторое время в келью просочились звуки. Тяжелая поступь брата Тимофея. Похоже, он старался неслышно подкрасться к моей двери, но с его массой это нереально! Шаги приблизились. Послышалось громкое сопение. Скрежет. Брат Тимофей потянул на себя ручку, еще раз. Сопение сменилось тяжелым вздохом, он медленно побрел обратно. Наверняка подумал, что запер меня, а потом потерял ключ по дороге в трапезную. Теперь будет пытаться его найти. Мне даже жалко стало несчастного толстяка. Наивный он, беззащитный, а я с ним так поступаю. Но разве у меня есть иной выход?!

В монастыре воцарилась тишина. Тишина, замешанная на темноте. Луна, которая еще недавно светила в окно, укуталась в темные одеяла густой облачности. Вдалеке слышались раскаты грома (и это в декабре!), ветер усиливался. Не иначе как ночью будет буря. Природа не упустит возможности испытать на прочность затерявшийся в бескрайних степях монастырь.

Минуты бежали одна за другой, торопились, сменяя друг друга, и вот час пробил. Лучик света, порожденный свечей в руках настоятеля, заглянул в замочную скважину. Ворвался, пробежал по стенам кельи и тут-таки исчез. С ним затихли и шаги настоятеля, хотя они все еще раздавались в моем сознании, тихо, но, в то же время гулко, звучали, отдалялись, затихали...

Все, время выступать!

В коридоре завывания ветра были слышны отчетливее. Дальнее окно на мгновение озарила вспышка молнии, тут же оглушительный раскат грома сотряс огромное здание. Суеверная часть меня перекрестилась. Я закутался в длинный плащ и опустил капюшон на лицо. Бессмысленное действие, разве можно за тонкой тканью скрыться от молнии?! Но я и не собирался выходить во двор. Мой путь лежал вниз, в подвал.

Спустился знакомым маршрутом на первый этаж. Подошел к двери, ведущей в подземелье, попытался отодвинуть засов, но ничего из этого не вышло. Помимо засова дорогу вниз преграждал навесной замок. Накаркал, называется! Не иначе как настоятель, дабы уберечься от других любопытных, принял меры. Я нащупал по-прежнему висящий на поясе изогнутый гвоздик. А что если попытаться?

Никогда не мечтал о карьере взломщика, не мое это. Или все-таки мое? Уже и не знаю. Тихо щелкнул механизм, высвободившаяся дужка выпрыгнула из своего гнезда. Я издал

глуповатый смешок и перешагнул через порог.

Знакомая лестница, пол. Где-то здесь та самая лужа-лоушкa. Интересно, это настоятель специально деготь разлил, или случайно так получилось? Кто ответит? Никто, да и не нужны мне никакие ответы, ведь в дальнем углу я вижу ярко освещенное зарешеченное окно! Может это воображение шалит, но в светлом квадрате кроме толстых прутьев вижу улыбающееся лицо. Нет, никакое это не воображение, правда! Смотрят на меня, задорно блестят глаза, цвет которых я всегда знал – они синие как васильковое поле и чистые как летнее небо...

Я решительно направился на свет, к глазам, что цвета поля. Послышался лязг замка, дверь распахнулась. Я увидел ее, она улыбалась, звала, манила. Она стояла, я бежал, нас разделяли всего лишь несколько шагов, но тут мощнейший взрыв сотряс большущее строение. Стены загудели, будто каждый из тысяч камешков, из которых они были сложены, сдвинулся с места. Тяжеленная плита, которая была частью свода подземелья, сначала подвинулась, а затем как-то на удивление медленно начала падать. Один ее конец заваливался на распахнутую металлическую дверь, на нее, стоявшую в освещенном проеме, другой метил просто мне в голову. Я закричал...

Глава тридцать вторая

– Я кричал, но не слышал собственного голоса. Все заглушали грохот падающих камней и нарастающий с каждой частичкой мгновения монотонный гул. Но вот не стало и его. Медленный полет каменной плиты закончился, меня ослепила яркая вспышка, за ней последовало нечто подобное удару током, я очнулся уже в больнице. Помнишь тогда, в палате, я говорил о сне, который мне не дали досмотреть? Сейчас я так не думаю. Более того, уверен, мне было показано все, и досмотрел я все, все до самого конца. Уверен, таким был финал Свято-Васильевского монастыря, и с ним меня, простого слуги Господа нашего, брата Иоанна.

– А ты не пытался разузнать, что на самом деле тогда случилось с монастырем? Ведь хоть какие-нибудь документы должны были сохраниться!

– Не осталось ничего, совсем ничего. Скорее всего, те несколько писем, о которых я тебе рассказывал – это и есть то небольшое, что от него осталось. Я спрашивал, историки говорят, такое возможно. Слишком уж недолго просуществовал монастырь, да и времена были такими, что уж очень быстро все менялось.

– А сам как думаешь, что это было?

– Да ничего я не думаю. Чтобы стереть с лица земли такое громадное сооружение, да еще и на совесть построенное, а с

ним и стену и все пристройки, должно быть, как минимум, землетрясение. Но никаких подтверждений тому нет. Может было именно так как мне и виделось: молния ударила, вот и... хотя, я сам в это не верю, – он беззвучно зашевелил губами, медленно кивнул и произнес: – Я вот что вспомнил, надеюсь, ты не забыл письмо мое зашифрованное. Как там было? Подвалы доверху забитые порохом! Может это она, та самая причина? Я, правда, ничего подобного не видел, да ведь и видел я всего ничего! А порох это такая вещь, достаточно одной слабенькой искры, чтобы разнесло все в пух и прах! И вовсе неважно, что послужило тому причиной, молния, или что-то иное. Да! Теперь я практически уверен. Так оно и было. Ведь если монастырь находился на границе по-настоящему диких земель, он должен быть готовым ко всяким неожиданностям. Готовым к обороне, – он неестественно засмеялся. – Но в том письме есть и еще одна истина, та и вовсе неоспорима. Монахи никакие не воины. Один мой друг Тимофей чего стоит! Достаточно с ним заговорить – он тут-таки в обморок падает. Страшно предположить, что случится, если над его головой пуля просвистит!

Я попытался сменить тему:

– А что после больницы, как себя чувствуешь?

– Да, ты прав, это было уже после... больницы, – он посмотрел сквозь меня. – Но нет, ты не выдумывай. Никакие это не чувства! Это исключительно сотрудничество, дружеская помощь, если хочешь... жаль что она погибла. Просто

на пешеходном переходе, мгновение, удар, и сразу насмерть. Что называется, не приходя в сознание...

Он замолчал. Похоже, болезнь не прошла бесследно. Вот он уже и говорит сам с собой. Я, было, собирался заговорить о погоде, но он громко рассмеялся.

– А знаешь, меня ведь повесили! – он потер шею рукой и изобразил страшную гримасу. – Жаль только не на настоящей виселице, а просто на дереве, но выбирать не приходилось, мое мнение никого не интересовало. Накинули веревку, на шею, просто вот так... знаешь, а это больно! Больно, когда позвонок не ломается сразу, когда грубая веревка сдавливает горло, не давая дышать. Когда висишь, дергаешься, ноги болтаются, непроизвольно пытаются нащупать опору, но далеко она, не дотянуться. Лишенный воздуха мозг лихорадочно соображает, ищет выход, а поделаться ничего не может. Висишь ты, медленно умираешь, а вокруг шумит толпа, не иначе как наслаждаясь твоей болью, упиваясь твоей смертью!

Я испугался. Не знаю, за кого больше, за него или все-таки за себя. Впервые общаюсь с умалишенным, но...

С той поры, когда я навещал моего странного знакомого в больнице, прошло более полугода. Он не давал о себе знать, да и я, если честно, не пытался ничего о нем разузнать нового. Мне хватило и того, прочитанного в его тетради-дневнике. Так бы все и продолжалось, но вот меня, «почетного командировочного» (так титуловал меня директор) опять-таки

послали, и опять-таки в командировку. Правда, на этот раз более или менее приятную – на морское побережье. Здорово хоть один раз в году побывать на море, пусть даже видеть это самое море доведется крайне редко, исключительно пробегая мимо по набережной и вовсе не важно, что ранняя весна не лучшее время для поездки на курорт!

Командировка только началась (прошло лишь три дня из запланированных трех недель), я еще и моря не разглядел, как раздался звонок. Номер не определен. Легко догадаться, кто развлекается – директор. Говорит, такое дело, все отменяется, надо возвращаться. Говорит, бери билет и ближайшим же поездом дуй в Киев.

Вот и поработал, вот и отдохнул!

Делать нечего, мы конечно не военное подразделение, но приказы и у нас не обсуждаются! Так что в тот же день вечерний поезд тяжело вздрогнул и повез меня обратно, подальше от моря, поближе к столичной суете. Недолго мы проехали, пролетело всего пару минут поездки не больше, локомотив даже не успел разогнаться, как новый звонок – номер также не определен. «Не иначе как директор опомнился, новая блажь у него, передумал...» – со злостью пробормотал я, но собрав все имеющееся спокойствие, грустно сказал в трубку:

– Да, слушаю...

– Привет дружище, говорят ты неподалеку?

Знакомый голос, голос моего странного друга. Его непо-

нятные слова, бессмысленные фразы. Неожиданно это, хотя и чуточку любопытно, неподалеку от чего и кто ему такое говорит?

– Выходи на следующей станции, Новоалексеевка она называется, поговорим, побеседуем, да и не надо тебе дальше никуда ехать. Выходи, жду в гостинице!

Отбой. Поговорили, называется! Ни тебе здравствуй, ни мне прощай. Я медленно пожал плечами. Конечно, никуда я выходить не собирался. Какой в этом смысл? Сдавай билеты, бери новые, после объяснительные пиши, нет, не любитель я подобных развлечений. Не впервые катаюсь, опыта набрался, потому прекрасно понимаю – если я принесу в наш серпентарий (в смысле в бухгалтерию) вместо одного целую пачку железнодорожных билетов, проблем не оберусь. Живьем съедят!

Снова звонок и опять номер не определен. Не иначе как что-то добавить хочет, а может просто вспомнил о том, что не поздоровался?

– Алло, – как могу спокойно, говорю я.

– Сергей, это Роман Андреевич, – о, это уже директор развлекается! Интересно, кто следующий?

– Да, слушаю.

– Понимаешь, тут такое дело, накладка получилась. Словом, не надо тебе пока возвращаться. Погоди еще.

А это как называется? Угадал? Предугадал?

– Но ведь я уже в вагоне, еду я!

– Ну и что? Нашел проблему! Выходи на ближайшей станции, а первым же поездом возвращайся обратно. Не вижу никаких сложностей! И знаешь что... – он замялся на секунду, – ты там, это, попробуй билеты в кассу сдать, может, денег немного вернут...

Нет, ну что же это получается? Еще пару таких командировок, и мне прямая дорога в предсказатели, так что ли? И не мне одному. Как мне Сергей сказал? Тебе дальше не надо, так кажется?

Я ни на мгновение не сомневался, что в кассе никто и не подумает возвращать мне деньги за несостоявшуюся поездку. Не сомневался, а потому нисколечко не обиделся. Скажите на милость, почему железная дорога должна компенсировать тупость руководства? Вот и я не знаю. Вдобавок оказалось, что ближайшее, чем я могу вернуться, это электричка, да и та будет только на следующий день, примерно в девять утра. Перспектива просидеть всю ночь на вокзале, меня не радовала, потому я направился искать гостиницу, памятуя, что меня там ждут...

– Ты извини, это я издавека начал. По глазам вижу, считаешь меня сумасшедшим. Нет, не сегодня. Может, я и сойду с ума, но потом, попозже! А пока слушай, началось все еще в больнице. Помнишь сестричку, Леночку? Так вот она, как-то, когда-то, словом, за несколько дней до того как меня выписали, привела свою подругу Ирину. Та училась в медицинском институте, вернее уже аспиранткой была. Как-то

там ее специализация называлась, даже и не выговоришь без подготовки. Да и неважно это, вот что мне в ней сразу понравилось, так это то, что она тут-таки перешла к делу...

– Мне Лена рассказала о ваших, так сказать, видениях. Наверное, мало кто из людей науки со мной согласится, но мне кажется, что тут дело не в каких-либо расстройствах психики, это больше похоже на генетическую память. Вы ведь сами говорите, что некоторые аспекты ваших видений, пусть косвенно, но подтверждаются архивными документами. То, что совпадений далеко не на все сто процентов, это вовсе не страшно. Мало какие документы сохранились, и еще меньшему количеству из них можно доверять, а вот память, она собирает и хранит такое количество всевозможной информации... – она что-то еще долго и вдохновенно говорила, сейчас уже и не вспомню, но закончила монолог так: – Да и мозг человека не настолько изучен, чтобы можно было смело отвергать генетическую память!

Ничто так не помогает поверить в себя, как вера в тебя другого человека. После ее визита (а я уверен, что не после, а вследствие него) я быстро пошел на поправку. Так это же легко понять, я захотел выздороветь вот и выздоровел!

– Значит, Ирина, вы действительно верите в то, что я «вижу» воспоминания?

– А почему нет? Здесь мы ступаем на территорию целиком и полностью неизученную. Возьмем, для примера, смерть.

Кто может точно сказать, что нас ждет после смерти? Многие считают, что вообще ничего, что смерть это конец. На мой же взгляд, это, как минимум, нелогично. Зачем человек живущий в этом мире получает столько знаний, столько информации, опыта, разве только для того чтобы вместе с ней, с ним, с ними, кануть в небытие? Не думаю. Природа устроена очень даже рационально. Все в ней правильно, все продумано. Касаясь данного вопроса, мне больше нравится идея о том, что человек живет, получает опыт, складывает его, прибавляет к опыту своих предков. В большинстве случаев он этого не осознает, потому как не готов к этому. И лишь тогда, когда он будет в состоянии постичь, понять весь свой опыт, он сможет все вспомнить, овладеть знаниями предков и воспользоваться ими. Позже это случится, через много поколений, когда человек изменится, причем в лучшую сторону. У вас же, как и у очень немногих, эти знания уже пытаются пробиться на поверхность. Думаю, так все и есть. Да, я уверена, мы помним жизни своих предков. Они запрятаны глубоко в подсознании, и только изредка выходят на поверхность. Вероятнее всего, для этого нужен какой-то стимул, какой-то толчок...

– Как в моем случае – клиническая смерть? Но видения у меня и раньше были.

– Клиническая смерть не причина. Собственно, что она такое? Приостановка дыхания и сердцебиения на несколько минут. Нет, не думаю. Возможно, она способна благоприят-

ствовать, но не как стимул, скорее как катализатор, ускоритель процесса...

Она ушла, пообещав после того, как меня выпишут, встретиться. Ушла, а я лежал и еще долго размышлял над ее словами. Вот ты, наверняка, сейчас подумал – бред, бессмыслица? Если уж совсем честно, то и я подумывал о том же. Недолго, совсем недолго. Ведь, если разобраться, это лишь теория и единственный ее недостаток в том, что она не подтверждена. Что я думаю сейчас? Не знаю. Скорее всего, вообще об этом не думаю. К чему теории? Пусть будет что угодно. Пусть плод моего больного воображения, пусть мечта, пусть еще что-то. Неважно. Словом, я легко убедил себя в том, что это более или менее реальное объяснение. Да, тогда я искал реализм, искал логику. Но в первую очередь искал ответ и потому, лишь выйдя за территорию больницы, я позвонил Ирине.

Глава тридцать третья

Самое обычное офисное кресло. Нехитрыми манипуляциями ему попытались придать форму соответствующую моему представлению о кресле в кабинете психолога, вот только получилось не очень. Если в нем более или менее удобно сидеть, то полулежать практически невозможно. Никаких тебе удобств. Так и откуда им взяться, если единственное, что с ним сделали: отклонили спинку до упора, да опустили сиденье, чтобы сидящий (в смысле я), когда будет падать, не очень сильно ударился.

Отступить было некуда. Решился – вперед! Я покорно сел, положил руки на подлокотники. Медленно, чувствуя, что еще немного и вместе с креслом окажусь на полу, откинулся на спинку. Искренне удивился, когда оно устояло, попытался расслабиться. Кажется, удалось. Голова безвольно качнулась, повернулась направо, отвернулась от окна. Взгляд застыл на панцирной сетке кровати. Мелькнула не лишняя логики мысль: «Вот почему меня в кресло потянуло, разве не проще было устроиться на сетке, пусть не намного удобнее, но в плане безопасности, заметно лучше?».

Старая кровать, тумбочка без дверцы, стол с одной сломанной ножкой отремонтированной на скорую руку – вот и вся мебельровка давно запущенной комнаты общежития. Сразу видно – в ней когда-то жили медики. Вот кто бы еще

додумался клеить ножку стола обычным пластырем? Аккуратно наклеили, ровненько, будто не деревяшку к деревяшке крепили, а рану обрабатывали. Не удивлюсь, если внутри по разлому зеленки налили, а может йод использовали...

Вот чего это я? Склеили, да и то ладно, держится, и на том спасибо. Ведь невооруженным же взглядом видно, здесь минимум год никто не живет. Вон, какая разруха, только это кресло, совсем не вписывается в интерьер, будто не из этой реальности оно...

Я вытянул вперед обе руки и с удивлением посмотрел на ладони. Вот это да! Когда же я успел так измазаться? На каждом пальце, да даже на обоих мизинцах темно-фиолетовые пятнышки. Не иначе как чернила. Смотрю дальше, ниже, вокруг, на себя – нет слов, одни вопросы. Два их, два вопроса: где я, и по какому поводу так вырядился? Непонятно!

Рубаха на мне длинная, чуть не до колен. На ней тоже, да просто на животе огромное пятно такого же цвета, что и на пальцах, живописное! Посмотрел я на него, потрогал. Промелькнула на удивление разумная мысль: «Клякса, чернила, а если везде чернила, то я должно быть писарь». Предположительно. Нет, правда, версия отличная! Она многое объясняет. И вид и пятна. Ведь это закономерно. Что тут можно возразить, если я обычной шариковой ручкой могу вымазаться, а тут не иначе как мне чернильницу доверить решились, да еще и с пером! Так что, как ни крути, а очень даже

правильное предположение. Возьму его за основу...

Ладно, вид у меня допустим удовлетворительный. И во всем остальном все не так плохо! Образованные люди во все времена были в цене. Если же я, да в такое время, да еще и не просто грамотный, а писарем служу, значит, я вдвойне уважаемый человек.

В такое время... знать бы еще, что это за время такое!

Само собой разумеется, газеты под рукой нет, и, конечно же, календаря не видно. Одни часы в наличии, большие, напольные, чуть не в мой рост, возле стены стоят, да и те, похоже на то, сломанные, вон как уверенно десять часов показывают! Утра? Вечера? Не понятно. Хоть бы тикали, все ж было бы веселее.

Попробовал подытожить. Кто я – более или менее понятно. Когда я – ни малейшего представления. Где я? В маленькой комнатке, размером метра четыре на четыре. Действительно маленькая она, просто каморка, а не комната. Немного мебели. Стол, красивый, не иначе как дубовый, вон какие ножки резные! На нем стопка чистых листов. Чернильница, грязная жуть! Муха в ней утонула. По всему видно, старалась спастись, гребла что было мочи, еще бы немного, совсем чуть-чуть усилий и выбралась бы, но нет, так и померла, одной лапой на суше. Мерзость какая... фиолетовая.

А прав ли я? Сравнил пятна на себе с цветом усопшей мухи – прав, они это! Чернила...

Продолжил осмотр. Рядом с чернильницей перо, гусиное

наверняка, помню, в кино подобные видел. А гусь, из крыла которого это перышко вырвали, немаленький был! Было что съесть... кому-то. Да. Перо лежит на чистом листе бумаги, вернее он раньше чистым был, сейчас же на него стекают чернила, рисуя на белоснежной поверхности симпатичную лужицу. Немного паучка напоминает, только такого, который недавно плотно пообедал. Большое округлое брюшко, а ножки тонкие и короткие. Вот бы он муху слопал, ту, утопленницу...

Дальше. Как я уже отметил, у стены часы. Блестящая тарелка маятника застыла точно по центру и отражала мои ноги, обутые во что-то похожее на сандалии. Рядом с часами книжный шкаф. Хотя нет, какой это шкаф! Просто стеллаж, сбитый из не струганных досок. На нем в полнейшем беспорядке разложено множество книг, несколько свитков, стопки листиков, чистых и исписанных от руки, кроме того, просто-таки огромное количество всевозможного хлама. К примеру, между второй и третьей полочками, точно посередине расположился высокий медный кувшин. Я сразу понял – он там не просто так стоит. Он поддерживает верхнюю доску, которая треснула и, наверняка, уже давно. Двумя полками выше под толстым фолиантом, похоже на греческом, пристроилась мятая шляпа грязно-серого цвета. Старая, страшная, нею разве что моль подкармливать, любопытно, почему ее не выбросили? Не знаю, может дорога как память, а то и просто руки ни у кого не доходят. Но шляпа, это куда ни шло,

наверху, на самой верхней полке поверх стопки книг положили кирпич – вот незаменимая вещь на книжной полке! Правда, ничего плохого о нем не скажешь, хороший он, качественный, даже клеймо мастера виднеется. Может он хоть и не литература, но тоже своего рода искусство? Авторский кирпич, почему нет! Но все это неважно. Важно то, что он мне не мешает. Кто знает, сколько он там пролежал, пусть и дальше себе лежит.

По сути, осмотр ничего не дал. Ничего полезного. Я так и не понял, где нахожусь, не говоря уже о том, чтобы понять, что здесь делаю. Снова внимательно оглядел комнатку и только теперь заметил окно. Скорее, окошко, маленькое такое, полукругом, решетка на нем солнышком, под самым потолком расположенное. Неудивительно, что я его сразу не разглядел, грязное оно, в паутине, ни света от него, не какой другой пользы, может, если ладошкой протереть...

Чего только не сделаешь, чтобы познать истину, пусть хоть разобраться в происходящем! Я подпрыгнул, подтянулся, повис на наклонном подоконнике. Правой рукой схватился за решетку, левой порвал пыльные узоры паучьих ловушек, просунул два пальца между прутьев, дотянулся до мутного стекла, провел по нему. Стало заметно светлее в комнате, стало чуточку виднее то, что находилось за ее пределами.

Жизнь! За окном бурлила жизнь. Двор дома, в котором я находился, был забит телегами, людьми, лошадьми и пылью. Хорошо хоть она ко мне не залетает! Задохнулся бы.

Просто напротив моего окна, на противоположном конце двора через открытые ворота амбара какие-то бородачи, орошая потом двор, тягали мешки. Большие и, конечно же, тяжелые, каждый покрыт слоем белого порошка, не иначе как мукой.

Минуты не прошло, как мешки образовали на одной из телег внушительную кипу. Кони, телега и гора мешков медленно тронулись. Мешки раскачивались, угрожая завалиться. Прочие подводы и управляющие ними люди засуетились, стараясь дать возможность груженому транспорту выехать со двора (оно и понятно, если завалится, то лучше пусть там, где-нибудь, подальше). Зашевелились кони, толпа пришла в движение, от того пыли стало больше, видно стало хуже.

Пусть я и допускал вероятность того, что за пределами моей комнаты могло происходить еще много чего любопытного, висеть на подоконнике быстро надоело. К тому же руки начали болеть. Потому я решил – хватит для начала. Все что можно было рассмотреть, я и так увидел...

Вернулся к осмотру комнаты. В очередной раз медленно обернулся, пожал плечами, расстроился сильнее. Да, ничего нового узнать не удалось, но ведь оставались еще двери! Не дверь, а именно двери, так, на «Вы», с уважением. Крепкие они, прочные. Вот просто одного взгляда достаточно любому толковому взломщику и тот сразу ретируется, тотчас сдастся, соберет свой инструмент и удалится, понимая, какие они надежные. Ничем их не возьмешь, ведь по-

лотно собрано из толстых досок, с мастерски проделанными пазами-защелками. Доски обработанные, гладенькие, самым тщательным образом подогнанные, для пущей надежности их еще и скрепили коваными полосами, переходящими в мощные петли...

Нет, они, в отличие от окна не были грязными, или укутанными паутиной. Я их сразу заметил, но не сразу решился к ним подойти. Расстроиться боялся. Ведь все может быть. Что если они закрыты?! И не иначе как для того, чтобы я не смог выйти!

«А это мысль! Быть может я в тюрьме. Сижу за решеткой?» – весьма разумное предположение, столь разумное, что я и сам от себя подобного не ожидал! И главное, все сходилось, ладно, почти все. Вот окошко маленькое в наличии, под самым потолком оно, в такое не пролезть. С той стороны, я подсмотрел, оно расположено практически на уровне земли, следовательно, это подвал. Плюс? Огромный плюс! Далее, комнатка тесная, к ней дверь толстенная, почему нет? Разве что книги, стол да кирпич сомнения вызывают, а так... Дабы убедиться (или разубедиться) в своей правоте, я прикоснулся к ручке и оттолкнул ее, дверь легко и беззвучно отворилась. Опять промах!

Немного расстроившись, я вышел в другую более просторную, нежели у меня комнату. Огляделся. В ней и вовсе не было мебели. Ничего что можно было хоть с натяжкой назвать таковой. Все помещение было завалено ящиками. Са-

мых разнообразных размеров, форм и расцветок. На каждом прилеплен листок, многие подписаны крупными буквами, некоторые и вовсе не по-русски. «Может это почта? А я, соответственно, почтальон?». Мысль! Я, было дело, собрался полюбопытствовать и узнать, что лежит в ближайшем от меня огромном сундуке с красной розой на крышке и табличкой с красивой, правда, совершенно непонятной мне арабской вязью, но не успел. Послышались торопливые шаги. Вернее даже не шаги, а топот. Топот множества ног, громко звучащий в полуподвальном помещении. Почему-то стало страшно...

Я только и успел вернуться в «свою» комнату, как вслед за мной вошли трое мужчин. На плечи одного, явно не по сезону, был наброшен длинный сюртук, из-под которого проглядывала фиолетовая рубаша и синие шаровары. Его лицо, лицо мушкетера из авантюрного романа, почти женское, холерное с тонкими чертами, обрамленное курчавыми темными бакенбардами, подчеркнутое прямыми нитками усиков, почему-то вызывало отвращение.

Его сопровождали двое. Одеты они по-летнему, в длинные рубашки наподобие той, что на мне. Одинаково высокие, одинаково крепкие, с одинаково крупными, будто высеченными топором, чертами. Ни дать ни взять, родные братья. А прибавить к этому одинаковые, ничего не выражающие лица...

Они, двое одинаковых, вошли и словно по команде оста-

новились с двух сторон от первого. Тот скользнул взглядом по каменным лицам сопровождающих, шагнул ко мне, ткнул в меня пальцем и заговорил, вернее не заговорил, он зашипел, безбожно коверкая язык:

– Я чего тебе приказать? Ты решить меня не слушать? – он запнулся, заметил лист бумаги, залитый чернилами, его лицо побагровело. – Так ты еще и бумага переводить! Ты хоть понимать, сколько он цена? Да за стопка, два таких ты можно купить! Я тебе сейчас показать!

Чего он хотел сказать, или показать я сразу не понял. Я просто уставился на его перекошенное от злости лицо и удивленно мигал глазами. Кто он, чего от меня хочет? Благо, скоро мне все объяснили, только объяснили другие люди и в другом месте, зато так объяснили, что я понял сразу и запомнил надолго.

Высказавшись, он повернулся к своим спутникам и что-то громко закричал. На этот раз он не стал измываться над русским языком, он воспользовался другим, не знакомым мне, мелодично-шипящим (я решил, что польским, а там, кто его разберет). В лавине иностранных слов четко послышалось родное, знакомое, близкое и понятное «на конюшню». Не могу сказать, то ли именно эти два слова он сказал по-русски, то ли я немного знал-таки иностранные языки, пусть хоть в пределах нескольких специфических фраз...

Тот из «братьев», к которому обращался «мушкетер» подошел ко мне, положил тяжелую руку на плечо и подтолкнул

меня к выходу. Я вылетел в соседнюю комнату, чудом удержался на ногах, устоял. Громко от всей души чихнул, мотнул головой и удивленно оглянулся. Уже почти сформировался весьма своевременный вопрос, но задать его мне не дали. Все тот же из «одинаковых» (не разобрал правый или левый), словно мешок забросил меня себе на плечо и вынес во двор. Я начал было возражать, попытался вывернуться, но потуги мои не привели к желаемому результату. Хотел я того или нет, меня несли, игнорируя вялые попытки сопротивления.

Мы пересекли пыльный двор, прошли через строй бородатых мужиков. Краем глаза я заметил, что они опускали глаза и все как один отворачивались от нас. Далее меня отнесли к одной из невысоких пристроек у открытых ворот, внесли внутрь и небрежно бросили на землю. Здоровяк окликнул кого-то, что-то неразборчиво пробормотал, затем лениво зевнул, сплюнул себе под ноги и вышел, громко хлопнув дверью.

Послышались тяжелые шаги. Из темноты закрытого помещения ко мне приблизился великан, высокий, широкоплечий, куда мускулистей крепыша, который меня принес! Он схватил меня за руки и рывком поставил на ноги. Я мрачно смерил его взглядом. Посмотрел на него, снизу вверх (по-другому бы и не получилось), он наклонился, воровато огляделся, убедился в том, что рядом никого нет, и тихо прошептал:

– Ты уж не серчай Прокоп, сам понимаешь. Пан приказал

– я сделал. Надо, значит надо. Но я остороженько, я вполсилы!

Если это у него «вполсилы», как же оно, если в полную?!

Я стоял все еще не понимая, что происходит, он же методично (явно не в первый раз!) разорвал и без того жалкого вида рубаху. Отошел на несколько шагов и широко замахнулся. Послышался свистящий звук, вслед за ним тонкая полоска узловатой кожи полоснула по спине, опоясала меня, а кончиком больно хлестнула по ребрам. Никак не ожидавший такого продолжения разговора, я отлетел в ближайшее стойло, в полете проломил головой доску, возможно не одну. Сразу стало темно, спокойно, стихли все звуки...

– Я что приказать? Теперь ты будешь книга разбирать? – в блаженную тишину забвения просочился вкрадчивый голос.

– Но, барин, я несильно, я легонько... – промямлил в ответ другой.

– И, правда, куда ты читать! Ты и не говорить толком. А вот если тебе так легонько? Не молот работать. Давать. Оживлять. Делать, делать! – мне удалось приоткрыть глаза, я увидел «мушкетера», тот стоял на пороге, увидел, как тот повернулся к моему мучителю. – Не дать бог, искалечить! Прикажу, будешь сам себя пороть! Обязательно буду видеть, сам себя пороть, вот я придумать!

Сквозь звездочки все еще пляшущие перед глазами я смог разглядеть кузнеца (вот что значит, батога испробовать, да головой доску перебить, уже кое-что понимаю!), он, низко

склонившись, стоял перед паном. Тот, кажется, еще что-то говорил, но я уже не слышал, наверняка из-за громкого гула в ставшей просто-таки неподъемно тяжелой голове...

С огромным трудом удалось полностью открыть один глаз. Первое что тот увидел – темный круг, летящий в мою сторону, через секунду от него отделилась прозрачная субстанция. Круг остановился, нечто прозрачное продолжило неспешный полет. Сознание на удивление легко распознало картинку: ведро, из которого холодная вода выплеснулась на меня. Просто в лицо. А она ледяная!

Я перепугано открыл рот и замотал головой.

– Слава Всевышнему! Живой! Ты уж извини, а? Я не со зла, не рассчитал чуток. Я ведь легонько хотел, а оно вон как получилось! Может водички, – я резко замотал головой. – Правда, что я такое говорю, какая тут водичка!

Еле различимой искрой среди сплошной темноты острой боли в голове тлели останки логики. Понимал я, боль, это боль, но пока есть возможность во всем разобраться, надо пользоваться...

– Где я? – тон умирающего и подделывать не пришлось.

– Так у меня ты, у меня. В конюшне, в смысле! – кузнец предупредительно вытер яблоко о засаленный фартук и протянул мне. – Вот яблочко возьми, пожуй!

Я снова мотнул головой.

– Где в конюшне? Что это за люди? Что за дом?

– Ну и ну! Ты хоть что-то помнишь?

Снова мотаю головой.

– Вот горе так горе. Пан меня точно убьет! Что же делать? – он мелко задрожал. – Так это. Ты в имении графа Варшавского, барина нашего. Писарь ты у него. Или как оно там, по-умному... библия... библео, а библиотекарь, вот так кажется. Ну, вспомнил?

Я изобразил руками замысловатую фигуру, нечто, что должно выглядеть, как неопределенность. В моем понимании...

– А день сегодня, какой?

Он растеряно смотрел на меня.

– Так я же это, календарям не обучен. Конец лета, вот как раз яблочки созрели. Ну, может, будешь, свежее, только с дерева?

– Год?

– Что говоришь? Год какой? – кузнец гордо расправил плечи и чуть не торжественно произнес: – Вот это я знаю. Год ныне 1768 от Рождества Христова. Помню, ты сам меня учил. А ты... нет... не припоминаешь?

Он снова помрачнел и взглянул на свои ладони, каждая из которых была больше чем обе мои.

– Плохо дело. Бежать мне надо, – он махнул рукой в направлении юга. – Туда, на дикие земли. Здесь мне уже жизни не будет. Со свету сживет, окаянный! Ты ведь не слышал, говорит, прикажу – сам себя пороть будешь, до смерти, до смерти засечешь, говорит! А как же это возможно, чтоб сам

себя, да еще и до смерти?

Он сжал кулаки, затем обреченно опустил плечи и добавил:

– А может все обойдется, а? Ты как думаешь?

Я еще не придумал что ответить (памятуя о перебитой доске, голова наотрез отказывалась работать), как на пороге вырос высокий худой человек. Одет он просто: широкие штаны и вышитая рубаха. По ее виду, чистая и довольно новая, я сделал вывод – он не самый последний человек в имении. Может управляющий?

Он внимательно посмотрел на меня, затем на кузнеца и тихо сказал:

– Жив! Ну, слава Богу! Давайте оба быстренько к хозяину. Сам зовет. Только ты, – он ткнул пальцем в мою сторону, – умойся, что ли. Вид у тебя какой-то, не знаю даже, пожеванный, наверное! Быстренько!

Уже на пороге он добавил:

– Осторожней там. Барин, как ни странно, в духе, не стоит его злить. Кто знает, чем все может обернуться...

Я поднял взгляд на кузнеца, тот шепнул:

– Приказчик это, Павел. Хороший человек, надеюсь, ты его вспомнишь, но сейчас скажу, если бы не он, было бы намного хуже. Хотя, что нам крепостным! Куда еще хуже.

Мы пересекли двор, подошли к высокому в четыре этажа зданию. Вошли в холл. По лестнице, я насчитал семьдесят четыре ступеньки, поднялись на верхний этаж. Кузнец, име-

ни которого я до сих пор не знал, остановился перед деревянной украшенной искусной резьбой дверью. Перекрестился. Посмотрел на меня. Коснулся рукой огромной шишки, которая пустила корни просто посередине лба, покачал головой и легонько постучал. В ответ послышался окрик, даже не приглашение, так, бессмысленный набор несвязанных между собой звуков. Мы вошли.

Граф Варшавский сидел за столом, повернувшись спиной к двери. Он чистил, а может, просто рассматривал пистолет. На нас он не обратил ни малейшего внимания, словно нас и не было. Как вести себя в присутствия барина я не знал, потому просто остановился у самых дверей и исподлобья рассматривал комнату. Кузнец также молчал. Он застыл рядом со мной и стоял, потупив глаза, глядя на ковер, который начинался просто у наших ног. Наверняка он у графа уже бывал и интерьер помещения его нисколько не интересовал в отличие от меня...

Комната занимала половину верхнего этажа. Три стены, выходящие во двор. На каждой по два одинаковых окна. Наверное, вид из окон должен быть отличный. Вот только с моего места пейзаж был не особо занимательный. Видно только бескрайнее голубое небо, плюс несколько маленьких облаков на нем. Вот подойти бы поближе! Но я не решился, да наверняка и правильно сделал. Возможно, мне как контуженому было бы какое-нибудь снисхождение, но я на это не очень рассчитывал. Потому ограничился осмотром убранства по-

мещения.

В пространстве между окнами в полнейшем беспорядке висело оружие: щиты, мечи, арбалеты, секиры. По углам комнаты – четыре рыцарских доспеха, слегка тронутых ржавчиной, на одном из них красовалась какая-то странная конструкция из перьев.

На стене, той, что напротив двери, за столом графа между открытых окон покачивался большой, во всю высоту помещения, флаг. Он выглядел очень старым, антикварным, а может, всего лишь молил о стирке. Цвет стяга уникальный, что-то среднее между сиреневым и бордовым, жуткая смесь. На нем, в верхней его части, красовался герб. Родовой герб графа – широкий щит. На нем овальной формы синее пятно, озеро или пруд, это в верхней части. В нижней колосок, и какое-то мелкое животное, ни дать ни взять, крыса.

Вот собственно и все. Больше и разглядывать было нечего, хотя, вру. Еще диван был, позади нас и чуточку левее, на него ковер наброшен или со стены свалился...

К тому времени, когда я вдоволь налюбовался неприятным интерьером, графу надоело нас игнорировать. Он медленно повернулся. Смерил взглядом одного, другого. Пробуравил глазами кузнеца, задержал взгляд на мне, поднял пистоль, прицелился.

– Паф! Страшно? Вот и правильно, боятся свой барин!

Он встал, подошел ближе, размахивая пистолетом, пригляделся внимательнее ко мне, громко засмеялся. Через

несколько секунд снова стал серьезным и сказал:

– Тебе, как по-вашему, к лицу! Наверное, я приказать, бить тебя постоянно, чтоб не сходить! А я тебя друзья показывать. Пусть смотреть и любоваться мой красота!

Он резко повернулся к кузнецу и в упор посмотрел на него. Тот хоть и был на целую голову выше барина, весь сжался, скукожился, голову втянул в плечи, даже дышать перестал, только посапывал, тихо-тихо, еле различимо.

Послышалось шипенье графа:

– Ты хотеть в Сибирь?

Тот промолчал, только сильнее втянул голову.

– Думаю, не хотеть! И правильно, я слышать, там холодно!

Тогда сказать мне, что с тобой делать? Может пристрелить, – он поднял пистоль и нацелил его в голову кузнецу. – Нет, не интересно. Может друзья собирать, и охоту устраивать? Все мы на весь ты. Идея!

– Так я ведь не буду... – пробормотал кузнец.

– Точно! Тогда точно не буду! Хотя нет. Кто кроме ты, будет ему красота наводить, – он громко засмеялся и тут же снова вернул серьезность на лицо. – Нет. Пока не буду. Добрый я сегодня. Вот видеть, пистоль подарили – красота, правда?

Словно по команде мы дружно закивали головами.

– Дорогой вещь, только не стрелять. Что-то в нем сломаться. Сможешь сделать?

Не поднимая головы, кузнец взял пистолет и энергично

закивал.

– Хорошо. Идти и на глаза не попадаться, пока не сделать!

Схватив пистоль, кузнец так быстро выскочил за дверь, что даже полы барского сюртука качнулись.

– Теперь ты, – он ткнул пальцем мне в грудь и вот гад, попал просто в то место, куда ранее угодил кончик батога, я закрипел зубами. – Бежать на место. И чтоб сегодня все сделать! Сегодня, раньше вечер! Завтра дочь приезжать, все быть готовым!

Я уже собирался идти, надеясь на месте разобраться, что именно должно «быть готовым», но он меня остановил:

– И смотреть мне. Дочь из сама Сорбонна приезжать. Не дай бог, хоть что со список нет! Сам мне за час Гомер написать. И еще, чтобы помнить, посмотреть на нее, так, как мне не нравится – убивать! Пробовать заговорить – убивать! Не дай бог она на тебя пожаловаться – убивать! – он замолчал, пожал плечами и продолжил: – Может тебя сразу убивать? Чего ждать? – он засмеялся и сквозь смех добавил: – Быстро с глаз!

Я вылетел из кабинета еще быстрее, чем до меня это сделал кузнец (конечно, если такое возможно). Даже не успел и подумать, как смогу вернуться, ведь я понятия не имел, где находилась моя комнатка с полукруглым окном, как столкнулся на ступеньках с виновником всех моих бед. Тот затаился этажом ниже и поджидал меня, спрятавшись за колонной. Услышав мои шаги, он вышел из своего укрытия и ви-

новато спросил:

– Ну, это, как там, нормально?

– Лучше не бывает, – ответил я, демонстративно касаясь заметно округлившейся шишки. – Просто отлично...

– Так извини, я же не со зла. Страх как его ирода, – он показал пальцем вверх и испуганно оглянулся, – боюсь!

– Да ладно, чего уж там, забыли. Только ты будь добр проводи меня, а то боюсь сам не дойду.

– Вот это прямо-таки запросто. Даже с удовольствием. Только давай здесь под стеночкой пройдем. Кто знает, что у него в голове, вдруг именно сейчас вниз смотрит! Не будем искать неприятностей...

Свои стены всегда помогают, даже если они не такие уж и свои. Я вернулся в знакомую мне каморку, которая, как оказалось, находилась в том же здании, что и апартаменты графа, только вход был с противоположной стороны. Еще раз выслушал вздохи и извинения кузнеца, еще раз великодушно его простил. Видно же – он человек хороший, не надо на него зла держать! Времена просто такие.

Несколько раз я клятвенно заверил его, что не сержусь, даже взял-таки яблоко, которое он продолжал настойчиво мне предлагать. Но лишь после того, как я напомнил о распоряжении графа и возможных последствиях его невыполнения, он быстро попрощался и вышел. Я же остался в одиночестве и тишине. Сам собой, непроизвольно, вырвался вздох и растворился в пустом помещении. За вздохом при-

шла странная и не очень своевременная мысль: «А ведь все те, кого я вижу, они давно мертвы!».

– Только как для мертвых очень даже здорово дерутся! – уже вслух добавил я и потрогал огромную шишку. – Слишком здорово...

Нет, если вдуматься, все не так и плохо! Кому из моих современников удавалось почувствовать на себе жизнь настоящего крепостного, из самого что ни на есть настоящего восемнадцатого века? И, похоже на то, лично у меня она не такая уж и тяжелая. Разве это трудности: сиди себе, да книги перебирай! Правда, узнаю себя, даже будучи крепостным, я старался особо не перетруждаться. Вот даже на хорошую взбучку заработал. Лентяй, что тут можно сказать! А еще, по всему видно – поспать любитель. Да точно, люблю я это дело. Страсть как люблю! Судя по солнцу, только недавно за полдень перевалило, а меня уже в сон клонит, просто как поздним вечером. Может, это оттого, что я всю ночь тружусь? Сомнительно! Нет, но глаза так и слипаются.

– Обойдусь! Не сегодня. Не в этот раз. Для начала надо поработать. Знать бы только, что нужно сделать! – пробормотал я и огляделся.

Логика куда-то запропастилась, полагаю, она осталась там, в конюшне, потерялась где-то в глубине разломанного мною стойла. А может, перетекла в шишку на лбу и не желала возвращаться? «Что ж пусть отдохнет, – решил я, – буду пользоваться тем, что осталось – здравым смыслом».

Взялся я за размышления. Подумал: «Ставлю перед собой задачу, требуется понять, какое именно распоряжение я должен выполнить. Если удастся это узнать, вполне вероятно придет и понимание того, за какие заслуги попал в немилость. Ведь не из-за листка запачканного чернилами граф так рассвирепел? Хотя, кто знает, может, в эти дни бумага столь ценна, что в сравнении с ней моя жизнь и вправду ничего не стоит, не говоря уже о моем здоровье!».

Все оказалось очень даже просто. Достаточно было перевернуть забрызганный чернилами лист (что я и сделал, исключительно из любопытства), как все стало на свои места. На нем, на обратной, повернутой ранее к столешнице стороне, красовался нумерованный список книг. Слова написаны безукоризненным каллиграфическим почерком, и кроме того на нескольких языках. Я даже с удивлением подумал: «Неужели умею?». Но нет. Чуда не случилось. Только я взял в руку перо и попробовал написать несколько слов, стало понятно – это точно не я. Да и языков я столько не знаю. В смысле я теперешний, это в том смысле, что я теперешний, который оказался там...

Ладно, забыли. словно в подтверждение моих путаных размышлений капелька чернил скатилась с оточенного пера и украсила результат моих стараний еще одним симпатичным чернильным паучком. Вот сразу видно – моя работа!

Все это не столь важно. Какая разница кто писал, да и почерк легко догадаться женский. Важно другое – это и есть

мое задание, это список книг, которые я должен подготовить к приезду графской дочери. Сами же книги, не иначе как в тех самых ящиках в соседней комнате.

– Ну, если я, образца поза позапрошлого века, такой бездельник, то, что тут сказать, поделом мне! Думаю, даже легко отделался. Но почему же, так спать хочется? Может и правда, хоть часок а?

С огромным трудом удалось отогнать назойливую мысль и взяться за дело. Вскрывал коробки, копался в ящиках, доставал книги, рассматривал их и удивлялся. Нет, ну неужели сразу нельзя было все сделать? Не дожидаясь стимула в виде удара кнутом! Согласись, работа непыльная, простая, даже немножко увлекательная. Да и времени потребовала немного. В списке значилось без малого три десятка книг, я справился менее чем за час. Закончил, сложил томики пирамидкой на столе, а потом еще долго рылся в ящиках, рассматривая остальную литературу. Хотя, если уж совсем честно, то по большей части разглядывал картинки.

Скоро мне все надоело и я, заметив в дальнем углу комнаты с ящиками конструкцию более всего похожую на лежак, как мог удобно устроился. Громко зевнул и снисходительно позволил глазам закрыться.

Глава тридцать четвертая

Утро выдалось невероятно шумным. Началось оно (для меня лично) с топанья множества ног, обутых в тяжелые сапоги. Казалось, солдаты (воинское подразделение, да полк, никак не меньше!) не нашли себе лучшего развлечения, кроме как под моими стенами тренировать строевой шаг. Спасибо хоть не строевую песню! Кому понравится такая побудка!

Я нехотя сполз с лежака. Энергично потянулся, побрел в другую комнату, ту, что поменьше, подтянулся на проверенном подоконнике, схватился обеими руками за прутья, устроился как мог удобно, выглянул в окно, осмотрелся. Любопытная картина. Сколько лет живу на свете, ни разу не видел, чтобы такое количество людей одновременно суетились. Да еще и так... слаженно...

Уже знакомый мне двор, ту его часть, которая вчера была заполнена груженными телегами, одновременно мели, чистили и поливали водой. Несколько десятков бородатых мужиков энергично махали лопатами, выгребали ними землю, которая с момента последней уборки толстым слоем покрыла мастерски выложенную мостовую. Следом двигалась шеренга молодых парней, вооруженных большими метлами, они размеренно ними взмахивали, мели, поднимая густые клубы пыли. Меж ними суетились женщины, внося

свой вклад в живописную суматоху, попутно орошая землю водой из дырявых ведер. Ветра не было, потому вся пыль, которой несмотря на обильный полив было предостаточно, неподвижно висела в воздухе, окрашивала в серые оттенки окрестности, скрывала и без того невеселый пейзаж.

Из всего этого беспорядка просто под мое окно материализовался граф Варшавский. Он что-то кричал, слова ко мне не долетели (да и слава Богу!), энергично размахивал руками, тыкал пальцами во все стороны. За ним еле поспевал приказчик, на ходу записывающий что-то в книжечку.

Продолжая криками и жестами стимулировать суету, граф на десяток метров отошел от меня, но вдруг остановился, обернулся и уставился просто на мое окно, хорошо хоть сквозь грязное стекло ничего не разглядеть! Резко поднял руку и ткнул пальцем в мою сторону, чем вызвал бурю далеко не самых приятных эмоций. Во мне, конечно же.

Приказчик покорно кивнул, не иначе как в ответ на слова графа, и скрылся в облаке пыли, я же от греха подальше прыгнул на пол. Вчерашний урок был усвоен – лучше лишний раз не попадаться барину на глаза. Так оно спокойнее.

Я только и успел подумать о том, что мне также полагается что-то делать, может даже участвовать в общей суете, как в мою каморку просочился отвратительный звук. Топот. Кто-то спешил ко мне. Впечатления от последних слышимых мною шагов еще были очень свежи, потому и не удивительно, что я заметался в поисках чего-то, что поможет мне

создать видимость работы. Схватил первую же попавшуюся под руки книгу и с озабоченным видом принялся переворачивать страницы.

Дверь распахнулась, я мысленно сжался. Преодолевая страх, поднял глаза, взглянул в сторону входа и облегченно выдохнул. На пороге стоял приказчик:

– Здрав будь, висельник!

Странное у него приветствие. До сих пор не могу понять, то ли он так со всеми здоровался, то ли он один из непризнанных провидцев своего времени. Кто знает, может он уже тогда знал, чем все для меня все закончится? Даже и не гадаываюсь...

Тогда же я, не задумываясь, выпалил:

– Я не висельник, я весельник! С добрым утром!

Да, а у меня приветствие ничуть не хуже. Во всяком случае, не менее вразумительное. Что я хотел этим сказать, не представляю. Хотя, как вариант, может я греблей занимался? Веслом загребал... куда-то... откуда-то...

– Вижу, Карпуша не так сильно тебя зашиб, как рассказывает! Вчера вечером приходил, каялся. Говорил, памяти твоей конец пришел! Забыл, говорил, ты все на белом свете. Хотел было еще вчера к тебе забежать, проверить, да все никак не мог собраться. Сам понимаешь – дел по горло. Вот-вот дочку хозяина нашего встречать, а до сих пор даже двор толком не вычистили.

– Разве она грязи не видела, чего так стараться?

– Надо стараться потому как впервые она в имении. Она с матерью живет там далеко, – он махнул рукой на запад. – Вот барин и хочет, чтобы все как должно было! Ты, между прочим, сам-то справился? Граф говорил, ты какие-то книги подготовить должен?

– Да вон они все, до единой. Стол захламляют, пылятся, пусть читает, сколько вздумается.

– Это хорошо. Сегодня барина лучше не злить, да и некуда больше. Так что ты сиди здесь, не высовывайся, пусть тебя меньше кто видит. Кстати, окно твое ему очень не понравилось. Вот пока будешь здесь отсиживаться, протри его чем-нибудь. И еще здесь приберись, да выложи наконец-то книги куда-нибудь. Хотя нет, не надо, еще ведь полки до сих пор не привезли. Не выкладывай. Но ящики расставить не помещает. Ровненько так, под стеночку. И переодеться не забудь!

Он скрылся за дверью, а я со вздохом погрузился в бурлящую вокруг меня суету.

Софья, дочь нашего барина, оказалась приятной очаровательной девушкой с прелестным личиком, несколько бледным (особенно в контрасте с длинными каштановыми волосами) и большими синими глазами. Вот если бы она мне встретилась где-нибудь, когда-нибудь, да просто в другом месте, у меня бы и мысли не возникло, что она может быть дочерью графа, ну совершенно ничего общего! Вообще ничего ни во внешности, ни в характере. Как-то все в ней не

от графа, нет спеси его, нет плещущей через верх злобы. Лишь искренность в ней, доброта да женственность, настоящая, подлинная...

Правда, это я увидел после. Сразу рассмотреть ее, мне не удалось.

Уже на следующий день ранним утром она в сопровождении отца спустилась в мою каморку. Я непроизвольно задрожал, опустил глаза, изо всех сил стараясь на нее не смотреть. Кто знает, что у графа в голове? С его замашками вполне вероятно для меня все закончится еще до того, как я пойму, зачем я здесь. Так что я отводил глаза, рассеянно кивал, а в ответ на ее вопросы лишь невнятно бормотал. Она все это видела и, похоже, такое положение вещей очень ее забавляло. Оно и понятно, ей все шуточки, а мне они могут и боком выйти.

Сам граф, как я сразу понял, был полностью равнодушен к книгам. Я бы ничуть не удивился, если бы оказалось что он и читать не умеет. Да и зачем ему это надо? На то приказчик имеется, я, на худой конец...

На протяжении всего времени пока я сквозь зубы и частенько невпопад отвечал на вопросы его дочери, втайне надеясь, что такие ответы не подпадают под запрет разговаривать с ней, он откровенно скучал. Я все сильнее терялся, слова давались мне с каждой минутой труднее, а когда граф заметил на стеллаже мятую шляпу, которую я забыл-таки спрятать, остатки моего красноречия исчезли окончательно.

Как ни странно, мучения скоро закончились. Граф, несколько секунд повертев в руках шляпу, забросил ее обратно. Потом, то ли действительно вспомнил о чем-то важном и неотложном, то ли ему просто надоело стоять столбом в окружении творений мастеров слова, он прошептал что-то на ухо дочери и скрылся за дверью. Послышались его шаги, затихающие, удаляющиеся...

– Ну, хватит уже. Отец ушел. Показывай где мои книги?

Будто только в тот момент я услышал этот голос. Ее голос! Тот самый бархатный, грудной, нежный, зовущий, певучий и ласковый, такой близкий и такой знакомый... Я замер, но лишь на мгновение, медленно поднял на нее глаза. Я еще не видел ее, но воображение уже набросало портрет. Она! Ее лицо, прекрасное лицо! Я знал его всегда, ее глаза я помнил вечно. До боли знакомые черты, волосы, прикосновение к которым верх наслаждения, высочайшее блаженство, о котором только можно мечтать. Эти синие-синие, словно лепестки полевых цветов глаза, которые не дают уснуть. Этот взгляд, в котором все: и нежность, и искорки смеха, и легкая тень грусти, и пламя бесшабашного веселья. И смотрят они так пронзительно, с усмешкой, с вызовом. Свежий румянец проступает на щеках...

– Но в тот миг эти милые глаза смотрели на меня с удивлением. Казалось, в их бездонной синеве читалось одно слово, одно, короткое, но такое емкое – ты?

– Понятно, это та самая Пелагея, или как там, Даша? Что же получается, если это (с твоих слов) генетическая память, память, передаваемая по наследству, через ДНК, наверное, или еще как-то – твои предки любили похожих женщин?

– Ты так ничего и не понял! Никакая это не память. И никакие это не предки. То был я. Вернее мы. Пойми же, мы созданы друг для друга и любили друг друга во все времена, во все эпохи, вот только быть вместе нам не судилось... Касаемо памяти и прочего, так то идеи Ирины. Мне же совершенно неважно во что она верит, вернее, верила... Лично я поверю во что угодно, лишь бы ее еще раз увидеть!

– Но ведь это всего-навсего плод воображения, фантазия! Да, а что же еще? Разве можно утверждать, что все это тебе не приснилось, или не было навеяно каким-нибудь гипнозом?

– Пусть даже так. Но послушай, допустим, я вижу ее один раз в сто лет. И пусть даже не по-настоящему, но один раз, пусть день, пусть даже час, а то и того меньше. Но в этот день, час, мгновение, я счастлив, по-настоящему счастлив. Ты много знаешь людей, которые могут похвастаться тем, что хоть одно мгновение в своей жизни были по-настоящему счастливы?

– Не буду спорить, да и время для дебатов уже слишком позднее. Что было дальше?

– Дальше? Дальше был целый час счастья, несколько минут безрассудности, ночь страха и утро казни. Последнее

утро...

Признаюсь, я немного соврал. Даже не час, целых два часа с того момента, когда граф оставил нас наедине. Целых два часа мы разговаривали. Я доподлинно не помню о чем конкретно, кажется, обо всем сразу. Мы беседовали словно люди, которые на протяжении веков знакомы друг с другом (но ведь так оно и было!). Словно старые знакомые, чья судьба разлучила, но вот неожиданно смиростивилась и даровала такую долгожданную встречу. Мы говорили обо всем одновременно, стоило мне начать разговор, как она тут же подхватывала тему, речь плавно перетекала в новое, порой в совсем уж неожиданное русло. Мы вспоминали и о нашей прошлой встрече (ну ты понял, тогда в подвале монастыря), как и я, она помнила каждое мгновение тех далеких событий. Она рассказала, что в тот миг сразу же узнала меня, но вдруг чего-то испугалась, спряталась от самой себя, от своих чувств и вынуждена была ждать второй встречи, но обрушение монастыря не позволило ей исправить нелепую оплошность. Она рассказывала о еще одной своей на удивление короткой жизни. О том, как искала меня, и как трагически все закончилось. Она...

Но все хорошее скоро заканчивается. Наш разговор не стал исключением. За ней пришли. На прощание она с грустью посмотрела на меня, кивнула, печально так, будто прощаясь на века, чуть заметно махнула рукой и словно обре-

ченная медленно побрела прочь.

Почти уверен, у нее была возможность вернуться, могла она, но, думаю, она боялась. И боялась не за себя, боялась за меня. Боялась навлечь на меня гнев своего отца. Хотела прийти, но не хотела навредить мне. Знаю, это была жертва с ее стороны, потому в ответ я должен был тоже чем-то пожертвовать. Вот только тогда я и не догадывался, что пожертвовать придется всем и очень даже скоро. Тогда же я просто верил, я знал, я должен был что-то сделать. Сразу, незамедлительно! Вот только что?

Я погрузился в размышления, погряз в раздумьях. Думал долго, напряженно, но, как и следовало того ожидать, ничего сколько-нибудь умного не придумал. Тогда решил ничего не изобретать, а просто продолжить нашу беседу, вечером у нее в комнате! Всего-то...

Разве это сложно? Ни капельки! Более того, у меня уже в этой жизни был скромный опыт лазания в окна. Правда, тот случай ничего общего с романтикой рыцарских поступков не имел. Было это во времена бурной студенческой юности. Молодой я был, горячий, а зима выдалась, ой какая холодная! Жил я тогда в общежитии и вот однажды возвращался с дежурной гулянки, конечно же, за полночь. И, конечно же, двери на замке. Вахтер, пожилой мужчина, человек понимающий, он бы меня пустил, но проблема заключалась в том, что он спал, вдобавок со слухом у него было туговато. Так что я стучал, стучал, пока не почувствовал, что начи-

наю примерзать к крыльцу. Вот и пришлось, по решеткам на первом этаже, да по водосточной трубе на втором, далее по карнизу. Словом постучался я в свое окно на третьем этаже, меня и впустили. Не романтика конечно, к тому же и выпившим я был крепко...

Да, в тот раз все закончилось хорошо, а вот в этот... Что тут можно сказать, скажу как было – я окна перепутал. И к тому же крайне неудачно. Попал не куда-нибудь, а прямоком в спальню графа! Вот ты, вижу, улыбаешься, пожалуй, я сейчас тоже посмеюсь, особенно когда представлю его перепуганную физиономию! Тогда же было не до смеха.

Ума не приложу, как я мог так промахнуться?! Ведь я ее видел, вечером, в окне, она мне рукой махала, видел, был уверен, что помню которое из окон ее, а тут такое дело. Раз и мимо. Еще и длительное безделье не пошло мне на пользу. Карабкался я, лез, хватаясь за все, за что только можно было, и уже из последних сил вцепился в подоконник. Чуть было не свалился на землю, но чудом исхитрился упасть в комнату. Не успел дыхание перевести, так тут вопль такой, дикий, громкий, оглушающий! Просто пожарная сирена! Я до того растерялся, что даже испугаться забыл. Он же с кровати свалился, заорал что-то по-своему. Рванулся бежать, споткнулся, упал, на него доспехи со звоном свалились (удачно так рядом с кроватью стояли), грохота было! Исключительно дабы лучше видеть, я встал на ноги, а чтоб не упасть, схватился за древко секиры, тогда он и вовсе взвыл...

После прибежали охранники и меня как почетного гостя под белые ручки препроводили в подвал. Вернее, почти как почетного гостя, потому как тумачи и подзатыльники, которыми меня потчевали, никак не вязались с этим высоким званием.

Да, так все и случилось, охранники, добрые мои знакомые, подгоняя в меру своих сил и фантазии, привели меня к большой оббитой металлом двери. Лязгнул замок, меня швырнули в густую темноту подвала. В полете я наткнулся на какой-то ящик, может даже проломил его (голове моей не привыкать!), падая, содрал кожу с колена. Для полноты букета ощущений напомнила о себе рука, которую всю дорогу выкручивал охранник. Безумно захотелось закричать.

Вспыхнул свет, коптящий фонарь подвесили у входа. Я, насколько смог, приподнялся и попытался возмутиться:

– Но я ведь ничего плохого не хотел! – конечно, пока меня вели, можно было придумать что-нибудь оригинальнее, вот только за пинками, да затрещинами некогда было.

Охранник, великан с каменным лицом, смерил меня презрительным взглядом, проводил завистливым взором напарника, возвращавшегося охранять графа, вышел сам. Несколько минут спустя, я даже не успел заскучать, он вернулся в сопровождении кузнеца. Тот держал в одной руке кусок цепи, в другой большущий молот. Споткнувшись о порог, кузнец смачно выругался в адрес тех, кто мешает людям ночью спать, но здоровяк только взглянул на него и тот

умолк. Вернее не умолк, продолжил бормотать, но уже тихонько, себе под нос, лишь губы медленно шевелились.

– Хватит бубнить! Раньше закончишь, быстрее спать пойдешь. Все что от тебя требуется – заковать этого бездельника. После ты свободен. Но смотри, будешь еще что-нибудь в адрес графа говорить, самого в клетку посажу, собственными руками! – охранник сплюнул и вышел.

Кузнец протянул цепь сквозь вмурованное в пол кольцо и принялся надевать кандалы мне на руки. Он оглянулся, убедился, что охранник удалился и зашептал:

– Похоже, не лучшие для тебя часы настали! Вчера шишку получил, а на завтра по тебе виселица плачет!

– Как так виселица?

– А то ты виселицы не видел! Обычная, деревянная. Помнишь, на прошлой неделе Федора повесили? Хотя где там! У тебя же с памятью проблемы. Или все-таки с головой! Какого черта ты к графу среди ночи полез?

– Но откуда...

– Так уже почти все «оттуда». Крику было! Но давай о деле. Я тебе сейчас руки закую, только заклепаю сильно, слишком сильно! Понимаешь? Металл тонкий будет, потом, когда все успокоится, хорошенько потянешь, клепка распадется. Соображаешь? Пока становись на колени.

Что-то со звоном упало на каменный пол, кузнец оглянулся и подвинул ко мне большой ключ.

– Это ключ от подвала. Как только все стихнет – беги! Я

бы тоже с тобой подался, но сам понимаешь, семья! Только прошу тебя, туда беги, в степи. Не то опять полезешь в окна...

Продолжая бормотать что-то неразборчивое, кузнец вышел. Охранник еще минуту постоял на пороге, видимо оценивая толщину двери и мои шансы на побег. Похоже, ему не давали распоряжений стеречь меня лично, во всяком случае, делать это ему не хотелось. Он закончил осмотр двери, перевел взгляд на меня, закованного в позе низкого старта, еще раз сплюнул на пол и вышел. Хлопнула дверь, лязгнул механизм замка. Все стихло, я же остался в тишине, темноте и одиночестве. Хоть бы свет оставили!

Там, снаружи, за толстыми стенами разыгралась гроза. Оно и не удивительно, весь день безжалостно пекло. Воздух, насыщенный электричеством, просто не мог не взорваться гигантскими искрами молний. К слову, самих молний я не видел, да и не мог видеть, в подвале не было окон, а дверь плотно закрыта. Только изредка, сквозь толщу преград до меня долетали отголоски грома. Но мне не надо было, ни слышать их, ни видеть, я чувствовал. Стоило только вспыхнуть небесной искре, она отбивалась во мне и пламенем разгоралась в мозгу. Сознаюсь, я уже начал ждать ту «мою» молнию, которая подобно каменным плитам монастырского свода, поразит меня и, словно распластанное насекомое, пришьит к полу. А если так должно случиться, что я смогу противопоставить судьбе? Какую найду лазейку, чтобы улиз-

нуть, как избежать неизбежного? Никак. Я смирился, почти смирился.

Вспышки прекратились. Перестало ощущаться электричество, да и раскаты грома стали реже, звучали глуше. Гроза уходила...

С одной стороны хорошо знать как, а главное, когда, для тебя все закончится, но ведь не хочется покоряться судьбе! Нет желания сдаваться, особенно понимая, что у тебя есть возможность что-то исправить, что-то изменить. Пусть лишь попытаются!

Быстро пришло понимание – если я собирался что-то менять, то лучшего времени нечего и желать. Я ощупал железки, украшающие мои запястья – кузнец сказал правду. Он действительно использовал слишком короткие заклепки, кроме того, слишком сильно их расклепал. Мне оставалось лишь слегка вывернуть предплечье, чуточку напрячься и левая рука была свободна. Немного пришлось повозиться с правой, но несколькими минутами позже я уже был практически вольным человеком. Подошел к двери, единственное, что отделяло меня от свободы это два оборота тяжелого ключа. Один, второй. Вот и все – передо мной открыты все пути. Я высунул голову наружу, меня тут же окатило водой. Гроза ушла, оставив по себе проливной дождь.

– Лучше быть мокрым и живым чем сухим и мертвым, – вслух изрек я и шагнул под струи небесной воды.

Дверь так и осталась открытой. Я даже ключ вставил сна-

ружи. Пусть думают, что охранник забыл меня запереть! А то и вовсе выпустил! Достанется же ему утром! Но это его проблемы, пусть сам и разбирается, у меня своих забот достаточно. Первая из них – определиться куда бежать, в каком направлении и как, ведь вокруг имения высокая стена.

Как хорошо, что ноги знали больше, чем помнила голова! Они принесли меня к восточной части ограды, к тому месту, где та была не особо высокой, а в самой кладке за многие годы чьи-то руки и ноги вытерли известку, соорудив некое подобие лесенки.

С той стороны у самых стен плескалась река, но, как оказалось, я знал брод! Любопытно, как часто я таким маршрутом путешествовал и еще, куда? Ноги привели меня к тому месту, где вода не поднималась выше пояса. Я быстро форсировал преграду и, не разбирая дороги, побежал напрямик. Очень хотелось верить в то, что я выйду хоть куда-то и тлела надежда, что непременно туда, куда мне надо. Правда, сам я доподлинно не знал, где оно, то, нужное мне место. Но была надежда и вера присутствовала, потому я, не обращая внимания на потоки дождя, бежал вперед, только вперед, куда угодно, лишь бы подальше от графского имения.

Бежал долго, казалось, часа два, никак не меньше. Время шло, каждый шаг давался все труднее, похоже, я, тот я, также как и я нынешний, не очень-то привычный к физическим нагрузкам. Очень скоро ноги, густо облепленные грязью, начали заплетаться и в тот самый момент, когда я уже готов был

упасть просто в болотно-земляное месиво, я налетел на какого-то человека. Прозвучал испуганный окрик, меня с силой оттолкнули, затем послышался свистящий звук, с ним что-то острое полоснуло меня по плечу. Тихий шепот дождя заглушил топот множества ног. Несколько людей обступили меня, кто-то приближался, размахивая горящим факелом.

«Разбойники с Петровского тракта!» – испуганно прошептала странная мысль. «Но ведь не может этого быть, те жили сотню лет назад, тогда кто?» – вопросом ответила ей другая...

Глава тридцать пятая

В свете факела я наконец-то смог рассмотреть людей окруживших меня. Похожи они друг на друга, просто братья, почти близнецы. Все как один одеты в длинные черные плащи, под которыми угадывалась военная форма. Лица каждого украшали усы, у одних юношеские редкие еле различимые, у других густые, черные и по-молодецки закрученные вверх. Форма, плащи, усы – подразделение военных усачей, любопытно...

Свет помог и им. Меня увидели. Один из военных, тот, на которого я наткнулся во мраке ночи, вскрикнул:

– Вот горе-то! Я тебя хоть не убил? Чего же ты посреди ночи в темноте бегаешь, да на людей кидаешься?

Он коснулся моего плеча, посмотрел внимательнее, успокоился. Остальные же весело загудели.

– Вот это ты, корнет, дожил! С крестьянами сражаешься? Вот что значит солдату и без войны!

– Хватит потешаться. Помогите паренька в лазарет снести, не то совсем кровью истечет. Давайте на перевязку, а затем доставим к полковнику, пускай сам решает, что с ним делать!

Кажется, я потерял сознание. Во всяком случае, когда удалось снова открыть глаза, я лежал на сене, а надо мною склонился незнакомый мужчина в форме, поверх которой

был наброшен белый халат. В его руках белел большой моток белоснежной ткани. Бинт? Военный врач? Похоже на то. Он промывал рану, какой-то ароматной жидкостью, заметив, что я открыл глаза, задорно подмигнул:

– Что тут можно добавить, как говорится, до свадьбы...

Он действительно был похож на доктора, а вот на солдата не очень. Даже мундир, который был на него надет, казался не его, а словно взятым поносить у кого-нибудь из настоящих военных. Может, так оно и было? Не знаю, но разве это что-то меняет? Одолжил и все тут, мне-то какая разница? Да и знакомство наше продлилось не более двух минут. Рана ведь смехотворна...

Очень скоро слегка подлеченного меня отвели в лагерь. Проводили в просторный шатер. Пропустили вовнутрь и оставили скучать в одиночестве.

Так вот значит, как выглядит полевой штаб! Просторная палатка, посередине которой разместился большой письменный стол, похож на тот, что остался в имении графа. Также деревянный, также резной. Любопытно даже, как его с собой возили? Он же тяжеленный наверняка! Да и кроме того он в проем матерчатой двери ни за что бы ни прошел, шире он, гораздо шире. Получается, сначала ставится стол, а уже вокруг него сооружается шатер? Такая себе занимательная военная наука. Может, так всегда поступают, или поступали, как минимум? Нет, не думаю, скорее всего, этот стол чем-то памятный, заслуженный он, не зря же к нему такое отноше-

ние. Уважительное...

Исключительно из праздного любопытства я повертел головой. Оказалось, кроме стола и рассматривать нечего. Всей обстановки: стол, несколько стульев, да походная кровать, покрытая плащом знакомого покроа.

Минутой позже в шатер вошел высокий статный офицер лет сорока с украшающими лицо густыми седыми бакенбардами и черными как смола усами. Он обошел вокруг меня с явным любопытством рассмотрел, задержал взгляд на свежем бинте, которым была перевязана почти боевая рана. Не сказав ни слова, подошел к столу, развернул один из ближайших стульев, сел, кивнул мне:

– Ну и кто это у нас такой грязный да мокрый? Присаживайся к огню, согреешься.

Только теперь я заметил буквально в шаге от меня походную печку, в которой весело покачивались языки пламени. И только теперь осознал, как сильно замерз. Пока бежал, думать о холоде некогда было, пока перевязывали, не было желания, а вот теперь, в тишине да спокойствии, истина открылась. Словно сама собой. Оказывается, я не просто замерз, у меня и вовсе зуб на зуб не попадал.

Ждать повторного приглашения я не стал, поскольку не был уверен, что такое последует. Коль уж пользоваться гостеприимством, так по полной программе. Я шагнул вперед, присел на корточки, протянул руки к теплу.

Тем временем полковник продолжал внимательно меня

разглядывать. Смотрел, отводил взгляд, шевелил губами, поднимал глаза на матерчатый потолок палатки, качал головой, снова рассматривал меня. Так продолжалось несколько минут, но вот он вздрогнул, подпрыгнул на стуле и звонко хлопнул себя ладонью по лбу.

– Вспомнил! Память не пропьешь, что бы ни говорили! Вспомнил! Ты ведь графа Варшавского, правда?

Я похолодел, только на этот раз уже не от холода. Полковник поднялся, подошел ко мне, глядя буквально в упор, а то и сквозь меня, пронизывая насквозь. Я медленно кивнул. Он чему-то обрадовался, потер руки, подошел к выходу и кого-то окрикнул. На зов прибежал корнет, тот который меня ранил, полковник что-то ему шепнул и тот убежал. Сам же вернулся к столу. Повернул стул на одной ножке, снова сел, положил ногу на ногу. Вопросительно кивнул.

– Ну, рассказывай, что ты здесь делаешь посреди ночи? Куда путь держишь?

Я продолжал молчать, лишь внимательно изучал свои ладони, которые так приятно согрелись возле жаркой печки. Рядом со мной на раскаленном железе плиты закипел чайник (а я и его не видел!), он начал громко булькать, подпрыгивал и грозился залить плиту кипятком. Полковник поднялся и подошел ко мне.

– Да ладно, хватит уже. Не то загорисься, пожар нам устроишь. Пошли к столу, чай пить будем.

Через мгновение на столе появились чашки с блюдцами

и большая тарелка с ароматными еще теплыми булочками. Даже и не знаю, то ли они действительно материализовались из ничего, то ли мое восприятие так затормозилось. Оттого, что замерз, не иначе...

– Не стесняйся, все свое, все свежее!

Я что-то буркнул и впился зубами в булку. А я проголодался!

Полковник отпил из своей чашки и продолжил:

– Барина твоего я знаю. Пренеприятнейший тип! Были случаи, сталкивались. Последний раз совсем недавно, повздорили, помнится, на предмет продовольствия, кстати, тогда я тебя и заметил...

Может то заслуга тепла, может чая с булочками, а может это оттого, что что-то в этом человеке вызывало доверие и склоняло к откровенности, я все, вернее, почти все, ему рассказал...

– Так я и не сомневался! Женщина, конечно же, женщина! Ах, молодость, молодость. Амурные приключения. Да, и я когда-то таким был. Любил, знаешь ли, в окна к девицам лазить. К одной в особенности. Может, расскажу когда-нибудь, потом при случае, не сейчас только. Сейчас надо решать, что с тобой делать...

– Так отпустите меня! И все тут!

Ответить ему помешал все тот же корнет. Он вошел, быстрым шагом прошествовал до стола, поклонился резким кивком и выпалил:

– Простите, господин полковник, посыльный прибыл, вам депеша!

– Так давай, чего стоишь!

Он прочел и помрачнел.

– Грамоте обучен? – я кивнул. – Тогда держи вот, ознакомься!

Я взял бумагу и прочел.

Всеуважаемый господин полковник!

Безмерно сожалею, что имею надобность обратиться к Вам со своей просьбой и отвлечь Вас от столь благородного дела, как охранение границ Великой Российской Империи. Но уж очень срочное и безотлагательное дело побуждает меня так поступить.

Сей ночью, а ежели точнее, то несколькими часами ранее, из моего имения сбежал опаснейший преступник, мой крепостной, который уже не единожды пытался лишить меня жизни. Этой ночью ему почти удалось свершить свое черное дело. Еще немного и он бы убил меня, благо бдительная охрана, надежные люди, которых я всегда держу подле себя, помешали, спасли мне жизнь.

Он бежал, судя по всему, в восточном направлении и вполне вероятно может объявиться в пределах вашего расположения. Прошу Вас оказать содействие в поимке сего злоумышленника. Я лично обязуюсь покрыть все ваши затраты, как материального так и нематериального плана. Более того,

обещаю щедрое вознаграждение каждому, кто выкажет особое рвение в этом благом деле.

Задержание сего опасного субъекта дело не только мое личное, это задача государственной важности, так как, при обыске его жилища были найдены бесспорные доказательства его измены не только мне, как его хозяину, но и улики кои можно трактовать как угрозу Короне.

Письмо того же содержания я незамедлительно направлю и в Екатеринослав его превосходительству генералу Васильковскому. Убежден, в ближайшее время Вы получите от него подтверждение моих слов в виде письменного распоряжения, но прошу не терять времени и приступить к поискам незамедлительно!

Уважающий Вас, граф Варшавский (подпись).

Понимая, что обречен и мой краткий побег пришел к плачевному финалу, я вернул полковнику письмо. Посмотрел на него и тихо спросил:

– И как вы намерены поступить?

– Так тут и думать не о чем, я человек военный, а генерал Васильковский не сможет отказать своему дальнему родственнику в такой безделице. Кроме того, ты же сам читал, тебя уже в государевы преступники определили. Так что к чему раздумья!

Я молчал, размышляя, насколько реально сбежать из лагеря до зубов вооруженных гусар.

– Хорошо все написано, по форме и правильно. Вот только я скорее первому встречному поверю, нежели графу. К тому же приказа, как такового, еще не поступало, – он широко улыбнулся. – Да не бойся. Попробую тебе помочь! Просто так, безо всякой на то причины, скажем, в память о моих юношеских похождениях. Да и не люблю я, когда из моих орлов если не палачей, то тюремщиков пытаются сделать.

Он подошел к столу и развернул карту.

– Корнет!

Тот стал рядом.

– Видишь этот лесок на юго-восток. Отсюда верст с десятков будет. Свезешь парнишку туда и сразу же обратно. Вопросы?

– Нет вопросов!

– Вот и хорошо, и там, намекни, чтоб меньше о нем болтали.

– Понятно, парня не видели...

– Именно, – полковник повернулся ко мне. – Ну, извини, все что могу. Мы тебя в той стороне искать не станем, но если уж кто другой найдет – пеняй на себя. Думаю, ты понимаешь, что тебе бежать надо, как можно быстрее и как можно дальше?

Я растерянно пробормотал слова благодарности и вслед за корнетом выскочил из шатра. Дождь уже прекратился, сплошная облачность поредела, с неба светила наполовину полная луна. Она озарила просыпающийся лагерь, пробудив-

шихся лошадей. Тишину разорвал громкий звук горна. Начиналась облава на меня...

У опушки леса я спрыгнул с коня. Корнет отъехал немного, затем помахал рукой и что-то прокричал. Слов я не разобрал, их развеял ветер. Повторять он не стал, просто скрылся в темноте. Я же подошел к границе леса, остановился и задумался. До восхода солнца оставалось еще часа два, идти ночью не хотелось, и я решил потратить это время на сон. Хоть немного отдохнуть. Набраться сил, ведь идти мне еще и идти!

Ночевка на открытой местности выглядела не лучшей затеей, потому я выбрал место, где как казалось, кусты росли не слишком густо и с разбега впрыгнул в чащу. Приземлившись, с удовлетворением отметил, что не очень сильно и поранился. Присел, прижался спиной к ближайшему дереву и, успокоив себе народной мудростью «утро вечера мудренее», сразу же заснул.

Казалось, только закрылись глаза, только уснул, как в сонное сознание влетели громкие крики. Я еще не разобрал, что это, сон или уже нет, как получил сильный удар в челюсть. Во рту расплзался солоноватый привкус крови.

– Так вот ты где! Недалеко же удрал. Это ж надо до такого додуматься, сбежал из подвала только для того чтобы перелезть через стену и прямо-таки под нею завалиться спать! А ну признавайся, где ключ взял? Отвечай, кто бежать помог?
– Хватить! Вести его к дубу, – слышался шипящий го-

лос графа. – Нечего говорить. Все!

Не жалея сил на тумачи, охранник погнал меня вперед. Мы прошли через ворота, где я столкнулся с кузнецом. Его правый глаз полностью заплыл, левым он смотрел на меня с осуждением и сожалением одновременно. Я посмотрел на него, он отвел взгляд.

Вот как получилось. Подвел хорошего человека. Хотя почему, собственно, подвел? Я ведь действительно сбежал, ну не почудилось же все это мне?! Были ведь гусары и полковник был! Или не было? Было! Вот повязка на руке, бинт еще почти чистый – доктор перевязывал! На запястьях царапины – через кусты пробирался! И на ногах грязь кусками отваливается. Было! Вот только какой в этом смысл? Я все равно там, где и должен был быть. Похоже, судьбу не обмануть, то, что на роду написано, наново не переписать!

Я и не заметил, как меня поставили на колоду. На шею набросили веревку. Смотрю ввысь – надо мною густая крона старого дуба. Медленно покачивается она, словно великан укоризненно качает головой. Но за что он меня укоряет? Я ведь только...

А вон просто напротив окно Софии, а вот и она сама в открытое окошко смотрит. Почему-то захотелось так просто по-детски рассмеяться и помахать ей рукой, но не могу. Не могу смеяться, губы распухли и совсем не слушаются, махнул бы руками, но тоже не получается – связаны они, крепко связаны за спиной. А ее губы шевелятся, может, говорит

что-то, а может, молится. Скорее всего, молится, беззвучно молится за душу невинно убиенного раба божьего...

Краем глаза замечаю как граф собственноручно, но не руками, а ногой, выбивает из-под меня колоду, я падаю, проваливаюсь в бездну. Только там вовсе неглубоко. Веревка тут же врезается в шею и больно давит, хочется кричать, но из передавленного горла вылетает лишь еле различимый хрип. Ноги дергаются, ищут опору. А там неподалеку София в окне, такая бледная она. Она уже ничего не говорит, она, как и я, падает, падает на пол, лишившись чувств. Свет в моих глазах меркнет, и я начинаю понимать, что еще одна жизнь, еще одна попытка потеряна и только из-за моей безмерной глупости. Какая жалость!

Глава тридцать шестая

– Занимательно, да? Я знаю, как закончилась еще одна моя жизнь!

– Короткие у тебя жизни!

– Точно! Я тоже заметил, но не только это. Вообще, создается такое впечатление, будто бы какая-то высшая сила делает все возможное, чтобы мы с ней не встречались, а когда вопреки ее стараниям нам удавалось увидеться, нас тут же наказывали. Похоже, нам, мне, хотели привить умение ценить каждый день, каждый час, каждое мгновение, – он снова засмотрелся в окно, и тихим шепотом добавил: – Думаю, это получилось.

– А дальнейшие действия к чему-нибудь привели?

– Была еще одна попытка до того как Ирина погибла. Но там, не знаю даже как сказать, там все и вовсе непонятно. Конечно, я не мог полностью прожить свою прошлую жизнь, думаю, что это и вовсе невозможно. Тогда, еще в первый раз, в больнице, пребывая, что называется, в состоянии комы, мне удалось отследить целый год своей, той своей, жизни. А уже во второй, чуть более двух суток. Ирина что-то говорила о том, что не может держать меня в таком состоянии слишком долго, говорила о каких-то необратимых процессах в организме. Что даже с ума сойти можно, хотя не факт, что я уже не сошел! Что-то она рассказывала о каких-то мето-

диках, позволяющих выявить интересующий меня промежуток, что-то о способах... – он замолчал, удивленно посмотрел на меня, осмотрел комнату и глуповато улыбнулся. – В последнее время я частенько теряю нить разговора. Не иначе как возрастное. Но не в этом дело. В тот, в последний раз, все было не так. Я еще и сам толком не понял, в чем суть происходящего, где смысл...

Я открыл глаза. Просто надо мною провисала панцирная сетка старой кровати. Нет, не подумай, я не на полу оказался, просто лежал на первом «этаже» двухъярусной кровати. Именно такие когда-то давно мы сами мастерили, в общежитии это было, во времена моей студенческой юности. Очень простая конструкция. Нижняя кровать оставалась без изменений, а вот у верхней переворачивались спинки, от чего та становилась выше. Полученную «перевернутую» кровать ставили на обычную и скрепляли всю конструкцию болтами. Ну, как-то так. Уверен, в наше время подобный опыт мало кому понадобится, разве что в качестве зарядки для ума.

Осматриваюсь. Вот это да, просто нет слов! Я ведь и вправду лежу на своей кровати в памятной (да не просто памятной, легендарной!) комнате номер двести двадцать пять. Все, как и тогда, в те далекие и такие противоречивые девяностые. Две двухэтажные кровати у стен напротив друг друга и еще одна, обычная, несколько в стороне. Старый, видавший многое шкаф просто поперек комнаты, он отделяет

«спальню» от «столовой», на нем телевизор. Также старый, черно-белый, ламповый. Тяжеленный он, помню, как мы его тащили по лестнице! Но ведь для телевизора это не самый главный критерий, главное чтобы работал. С этим он прекрасно справлялся...

И вот я снова там. Снова тогда. Та же атмосфера, атмосфера юности, студенчества и чего-то еще, чего-то неуловимого, того, что осталось в те такие далекие времена.

Уже утро. Весна вступает в свои права. Окошко открыто. В него влетают веселые отблески пробудившегося солнца, через него же в комнату вливаются удивительные голоса птиц, частично заглушаемые шумом проезжающих мимо машин, слышны обрывки разговоров.

На этот раз мне не довелось теряться в догадках, размышлять, кто я, где я и что здесь делаю. Я точно знал – сегодня суббота, мои соседи по комнате еще прошлым вечером разъехались по домам, я же собираюсь уезжать сегодня, часов в двенадцать. Вон и сумка сложенная еще вечером лежит просто напротив двери. Сам положил, наверняка для того, чтобы не забыть.

Все готово. Мне же остается только заставить себя слезть с постели, перекусить тем, что удастся найти в шкафчиках и тумбочках, а там можно и выдвигаться.

Билета, конечно же, нет, мне на электричку. Да, ехать несколько часов, не слишком удобно, зато экономия. Я же сэкономлю еще больше. Иду в кассу, беру билет до ближай-

шего полустанка, а сам еду, куда мне нужно. Проверено – после первого рейда контролеров никому до меня дела уже не будет...

Вообще, не любил я тогда общественный транспорт, да, собственно, и сейчас не люблю. Но в большом городе, увы, выбор простой, если нет машины – садись в автобус. Пешая прогулка это скорее роскошь, нежели способ добраться куда-либо.

Вот и начался мой путь домой. Хватаю сумку, протискиваюсь в забитый пассажирами автобус. Толпа затягивает меня в середину салона, она же выносит перед зданием вокзала (хорошо хоть остановка конечная!). Первую часть осилил. Далее задача сложнее – требуется взять на abordаж переполненную электричку. В конце концов, и это удается. Со скрипом, сопровождаемым удивительно колоритной руганью пассажиров, двери закрылись, подергиваясь (трамбуя пассажиров перед следующей остановкой), электропоезд двинулся вперед.

Целых четыре остановки в черте города. Еду, стою, смотрю и удивляюсь, до чего же пластичен человек! Казалось, еще на центральном вокзале не было ни малейшей возможности втиснуть никого более. Но вот первая остановка и сразу десяток человек проталкиваются в наш вагон. Следующая – там еще больше и удивительное дело, кажется, еще и место остается.

Нет, я не возмущаюсь, это все терпимо. Жара только до-

нимает, жара, сдобренная духотой и это притом, что еще даже не лето, весна за окнами мелькает, что же будет дальше!

Вот мучения заканчиваются – первый дачный поселок. Невзрачный полустанок, окруженный со всех сторон разных размеров и разной формы лоскутами земельных наделов. За ним еще полустаночек, далее еще. Все! Свершилось! Вагон наполовину пустой, воздуха полно, свежего, ароматного, без вредных примесей городской гари. Приятно пахнет травами, цветами и медом. Теперь можно расположиться удобнее, а при желании и вовсе вздремнуть. Да я, собственно, так и поступаю. Сон мне снится, красивый такой, цветной жаль только, проснувшись, я его не помню. Да и вспоминать не хочется, ведь рядом с окном проплывает, останавливаясь, родной вокзал. Я уже дома!

Выхожу в тамбур, оглядываюсь. Все как всегда, электричке еще целый час колесить по просторам родины, а из пассажиров в вагоне остались только двое, судя по внешности – студенты, любители экономить, как и я. Состав везет лишь воздух, как на это ни смотри. Меня же подобные вопросы не волнуют, рентабельность электропоездов, это головная боль руководства железной дороги. Я же приехал. Спрыгиваю с подножки на перрон и нехотя, через силу открываю глаза...

Все вернулось на круги своя. Кресло. Стол со сломанной ножкой. Ира держала меня за руку, считала удары сердца, умудряясь свободной рукой что-то записывать в блокнот, не устаю удивляться ее поразительной работоспособности и об-

ширным познаниям, а еще уму. Надо же, какая она эрудированная... была...

– Ну, все? Давай, рассказывай! – она, словно ребенок в ожидании новой сказки, открыла рот, перевернула страничку тетради, приготовилась слушать.

Вот так закончилась последняя попытка. Буквально через пару дней Ирина погибла, и что делать дальше, я даже не представляю.

– Жаль!

– Да, ты прав, жаль, очень жаль! И даже не из-за того, что без нее я уже ничего не смогу сделать, просто молодая была. Практически ничего в жизни не успела, а уж сделать могла бы ой как много! Знаешь, в последнее время я по-другому смотрю на происходящее. Думаю, каждый человек приходит на эту землю для чего-то особенного, для чего-то, что приготовлено лично для него, так сказать у каждого есть своя задача, свое предназначение. У каждого свое, у каждого разное. И уходят из жизни лишь тогда, когда это предназначение исполнено.

– Если ты прав, то большая часть людей должна жить вечно. Да и вывод из твоих слов весьма сомнительный – ничего не делай и жизнь у тебя будет долгой. Что-то не сходится!

– Правда, не сходится. Но я уверен, это не столь и важно!

Глава тридцать седьмая

Ничего не изменилось, все осталось таким, каким виделось раньше. Можно подумать, что не месяцы прошли, а лишь несколько быстротечных мгновений канули в вечность. Та же статичность, то же полное отсутствие какой-либо динамики. Постоянство во всем, или все-таки нет? Нет, это только на первый взгляд, если же приглядеться, а еще вдуматься...

Да, так и есть, это я не сразу разобрался. Не сориентировался. Не рассмотрел все как следует. На самом же деле многое изменилось, слишком многое.

Поле, которое в былые дни виделось мне бескрайним, на поверку оказалось небольшим лоскутком суши, практически правильной круглой формы не более пятисот метров в поперечнике. Вокруг него медленно текла широкая полноводная река. Вдоль ее берега, у самой кромки воды, живой стеной выстроились блестящие начищенными доспехами воины. Они внимательно смотрели на происходящее в центре образованного ими же круга, смотрели, не шевелились, кажется, даже не дышали.

В самом центре поляны два великана скрестили поднятые над головами большие двуручные мечи. Они пытались выявить, чьи руки сильнее, острия страшного оружия древности изредка и поочередно наклонялись то в одну, то в дру-

гую сторону. Отклонялись лишь на мгновение и тут же выравнивались – силы у обоих воинов равны.

Я смотрел, воины смотрели. Я ждал, они также ждали. Время шло...

Это продолжалось долго, думаю, слишком долго. Наблюдать сверху надоело, скучно, оттого совершенно неинтересно. К тому же мой пернатый приятель стервятник куда-то запропастился, жаль, все-таки с ним немного веселее. Хотя, если вдуматься, вредный он, кусачий, царапающийся...

Неважно, думай, не думай, он птица вольная, ни мне, ни кому другому не подчиняется.

Все это ладно, но надо бы что-то поменять, найти хоть какое-нибудь развлечение. Недолго думая я решил развлекать себя сам. Спустился ниже. Для начала на высоту копья ближайшего от меня воина, высокого худощавого парня, закованного в полированные стальные латы. Стоял он, застыл, как изваяние, лишь глаза жили, наблюдая за поединком. Меня он не увидел, что не могло не порадовать, потому убедившись, что никому до меня дела нет, я и вовсе спустился на землю. Решил пройтись, размять ноги. Хоть плохонькое, но развлечение. Интересно же побродить среди толпы вооруженных людей, осознавая, что никто тебя не видит. Повернуть головой, имея возможность увидеть все, что только тебя интересует, не бояться, что какой-либо вояка испытает мечом твою черепушку на прочность...

Тишина, к которой я уже почти привык, взорвалась гром-

ким звоном. То великанам надоело развлекаться, пытаюсь передавить меч противника, и они перешли к настоящему поединку. Сильный звук, который пробудил мой слух, был первым ударом скрестившихся мечей.

Вместе с шумом боя в мое сознание пробились и множество других самых разнообразных звуков. Особенно громко звучали крики зрителей. Надоело им безмолвствовать. Позволили они вылиться застывшей своей эмоциональностью. Казалось, наблюдая за поединком своих лидеров, они тут же позабыли, кто и против кого воюет. Они, которые еще тогда, в самом начале сражения представляли собой две армады, стоявшие напротив друг друга, были готовы по мановению руки, по приказу своих военачальников ворваться в строй противника, рубить, колоть, бить, грызть врага, сейчас смешались. Превратились в толпу болельщиков, которые криками и жестами пытались подбодрить именно своего бойца, при этом одобрительно вскрикивали, приветствуя удачный выпад противника.

Несмотря на то, что воины обеих армий выглядели практически одинаково, одинаково одеты (если одеждой можно считать те килограммы железа, которые защищали их от стрел и мечей), говорили на языках, которые были мне одинаково незнакомы, я различал их. Вот неподалеку двое, стояли они рядом, но это не мешало им что-то громко кричать друг другу. Я точно знал, в этой войне они враги, это легко заметить даже по интонациям речи. Достаточно просто при-

слушаться. Тот, который повыше ростом, его слова, кажутся собранными из одних согласных, а у другого словно не речь человека, а птичья трель. Наверняка они и сами друг друга не понимали, но громко смеялись и дружно вскрикивали при каждом замахе полированной стали. Кричали, аплодировали, обнимались. Странная картина, словно непримиримые болельщики двух футбольных клубов после игры встретились в баре и вместо того чтобы драться выпивают за команду соперников. Разве такое возможно?!

Далее стало еще интересней. Надоело невольным зрителям наблюдать за поединком, некоторые воины, те, которые стояли ближе к реке, снимали броню и с видимым удовольствием ныряли в глубокую воду. Их, предпочитающих водные процедуры битве, с каждой минутой становилось больше. Со временем крики стали глуше, а позже и вовсе затихли. Теперь тишину нарушали лишь звонкие удары мечей, да лязг доспехов дерущихся.

Я с удивлением заметил, что листва на деревьях пожелтела, а скоро и вовсе опала. Небо затянули облака, скрыли небосвод густой пеленой. Все чаще удары мечей сопровождались раскатами грома, дополнял их грохот осенней грозы. Полил дождь, который совсем уж неожиданно превратился в белый и пушистый снег.

Одновременно с падением первых снежинок в битве пролилась первая кровь. Оба меча разом достигли цели и из-под наплечников обоих воинов потекли тоненькие кровавые ру-

чейки.

С первыми каплями крови, оросившими свежий снег, обе армии начали строиться, но все перепутали. По-моему они уже и сами не помнили, кто с кем и за что воюет, забыли, кому в каком войске положено находиться. Оба знаменосца обеих армий оказались рядом и начали, ссорясь, разбираться, кто и с каким флагом должен стоять на этом месте. Словесная перепалка грозила перерасти в потасовку...

Тем временем двое сражающихся одновременно опустили мечи и презрительно взглянули на свои раны. Синхронно подняли головы и громко в унисон захохотали. Мечи снова взмыли ввысь, поединок возобновился с новой силой.

Снегопад все продолжался да он и не планировал останавливаться. Непогода только усиливалась. В размеренный полет снежинок вмешался ветер. Разыгравшаяся метель принялась развлекаться снегом, наметая сугробы. Росли они, перемещались, планомерно сдвигаясь к центру полянки. Оба великана уже стояли засыпанные снегом по пояс, но и не думали прекращать бой.

Тут я подумал и удивился: «Ведь уже лето прошло, за ним и осень миновала, вот уже зима на пороге, а почему солнце так ни разу не закатилось за горизонт? Непорядок!».

Снегопад иссяк. Небо мгновенно прояснилось. Солнце, которое, как и раньше сияло в зените, быстро покатилося к линии горизонта. Вот странность! Полгода был полдень, а тут несколько секунд и сразу ночь?

Дневное светило спешило к горизонту с такой скоростью, что, казалось, падало. Секунда и от него не осталось ни следа. Стоило последнему лучику погаснуть, неведомо откуда в зените, в том самом месте, где долгое время светило солнце, вспыхнула луна. Полная, яркая, лишь немного уступавшая в яркости закатившемуся солнцу.

Никто кроме меня не обратил внимания на природные метаморфозы. Не было никому до них дела. Великаны продолжали сражаться, их ноги, утопающие в сугробах, будто вросли в землю. Стояли они недвижимо, только руки скучно и монотонно, поочередно, то поднимались вверх, дабы нанести удар, то опускались, парируя выпад противника. Прочие воины давно уже окончательно утратили интерес ко всему происходящему. Их не интересовала более битва, их уже ничто не интересовало, они просто стояли, засыпанные снегом, и ничего вокруг себя не видели.

Я также заскучал. Исключительно для того, чтобы хоть чем-то себя развлечь, подпрыгнул на верхушке сугроба, подлетел почти на метр, а потом почему-то упал, окунулся с головой в холодный, рыхлый и очень глубокий снег. Наверное, я бы погружался так до бесконечности, но тут очнулся трезвый рационализм, и все расставил на свои места. Он напомнил мне о том, кто здесь главный (сон, он ведь мой!). Падение замедлилось и прекратилось, правда, пришлось долго еще напрягаться, карабкаясь наверх. Нет, я не жалею, это хоть какое-то разнообразие...

Когда мне все-таки удалось выбраться на поверхность, оказалось, что вокруг творятся вещи куда интереснее, чем прыжки в сугробы.

С противоположной от того места где я расположился стороны, по льду, точнее, надо льдом, плыла закутанная в белое фигура. Она приблизилась к воинству, взмыла ввысь над полем битвы и застыла просто над сражающимися великанами. Появление нового персонажа не осталось незамеченным. Оба воителя так и замерли, застыв в очередной попытке нанести решающий удар противнику. Застыли они с, видимым даже в неярком лунном свете, удивлением, уставившись на нее. Их примеру последовали скучающие зрители – солдаты обеих армий, а за ними и я.

Она, а я (даже, невзирая на недостаток освещения и довольно большое расстояние) почему-то был уверен, что это именно «она», фигура принадлежала женщине, выплыла на край очерченного войсками круга. Медленно проплыла вокруг застывших воинов. Один круг, еще один. Те не шевелились, только еле заметно двигали головами, стараясь уследить за плавными движениями незнакомки.

Завершив очередной виток, она остановилась и нарочито медленно подняла вверх правую руку. Ее ладонь засветилась ярким пламенем, белым с легким синеватым оттенком, просто светом Венеры, сияющей в сумеречном небе. Оба воителя проследили взглядами за ее рукой, да так и замерли, стоя друг напротив друга.

В тот же миг все начало меняться. Сначала блеск начищенных доспехов померк, посерел и взялся кусками неправильной формы – закаленная сталь превращалась в природный камень. Медленно шло изменение, сантиметр за сантиметром. Один из богатырей даже успел опустить голову, чтобы взглянуть на свои каменные латы, попытался отступить на шаг, убрать ногу, но так и застыл, обернувшись камнем. Его же противник, в попытке воспользоваться ситуацией поднял руки, целя мечом в голову соперника, улыбнулся, предвкушая нечаянную победу, но и он взялся камнем, превратился в каменного исполина, с каменным мечом, занесенным над каменной же головой.

Словно взрывной волной отбросило наблюдающих за бесконечным поединком воинов, застыли они, отклонившись от центра. Незнакомка же, не опуская руки, медленно повернулась, описав рукой круг. В тот же миг многочисленная армия превратилась в завалы дикого камня, разбросанного по заснеженному полю.

Еще с минуту она стояла, не двигаясь, потом покачала головой и, кажется, посмотрела на меня. Хотя нет, показалось. Ведь это же мой сон, я в нем главный, почему кто-то должен меня видеть?!

Будто в ответ на мою последнюю мысль, она равнодушно пожала плечами, махнула рукой и растаяла в воздухе, оставив после себя лишь жидкое облачко тумана, будто мельчайшие снежинки поднялись и закружили в танце. Он таял. Ту-

ман таял.

Еще мгновенье тишины, и в небе загрохотало, слышался гул, перерастающий в усиливающийся рокот. Сопровожаемое шумом, на темном небосводе вспыхнуло и разрасталось светлое пятнышко, ярко-белое, с синеватым оттенком. Оно приближалось, оно увеличивалось, оно росло, превращалось в раскаленный шар. На мгновение он уменьшил свою яркость, дабы дать возможность рассмотреть финал своего полета, увидеть, как он влетает просто в острие меча окаменелого великана, ломает его, сливается с ним.

Потом был взрыв, меня засыпало снегом.

Все стихло. Оглушенный тишиной, я выбрался из сугроба и увидел один лишь растопленный снег, да осколки камня в свежих лужах...

Таким был мой сон. Тот самый, который приснился мне в электричке в далеких студенческих девяностых. И знаешь, я узнал это место. Эту поляну из сна. Нею оказалось именно то самое место, на котором когда-то давно был построен монастырь Свято-Васильевский, возможно, его даже сложили из тех камней, в которые обратилось древнее воинство. То самое место, на котором и поныне стоит мельница, мельница графа Варшавского.

Я вспомнил, но вспомнил не только сон. Я вспомнил и то, что сделал после, и то, чего не сделал.

Выйдя на перрон, я не пошел домой. Какая-то непреодо-

лимая сила влекла меня к руинам, звала на то место, на котором уже много позже отдыхали мы с коллегами, под хорошо знакомую мне стену. Я не мог себе объяснить, зачем туда иду, не знал, кто меня зовет, я знал одно – я должен там быть и чем скорее, тем лучше...

Слегка потемнело. День еще не перешел в вечер, это облака затянули чистое доселе небо. Кажется, немного похолодало, а может, я еще не отошел ото сна? Не знаю, но я пришел. Огляделся. Просто надо мною возвышалась стена центрального здания, ровная, высокая.

Полянка, тогда еще намного чище, и не так густо поросшая кустами. В стене, просто напротив, виднелась дверь. Нет, не дверь, дверной проем. Он тускло освещался изнутри, и чей-то тихий грустный шепот звал меня, просил зайти. Помню, подхожу, ноги нехотя переступают, приближаюсь к стене. Голос становится четче, настойчивее, ноги упираются сильнее, становятся упрямее. И тут я словно очнулся. Оглянулся – вокруг никого, ноги, которые и до того не спешили сдвигаться с места, остановились как вкопанные. Смотрю, а дверной проем тает, расплывается, превращается в то, чем и должен был быть – в самую обычную кирпичную кладку. Он таял, а я не мог отвести от него взгляда. Казалось мне, что я что-то теряю, что исчезает что-то, дорогое, ценное, может даже частичка меня.

Растаяло видение двери, а в ушах, сражаясь с тишиной, по-прежнему звенел отголосок тихого шепота, звал, просил,

молил, настаивал...

Вспомнил я, все вспомнил, но не могу понять. Не могу понять самого себя, как я мог пройти мимо? Как мог сдаться? Упустить такую возможность! Но теперь я знаю что делать. Как минимум, догадываюсь. Ведь если все началось именно там, у той самой мельницы, то и закончиться должно тоже там. Так и случится. На этот раз я не отступлю, я войду, чего бы мне это не стоило и чем бы ни грозило!

Глава тридцать восьмая

Прошел без малого год с того дня, когда я получил это, как оказалось, последнее письмо. Какое-то бессмысленное послание, какие-то камни, метеориты цвета света Венеры, его излюбленная тема сражающихся армий. Да, безусловно, падение с высоты не прошло бесследно! Но по-другому и быть не могло, с этим не поспоришь...

Несколько раз я пытался связаться с ним по телефону, но каждый раз слышал только одно – несколько коротких гудков, после тишина. Возможно, он не хотел со мной общаться, решил игнорировать меня, отправил в «черный список», не знаю...

В конце концов, я решил: «Так дальше продолжаться не может. Не должно быть так! Ведь, не смотря ни на что, он считает меня своим другом. Дружба, это такое понятие, которое подразумевает ответственность, более того, требует ответственности, причем от обоих. Потому я просто-таки обязан его разыскать, пусть лишь для того, чтобы убедиться в том, что у него все в порядке». Словом, я решил забросить все свои дела и съездить к нему, в его родной городок, благо отпуск не за горами.

Решено – сделано.

Быстро пролетели те несколько дней, которые отделяли меня от намеченной даты. Вечером написал заявление, рас-

прощался с коллегами, чьи завистливые взгляды пробудили во мне чувство подлинной ни с чем несравнимой свободы. А что, пусть отпуск это еще не увольнение, но отличный шанс отдохнуть и позабыть о той отвратительной повинности, что именуется «идти на работу».

Уже на следующее утро я отправился в путь. Вырулил из загруженной автомобилями столицы, взял курс на юг. Выехал на трассу, опустил все окна в автомобиле, с удовольствием вдохнул насыщенный ароматами настоящий свежий воздух. Сразу же захотелось притормозить, остановиться, пройтись по обочине, а лучше по заросшей кустарником ближайшей лесополосе. Она, конечно же, не лес, но деревья, они везде деревья. Это желание так укоренилось в мозгу и так не хотелось с ним бороться, что я, стоило лишь заметить у околицы ближайшего села маленькую симпатичную гостиницу, уверенно свернул с дороги, решив поддаться соблазну, отдохнуть, подышать воздухом. Спешить? Куда! Дорога, она была и останется! Поеду завтра, один день, он ничего не решает...

Пусть я и не знал доподлинно, куда надо ехать, не говоря уже о точном адресе, руководствуясь осевшими в памяти деталями из его рассказа, к полудню следующего дня я подъезжал к небольшому городку. Маленький, невзрачный, он терялся в степных просторах, залитый палящим летним солнцем.

Въезд в город ранее был обрамлен очень даже симпатич-

ными воротами – по обеим сторонам дороги высились высокие гранитные столбы. Некогда на них висели таблички, думая, название города, а может что-то сродни «Милости просим» или «Добро пожаловать», но сейчас на это намекали лишь два темных прямоугольника в местах крепления приветственных надписей, да по несколько симметрично расположенных отверстий в них. Не иначе как современные «пионеры» постарались, таблички ведь бронзовыми были, не иначе, чем не металлолом!

Через пару сотен метров промелькнул дорожный указатель «Новоукраинка», почти сразу за ним привычный атрибут многих городов, в историю которых ворвалась Великая война – танк времен второй мировой, установленный на каменный постамент. Бронемашина блестела свежей краской и радовала взгляд недавно обновленной ярко-алой звездой.

На гранитном постаменте ниже танка табличка. На ней умелой рукой выбито несколько строк текста, не иначе как слова благодарности героям прошлого. Прочсть текст я не успел, но не беда, сразу решил: «Потом прочту, на обратном пути. И еще, надо будет цветами разжиться, возложить, как полагается. Обязательно надо будет остановиться, задержаться на несколько минут».

Как-то сразу, буквально в одночасье мне начал нравиться этот небольшой городок. Не знаю, в чем причина, наверняка не в одном-единственном памятнике, очень даже вряд ли, хотя да, всегда приятно оказаться в местности, где чтят па-

мять о подвиге предков. Приятно, осознавая, что люди хранят память о прошлом, понимать, что у них есть будущее...

В нескольких десятках метров от танка, на противоположной стороне дороги, живописно украшенное роскошными кленами, показалось помещение автовокзала. Тоже по-своему памятник, только это уже памятник современной бесхозяйственности и безалаберности. Просторное помещение, простенькой, но симпатичной архитектуры, вот только большая его часть выглядела так, будто пережила бомбежку: стекла выбиты, оконные рамы разворочены, плитка отколота. Одна лишь комнатка могла похвастаться целыми окнами. Поразительно, но вокзал не закрыт, работает он, вон из единственного уцелевшего окна кассир выглядывает. Смотрит женщина уставшим взглядом из окна на пустынную улицу, на неспешно катящийся по ней мой автомобиль, мрачно смотрит, если не обижено...

Минуя столь очевидные достопримечательности, дорога спускалась ниже к реке и забирала чуточку правее. Я последовал за ней и вскорости увидел то строение, которое так занимало мысли моего товарища – здание старой мельницы.

И вправду сооружение примечательное. Эффектно смотрится оно на фоне утопающего в зелени садов частного сектора.

Высокое здание, одно, одинокое. Четыре этажа. Будучи практически квадратным в основании, оно казалось башней, оборонительным сооружением, заброшенным чьей-то при-

хотью в центр степной зоны. Узкие окошка, почти бойницы, подчеркивали первое, оборонно-военное впечатление. В ту же сторону склонял мысли и красновато-коричневый оттенок стен, надо же, как-то услышав о мельнице, да еще и о старой мельнице, я представлял себе несколько другое сооружение...

Да, и еще, помнится, он постоянно говорил о камне, но я видел лишь свежую кирпичную кладку. Правда, подъехав поближе, я все понял, кирпич был уже современным, это наследили реставраторы, а на сохранившемся в первозданном виде первом этаже можно было увидеть и тщательно подогнанные камни. Да и выше местами проступала оригинальная кладка, на верхних этажах, там, куда не успели добраться ремонтники.

Чем ближе я подъезжал, тем любопытнее выглядело здание. Башня уже перестала быть просто башней, в моем воображении она превратилась в цитадель. Сердце, одинокое укрепленное сооружение, последний рубеж обороны практически прекратившей свое существование крепости. Окружена она петляющей рекой, омыта ней, как будто рукотворным рвом. Даже заросли, настоящие джунгли, густые, непроходимые, смотрелись вполне логичным украшением замковой территории. Будто деревья, большей частью клен и желтая акация, росли на территории некогда окруженной крепостной стеной, а теперь, с разрушением ограды, были выпущены на свободу. Стоит еще чуточку дать волю воображе-

нию и можно будет разглядеть последних защитников крепости, притаившихся за толстыми ее стенами. Ждут они, не утратившие веру в победу. Готовы, подпустив неприятеля поближе, обрушить на его голову шквал огня. Не сдадутся они, будут сражаться до самого конца, каким бы он ни был...

Но так было лишь минуту. Исчезла крепость, испарилась цитадель, превратилась она в то, чем и была на самом деле – в руины, живописные, эффектные, но все-таки руины. Да и не было никогда там никаких бойниц, воинов не было. Скрытые за толстыми стенами, работали двигатели, паровые, мощные, вертелись механизмы, изрыгали пламя печи. Люди трудились, а теперь... Я задумался: «А вообще, существует ли возможность подойти к строению, рассмотреть его поближе или это уже из разряда фантастики?».

За мостом почти вплотную к зданию пристроилась заправка, очень даже кстати. Подъеду, осмотрюсь, заправлюсь.

Я отогнал машину от колонки и с видом любопытного туриста шагнул в сторону мельницы. Немного удивился, когда заметил еле различимую тропку, вилющую среди кустов. Поддался соблазну последовать за ней.

Тропинка весело извивалась, обходила толстые деревья и расталкивала молодую поросль. Я почувствовал себя исследователем. Можно было бы сказать – первооткрывателем, но разве я первый, нет, конечно, ведь кто-то дорожку эту протоптал! И он же обнаружил те обломки, которые мне попались по пути. Это уже из более обозримого прошлого, то ли

останки кафе, то ли магазина: несколько столбиков сложенных из кирпича, на них конструкция, целиком сваренная из массивных угольников, даже странно, столько железа ржавеет, а ни у кого руки не доходят доломать, раскурочить, сдать, пропить...

Сразу за ржавым каркасом, стоило пройти с десятков метров, меня поприветствовала небольшая живописная полянка, очень похожая на ту, рассказ о которой я слышал в поезде. Давно же это было! Живописное место, одно из тех, что просто созданы для отдыха, все там есть, и ничего более не нужно.

Прошел еще дальше, под ногами след пепелища – отпечаток костра, еле заметный, наверняка старый. Теперь и вовсе все совпало, то, что я слышал и то, что видели глаза. Все подпадало под описание, даже деревья, которые кроной закрывали небо, делая полянку естественной природной беседкой. «Тогда, – подумал я, – на другой стороне, за рекой, должен виднеться и его дом, тот, что с белыми стенами». Казалось, такие неопределенные приметы, да и времени столько сплыло. А ведь нет! Вон он! Я отчетливо видел тот самый дом, там, на противоположной стороне. Действительно он, ведь виден из этого места только один, маленький, белеющий стенами.

Дальше я не пошел. Зачем? Любоваться красотами? Не стоило оно того. Я ведь приехал совсем по другому поводу. Все что надо было выяснить, я выяснил. Теперь можно ехать,

благо, я знаю куда! На удивление быстро удалось набросать карту. В уме, это воображение постаралось, что тут сказать, да и от него изредка бывает польза!

«Съезжу, проведу. Да и просто, а почему нет!» – пробормотал я и направился в обратный путь, через кленовые заросли, мимо обломков чего-то кирпично-металлического. Быстро вышел к заправке, сел за руль и покатил в выбранном направлении...

Остался позади второй мост. На первом же перекрестке я свернул налево и вынужден был остановиться – дороге преграждали два больших бетонных блока. Тупик. «Может, дальше пешеходная зона?» – растерянно пробормотал я. Размышлять о том, как можно объехать неожиданное препятствие, не было желания. Да и к чему размышления, судя по тому, что я запомнил, идти совсем недалеко. Погода отменная, почему бы не прогуляться!

Направление было выбрано правильно. Память не подвела, воображение не подкачало. Уже несколькими минутами позже я стоял возле ворот, старых и покосившихся от времени. Железные, некогда они были покрашены в радующий глаз зеленый цвет, сейчас же выглядели заброшенными и облезшими. Я заглянул во двор. Там дом, под стать воротам. Его и белым-то можно было назвать разве что условно, с большой натяжкой и то, глядя издалека. Старое саманное строение, оно уже немало лет не видело побелки и лишь частично сохранило свой, приданный теми, кто его построил,

снежно-белый цвет. Местами, вымытая дождями, проступала глина, то тут, то там торчала солома, а правый угол здания, похоже, скоро и вовсе завалится. Трещина от аварийного угла до наглухо забитого досками окна, оскалилась рваными краями, будто пасть древнего чудовища.

Удручающая картина. Забитые окна, заколоченные двери, а вокруг всего этого густо поросший травой двор. Сколько ни смотри, никаких признаков разумной жизни...

Нет, не совсем, в глубине двора виднелось еще одно строение. Поменьше оно, зато на вид жилое, внешне более ухоженное. Что ж, если решил проверять, то проверять все и сейчас!

Я толкнул калитку, оказалось она и вовсе ни к чему не прикреплена, просто стояла, опираясь о столбик. Она с грохотом упала, переступил (на обратном пути поставлю на место), прошел во двор в сторону того, что называют таким громким словом «флигель». Но какой там флигель! Окна выбиты, внутри ветер гуляет, на чудом уцелевших дверях висит громадный навесной замок.

Послышались шаги. Я оглянулся, ко мне приближалась женщина, по виду лет под шестьдесят, одета в синий рабочий халат, может мать?

Соседка, а это была именно соседка, с подозрением посмотрела на меня, кивнула и рассказала о том, что товарища моего без малого год тому назад «скорая» увезла. Воровато огляделась и полушепотом добавила:

– Забрали его, несчастного, в психушку забрали. В селе она, неподалеку, километра три, не далее. Там он.

– А вы хорошо его знаете? Он ведь, насколько я понял, в городке вашем всю жизнь прожил?

– Не совсем так. Да, он уроженец этих мест, только, все больше в разъездах бывал. Не из тех он, кто подолгу засиживается на одном месте.

– А этот дом...

– Дом его деда. Умер старик, давно умер. Долгое время никто здесь не жил, но вот он вернулся. Обосновался, на работу устроился. Не помню, что за организация, кажется, запчастями торговали. После пошел на повышение, перевели в область. Да! Но даже и после этого частенько наведывался. Они наведывались, вдвоем...

– Вы сказали «они»?

– Да. С девушкой, не помню имени. Хорошая девочка, вежливая, симпатичная, глаза у нее такие, синие-синие...

– Так, а она...

– Не могу сказать, как и где они познакомились, не было случая расспросить, а выдумывать не стану. Как бы там ни было, вот, встретились. Все бы хорошо, да только разбежались. Знаете, как бывает? Не сошлись характерами и все. Тут еще он под машину попал. Как бы ничего серьезного, но не без последствий. Да, его просто на пешеходном переходе сбили, но вы сами знаете, как в наше время ездят, могут и на тротуаре задавить, прости господи... Подлечили, несколько

месяцев спустя он все бросил и вернулся. Некоторое время еще старался как-то жить, что-то делать, а вот год назад...

– Тогда еще подскажите, мельница, та, что за рекой, там еще монастырь был...

– Ну, мельница, вроде бы как, да. А монастырь? Так откуда ему здесь взяться? Не было его никогда. Насколько я знаю, не было! – она покачала головой. – Вот вы спросили, я и вспомнила, его очень эти руины интересовали. Все расспрашивал, что они, как они, откуда. В музее нашем краеведческом бывал частенько, в архиве что-то выспрашивал. Сам в этих развалинах часами пропадал, может, искал что, не знаю. Мне и вовсе непонятно, что там можно делать, что искать. Даже потом, позже, когда в области работал, приезжал на выходные и все туда. Однажды и вовсе целой компанией прикатили. Для чего, спрашивается, зачем!

Услышав ее слова, я изрядно расстроился. Даже сам не мог ответить себе, почему. Задели меня они. Еще бы, как так, не было монастыря, почему, он ведь говорил, он рассказывал, он знал! Но с другой стороны, это ведь только слова. Ничего они не доказывают. Кроме того, она ведь не историк... скорее всего!

Минуту она молчала, только внимательно смотрела на меня. Смотрела и медленно еле заметно покачивала головой. В конце концов, отвела взгляд и почти шепотом продолжила:

– Потом, когда случилось... он вернулся. Разбитый, раздавленный. К мельнице больше не ходил, только поглядывал

на нее, странно так, со страхом, что ли. Мы с мужем пытались ему хоть как-то помочь, уговорили в церковь сходить. На некоторое время это его отвлекло, вот только в проповедях он слышал вовсе не то, что слышали другие. Может, именно потому и взобрался на крышу высотки...

– Скажите, а его в... больнице вы не навещали?

– Да боже упаси! Зачем оно мне надо на старости лет! Не хватало только по психушкам разгуливать. Да я и не думаю, чтобы его хоть кто-то проводывал. И вообще, вы первый кто о нем спросил за весь прошедший год. Я же, когда вас изда- лека увидела и вовсе подумала, что это он вернулся. Вот и подошла узнать как дела...

Я вспомнил нашу последнюю встречу. Рассказывая, он быстрыми шагами мерил небольшую комнатку провинциального отеля. Закончив повествование, остановился и по обыкновению засмотрелся в грязное окно, по другую сторону которого, медленно покачивался уличный фонарь. Несколько минут тишину нарушал только скрип вяло вращающегося вентилятора. Наконец я не выдержал и решил прервать затянувшуюся паузу:

– Так чем же все закончилось?

– Закончилось, – он резко обернулся. – Так ничего еще не закончилось. Хотя, я знаю, чем закончится. Помнишь, как у классика – густой утренний туман поглотил две фигуры, которые, обнявшись, шли по дорожке навстречу просыпающемуся солнцу... примерно так. Вот чем все закончится...

Что и говорить, именно так и получилось. Все так, как он и думал. Вот только ушел в туман он в одиночестве, да и туман оказался туманом забвения, а вовсе не тем туманом, о котором он мечтал.

Ничего не оставалось кроме как поблагодарить добрую женщину за рассказ, приладить на место калитку и возвращаться обратно к машине. Потом я, конечно же, проведаю товарища, тем более что это практически по пути, придется сделать крюк, километров пять, не более...

Наверное, я задумался. Это ж надо было умудриться! Заблудился в таком малюсеньком городке. Кажется, шел той же дорогой, шел в правильном направлении, но вместо улицы с бетонными препятствиями вышел на узенькую тропинку, спускающуюся к реке. Там, внизу, через реку мостик переброшен, симпатичный такой, только не широкий, не автомобильный, а узенький он, пешеходный. За ним, на противоположной стороне, возвышается уже знакомая мне мельница, в живописном окружении деревьев и кустарника. Неужели мост подменили? Мистика...

Выхожу на середину реки. Осматриваюсь. Да нет же, нет никакой мистики, все верно. Вон и тот мост, по которому я приехал! Он всего в сотне метров от меня, все понятно, я слишком рано свернул. Но спешить-то действительно некуда. Побуду туристом, поброжу по окрестностям. Надо ведь круг почета свершить, перед отъездом. Кто знает, когда я еще в этом городке побываю, да и побываю ли вообще!

На противоположной стороне сразу за ступеньками, ведущими с моста, дорожка делилась на две. Левая резко поворачивала и бежала к реке, правая терялась в густой чаще. Я выбрал первую и направился к воде, с неподдельным любопытством осматривая все вокруг. Вот только шел я недолго, минуту, ничуть не больше. Дорожка привела меня к стене здания. Она не обходила его, как того следовало ожидать, а приближалась к невысокой арке в стене и исчезала там в густой темноте. «Может, так срезают путь? Почему бы не проверить...»

Я шагнул в темноту, но стоило поставить ногу на укрытый толстым слоем пыли пол, как ярко вспыхнул свет. Он вырвал из темноты просторное помещение. Комната, если это и правда была комната, казалась безграничной. Стен не было видно, ни одной кроме той, через арку в которой я прошел. Кажется, где-то в необозримой дали угадывались стеллажи, а может полки. Кажется, на них ровным строем выстроились разноцветные корешки книг, кажется, за ними медленно покачивалась синева, не иначе как гладь моря...

Просто передо мной за старым деревянным столом, точь-в-точь как тот из рассказа, из имения графа Варшавского, с резными ножками и внушительного вида столешницей, сидел человек. Седые, необычайно седые волосы, и лицо, точно как и у моего знакомого, непонятное, расплывчатое. В левой руке он держал маленький молоточек: блестящая ручка и черный боек. Он покачивал головой и размеренно, буд-

то метрономом, отбивающий ритм, помахивал инструментом. Правой рукой незнакомец листал толстую книгу, изредка произвольно облизывал пальцы, чтобы страницы не скользили. Листал медленно, неспешно, методично, в такт молоточку. Вдруг он замер, остановил свои покачивания черный боек. Незнакомец, как показалось, поднял на меня взгляд. Пробыравил меня глазами (которых, как и лицо, я не мог рассмотреть) и грустным до отрешенности голосом заговорил:

– Странный ты какой-то. Не могу тебя понять. Зовешь – ты убегаешь, а не зовешь, так вот ты здесь. Вот что мне с тобой делать?

– Но ведь я...

– Знаю, ты к ней. Собственно, как и всегда. Но извини, не сегодня. В следующий раз. Я ... нет, она, она тебя позовет, – он аккуратно положил на стол молоточек, вместо него взял в руки гусиное перо и также размеренно ним покачал. – Хотя, думаю, нет, просто уверен, сегодняшнее посещение, это поступок, и он тебе зачтется. Ну а теперь извини!

Он взмахнул пером в мою сторону, я снова оказался на дорожке, и, вот странность, она упиралась в глухую стену...

Пришлось изрядно поплутать, но вот я вышел на тротуар. Вышел и остановился. Повернул голову в одну сторону, в другую, изо всех сил пытаюсь вспомнить, куда, или хотя бы, откуда я шел. Ничего толкового в голову не приходило, потому просто пошел прямо. Так дошел до автобусной остановки. Там на деревянной лавке сидел человек, темные его

волосы изрядно тронуты сединой, худощавая фигура, одет в длинное черное пальто. Я остановился рядом и с легкой иронией в голосе спросил:

– Не жарко вам в разгар лета в пальто?

Мужчина удивленно смерил меня взглядом.

– Какое тебе лето? Пойди, prospись! Последние числа ноября...

Я осмотрел себя. Из одежды только грязные туфли, потертые темные штаны да свитер, похоже, очень старый, вон как выцвел, уже и не скажешь какого он цвета, засаленный, нитки торчат, тепла от него должно быть...

Стало холодно. Очень холодно и очень сыро. Я посмотрел в небо, густо затянутое облаками и почему-то пригрозил ему кулаком...

Наверное, город остался позади. Далеко же я зашел! Вокруг никаких признаков жилья. Только дорога, узкая, но асфальтированная. По обе стороны возвышаются дубы, а может клены, кто же их разберет...

Вечереет. Вот уже асфальт закончился. Обычная полевая дорога. Здорово дожди ее размыли, хорошо хоть немного морозно, иначе бы утонул в грязи.

Начинается населенный пункт? Похоже. Впереди высокая каменная ограда. Узкие кирпичные столбики, пространство между ними заложено камнями. То ли заложено небрежно, то ли так изначально было задумано, камни лежали неплотно, в щели между ними заполз виноград. Жаль, листьев нет,

наверняка с ними стена выглядит особенно живописно.

Еще сотня метров вдоль забора. Ворота, за ними высокое здание мрачной архитектуры. Странно, но где-то я все это уже видел. Или кто-то описывал. Неважно. Надеюсь, пустят переночевать, хотя бы согреться?

На кирпичном столбике возле ворот блестит табличка: «Психиатрическая лечебница». Точно! Я ведь сюда и направлялся, друга проведать, так вот куда мне надо!

Рядом с воротами небольшое строение, наверняка, пост охраны, стучу в окошко.

Дальше опять не помню. Наверное, охранник вышел, открыл дверь... потом я ждал, чего-то, он куда-то звонил...

Длинный коридор...

Ярко освещенная комната, просторная, почти бесконечная, совсем как та, мелькнувшая мимолетным видением во время моей сегодняшней прогулки. Только у этой и вовсе нет стен, она просто белая, гладкая и безграничная, ни книг, ни моря. В центре стол, только не какой-нибудь резной дубовый лакированный, нет, самый обыкновенный, из самой обыкновенной прессованной стружки. За столом мужчина с совершенно седой головой и на удивление печальными глазами. В стороне на шатком деревянном стуле женщина неопределенного возраста в странных очках.

Мужчина печально посмотрел на меня и печальным голосом произнес:

– Вот и хорошо, все повторяется, все возвращается на кру-

ги своя, вот и вы снова к нам вернулись...

– Я исключительно по делу. Проведать товарища, вот, – я протягиваю ему визитку, которая каким-то непостижимым образом оказалась у меня в руках. Вполне вероятно, я соби-
рался позвонить, вот только не помню когда, почему и зачем.

Кладу визитку на стол, он поднимает, осматривает с обеих сторон.

– И что это такое? – показывает мне абсолютно чистую прямоугольную картонку, листик на котором еще мгновение тому назад был номер телефона. Откладывает карточку в сторону и еще более печальным голосом продолжает, но обращается уже не ко мне. – Отведите его, пусть отдохнет!

Так сильно захотелось подойти и хорошенько его стукнуть! Я даже напрягся и наклонился вперед, но тут он достал из ящика стола что-то тонкое и блестящее, положил на столешницу и подтолкнул в мою сторону.

Портрет. Маленькое фото в пластмассовой рамке. На меня смотрит мой таинственный знакомый. Теперь я могу разглядеть его лицо! Пронзительные карие глаза смотрят с насмешливо-печальным любопытством. Морщинки у глаз становятся отчетливее. Будто рассмеяться хочет. Но нет же, нет, он уже смеется, смеется и заговорщицки подмигивает...

Фото забирают и меня куда-то ведут...

Сквозь открытую дверь кабинета в коридор вылетают два голоса: один печальный, второй странный.

– Так это он и есть? – спросил странный голос.

– Точно, легок на помине. Третий раз у нас и, боюсь, на этот раз надолго. Да, я вам кое-что уже рассказал, его история в шкафу, ознакомьтесь после. А если вкратце, то впервые он попал к нам чуть более года тому назад. Личная драма. Нервный срыв. Через несколько дней состояние пришло в норму, во всяком случае, так казалось. Немного времени прошло, снова рецидив. Насколько я помню, там еще проблемы на работе усугубили положение. Ох, и натерпелись же мы от него! Чего только не выдумывал, представляете, пробрался в регистратуру, перепутал все истории болезни, вырвал листик из одной из них, решил, что это тайное послание, взялся за его расшифровку. После, подговорил больных, они орден тайный организовали, ключ от подвала стащили, заседания устраивали, хорошо хоть никого в жертву не принесли! – он еле заметно усмехнулся. – Еще и молоденькой сестричке голову заморочил, каким-то переселением душ! Но вот он изменился. В одночасье – будто очнулся ото сна. Более держать его в лечебнице не было смысла, выписали. Но прошел лишь месяц и он снова в центре внимания – упал с крыши многоэтажки. Удачно приземлился. Повезло, можно сказать. Обследовали – никаких отклонений, да и просто все склонялись к тому, что упал он случайно, безо всяких суицидальных мыслей. Я, правда, подозревал, что он к нам еще вернется, вот, как видите, не ошибся...

– Но если вы уже тогда знали...

– Ничего я не знал. Да и решал не я. Первое время, каза-

лось, что все и вправду нормально. Никаких симптомов, разве что сны. Войны какие-то, да монастыри. Согласитесь, сны смотреть никто никому не запретит. Дальше лучше, на работу устроился. Все как ему нравилось, с поездками, с командировками. Возможно, именно возвращение так подействовало. Вернулся в привычную среду, воспоминания нахлынули. Наверняка еще кто-то из наших «коллег» подействовал. Помню, он как-то спрашивал, кто владеет гипнозом. Но, как бы там ни было, мне пора на отдых, теперь это ваша забота. Теперь вам разгадывать ребусы его сознания.

– Тогда последний вопрос – что вы ему показывали?

– Вот это, – продолжил печальный голос. – Посмотрите сами, всего лишь зеркальце. Чем еще можно успокоить человека, ищущего самого себя? Думаю, лишь тем, что дать ему то, что он ищет. Как видите, подействовало, он успокоился, сейчас его отведут в палату, укол снотворного. Пусть поспит. Пусть отдохнет. Потом (так было и прежде) попросит тетрадь к ней карандаш, начнет писать. Дайте ему, что он просит. Пока пишет, он спокойный...

Боль, которая вспыхнула в руке, исчезла так же быстро, как и появилась. Санитары во главе с худенькой медсестрой сделавшей мне укол скрылись за дверью. За ними щелкнул, закрывшись, замок. На место боли пришел покой...

Знакомая крыша. Вон тополек ухватился за бетонное перекрытие, выпускает свой тополинный пух, радуясь лету.

Смотрю вниз, две бабули шепчутся сидя на лавке под подъездом. Вот и меня заметили, кивают. Весело машу им рукой, мол, здравствуйте, но им уже нет до меня дела, не иначе как кому-нибудь из соседей косточки перемывают. Так нет же, нет никакая это не многоэтажка, это верхушка колокольни и я на ней стою, держусь рукой за основание большого креста! Внизу кто-то из братьев машет мне. Зовет, здоровается? Стоит ответить? Но снова нет. Никакая это не колокольня. Подо мной и вовсе ничего нет. Вишу в воздухе. Внизу множество разбросанных камней. Камни на обрамленной замерзшей рекой полянке. Скорее всего, внизу мороз и снегопад, потому как темные блестящие обломки древнего воинства медленно покрываются ровным слоем, не то снега, не то инея. Странно, но эта картина, это скопление камней, слегка присыпанных природной белизной, напоминает мастерски нарисованную розу. Снежно-белую розу, на белоснежном снегу...

Но вот и она исчезает. Все скрывается под толстым покрывалом неслышно подкравшейся зимы.

С верхушки последнего еще не засыпанного снегом камня взлетела невзрачная серенькая птичка. Я знаю ее, таких как она я не раз видел. Горлица это. Быстро махая крыльями, она подлетела ближе, внимательно посмотрела на меня своими маленькими умными глазами, покружила и исчезла где-то в бездонной небесной синеве...

Пусть все скрыл снег, пусть все исчезло, будто и не было

никогда, но ведь все еще будет! Конечно, будет. И так хочется верить, что мой поступок зачтется. Уверен, так оно и случится. Разве может быть иначе?! И горлица, была же горлица! Где горлица, там вечная любовь, а с ней и счастье. Все будет, обязательно будет, только не в этот раз, надо всего лишь подождать. А ждать я умею...